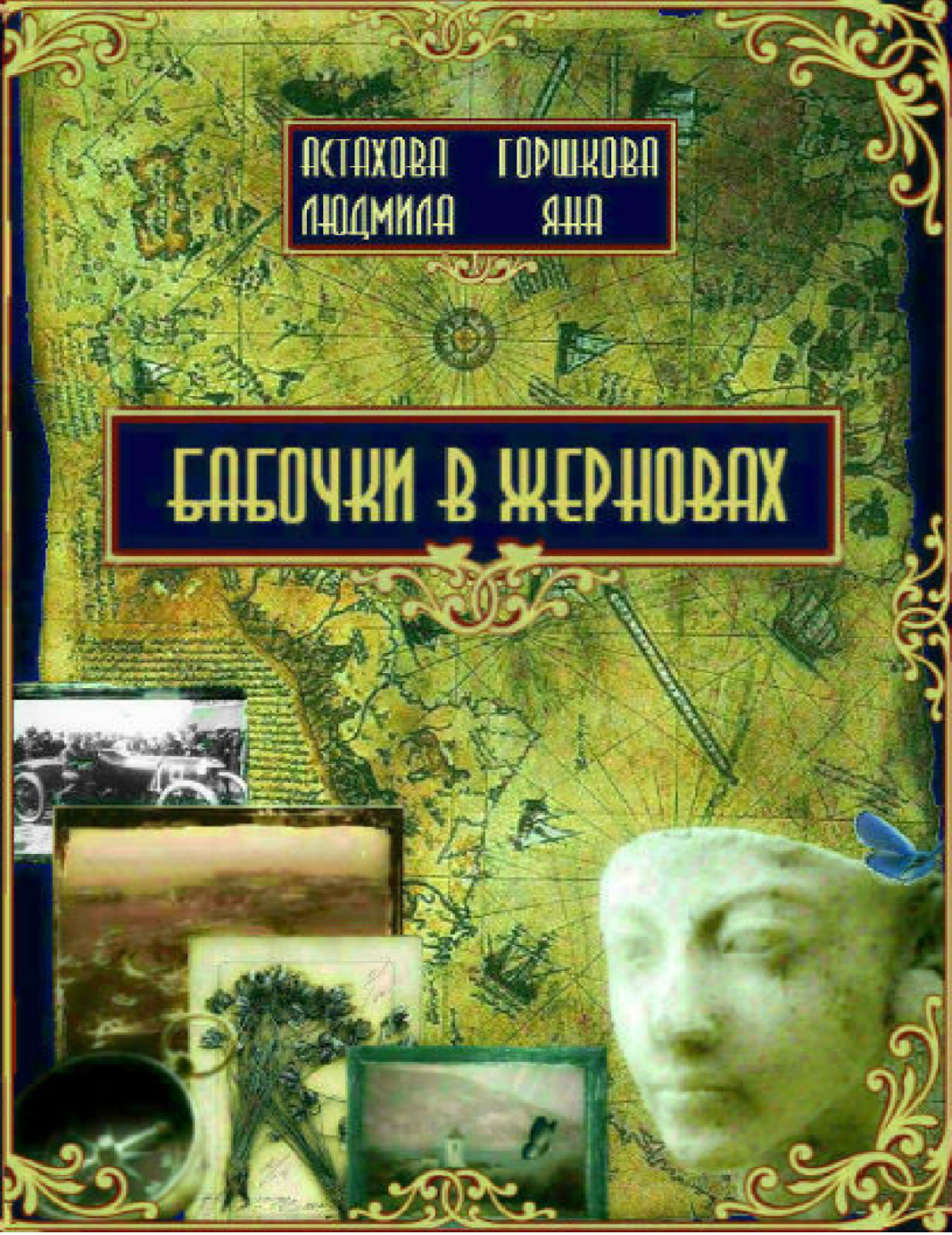
АСТАХОВА ЛЮДМИЛА
ГОРШКОВА ЯНА

БАБОЧКИ В ЖЕРНОВАХ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Авантюриста от науки, археолога Ланса Лэйгина в ученом мире называют в лучшем случае «пройдохой». Никто из ученых мужей не принимает всерьез его страсть к поискам легендарного древнего царства Калитар. Но Ланс слишком многое отдал для воплощения своей мечты, чтобы отступать на полдороге. Откуда ему знать, что ждет в конце пути? Таинственные лабиринты древних развалин, алтари забытых богов, останки замученных жертв – или всего лишь мирный курортный остров, населенный забавными провинциалами с «легкой сумасшедшинкой»? Жернова Великой Мельницы пришли в движение, и путешествие Ланса начинается…

- Бабочки в жерновах
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Обращение магазина «Литмаркет»
  - Приложение
    -
    - 1. Хадрийский яблочный пирог
    - 2. Ножка ягнёнка по-эспитски
    - 3. Вирнейские блины из смеси гречневой и пшеничной муки
    - 4. Профитроли лорда Тая с апельсиновым желе и сливками
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9

Бабочки в жерновах

Астахова Людмила, Горшкова Яна

Глава 1

Ланс Лэйгин. Мурранская республика

Публичные лекции профессора Аделарда пользовались огромным успехом, особенно у молоденьких студенток. Большой лекционный зал Саломийского университета, как правило, не вмещал всех желающих, поэтому любопытствующий народ запасался стульями загодя, устраиваясь в проходах между столами. Самые преданные фанаты профессора располагались на ковриках прямо у подножья кафедры. Опоздавшие же неудачники вынуждены были толкаться в дверях. Впрочем, нет худа без добра. Лучшего шанса поднять на плечо хорошенькую первокурсницу могло больше и не представиться. И пока очаровашка Брис Аделард вещал о неразгаданных загадках и страшных тайнах давно минувших эпох, исследовать завороженную бархатным профессорским баритоном девицу на наличие приятных достоинств. Кому, как не будущему археологу, обученному неторопливо расчищать хрупкие черепки мягкой кисточкой, уметь незаметно для объекта определить и размер бюста, и длину ног, а при желании - и фасон пояса для чулок. Полевые работы, как говорит профессор, это неоценимый опыт для любого ученого. Как же он прав, старый сердцеед!

В другое время Ланс обязательно воспользовался бы своим опозданием с толком. Скажем, познакомился бы поближе с миленькой брюнеткой, безуспешно пытающейся протолкаться через толпу, чтобы хоть одним глазком взглянуть на своего кумира. В том, что именно седовласого Бриса Аделарда малышка регулярно видит в трепетных снах, Ланс не сомневался ни мгновения. Ему ли не узнать этот лихорадочный блеск глаз, порывистое дыхание и обольстительно пунцовеющие искусанные губы.

Когда Брис вдруг устремляет взор куда-то в пространство, в сверкающий свет, льющийся из высоких арочных окон, и говорит, обращаясь неведомо к кому, будто забыв обо всем на свете: «Иногда мне мерещилась синяя зыбь озер и тенистая зелень там, где был лишь песок и камень. Мираж… Символ человеческой жизни, вот что он такое. Твои глаза видят воду, а её нет и быть не может. Весь пот сразу же высыхает на сухом жарком ветру. Кожа воспаляется. И хочется пить, пить и снова пить…», девичье серце просто обязано забиться чаще.

И из его ярких голубых глаз, в которых навеки отразилось

небо пустыни, являет себя завороженным слушателям такая отчаянная тоска по ужасной и прекрасной стране, грозящей цивилизованному человеку тысячей опасностей. Надо заметить, что дизентерия, тиф и малярия - отнюдь не весь скорбный список фатальных напастей. Есть, есть и кое-что похуже некрасивых хворей.

Но всемирно знаменитый Брис Аделард уже смертельно болен тайнами этой суровой земли и нет ему исцеления.

Здесь Ланс Лэйгин, должно быть, понимал его лучше всех. Помнится, отец говаривал, что мужчина, не имеющий Великой Цели, не достоин называться мужчиной, и на знаменах оного просто обязаны быть начертаны три главных слова: «Цель. Страсть. Воля». Исходя из этого постулата, профессор Аделард по праву носил штаны на юношески стройных чреслах.

- Однако Китлал преподнес нам всем еще один сюрприз, - проникновенно вещал он. - В одном из разрушенных домов мы нашли нечто совершенно загадочное. На полу лежали скелеты семерых детей, одной женщины и одного мужчины. Смерть настигла их одновременно, это было очевидно даже непосвященному. На останках имелись богатые украшения: золотая налобная повязка, семь золотых браслетов, два серебряных и три бронзовых кольца, пять жемчужин, серебряный амулет в виде колеса. В одно из драгоценных колец вделано три шарика из бирюзы, нефрита и кварца, которые можно поворачивать. Семь, два, три, пять и один. О чем вам говорят эти цифры, друзья мои?

Аудитория тут же погрузилась в тишину, восторженную тишину, свойственную лишь собранию потрясенных открытием неофитов. Миленькая брюнетка даже рот разинула от изумления. Кстати, очаровательно разинула, соблазнительно так.

Работают старые приемчики, еще как работают.

- Ну же? Кто процитирует из «Книги возрожденных»?

Сейчас Брис обведет пытливым взором лес поднятых рук и безошибочно выберет самую умную и красивую девушку на этом курсе. Любому божеству необходимы жрицы.

- Слушаю вас, Годэлив.

- И сказала Гудари такие слова, - цитировала дрожащим от возбуждения голосом дева, - Восемь раз надевала я маску скорби. Восемь раз сиротела. Потеряла пять мужей, двух сыновей и одну дочь, семерых сестер и брата; я несчастна и одинока».

- Вот вам и магия, вот вам и символика, дамы и господа. А какая связь между двухтысячелетними мертвецами из Китлала, «Книгой возрожденных», составленной из обрывков древних сказаний северных народов, и якобы волшебными цифрами

предстоит узнать вам, друзья.

Аплодисменты не смолкали четверть часа. Еще немного, и профессора попросили бы выступить на «бис».

- Он – гений, - прошептала растроганная брюнеточка.

О да! Так гениально передергивать и подтасовывать факты может лишь гений. В такой неточной науке, как археология, истиной станет то, что признается таковой самым влиятельным, самый авторитетным мэтром. Символику в китлалском захоронении можно трактовать и так, и эдак, но мнение профессора Аделарда считается верным. Калитарская же гипотеза кладоискателя Лэйгина заклеймена ошибочной и вредной. Вот так!

Хорошенькую же девчонку влечет блеск известности профессора.

«А почему бы и нет?» - внезапно подумалось Лансу.

Если Брис не стеснялся увести у него девчонку, то отбить поклонницу у старого юбкодрала – дело святое. Тем паче, их двадцатилетняя разница в возрасте сказывалась уже не в пользу профессора.

- Разумеется, - тут же поддакнул ей Ланс. – И вы себе не представляете, до какой степени правы, сударыня.

- А вы знакомы лично? – пролепетала красотка.

- С самого детства. Моего, естественно, - покровительственно молвил «приближенный к трону» и, приподняв шляпу, скромно представился:

- Ланс Лэйгин.

- Ох!

Потрясения в этом возгласе было гораздо больше, чем следует проявлять воспитанной барышне.

Что ж, девица оказалась непростая. Если горестная повесть о Любимом и Многообещающем Ученике, Обманувшем Все Надежды Учителя достигла этих нежных ушек, значит брюнетка относится к Ордену Посвященных.

- И это всё? Никогда не поверю, что родители назвали вас просто «Ох». У вас должно быть красивое и запоминающееся имя. Такое же, как и вы, сударыня.

- Оливи… Оливи Лакрес

- Что вы делаете сегодня вечером, Оливи?

Железо взаимной симпатии надобно ковать, пока оно раскалено пламенем тайны и пышет жаром любопытства, не правда ли?

- Держу пари, вы еще не успели купить билеты на вечер авангардистов в Поэтической Драме.

Темные очи Оливи вспыхнули нескрываемым восторгом.

Наверняка, бедняжке и не мечталось оказаться в самом сердце богемной жизни Саломи. Летом в университетском городе станет скучнее, чем на ежегодном семинаре счетоводов, а на поэтические турниры модных стихоплетов кого попало не пускают.

- Ничего не делаю, абсолютно ничего, - решительно заявила девушка.

Ну что ж, одно ясно - уроки Бриса Аделарда относительно тактики и стратегии покорения женских сердец даром для Многообещающего Ученика не прошли. Один-два нетривиальных поступка - и девушка твоя.

- Прекрасно, в восемь часов я буду ждать вас на Центральной площади, - Ланс ослепительно улыбнулся и добавил как бы между прочим: - В автомобиле. Счастливо оставаться, прелестная Оливи. И до скорой встречи.

И куда теперь она денется? После упоминания об автомобиле – точно никуда.

Бывают такие дни, когда человек летит над жизненными обстоятельствами, точно птица. Когда отброшены оковы, державшие на грешной земле, а установленных людьми пределов больше не существует. И всё складывается один к одному, и за что ни возьмись – всё получится. Невидимые крылья удачи несут вперед и ввысь. В последний день весны таковые выросли за спиной Ланса Лэйгина. Впрочем, в данном случае судьба сделала исключение – его поразительная аэродинамика имела вполне зримое воплощение – некий конверт с неким письмом окрылял точь-в-точь, как это изображено на гербе почтового ведомства.

Оставалось только дождаться, когда профессор Аделард вкусит всех плодов славы. Вполне заслуженной, кстати. Кто раскопал погребенный в песках затерянный город Негу? Кто открыл миру прекрасные сокровища гробниц древних царей? Кто, в конце концов, вознес университет в Саломи до немыслимых прежде высот? Брис Аделард – человек, подаривший человечеству библиотеку царя Орои! Сотни тысяч глиняных табличек со сказками, легендами, мыслями и чувствами людей, живших две тысячи лет назад. И где-то среди этого археологического богатства находился столь важный для Ланса кусочек глины, один-единственный, который…

- Лэйгин?

- Добрый день, профессор. Ваше выступление, как всегда, бесподобно. Я покорен.

И в доказательство искренности своих слов Ланс снял шляпу, прижал её к груди и поклонился. Заодно продемонстрировав полнейшее отсутствие плеши, которую прочил ему Аделард еще

десять лет назад.

Вежливость очень удобная штука. Она - не только щит для робких, но и непробиваемая броня для наглецов. Крайне вежливо сказанное в глаза оскорбление имеет все шансы остаться без ответа и отмщения. Публично униженный просто не захочет падать в глазах общества еще ниже, отвечая вполне заслуженной грубостью. И так как обижать бывшего наставника у Ланса и в мыслях не было, то его изящные манеры были призваны умилостивить гордого служителя науки.

- Признаться, не ожидал увидеть тебя здесь. Какими судьбами в родные края?

«С наскока задобрить не вышло. Что ж, зайдем с другой стороны. Нам не привыкать». Брис и прежде отличался злопамятностью, а с возрастом привычка не забывать никому и ничего только усилилась.

- Разве я не могу просто приехать к своему бывшему учителю, чтобы лично выказать уважение и…

- Ланс! Хватит юлить!

Но, не смотря на грозный тон, профессор совершенно не злился. Его гордыня удовлетворилась зрелищем бесстыдно льстящего Ланса Лэйгина, Хитрого Ланса, Которому Что-то Нужно.

- Позволь, я угадаю, что тебе понадобилось от меня, - проворковал профессор и сделал эффектную паузу, прожигая блудного ученика ледяными очами насквозь.

На его смуглом тонком лице, этом бескорыстном даре поколений предков-аристократов, яркие глаза казались сделанными из бирюзы, столь любимой древними царями.

«Смотри, смотри, сколько влезет. Твои чары давно утратили силу. Я уж как-нибудь перетерплю, ведь ты мне нужен», - думалось Лансу.

Ему и так хватало чужих взглядов – любопытных, осуждающих, злорадных. Ах, как же! Предатель-Лэйгин приполз к подножью трона! Не иначе как лизать пятки хозяину и молить о прощении. Зачем же еще?

- Хочешь взглянуть на ту самую табличку, верно?

Старый проницательный демон!

- Не буду отрицать, так и есть.

- Ох, Ланс! – всплеснул руками профессор. - Ты когда-нибудь станешь взрослым?

- Зимой мне исполнилось тридцать пять.

- Не похоже, совсем не похоже. По-моему, тебе всё ещё двенадцать и ты веришь в фей, драконов и… Землю Калитар.

Зря он так про драконов, очень зря. Лорентский натуралист

Донат Маркэль доказал, что в доисторические времена по земле ходили исполинские ящеры, и некоторые таки изрыгали огонь, как волшебные существа из сказок.

- Вы ошибаетесь, Брис, - мягко ответствовал Ланс. - В фей я уже не верю.

Профессору такой ответ сказал о многом. В основном о том, что мужчины в роду Лэйгинов, как были упертыми ослами, так и остались таковыми.

- Значит, от приглашения на чашку чая ты не откажешься?

- Ни в коем разе.

- Тогда идем.

- Как вы относитесь к автомобилям? – самым невинным тоном спросил Ланс.

Дом Аделарда находился в паре кварталов, каких-то семь минут пешком, но откормленное фамильное тщеславие Лэйгинов снова победило в короткой схватке с чахлой сироткой-скромностью.

Брис только уголком рта надменно дернул. Дескать, кто бы сомневался, что у презренного кладоискателя водятся немалые деньжата. Богатство – любимая и единственная дочь Алчности, как всем давно известно.

«Пусть думает, что хочет, - решил Ланс, сопровождая бывшего наставника к дорогому кабриолету, нагло блестящему на солнце новым лаком. – Приговор вынесен и обжалованию не подлежит». Оправдываться, объяснять, что это сверкающее чудо технического прогресса досталось ему волею случая при весьма трагических обстоятельствах, бессмысленно. Какой же уважающий себя ученый станет водиться с сумасшедшими гонщиками?

И все же Ланс не удержался – погладил хромированную ручку дверцы и похвастался.

- Четырехцилиндровый двигатель-моноблок, карданная трансмиссия… Правда, она красавица?

- Она? – усмехнулся Брис.

Красновато-коричневая кожа сидений навевала непристойные ассоциации не только старому женолюбу, но и покойному хозяину «*айр эмэри*», мир его беспокойной душе и скорейшего перерождения.

Ланс лихо, как заправский гонщик, крутанул коленчатый рычаг, заводя двигатель, и услыхав, как весело застучали поршни, вернулся на водительское место.

- Зеленая, 8, - буркнул профессор.

- Я помню.

Вот-вот! Тут очень захочешь, а не забудешь. Столько резких слов слышали эти стены, столько раз в запале хлопалось

тяжелыми створками дверей, что, пожалуй, стекла в окнах до сих пор мелко-мелко дрожат.

А день выдался прекрасный – солнечный и безветренный. Жаль только, не пожелает Брис Аделард прокатиться по разомлевшему на весеннем солнышке Саломи в компании с опальным учеником. Ибо гордыня! Та, которая у прославленного археолога паче здравого смысла. Иначе не смотрел бы профессор сквозь своего визави, как через пустую бутылку из-под дешевого вина, и тонкие губы не поджимал столь демонстративно.

Ну и ладно, ну и пусть! В конце концов, Ланс приехал не виниться, а напротив – ещё раз утвердиться в своем «опасном заблуждении», а заодно удостовериться, что законы мироздания незыблемы – его по-прежнему презирают со всей академической строгостью.

Помочь выйти из машины профессор ему категорически не позволил. Впрочем, причину столь резкого отказа Ланс понял уже спустя две минуты.

В гостиной их встретила госпожа Аделард, так сказать, новой модели. Очень-очень молодая женщина, белокурая, хрупкая, высокая, словом, именно такая, какими были три предыдущие жены уважаемого профессора. И звали её…

- Джоси, - чуть слышно молвила госпожа Аделард, протягивая руку для поцелуя.

Как только Ланс удержался в рамках приличий и не начал злорадно хихикать - непонятно.

- Счастлив нашим знакомством, сударыня. Очарован. Ваш муж просто редкостный везунчик.

Супруги приходили и уходили, а интерьер и обстановка дома номер 8 по улице Зеленой оставались в неизменности. В то время, когда по миру победно шествовал Новейший Стиль, прописавший ажурной прихотливой вязью на своих трепетных знаменах – Естественность, Свобода и Пластика, в особняке знаменитого археолога царила помпезная монументальность вековой давности. Все эти курильницы, столики-треножники, длинные кушетки с ножками в виде орлиных лап, алебастровые вазы, которые так боготворили в имперские времена. Но если у других коллекционеров вазы и лампы с длинными носиками оставались всего лишь роскошными копиями в древнем вкусе, то у профессора Аделарда эти предметы были подлинниками, родом из седой полумифической старины. А откуда бы еще взяться у потомка древнего аристократического рода страсти к ковырянию в пыли и собиранию черепков?

Ланс прикинул, что мраморный барельеф со взбесившейся квадригой, которым была увенчана каминная полка, будучи

проданным на столичном аукционе, единым махом решил бы все его личные материальные проблемы. На алебастровый же светильник вообще не следовало смотреть дольше пяти минут во избежание обильного слюноотделения. От зависти. Старый спесивый кобель Брис Аделард сидел на куче золота, что твой дракон, и только и знал - старых жен менял на молодых.

- Дорогая, попроси Класилд сделать нам с господином Лэйгином по чашке чаю.

Джоси одарила гостя столь испуганным взглядом, что Лансу захотелось немедленно проверить – не выросли ли у него на макушке рога.

- Иди, иди, дорогая. Нам надо поговорить, - строго приказал муж, и когда дверь закрылась с другой стороны, резко рыкнул: - Оставь своё мнение при себе!

Ничего страшного, ехидно молчать Ланс тоже умел. Он уютно устроился в антикварном кресле (начальная цена - семьсот пятьдесят бон[1]), небрежно опершись рукой на вызолоченную бронзовую пантеру подлокотника, откинулся на спинку и уперся взглядом в изумительную люстру (начальная цена – четыреста семьдесят бон серебром). Проклятье! Не жилище ученого, а дворец дикарского царька.

- Итак, к делу, Ланс, к делу. Ты взялся за старое?

Профессор навис над гостем точно коршун, нацелившийся на неосторожного лиса: глаз пылает праведным гневом, желваки так на скулах и играют, ноздри породистого носа-клюва трепещут. Страх, ужас и возмездие в одном лице.

«А старине-Брису не чуждо стало актерство», - равнодушно отметил Ланс. Но то, что на сей раз они обойдутся без традиционного обмена любезностями и бесполезными светскими фразами его крайне радовало.

- Какая вам разница, учитель…

- Не смей меня так называть!

- Хорошо, не буду, - тут же покорно согласился Лэйгин. - Я всего лишь прошу о маленьком одолжении в память о… эээ… скажем, в память о нашем давнем знакомстве. Я точно знаю, что у вас хранятся все списки с табличек, тщательно перерисованные, самые точные из всех существующих, включая копии тех табличек, о которых не упоминается в каталогах Национального музея, о которых ни слова не сказано ни в одной статье или монографии.

- Ты говоришь о предмете номер 3411 дробь 7?

- Точно! Удивительная проницательность!

- Удивительная глупость! – парировал Брис.

Спорить не имело смысла, лишь время тратить.

- Да, я непроходимо глуп. Могу, если вам угодно, выдать в том официальную справку. Выставите в рамочке над рабочим столом, опубликуете в ежегодном «Вестнике археологии», а потом завещаете университету. Так могу ли я взглянуть на копию предмета 3411 дробь 7?

- Ты – сумасшедший, как и твой отец!

- Да.

- Ради бредовой идеи, ради смехотворной гипотезы ты похерил научную карьеру, Ланс! Ты своими руками уничтожил свою репутацию серьезного ученого, ты отрекся от всего, что свято для настоящего воина науки: от объективности, от фактов и от истины. Во имя чего? Во имя алчности и тщеславия! – вещал Аделард с пафосом достойным, на вкус обвиняемого, лучшего применения.

«Знакомая песня. Болтай, болтай! Что тебе еще остается? Получи свой маленький утешительный приз и сделай, как я хочу, - лениво думал Ланс, помимо воли прицениваясь к профессорской коллекции древностей. – Интересно, а прелестная юная Джоси в курсе, что по завещанию всё это богатство отойдет Саломийскому Университету? Наверняка ведь нет, хотя… кто знает. Невооруженным глазом видно, что барышня без ума от Брисовых седин и недюжинного ума».

И уже необязательно заключать пари, кто теперь для милой Джоси враг номер один. Конечно, паршивец Ланс, который принудил выдержанного Бриса Аделарда повышать голос, буквально кричать на весь дом.

- Ты – жадное ничтожество, вроде тех врачей, что обслуживают раненых в перестрелке бандитов, используя академические знания во имя зла!

«Я тоже тебя люблю, Брис»

- И ты ничем не лучше какого-нибудь паршивого контрабандиста, волокущего на себе ящик вина через кусты и канавы.

«О! Кстати, о контрабандистах!» - как-то по-детски обрадовался Ланс и осторожно похлопал себя по карману пиджака, проверяя сохранность ценного письма.

- Никто из приличных людей тебе не подаст руки!

«Сдались мне ваши руки!»

- И дни свои ты, якшающийся с отбросами общества, кончишь в тюрьме!

Знал бы гневный обличитель Лэйгиновых реальных и мнимых пороков, в скольких тюрьмах тот успел побывать, побоялся бы к бывшему ученику спиной поворачиваться, право слово.

- Вы абсолютно правы, так и будет.

«Я все равно добьюсь от тебя желаемого. И если для этого потребуется залезть на крышу и прокукарекать на весь Саломи – я это сделаю».

Жизнь презренного авантюриста научила Ланса Лэйгина банальной истине: «Сено к лошади не ходит», то бишь, кому больше надо, тот и старается. Сейчас «надо» именно ему.

Все-таки правы монашествующие «мельники»-проповедники, когда без устали твердят, что терпение – высшая добродетель человеческая. Терпение же в отношении стариковских причуд – вдвойне добродетель. Старость ниспослана людям для испытания их умения терпеть – свою ли немощь, чужое ли упрямство, неважно. Дай опытному и умудренному высказаться до конца, поддакни, где надо, придержи язык, где не надо им болтать. Разве это так сложно? Для пылкого юноши – возможно, но не для тридцатипятилетнего, очень целеустремленного мужчины.

- А нельзя ли все же взглянуть на интересующий меня документ? – робко напомнил Ланс, когда профессор окончательно выдохся.

Брис смог лишь всплеснуть руками.

- Ты продолжаешь настаивать?

- Я смиренно прошу человека, всегда отличавшегося редким великодушием.

- К падшим?

- К разным.

Несколько минут Брис колебался – поддаться ему на такую приятную лесть или отвергнуть наглеца. Ланс потратил то же самое время, чтобы прикинуть, как быстро он сможет организовать налет на особняк, если профессор вдруг заупрямится.

Но, к счастью, чаши Мировых Весов склонились в пользу просителя. Лэйгину милостиво было дозволено узреть желаемое. Да, да, Брис так и сказал: «Узри же!», будто речь шла о священной реликвии, а не о нестоящем ни галля[2] листочке бумаги.

И пока Ланс жадно вглядывался в значки, скопированные самым точнейшим образом с глиняной таблички, *Та, Другая* смотрела на него самого. Пристально и, пожалуй, даже испытующе. Как всегда со своего скромного пьедестала, как всегда недоверчивая и тревожная.

Небольшая женская голова, отлитая из бронзы — находка, сделанная Брисом Аделардом во время самой первой экспедиции в Южной пустыне, вот уже много лет пылилась под стеклянным колпаком. Она могла стать мировой сенсацией, а превратилась в пленницу консервативного разума. Не знали древние бихарцы такой техники, не могли отступить в изображении людей от

строгих канонов. И вообще, не ведали о том, что за Великим Морем, в Землях Вечной Тьмы живут люди, да еще с таким строением лиц.

Стоит хоть раз по-настоящему вглядеться в эти мягкие линии щек, висков и шеи, чтобы уяснить: она – *Другая*, она из других времен, она из… Калитара.

Смешно, конечно, утверждать, будто Ланс влюбился в бронзовую голову. Уже нет. Но когда-то в отрочестве… Впрочем, никому ведь не заказано держать ориентир на некий идеал, не так ли?

А в копии предмета за номером 3411 дробь 7 было написано: «*Когда (ты?), проходя мимо, одариваешь улыбкой (меня?), подобной последнему лучу солнца, (я?) становлюсь сильнее в два раза*».

Стихи! Просто любовные стихи. Ланс встретился взглядом со ставшими насмешливыми глазами Другой.

«Тебе смешно? Ты знала?»

Нет, Лэйгин не был разочарован. Ничуточки! Хотя бы потому, что сию секунду получил доказательство, что он – единственный во всем мире человек, который действительно знает язык Калитара.

От открывшихся перспектив аж голова закружилась. Значит, баснословные деньги, отданные перекупщику за каменную скрижаль с текстом на двух неведомых языках, потрачены были не зря. После сделки Ланс остался в прямом смысле без сапог. Одно из наречий оказалось родственным древнебихарскому, разве не чудо? Оно самое!

Год, чтобы установить тождественность текстов, еще три года ушло на расшифровку, и вот теперь такое неопровержимое свидетельство.

Стихи? Как романтично! Наставник продиктовал юному царевичу классический стихотворный текст? А может быть, молодой венценосный повеса поместил в библиотеку поэму, как верный рецепт для очарования строптивой красотки? Никто уже не узнает. А Другая не скажет.

«*Так ведь? Будешь загадочно молчать и улыбаться?*»

Она, разумеется, не ответила.

Смешно сказать, но Ланса смутила именно шляпка Оливи. Не модные чулки с ручной вышивкой, и даже не сумочка, на которые у студентки, при огромном желании шикануть, вполне могло хватить денег. Такие шляпки, чьи поля и тулья плотно обшиты крошечными перышками экзотических птиц, появились в продаже в тот самый день, когда Ланс выезжал из столицы. Кто-то другой не обратил бы внимание на такую мелочь, но только не Лэйгин.

- Миленько, - как бы невзначай похвалил он подозрительную

шляпку. – Птичек не жалко?

Оливи не слишком удачно отшутилась. Возможно, просто волновалась, а может быть…

И так как выяснять истину было еще рано, да и невместно как-то, Ланс Лэйгин, вручив даме букетик фиалок и галантно мурлыкнув: «Вашу ручку, сударыня», стремительно увлек девушку в обитель местной богемы.

Избранное общество творческих личностей традиционно источало яд и зависть каждой порой кожи, а потому густой дым, повисший над крошечной сценой, на две трети состоял из взаимной ненависти и только на треть был обычным, табачным.

А что такого в ненависти особенного? Искреннейшее из чувств! И ничуть не в меньшей степени провоцирующее на пописывание проникновенных виршей, чем страстная любовь. В конце концов, что такое ненависть, если не подло неразделенная с остальным человечеством любовь к самому себе – единственному и неповторимому?

Ланс и его спутница явились прямо к самому началу действа. На сцену вышел молодой человек с бледным до легкой прозелени… э-э-э… ликом и печально завыл в дымное пространство:

- Утро гниенья
Радость уныло
Усталое бденье
Багровым влеченье
Бледная дева
Смеяться мерзавец
Волны залива
Вдовицы палец.

Поэт смело экспериментировал со словом, на вкус Ланса даже слишком смело.

Аплодисменты же, против всякого ожидания не посвященной в тонкости творческого процесса Оливи, оказались бурными и продолжительными. Так рукоплещут только полному ничтожеству, которого никто не считает достойным соперником. Юноше следовало насторожиться после того мощного потока лести, которым омыли его коллеги по перу. Неспроста они так добры, ох неспроста! Но начинающий творец подобен токующему глухарю, и чем громче заявляет он о себе, тем меньше замечает, что действительно происходит вокруг.

- Какая чушь, - тихо возмутилась девушка. – Как этот бред может кому-то нравиться?

- Тем, кто пишет лучше. Потому что ничто так не радует человеческое сердце, как вид конкурента, севшего прилюдно в

лужу.

- Но парень ведь считает себя гением.

- В этом весь смысл. А потом, когда его стишатки не возьмут печатать даже в рекламный листок, сегодняшние льстецы будут хором его жалеть. И желать успеха, точно зная, что оного не будет никогда.

- Ты так хорошо разбираешься в поэзии и закулисных интригах.

- Скорее – в людях.

Интимное «ты» Лансу очень понравилось. Хорошее начало для хорошей дружбы.

Тем временем воодушевленный пиит потуже затянул на шее длинный шарф и просипел:

- А теперь экспромт, друзья.

Черный гроба бородатый
Сине-глазое лила
Обреченный умерла
Звезд страдательное лапы.

Дальше было еще хуже. Юноша исторгал из себя все новые и новые фонтаны вдохновения, жестокая публика веселилась от души, скандируя в перерывах между опусами «Ещё! Ещё!». Самые изощренные недоброжелатели дарили виновнику цветы.

Но после того как Оливи несчастным голосом прошептала: «Люди такие злые существа», у Ланса появился отличный повод положить ей на колено ладонь и придвинуться ближе, прижавшись ногой к её бедру. Спутница не осталась в долгу и кокетливо поправила локон на шее.

Да, да, Лэйгин успел оценить все соблазнительные изгибы девичьей фигуры и уже предвкушал романтическое продолжение вечера с госпожой Лакрес.

Аксиома о том, что стихи - лучшее средство соблазнения девушки, снова подтвердилась. Не имеет значения – хорошие это стихи или плохие. Пока светит солнце, девичьи сердца будут покоряться очарованию прихотливой рифмы. Ведь не зря от великой калитарской цивилизации уцелела только стихотворная строфа. Огромная страна бесследно исчезла с лица земли, а рифма осталась. Так-то!

Целовались они уже под громоподобные овации. Точнее, Ланс решительно и не встретив никакого сопротивления, припал к ярко-алым, пахнущим вишней губам Оливи. Она ответила на поцелуй не менее страстно. И совершенно логично, что обоим захотелось чего-то большего.

- Поедем ко мне? – спросил он тихо. – Тут недалеко, в гостинице «Роза».

- Хорошо. Только губы вытри, ты весь в помаде, - засмеялась девушка тем самым многообещающим смехом, чуть воркующим, который способен подвигнуть мужчину на разные опрометчивые поступки. Например, остановить автомобиль в темном переулке и полезть целоваться. А может быть, виноват цветущий жасмин, наполнивший вечерний воздух любовным ароматом. И уж точно без шелковых чулочек не обошлось. Когда ладонь беспрепятственно скользит вверх и вниз, и снова вверх, но уже выше… Кто сказал, что Ланс Лэйгин – железный?

И стоит ли потом обижаться на хихикающего портье, если пуговиц на блузке не осталось, помада размазана по лицу, а губы распухли от поцелуев? Каких-то три минуты смущения и затем прекрасных полчаса удовольствия.

Чулочки со своей ночной гостьи Ланс снимать не стал. Контраст полупрозрачного шелка с белой кожей возбуждал сильнее, чем абсолютная нагота. Чего греха таить, опытного Ланса Лэйгина гибкая брюнеточка завела с пол оборота, как он совсем недавно стремительную «*айр эмэри*». До судорог в икроножных мышцах доигрались. Соседи в стену не стучали, но дело к тому шло.

- Кто первым идет в ванну? – игриво спросила Оливи, когда к ней вернулось ровное дыхание и голос.

- Я вовсе не рыцарь. Если уступлю даме, то просто засну.

- А если, пока ты будешь плескаться, засну я? – лукаво прошептала девушка.

Мужчина азартно поцеловал её в пупок.

- Я тебя разбужу, сладкая.

Она и в самом деле была сладковатой на вкус, пряничной, шелковистой, зовущей к всяческим изобретательным ласкам.

- Так иди скорее. Мой ненасытный!

И эдак предвкушающе прижмурилась.

Собственно, Ланс и после душа был готов продолжить вечер в том же духе, но не сложилось. И отнюдь не по его вине.

Стоило ему неплотно прикрыть за собой дверь в ванную комнату и включить воду, как Оливи Лакрес вмиг утратила всю томность. Девица тут же встала и направила чудесной формы стопы прямиком к сброшенному на пол пиджаку любовника. Ланс замер, припав к узкой щели. Деньги или… ? Больше двадцатки он никогда при себе не носил, а если кое-кому в уши и просочилась информация о будущей «сделке», то Лэйгин не такой дурак, чтобы таскать в портмоне толстые пачки купюр. Его депозитом была красотка-эмэри. Конечно, идею поставить такую кучу денег на четыре колеса наилучшей не назовешь, но в Дайоне так удачно нашелся на неё хороший покупатель.

Однако шуршащие купюры Оливи, или как там её на самом деле зовут, не интересовали. Она искала письмо. То самое, без которого вся затея теряла смысл. Без него с Лансом никто не станет разговаривать.

Он неслышно подкрался к увлеченной барышне сзади.

- Положи на место.

А чтобы она не сомневалась в серьезности намерений, крепко сжал одной рукой тонкую девичью шею. В другой в него был револьвер, и ствол его упирался точно в брюнетистый затылок.

Опыт не пропивается и не проигрывается в карты, и уж тем более не теряется меж двумя хорошенькими упругими грудками. Ибо сказано, прячь оружие там, где его можно взять без свидетелей.

- Ла…

- Мне не интересно, на кого ты работаешь, девочка. Просто скажи своим хозяевам, что с Лансом Лэйгином надо быть очень осторожной и не прокалываться на модных шляпках. Отойди к стене, малышка, и не делай глупостей.

Благоразумная Оливи, в общем-то, и не собиралась геройствовать или делать еще что-то неумное себе во вред. Безропотно встала, где сказано, и даже улыбнулась извинительно. Оправдываться, правда, она тоже не торопилась. Стояла и снисходительно наблюдала, как Ланс поспешно одевается, пытаясь одновременно держать её на мушке и правильно попасть ногой в штанину. О том, чтобы надеть носки, речи уже не шло.

- Жаль, что всё так получилось, - сказал он, перебрасывая ногу через балконные перила.

- Письмецо берегите, Ланс Лэйгин, - злорадно хихикнула девица.

- Сучка!

Лазание ночью по балконам – любимое занятие и предмет особой гордости горячих юношей, не знающих меры в любви и риске, но отнюдь не взрослых мужчин. Приятно, конечно, что акробатические этюды по-прежнему легко удавались Лансу, но ему-то хотелось добраться в Дайон без приключений. Слишком много сейчас поставлено на карту. Не до веселья тут.

Однако же совет вероломной брюнетки пригодился очень скоро. Практически на выезде из Саломи «*айр эмэри*» попытались догнать с явной и недоброй целью. Благо, не каждому дарована меткость при стрельбе из едущего автомобиля в движущуюся с большей скоростью мишень. Посему пуля просвистела над буйной Лансовой головой, не причинив ему ни малейшего вреда. На всякий случай он сначала крутанул руль, заставив авто вильнуть вправо-влево, а затем решительно утопил педаль акселератора в

пол. Зря, что ли, на этой лихой крошке её бывший владелец два года подряд выигрывал кубок газетного магната Блеза Аристида? Сам Лэйгин в гонках участвовал исключительно как независимый репортер. За красивые карточки господин Аристид платил хорошие деньги. Но чтобы Ланс не сумел уйти от какой-то пошлой погони? Вы смеетесь, господа?

Ему даже понравилось. Как, собственно, всегда нравились мгновения бешеного азарта и риска. Ветер в лицо, вкус крови из прокушенной губы, трепыхание сердца и чувство абсолютной свободы, разве всё это можно променять на размеренную оседлую жизнь университетского книжного червя? Ни за что! Да - денег всегда не хватает, да – о семье и доме можно забыть, да – двери приличных особняков для тебя закрыты, но кто сказал, что деньги, жены и общество – это самое главное в жизни?

И то, что за Лансом гонятся и стреляют ему в спину, означает всего лишь, что он на верном пути. Поиски, начатые еще дедом, привели именно туда, где всё началось. Где всё… От предвкушения кружилась голова, каждый вдох пьянил Лэйгина, и мощная сильная машина уносила его все дальше от преследователей, а вожделенный город Дайон становился все ближе и ближе.

- Я найду Калитар! – проорал он теплому летнему ветру и показал отстающим врагам неприличный жест. – Поцелуйте меня в…

На конверте, едва не стоившем Лансу жизни, имелся адрес: Морская улица, дом номер 28. Туда получателю, то бишь господину Лэйгину, и следовало явиться в четыре часа пополудни 1 июня сего года, явиться лично и спросить некоего Берта Балгайра. Ничего сложного, верно?

Само собой, Ланс был уверен, что по этому адресу находится питейное заведение с сомнительной репутацией, классический рыбацкий кабак. Маленькие пыльные окошки, запах дешевого пива, толстая горластая кабатчица в засаленном фартуке, и, конечно же, деревянные столы, изрезанные вдоль и поперек неприличными надписями, а на полу липкие лужи и горы рыбьей чешуи. А где же еще могут встретиться авантюрист-кладоискатель со знаменитым контрабандистом? Ну-ка, господа, напрягите свое воображение! Вы что книжек приключенческих не читали? То-то же!

Если бы Ланса не спугнули посреди ночи, то в Дайон он приехал бы примерно в час дня, выспавшийся, со свежей головой и полный сил. Но коварная Оливи со своими таинственными и хорошо вооруженными дружками смешала ему все планы. Бурный романтический вечер, поспешное бегство и ночная гонка – все

вместе неделикатно напомнили Лэйгину о том, что ему тридцать пять, а не двадцать, ибо в первой же дайонской гостинице, которая встретилась ему на пути, мужчина упал лицом вниз на кровать и заснул беспробудным сном усталого молотобойца.

И очнулся только после долгого и настойчивого стука в дверь.

- Господин Лэйгин! Господин Лэйгин! Вы просили разбудить вас в два часа! Просыпайтесь! Уже – три! – стрекотала горничная.

- А! Что? Уже? Иду!

В первый момент Ланс вообще не понял, где находится, и как оказался в гостиничном номере. Во рту у него, как любил говорить отец, «сдох котик», волосы стояли дыбом, а одежда… Искатель приключений с тоской осмотрел себя в зеркале. Костюм измялся безнадежно, а времени на глажку не осталось.

С другой стороны, теперь-то уж точно кабацкая публика примет его за своего человека.

«Это даже неплохо, что я проспал, - размышлял Ланс, то ли утешая себя, то ли оправдываясь перед кем-то невидимым. – Всё, что ни делается, к лучшему. Сначала - разговор с Бертом, а потом, по его итогам, уже займусь продажей автомобиля. Не будем торопить события».

Машину он оставил в нескольких кварталах от места предстоящей встречи. Так, на всякий случай, чтобы не привлекать лишнего внимания. И пока едва ли не вприпрыжку шел, несколько раз проверился на отсутствие слежки: внезапно сворачивал в узкие переулочки и подворотни, коих в портовом Дайоне не счесть, потом неожиданно возвращался, петлял и кружил. И только убедившись, что никто из друзей Оливи Лакрес за ним не следит, направил стопы к дому номер 28.

И там Ланса ждал сокрушительный удар… по воображению. Аккуратный особнячок, спрятавшийся за ажурной оградой и пышными кустами сирени, оказался публичной народной библиотекой города Дайон, основанной на частные пожертвования горожан. Вот вам и кабак! Вот вам и изрезанные столы!

Внутри было тихо и благостно, пахло кожаными переплетами и чуть сладковато - особенной, книжной пылью. Юная библиотекарша сверкнула фиалковыми очами и настороженно улыбнулась:

- Сударь, я могу вам чем-то помочь?

Еще одна хорошенькая до невозможности девица, словно сошедшая с картинки в модном журнале, скорее насторожила, чем восхитила. Слишком много красоток подряд – не к добру.

- Н-нэээ… - поначалу у Ланса язык к нёбу прилип от

удивления. - Я ищу… эээ… Берта.

- О! Вы – господин Лэйгин?

- Так точно, сударыня.

- Пройдите в читальный зал, вас там уже ждут, - девушка грациозным жестом, будто танцовщица, указала гостю на большую дверь с витражным стеклом, и почему-то добавила: – Добро пожаловать в Дайон.

И не находись в уютном зале только один посетитель, Ланс совершенно точно обознался бы. Кого представляет себе человек, когда ждет встречи со знаменитым на всё побережье контрабандистом? Наверняка кого-то брутального и до крайности мужественного, этакого рискованного типа, насквозь просоленного штормами, украшенного колоритными шрамами и татуировками. Легендарный же Берт с острова Эспит выглядел, как типичный банковский клерк. Скучный господин самой обычной внешности – рыжеватый и светлоглазый, весь какой-то выцветший и обветренный, точно скалистый утес. Дешевый костюм, застиранная рубашка и неброский галстук только усугубляли впечатление. Не хватало лишь очков с дужкой, перемотанной бечевой, и серых сатиновых нарукавников.

- Добрый день, господин Берт, - негромко, как и положено в библиотеке, сказал Ланс. – Что-то интересное читаете?

Визави молча закрыл книгу и показал лицевую сторону обложки. Она называлась «Преодоление метафизики». Контрабандист изучал философский трактат. О как!

- Обойдемся без представлений, все-таки это храм знаний, а не модный салон.

Старомодная церемонная учтивость – самое то, чтобы очаровывать барышень и сбивать с толку настороженных авантюристов. Не то, чтобы Берт слыл знатоком хороших манер, однако в пику общественному мнению и новой моде на вульгарность – почему бы и нет? Тем паче, остановка располагала.

- Господин Лэйгин, я полагаю?

- Он самый, - кивнул Ланс и предъявил заветное письмо.

- Тогда к делу, - оживился контрабандист и даже ладони потер в предвкушении. Этот знаменитый гробокопатель так и напрашивался на какую-нибудь восхитительную каверзу. - Вы искали человека, готового доставить вас на остров Эспит, минуя все эти утомительные кордоны, - Берт ухмыльнулся и дернул подбородком аристократично, что твой баронет, дескать, искали и нашли, вот он я, единственный и неповторимый. - Знаете, границу закрыли не просто так. На острове эпидемия. Ящур, да-да. Уверены, что хотите рисковать?

Ящур кладоискателя не пугал ничуть. Не проказа же! Подумаешь – ящур.

- Да хоть черная оспа, - решительно заявил он. - Я готов рискнуть.

- Прекрасно, - островитянин широко улыбнулся, а потом посерьезнел, нахмурился: - Но сразу предупреждаю: такое путешествие обойдется недешево. И я не готов поручиться, что оно будет комфортным и безопасным. Знаете, не на прогулку идем, а республиканская береговая охрана в последние месяцы как с цепи сорвалась. Казалось бы, после той войны, что мы едва пережили, пора бы начать учиться доверию, а поди ж ты… Кроме того, на самом острове... А впрочем, это вы увидите сами. Нынче с утренним отливом мы отправляемся, так что лучше вам последовать за мной прямо сейчас. Один вы, пожалуй, и не найдете нужное место. Мне не с руки швартоваться у главного причала, знаете ли. У вас еще остались дела в городе?

Колебался Ланс, наверное, с полминуты, не больше. Уж очень ему хотелось поскорее попасть на остров.

- Есть небольшое дело... Кстати, а "недешево" - это сколько?

Вопрос, к слову, вовсе непраздный.

- А, так вы не в курсе расценок... – понимающе протянул контрабандист и прищурился, навскидку определяя состоятельность клиента. - Что ж, с вас я возьму тысячу бон вперед и столько же по прибытие на место. Увы, все дорожает!

Однако! Лэйгин сдержался, чтобы не присвистнуть. Все-таки он не в кабаке, а в библиотеке. Но, проклятье, примерно во столько же ему обошлось бы кругосветное путешествие. А добавить еще столько же, и вышел бы собственный коттедж в пригороде. Ну и расценки у эспитских контрабандистов!

- Х-хорошо, - выдавил из себя Ланс. - Утром, перед отплытием я отдам вам деньги.

- Сегодня, друг мой, - отрезал Берт. - У вас есть, - отвернув манжет, он глянул на часы и кивнул сам себе, - три с половиной часа, чтобы уладить ваши дела и вернуться. Вы найдете меня здесь же, - и нежно погладил обложку "Метафизики". - Я вас более не задерживаю, господин Лэйгин.

Здравый смысл настойчиво нашептывал Лансу, что самое время раскланяться с господином Бертом прямо сейчас и, сохраняя достоинство, удалиться в любом удобном направлении, не оборачиваясь. Ибо это единственный способ сберечь недешевую собственность и свою репутацию неглупого человека. Но разве доводы разума в указ одержимому?

- Договорились, - отчеканил Ланс, одним махом отрезая себе путь к отступлению.

- Всего доброго, - кивнул контрабандист и вернулся к чтению.

«Еще не поздно сбежать!» - отчаянно пискнул мышью здравый смысл. Но был безжалостно прихлопнут тяжелым башмаком врожденного упрямства. Эспит был рядом, до него рукой подать, и никакой жадный мужик не встанет у Лэйгина на пути.

Библиотекарша вместо того, чтобы охнуть и отшатнуться, встретившись взглядом с кипящим от злости Лансом, неожиданно разулыбалась. Метафизика какая-то!

Но он ошибся, настоящая метафизика вышла со скоропостижной продажей «*айр эмэри*». Во-первых, покупатель, стоило ему увидеть автомобиль, согласился расстаться с тремя тысячами бон почти без торга, а во-вторых, Ланс вдруг с легкостью поступился своим главным принципом – «Роскошь стоит больших денег, редкостная роскошь - еще дороже!». Нажми он еще чуть-чуть - и получил бы за авто, принадлежавшее самому Симсу Хоганну, все четыре тысячи. Но не додавил уступчивого покупателя, не настоял на своем. Отчего? Метафизика, да и только!

На что он рассчитывал? Ведь Берту ничего не помешало бы столкнуть состоятельного пассажира за борт, предварительно отобрав все деньги. Три тысячи бон – приятная сумма, но, как показывала практика, контрабанда все-таки приносит больше, и руки в крови марать не нужно. А Берт не был похож на закоренелого душегуба. Называйте это чувство интуицией или простым жизненным опытом, но оно еще ни разу не подводило Ланса. Никому не ведомо, что задумал этот любитель зубодробительной философии, но он точно не собирался никого убивать. По крайней мере, пока.

Глава 2

Скайра Лив дама Тенар. Остров Эспит. Империя Вирнэй

Юго-западный ветер, нечастый теплый гость с материка, прокрался между скал Эспита тайком, как лукавый воришка – в соседский сад за яблоками. И, как положено юному оболтусу, бед натворил немало: приправил напоенный морской солью воздух острова тонкой струйкой корицы, поиграл со старым скрипучим флюгером на крыше, разворошил бумаги на столе, распугал чаек и сорвал с головы Лив потертую мужскую шляпу.

Балансируя на шаткой стремянке, женщина одной рукой откинула упавшие на глаза пряди, покачнулась, выронила молоток и задела локтем жестянку с гвоздями. Сердитым возгласом проводив весело загремевшие вниз инструменты, Лив зашипела на проказника, но тот лишь по-мальчишески свистнул и удрал, на прощанье взметнув юбку женщины выше колен. Вот же!..

Конечно, разве найдется на всем Эспите зрелище забавней, чем Скайра Лив дама Тенар, взявшаяся чинить крышу? Стоило лететь через пролив, чтоб вдоволь посмеяться, верно? Пестрая несушка, вдруг взгромоздившаяся на забор и отчаянно машущая крыльями в тщетной надежде уподобиться парящему в небесах ястребу – и то не так комична. Но старую псицу не научишь новым трюкам. Несмотря на то, что новая предосудительная мода на дамские брючные костюмы успела докатиться даже до такой глухомани, как остров Эспит, Лив даже наедине с морем, солнцем и ветром не могла заставить себя облачиться так бесстыдно. Не в ее годы менять привычки и не с ее формами. Вот и пришлось трепать подол обо все старые гвозди и щепки на этой проклятой стремянке. А все потому, что башня Тенар торчит над морем уже без малого шесть столетий, как последний почерневший зуб в челюсти старухи, и крыша над единственной пригодной для жилья пристройкой успела не только протечь, но и провалиться.

В любом другом владении вирнэйской короны не составило бы труда нанять кровельщиков, благо, летние месяцы обычно щедры на нищих бродяг и проходимцев, готовых ради пригоршни ориков не то что крышу, всю башню по камушку перебрать. Но только не на Эспите. А тут еще «правые» с их дурной затеей! Неужто не наигрались еще? Вот уж третья неделя прошла от начала сезона, а в эспитской бухте не бросило якорь ни одно судно. Так что даже на случайно заехавшего в эту глухую

имперскую провинцию неудачника нечего рассчитывать. Нет таких! А из местных жителей охотников помочь даме Тенар с ремонтом традиционно не нашлось. Тот запил, этот занемог, а иной заломил такую цену, что никаких сбережений не хватит – все как сговорились! А может, и впрямь так и было, с них, мерзавцев, станется.

Спускаться вниз, собирать рассыпанные гвозди, а потом вновь карабкаться почти в поднебесье под насмешливым оком послеполуденного светила не хотелось совершенно. Лив, хоть и не принадлежала к славной породе людей, способных беспечно махнуть рукой на все дела и мгновенно поддаться причудам настроения, все же иногда давала волю желаниям. Если внезапно захотелось усесться поудобней на верхней ступеньке лестницы, расправить юбку, стряхнуть наземь туфли и всласть поболтать босыми пятками, то почему бы и нет? Подставив запрокинутое лицо солнцу, она прижмурилась, млея, словно кошка на теплом подоконнике, и как могла, растягивала мгновения удовольствия. Что ни говори, а в радостях жизни обитатели острова Эспит толк знали, даже если упорно делали вид, что эти самые радости им уже поперек глотки.

Здесь, на крыше, даме Тенар не хватало для полного счастья лишь самой малости. Откупорить бутылочку прошлогоднего сидра и распить ее в хорошей компании, и чтоб вместо десерта – почти девичья бесшабашная шалость, и чуть солоноватые поцелуи, и пряное, мимолетное, как летний ветер…

- Ах, ты ж!.. – размечтавшаяся Лив дернулась и чуть не сверзилась с крыши, но некрупного серого слепня на щиколотке прихлопнуть успела до того, как тварь запустила под кожу хоботок. Тоже радость, в общем-то, хоть и невеликая. Но какова летучая дрянь? Высоко залетела, и ветер с моря ей не помеха! Вот так зазеваешься и очнешься от грез с расчесанной до крови распухшей лодыжкой. Не то, чтобы дама Тенар была всерьез озабочена красотой своих ног, но летнее тепло и материковая мода на укороченные юбки – отличный повод найти применение туфелькам, что пару лет без дела в сундуке пылятся. Тем паче, что если ветер не переменится и «правые» не откажутся от своей затеи, то вскоре объявится тот, перед кем не грех процокать каблучками по набережной.

- Берт, - негромко сказала она и нахмурилась. – Мерзавец. Сколько можно шляться? Мог бы и помочь с крышей еще прошлым летом! Или мне опять нужно просить?

Ветер подхватил ее слова и унес их в море так же, как давеча – шляпу.

Но что толку пенять впустую на этого хитреца, который,

словно блудливый кот, любит явиться на готовенькое, отоспаться в тепле после ночных похождений, сожрать всю сметану, обшерстить покрывала и удрать, на прощанье еще и дверной косяк пометив? А запрешь шкодника, всю душу вывернет тоскливым мявом, шторы порвет и нагадит на половик. Только и остается, что приманивать ласковыми увещеваниями и блюдцем с печенкой. Впрочем, и грозный окрик иногда действует…

«Распаляешься, Лив? Ну-ну… - насмешливо одернула она сама себя. – Не все так плохо. Иногда и мышку ведь приносит к порогу, разве нет?»

Но даже тысячи оправданий, которые испокон веков придумывали женщины для ветреных любовников, стыдливо меркли в сравнении с прохудившейся кровлей. А уж тем паче – с тем, на что Лив так сложно было решиться. Спуститься в подвал. Не в первый ведь раз и не в сотый даже, а поди ж ты! Все, как раньше: комок льда, растущий уродливым сталагмитом где-то в подбрюшье, слабость в коленках, да еще из рук все валится. И злость не помогает, пробовала уже.

А идти надо, и лучше бы прямо сейчас, пока солнце еще высоко. В сумерках, а тем более, ночью блуждание в подвалах башни – удовольствие не из тех, которым стоит предаваться в одиночку.

- Ладно, милая, бери-ка себя за шкирку и вперед, - вздохнула дама Тенар и, кряхтя, начала спускаться, малодушно мечтая о любом, хоть ничтожном предлоге отложить визит. Временами она замирала на очередной ступеньке, всматриваясь вдаль. Дорога-то как на ладони. Но как назло, никто не спешил к башне, чтоб известить Лив о пожаре или землетрясении, или хоть захудалой краже какой. Третьего дня повезло – рыбачки подрались, пришлось разнимать, штрафовать, а зачинщицу даже запереть на сутки, чтоб остыла. Но сегодня такой удачи не будет, это точно.

- Надо идти, - пожаловалась женщина морю, жесткой траве, проросшей между древними плитами мощеного двора, и выбеленному ветрами дверному косяку. – Идти-то надо!

Но, даже ругая себя за трусость, выклянчила у щедрого летнего солнца еще несколько блаженных минут отсрочки. Перед спуском в стылую сырость подвала – бесценная передышка, что уж скрывать. Тем более что стоя вот так, спиной к нагретым камням, с закрытыми глазами, не так уж сложно вспомнить, какой ветер занес юную Скайру Аннон так далеко от места, где она родилась, что по дороге даже прежнее имя потерялось, словно багаж у нерадивого вокзального носильщика…

Пятнадцать лет назад самоуверенной выпускнице столичных Женских курсов при Е.И.В. Неранжированном кадетском корпусе

и в голову не могло прийти, что она уже попалась, выпала из привычной и тщательно распланированной на много лет вперед жизни, как паршивый котенок из корзинки – прямо в стремнину. И тут уж без вариантов – или барахтайся, или тони. Нет, тогда она, конечно, ничего не поняла. Муха ведь тоже дергается в паутине, покуда хватает сил, верно? А остров Эспит – самый терпеливый из всех пауков. Тебе еще мнится, будто ты летишь, а на самом деле тебя уже вовсю едят. Нет, он напоминает о себе исподволь, вкрадчиво, одну за другой набрасывая на дергающиеся лапки добычи невесомые нити, упеленывая бережно и нежно. Сперва – точка на карте, немного погодя – заложена страница в географическом атласе. Газетная статья, зачем-то вырезанная и зачитанная до дыр. Старая открытка вместо закладки в любимой книге. Вот чудеса! – оказывается, и книга-то - не просто книга, а древняя поэма, полная волшебства, морского ветра и криков чаек над старинными камнями таинственной башни… А потом глаза сами выхватывают из пестрого гобелена жизни именно те нити. Невесомые. Прочные. Неразрываемые ничем.

Меж тем перед юной курсисткой перспективы открывались если не блестящие, то уж совершенно точно неплохие. Почта, таможня или полиция, в конце концов – чем плохо? В любом из ведомств империи нашлось бы местечко для сообразительной барышни. А там, глядишь, и связями обрастешь, заведешь нужные знакомства, и что потом сумеешь извлечь из своего положения – удачное замужество или прыжок через пару карьерных ступенек – уже не так важно. Главное – сразу удачно устроиться. А у девушек из «золотой сотни», в отличие от менее жадных к знаниям товарок, имелся еще и выбор. В этом смысле система работала так же, как и с юношами. Им тоже присылали список вакансий, из которых счастливцы-отличники мигом расхватывали самые сытные. Есть же разница, где начинать карьеру – в столичном гвардейском полку или в гарнизоне какого-нибудь задрипанного городишки на восточной границе?

Конечно же, Скайра все это знала и с первого своего дня в корпусе целенаправленно делала все, чтобы оказаться в той самой сотне «золотых» и удачливых. Удалось. Оказалась. Пусть и девяносто третьей в списке, а все-таки! Но когда настал заветный час, и вчерашние однокашницы одна за другой начали оглашать свой выбор, на барышню Аннон словно затмение нашло. Первые пару десятков вакансии она добросовестно отследила и вычеркнула, а потом… Строчки плясали перед глазами, девичьи голоса слились в неразборчивый щебет, и когда грозовым раскатом над томно склоненной головой прозвучало:

- Аннон Скайра!

Придумывать что-то стало уже поздно. Она заполошно моргнула раз, и другой, сглотнула – и ткнула в список наугад, цепенея в ожидании недовольного окрика.

С первого раза ее лепет даже расслышать не смогли. Пришлось, на миг зажмурившись, выпалить еще раз, уже громко, как можно громче:

- Остров Эспит!

В зале, заполненном двумя сотнями перевозбужденных девушек, тихо стало, как в склепе. Даже мухи перестали жужжать.

- Должность имперского эмиссара на острове Эспит? – переспросила директриса, игнорируя вытаращенные глаза секретаря и кашель дамы из попечительского совета. – Вы уверены?

Горло у Скайры перехватило, и она смогла только кивнуть.

- В таком случае, извольте подписать…

Дальше барышня Аннон не слушала. На негнущихся ногах подошла, окостеневшей рукой подписалась, сама себя пытая – почему? Зачем? Из трех сотен вакансий выбрать самую ничтожную – может, она и впрямь спятила? Имперский эмиссар – это только звучит красиво, а на деле же – меньше, чем ничто. Как же оно переводится – соглядатай? Приглядчик? Или надсмотрщик? Словечко из тех времен, когда самовластные сеньоры в своих землях не слишком-то считались ни с законами, ни с указами сюзерена, руководствуясь одними лишь своими прихотями. Вот к таким из столицы и назначали имперских эмиссаров – наблюдателей, доносчиков и убийц в одном лице, чтобы в случае чего найти управу на зарвавшегося местного князька. Но то раньше. А в нынешний просвещенный век осколки прежних владетельских привилегий сохранились лишь в таких глухих и никому не нужных местах, как остров Эспит. До него еще суметь добраться надо, не говоря уж о несении какой-то там службы! Эмиссар в таком месте – это все равно что ученая обезьянка, объект всеобщей потехи и только. А замшелая торжественность обрядов лишь добавляет картине веселья. Вечная Мельница, да от названия должности даже женского рода нет! Эмиссарша, что ли? Скайра всю свою выдержку потратила на то, чтоб не взвыть в голос, когда ее с постными минами принимали в штат и убийственно серьезно инструктировали касательно высокой чести, неотъемлемых прав и неограниченных полномочий. Отныне и на ближайшие пять лет (а раньше с острова не сбежать, хоть завали департамент прошениями) барышня Аннон превращалась в даму-эмиссара, каковой даме и передавалось в качестве резиденции строение, высокопарно

именуемое «имперским эмиссариатом», а на деле представлявшее собой дощатую будку, на стену которой мочились все островные собаки. Жалованья положили в год – только чтобы с голоду не умереть. И совсем уж утонченным издевательством прозвучал пассаж о том, что свежеиспеченной эмиссарше не возбраняется изыскивать дополнительные средства заработка, как то: земледелие, рукоделие или же оказание иных услуг подопечному ей населению. То бишь, Скайре прямо советовали возделывать огородик, завести козу и, по возможности собирать мзду с островитян. Пистолет, впрочем, выдали, и мундир тоже, но в кредит – за казенную амуницию надлежало рассчитаться в течение года. Приятной новостью можно было счесть дозволение «в целях экономии» облачаться в форменный жакет только в «особенных» случаях. Эмиссарше надлежало поддерживать на вверенной ей территории общественный порядок, разрешать споры, следить, чтобы местный землевладелец соблюдал имперские законы, и так далее. Весьма обширные полномочия и очень расплывчатые. В случае нападения внешних врагов или народного бунта Скайре предстояло возглавить островное ополчение, а так же препятствовать контрабанде и выполнять роль цензора. Полицейского участка, к слову, на острове Эспит тоже не было. Зато имелась почта!

- Вот видите, - по-отечески похлопав придавленную обилием прав и обязанностей девушку по плечу, утешил ее окружной эмиссар Тинз, ее непосредственный, но очень далекий начальник. – Все не так плохо! Зато вам не придется разносить почту!

Этого Скайра уже не перенесла и позорно разревелась. Она как наяву увидела вдруг свое будущее и себя – полуголодную оборванку в обносках, мотыжащую каменистую почву в тени руин. Вшивую, конечно. Вот она настороженно тянет носом воздух и хищно бросается с пистолетом на беспечного путника, чтобы «собрать мзду». В сарайчике блеет однорогая коза, а под низкими свинцовыми тучами кружат вороны. И гадят!

- Ну-ну, милая моя, будет вам, будет, - шеф подал ей платок, дабы дама-эмиссар утерла слезы и высморкалась. – Пять лет пролетят быстро, даже не заметите. Еще возвращаться не захотите! Остров Эспит – просто ожившая легенда! Чудесный уголок, просто чудесный! Вот увидите… Ох, экая же вы впечатлительная барышня!

Слезы, конечно, ничего в судьбе Скайры не изменили. Остров Эспит ждал свою эмиссаршу, но… до него же еще надо было добраться!

Лив очнулась от воспоминаний, словно вынырнула, чтоб глотнуть воздуха – и опять туда, в темно-зеленую глубину, в

холод и вечное молчание, туда, к отмели, где среди тысячи раковин-дней найдется одна-другая с жемчугом… Возможно. А возможно – и нет. Прищурившись, она посмотрела на небо, уже зардевшееся предзакатным багрянцем, и вздохнула с малодушным облегчением. Все-таки сегодня уже слишком поздно для похода в подземелье башни, а вот для воспоминаний – в самый раз. Нужно лишь закончить эти приятные вечерние заботы: обиходить козу, которую она действительно завела, покормить Перца, полить цветы, поджарить гренок и заварить чай. Сегодня не нужно спускаться. *Морские и подземные*, как хорошо, что не нужно!

Согретая этим решением, она даже мурлыкала себе под нос навязчивый мотивчик песенки, под которую третьего дня вдова Матэи пыталась затеять танцы. Не самая лучшая идея не самой умной из женщин, по правде-то сказать. Соседей больше занимал не новенький патефон, а запах рыбы на решетке и свежее пиво. Единственной, кто проявил интерес к развлечению, оказалась Лив, но и то лишь потому, что от музыкального аппарата и модных пластинок так и веяло мурранской республикой и контрабандой. Легкомысленный мотив пах ночными вылазками под носом у береговой охраны, табаком, солью, мужским потом и углем пароходной топки. Бертом. Наверняка он и привез запретную вещицу, больше некому. То-то вдова Матэи отводила глаза и криво улыбалась. Лив ухмыльнулась в ответ и погрозила нарушительнице пальцем. За столько лет соседи могли бы и привыкнуть, что она – не таможня и не патруль, и до всего, что рыжий контрабандист творит за пределами острова Эспит, даме Тенар и дела нет. Вот когда его быстрые ноги ступают на главный причал или шлепают по мелководью в Косой бухте – тогда другое дело!

Она улыбалась над чашкой, вспоминая тот «танцевальный» вечер. Дам не пришлось разнимать – уже хорошо, хотя все шло к драке. Но хитрец Хил Рэджис опять прикинулся глухим, а затем так вовремя разыграл очередной припадок, что островитянки не успели всерьез сцепиться из-за единственного кавалера. Умник Хил! Вот уж кто выжимает все возможное из романтического ореола, что окружает покалеченных на войне героев. В том случае, конечно, когда они не слишком сильно покалечены. Пара интересных шрамов, легкая глухота на одно ухо и выборочная потеря памяти – следствие контузии. Это совсем не то же самое, что оторванная рука или протез вместо ноги! Тем паче, что столь своевременное расстройство памяти, равно как и глухота, подтверждается лишь словами самого Хила. С героя сталось бы и слукавить!

Во всяком случае, когда они уже за полночь возвращались вдвоем по домам, никакой глухоты Лив не заметила, да и припадки с Хилом случались лишь в присутствие женщин из семьи Тэранс. Впрочем, крышу чинить даме Тенар сосед отказался, отговорившись все тем же недугом, так что кто знает, кто знает… Может, и впрямь контуженный? Однако велосипед оседлал лихо и пылит по дорогам Эспита не хуже, чем сама Лив, когда-то первой оценившая этот дар прогресса. Служба эмиссара такова, что иногда требуется быть сразу в нескольких местах, и хоть разорвись, а содержание лошади сожрало бы не только жалованье, не к ночи будь помянуто, но и весь доход из «прочих» источников. Велосипед же окупился за один сезон, особенно после того, как лорд Эспит убедил подданных собрать средства на ремонт дорог и покрытие их асфальтом.

Лив глотнула остывшего чая и потрепала по холке пса, который подошел и положил ей голову на колено.

- А что, Перчик, заслужили мы с тобой маленькую компенсацию за все горести наши, а? И крышу менять все-таки надо… Вот приплывет эта рыжая морда, а тут мы его и сцапаем… и склад его накроем… Найдется у Берта в норе пара-тройка роскошных вещичек, как думаешь? Вот мы его и прижмем… и штрафик возьмем… и в казну возьмем, и себя не обидим. А?

Перец чуть вильнул длинным хвостом, заслышав знакомое имя. Именно Берт когда-то привез на Эспит щенков редкой «оленьей» гончей. Нескладные длиннолапые малыши приходились внучатыми племянниками любимой суки Ее Императорского Величества и родословную имели посолидней, чем у иного графа. Рядом с таким псом презренным смердом почувствовал бы себя и принц-консорт, не говоря уж о всякой мелкой дворянской сошке вроде графов и маркизов. К несчастью, из трех щенков один оказался бракованным. Недопустимым изъяном для стандартов породы считалась даже узкая белая стрелка на лбу Перца, что уж говорить о разноцветных глазах. Когда «молочная» синева стала янтарем отрочества, выяснилось, что Перец – злополучный обладатель «волчьих», зеленоватых глаз. Хотя насчет удачи можно бы и поспорить – щенок в итоге достался Лив, и все сложилось как нельзя лучше. Лорду Эспиту для престижа хватило и пары «императорских» собак, а даму Тенар мало волновали стандарты экстерьера, лишь бы человек, то есть пёс, был хорошим. Тем паче, что самого Перца ничуть не тяготили ни недостатки внешности, ни «плебейская» кличка.

Рыжего контрабандиста пёс любил настороженной любовью ревнивого самца, который в каждом встречном кобеле видит соперника. А потому на охоту за Бертом вдоль линии прибоя

выбегал всегда с радостью, предвкушая удовольствие погоняться, настичь, повалить на влажный песок, прижать лапами и с гордостью предъявить добычу запыхавшейся хозяйке. Весил Перец едва ли меньше, чем взрослый мужчина, зато бегал гораздо быстрее.

Впрочем, и Берт бывал куда как прыток. Если Рыжий не хотел, чтобы его поймали, проделать это было непросто. К счастью, обычно он все-таки хотел. А еще чаще – сам появлялся словно из ниоткуда: только что горизонт был чист, и вдруг негромкая скороговорка мотора, и вот же он, лавирует, неся на борту очередной сюрприз. Чутье у него на сюрпризы, что ни говори. А точнее – на «своих». А здесь чужие не выживали. Либо ты становишься одним из обитателей острова навечно, либо отправляешься прочь. Но покинуть Эспит, когда ты уже пророс в его каменистой земле, невозможно. Лив не смогла бы назвать ни единого островитянина, кто уехал бы и не вернулся. Да и сама имперская эмиссарша по прошествии первых, самых тревожных, пяти лет не унесла ноги подальше с этого заброшенного на край света клочка суши, а твердо, можно сказать – каллиграфически, вывела на желтоватом листке писчей бумаги прошение о продлении ее пребывания на Эспите. А спустя еще пять лет – снова. После второго раза в департаменте, видимо, вздохнули с облегчением, убедившись в том, что Скайра, к тому моменту ставшая владелицей башни Тенар и соотвествующего титула, накрепко пришвартована к историческим развалинам, на радостях прибавили жалованье и сделали должность пожизненной. Теперь уже и захочешь, а не уедешь. Только она не хотела, и вряд ли уже когда-нибудь испытает желание покинуть это место.

Верэн Раинер. Мурран

До станции пришлось пешком идти, на своих двоих. А всё потому, что мать с вечера подговорила водителя грузовика ехать с фермы в город другой дорогой. Верэн постояла на обочине, постояла, да и потопала в сторону станции. Рассчитывать на попутную машину в окрестностях славного города Озанн было просто смешно.

Верэн Раинер шла, не оборачиваясь, хотя точно знала, что ей прямо сейчас в спину смотрят двенадцать пар глаз. Отец специально ушел из дому еще засветло, полагая, что лишение родительского благословения – это ужасная кара. Кому-то может быть и страшное наказание, а Верэн вздохнула с нескрываемым

облегчением. Говорено уже переговорено и про то, что она – дурища набитая и бесстыжая, и про то, что обратно «такую дуру» не примут, даже если на коленях приползет. Ползти, если ноги откажут, Верэн собиралась только в одном направлении – куда подальше от Озанна и родительского дома, главное, чтобы в сторону острова Эспит. Правда, о конечной цели своих устремлений девушка никому не говорила, как если бы собиралась поселиться в жерле действующего вулкана. Остров у местных кумушек считался местом проклятым, а островитяне, конечно же, только тем и занимались, что колдовали и злобничали против всего рода человеческого. Во всяком случае, массовый рыбий замор так и назывался – эспитская болячка.

Но с тех пор, как Верэн исполнилось двенадцать, она сбегала из дому с одной целью – постоять на обрыве над прибоем и глядеть неотрывно в сторону острова до рези в глазах. С хадрийского берега Эспит не виден и в самый ясный день, но это вовсе не мешало девочке всматриваться в линию горизонта. Иногда она была четкой, точно первая борозда в поле, иногда мерцающей и серебристой, но там, где море сливалось с небом, проходила невидимая граница, делящее мир Верэн на опостылевшее «здесь» и зовущее «где-то». За регулярные побеги влетало ей изрядно – родители в четыре руки пороли, лишали ужина, запирали в чулане. Но все без толку, «зов» Эспита становился с каждым годом все настойчивее.

И вот настал день, когда старшая дочь в почтенном семействе Раинер бодро зашагала навстречу новой жизни. Не обязательно хорошей и обеспеченной, не факт, что безопасной, самое важное – она должна стать другой, отличной, непохожей. В честь отъезда Верэн даже новые туфли обула, о чем, конечно, быстро пожалела. Но пока не скрылся за поворотом дороги опостылевший дом, а случилось это нескоро, сцепив зубы, терпела боль в натертых ногах. Как любила говорить госпожа Камелет: «Лопни, но держи фасон!», а она – наипервейшая озаннская сплетница и модница, знала толк в дамских штучках. Даром что такая же фермерша, как и Раинеры. Вот Верэн и держала фасон перед глядящими ей во след домашними. И только когда уверилась, что никогошеньки вокруг нет, со стоном сбросила орудия пытки. До мяса растерла, до злых слёз и закушенной, чтоб заглушить скулеж, губы.

К станции девушка еле-еле приплелась и, разумеется, опоздала на пассажирский поезд «Феликин-Дайон». К счастью, жена станционного начальника - госпожа Сур считала самостоятельность не пороком, а добродетелью, и, узнав, что девица Раинер твердо намерена добиться успеха и достатка в большом городе, пустила приличную барышню переночевать у

неё в саду на лавке.

«Ничего-ничего, - сказала себе девушка, сворачиваясь клубочком на своем жестком лежбище и укладывая гудящую голову на саквояжик, - Было бы очень странно, если путешествие началось с везения. Всем поначалу тяжело, неуютно и страшно! Зато потом… » Что случалось потом с искателями приключений, Верэн знала из двух источников, твердивших прямо противоположное. Первый – сплетни и пересуды, второй – книги. Сходство начиналось и заканчивалось обязательными трудностями, встречающимися на пути авантюрных натур, а дальше выходило по-разному: в книгах – подвигами и полцарством в придачу, а в жизни – придорожной канавой или тюрьмой.

Но в отличие от неудачливых землячек, Верэн Раинер ехала не столичную сцену покорять, а на остров Эспит. Существенное, можно сказать, радикальное отличие обязательно должно сыграть в её пользу. Непременно! Так и будет… И на этой оптимистической ноте Верэн заснула крепким сном очень молодого и очень здорового человека двадцати лет от роду, который и знать пока не знает про всякие бессонницы.

А утром все опасения девушки развеялись, как туман над ленивой и медленной Оз. В юности горе – не беда, а яблоко и четвертинка лепешки – целое пиршество, не говоря уж про вид дымного столба из паровозной трубы, который в молодых и зорких глазах уже не просто последствие работы паровой машины, а целое знамение.

Верэн поправила шляпку, выпрямила спину, подтянула перчатки и решительно предъявила контролеру свой билет.

- Тебе сколько лет, девочка? – подозрительно спросил он.

Но барышня Раинер была готова к такому повороту. С её ростом и телосложением всегда было трудно рассчитывать на серьезное отношение.

- Смотрите в паспорт, сударь. Мне уже двадцать.

- Мда? – кондуктор с большим сомнением переводил взгляд с девицы на документ и обратно. – А на вид больше тринадцати и не дашь. Ишь ты какая!

Более взрослая женщина восприняла бы его слова как комплимент, но Верэн расстроилась и разозлилась не на шутку.

- Болела много в детстве, - рыкнула она.

- А! Калека, значит, - засмеялся тот. - Ну, проходите, барышня, проходите.

На «калеку» девушка не обиделась. Так считали все её родственники. Откуда же еще взяться в роду крепких потомственных землепашцев такому изящному созданию, как не

из-за хвори. Даже если Верэн в жизни своей болела всего один раз – корью, да и то - в легкой форме. К тому же, «малютка Вер» всегда хорошо дралась и ела за троих. Но разве этих упертых Раинеров переспоришь? Если Криз Раинер вдолбил себе, что «девка эта для хозяйства бесполезна, так пусть хоть в школу ходит», то никто его не переубедит, хвала Вечной Мельнице. Теперь, в свете поступка Верэн, его умозаключения звучали так: «выучили на свою голову неблагодарную дрянь!» И не возразишь! Потому что таки дрянь, причем неблагодарная. Хорошие дочери из дому не уходят – это всем известно.

«Паршивая овца» и по совместительству плохая дочь Раинеров шмыгнула на местечко возле окна, крепко прижала к груди саквояж и едва на месте не подпрыгнула, когда пронзительно проревел паровозный гудок.

И только тут до Верэн окончательно дошло, что её новая жизнь уже началась. Поезд качнулся, заскрежетали колесные пары и… понеслось!

Прочь-прочь от неописуемой, но опостылевшей красоты Хадранса, которая волей-неволей притягивала взгляд. Прочь от лесов, лугов с пасущимися на них коровами, от полей и аккуратных фахверковых домиков. Верэн сыта по горло этой идиллией. И коровами, кстати, тоже. Особенно ими.

И как это всегда бывает, то о чем давно мечтаешь, предвкушаешь и смакуешь, наступает вдруг, сразу, без какого-либо предупреждения. Хлоп – и всё получилось! И что теперь делать, кто знает?

Вечером того же дня хадрийка оказалась в Дайоне. Сошла на перрон и застыла, точно громом пораженная. Приснопамятный Озанн, да и только. Только размерами побольше, дома выше, улицы мощеные и вдвое шире, но на этом вся разница кончалась. Верэн присмотрелась к Дайону повнимательнее и обнаружила еще одно отличие – ни одной свиньи вокруг. Это был хороший знак! Значит, не всё здесь так безнадежно.

И воодушевленная Верэн Раинер тут же исполнила свою давнюю мечту – пошла в цирюльню и подстриглась. Не слишком коротко, чуть ниже ушей, на моднейшую стрижку «под мальчика» хадрийка не решилась, но по меркам Озанна – вид, достойный всеобщего порицания.

Но как же сладко, как приятно сделать то, что было столько лет под запретом! Вдруг почувствовать, как ветер шевелит волосы, набрасывая тонкие пряди на щеки и лоб, просто чудесно. И никто не посмотрит вслед с осуждением и не прошипит какую-нибудь обидную гадость. Потому что по Дайону ходят толпы девушек и женщин со стрижками, каждую не заклеймишь

«распутницей». Впрочем, оставаться в Дайоне барышня Раинер не собиралась. Здесь, в этом типичном для приморской провинции городе, где жизнь каждого человека так или иначе связана с морем, все окна смотрят в сторону моря и каждый корабль, отшвартовавшийся от причала, уносит с собой кусочек сердца, её тяга к Эспиту только усилилась. К тому же надежда снять самую-самую дешевую меблированную комнату разбилась об суровую реальность, точно волна о мол. За сомнительное удовольствие делить угол с клопами и тараканами хозяин съемного жилья посягал на всё содержимое кошелька Верэн. К счастью, у зеленщицы нашелся угол для «бедной маленькой бродяжки». Правда, добрая женщина вызвала полицейского, чтобы тот проверил документы жилички, но это сущие мелочи по сравнению с новостью о том, что просто так на Эспит не попадешь.

Островитяне последние двести лет были подданными Вирнэйской короны, а значит гражданами другого, не всегда дружественного республике Мурран государства. Последняя Большая война тому пример. Прошло уже десять лет, а отношения между странами оставались напряженными, что сказывалось на пассажирском сообщении. Одним словом, не ходили из Дайона на Эспит пароходы - и всё тут.

- Быть такого не может, чтобы совсем-совсем никак, - размышляла вслух Вэрен, ужиная в компании сердобольной хозяйки.

- Да зачем он тебе понадобился, остров этот? – фыркнула госпожа Гаспард.

- У меня там тетка двоюродная живет. Бездетная. Письма писала, звала к себе, - соврала девушка.

- Тетка, говоришь? А чего ж она тебе не подсказала, к кому обратиться за помощью в перевозе?

- Я… я сначала отказалась.

- А теперь передумала?

- Угу. Папаша хочет, чтобы я замуж шла поскорее.

Романтическая версия вызвала еще большие подозрения у опытной в житейских делах женщины, и она продолжила допрос.

Красиво врать тоже надо уметь, чтобы получалось складно и правдоподобно. Увы, Верэн таким умением не обладала. Но и признаваться в необъяснимом стремлении на остров тоже не хотела.

- Не хочешь говорить – не надо, дело твоё, - обиделась хозяйка и больше тему Эспита не поднимала.

Пришлось девушке самой искать нужных людей. А кто ищет, то всегда находит. Особенно - девицы, особенно - разные

неприятности.

Хорошенькую мордашку и стройную фигурку кое-кто заприметил очень быстро и не с самыми добрыми намерениями. Грех же не воспользоваться чужой наивностью и слабостью! Такие вот девчонки только и существуют для плохого, верно? Сиди дома под мамашиной юбкой и носа со двора не кажи, тогда ничего с тобой не случится. А коли сунулась, не обижайся, сама виновата!

Испугалась Верэн в самый последний момент, когда увидела препохабные ухмылки на рожах окруживших её со всех сторон мужланов. Тут же стали понятны их уклончивые ответы и щедрые посулы. Дескать, не о чем волноваться, барышня, доставим на Эспит в кратчайший срок. А сами хихикают эдак противно. А с другой стороны, в родном Озанне все так разговаривают с девушками, без грубоватого намека двух слов не свяжут. Верэн привыкла. Но дома-то кто осмелится обидеть дочку Раинеров? А тут…

- Давай по-хорошему договоримся, цыпочка. Ты будешь хорошей девочкой и пойдешь с нами, а потом… так и быть, если нам понравится, отвезем тебя на остров, - сказал самый веселый из затейников, деловито расстегивая рубашку на груди.

Скорее всего, городская барышня впала бы от ужаса в оцепенение, но Верэн выросла в деревне и драться не только умела, но и любила. Четверо старших братьев – это весомый повод, чтобы научиться пользоваться не только кулаками, но и зубами, когтями и ногами. Пинаться в голень и тыкать пальцами в глаз Верэн умела в совершенстве. А еще визжать на самой высокой ноте, чтобы куры замертво падали.

Девушка быстро осмотрелась. Вокруг только пакгаузы, а значит, рассчитывать нужно лишь на себя. И она что есть силы рванулась из цепких рук, пуская в ход весь свой арсенал. Проще, пожалуй, наловить мешок портовых кошек, чем удержать разъяренную девку. Даром, что росточком небольшая, а зубы и когти острее не придумаешь.

«Вырваться и бежать, вырваться и бежать! Бежать без оглядки! Бежать!» - мысленно твердила себе Верэн.

И это надо было сделать до того, как один из исцарапанных и укушенных мужиков наконец-то угадает кулаком ей по челюсти.

Тьерран Берт Балгайр. Мурран

«*Что значит: провести эксперимент над истиной? Значит ли это — выдвинуть среди вечного повторения того же самого волю к власти в качестве истинно сущего?*».[3]

Золотые слова! Воля к власти – она такая, даже среди вечного повторения вылезет, как прыщ на заднице. Умный мужик этот, как бишь его… Берт глянул на обложку и сам себе утвердительно кивнул. Герхайдер, точно. С такой фамилией – неудивительно, хорошая фамилия, старая, еще из тех времен, когда чем длиннее было имя, тем выше род. Надо будет дочитать на досуге, чужие умные мысли лишними не бывают.

- Камэл, милочка, запишите на меня Герхайдера! – окликнул Берт библиотекаршу. – И отложите пока. Я загляну через пару часов и заберу.

- Конечно, - барышня, как и большинство барышень на побережье, слегка влюбленная в романтического контрабандиста, стрельнула глазками и процокала каблучками, норовя задеть предмет воздыханий бедром. Рыжий вздохнул. Бедро было хорошо, кто ж спорит, в самом соку бедро, но времени на эксперименты не хватало катастрофически. Да и потом – не в храме же знаний переходить к эмпирическому, так сказать, методу познания бытия?

«Солярка! – строго напомнил себе Берт. – Первым делом – солярка, а барышни – потом, барышни никуда не денутся».

Но настроение у него, когда Берт Балгайр покидал библиотеку, было самое радужное. Клиент оказался рисковым и при деньгах, как и предполагалось, а убедиться в собственной правоте и прозорливости всегда приятно. А еще приятней – прикидывать мысленно, сколько получиться выгадать на этом рейсе. Солярка окупится, это как пить дать. А еще…

«Куплю Лив шляпу, - решил он. – И настоящие хадрийские чулки, а то, небось, опять ходит в штопаных, бедняга».

Хотя с имперской эмиссарши станется эти самые чулки у него на шее завязать морским узлом, да потуже. Она и так не одобряет ни занятия Берта, ни новой затеи островитян. Ни к чему женщину лишний раз расстраивать. Обойдется без чулок. Зачем ей на Эспите чулки, в самом деле?

«Вина возьму. Хадрийского белого. Вино пожалеет, не выльет! И солярки!»

До встречи с авантюристом Лэйгином оставалось еще два часа. Как раз хватит времени на неспешную прогулку вдоль причала с заходом в модную лавку и к виноторговцу. Пока придирчиво выбираешь бутылку стоимостью в сто пятьдесят бон, можно договориться и о паре-тройке ящиков пойла подешевле, которое погрузят на «Келсу» в ночи. А у миленькой резвушки-продавщицы в подсобке шляпной лавки припрятан пяток новых граммофонных пластинок.

Вот так потратишь полчаса на красотку, потискаешь в уголке

на ящиках и пустых шляпных картонках, а она тебе – и ласку, и скидку. Приятное, так сказать, с полезным…

Получаса он, впрочем, не потратил, быстрей управился, но барышня не роптала. Все-таки сам Рыжий Берт захаживает, не какой-нибудь забулдыга-матрос, у которого всех достоинств – циррозная печень и недолеченный сифилис. И не просто ведь захаживает, а и процентом не обижает. Хоть и нечастая, а радость. В общем, с девушкой из шляпной лавки Берт расстался, довольный и собой, и ею. И пошел себе дальше, насвистывая. Хотя на самом деле унылый маленький ханжа, сидящий глубоко-глубоко в нутре у веселого контрабандиста, опять подал голос. Неправильно всё это, вообще-то. Совсем неправильно. И девки вконец одурели, потеряв всякий стыд, особенно после войны. И жалко их, дурех! Схлестнулись Империя с Республикой на морях и на суше, насмерть вцепились в глотки – и остались на полях тех сражений не тысячи даже – миллионы! Вот бабы и шалеют с тоски, на любого готовы наброситься, лишь бы в штанах был. Уже и юбки укоротили чуть ли не до задницы, и сами брюки надели, и к станкам встали, и даже, болтают, машины водить начали. Про стрижки и говорить нечего. Скоро уж и не отличить будет девицу от парня. И если бы Берта Балгайра хоть чуточку заботили дела республиканские и имперские, вконец загрустил бы Берт Балгайр от этих дел. Но, хвала *морским и подземным*, у него и своих горестей хватает. Как и у всех обитателей Эспита, впрочем. Жизнь на этом клочке суши очень быстро воспитывает здоровый эгоизм.

Берт и сам не понял, почему настроение его, недавно столь радужное, так резко испортилось. Только что веселый и беспечный, он вдруг помрачнел. Может, Лив права, и новая затея островитян ничего хорошего не принесет? Ведь сколько раз уже пробовали, а все без толку!

«Ты прям как баба расклеился, приятель! – укорил себя он. – Хрен с ним, с островом! На солярку заработал – уже хорошо!»

Тем не менее в лавку к виноторговцу Берт зашел с таким мрачным видом, что добряк Дамхин чуть в штаны не наложил с перепугу, решив, что Рыжий притащил «на хвосте» полицию или еще того хуже – таможню. Но в подвал все-таки пригласил. Балгайр утешать поставщика не стал, только по сторонам зыркнул и пробурчал: «Привет» так, что и глухой расслышал бы «Чтоб вы все сдохли!»

- Не задался денек, Берт? – утерев пот и отдышавшись, поинтересовался Дамхин. – Не хочешь продегустировать кой-чего?

- Давай! – махнул рукой контрабандист и, сняв шляпу, сел прямо на ящик.

- Ты чего вырядился, словно крючок банковский? – покосился на непритязательный костюм островитянина лавочник и нацедил прямо из бочки красного в обычный граненый стакан.

- Дела, - неопределенно пояснил Берт и подозрительно принюхался: - Хадрийское?

- Обижаешь, дружище! Чистая «Неритта», без обмана. Из самой Патрины доставили аккурат на днях. Не разлил еще, правда…

- Тебя надули, Дамхин. Если это Неритта, то я адмирал. Лопух ты, хоть и лавочник, лопухом помрешь, и лопухом родишься. Разливай, возьму ящик. Только если опять этикетку вверх ногами приклеишь, я тебя утоплю в этой бочке, понял? Сам не углядел, так хоть девку какую найми, чтоб помогала. С девками всегда проще.

- Тьфу! Скажешь тоже – девку! – торговец слегка порозовел и засопел, как закипающий чайник. – От баб мороки много, сам знаешь.

- Знаю, - вздохнул Берт. – Нацеди-ка еще стаканчик. Кстати, о бабах! Я тебя просил бутылочку «Тейрана» для меня отложить.

- Сей момент! – Дамхин шмыгнул куда-то в глубины подвала и зашуршал там. – О! Вот она, родимая… Двадцатилетний!

- Точно? А то у моей нюх на сивуху, абы что она пить не станет.

- Обижаешь, Берт! Уж для такой дамочки мы завсегда расстараемся! Кстати! – вернувшись, лавочник показал бутылку темного стекла, достаточно пыльную, чтобы казаться вместилищем настоящего марочного «Тейрана». Пусть не двадцатилетнего, но довоенного точно. – Сразу хотел сказать, да запамятовал… Девка тут одна бродила, все выспрашивала про Эспит.

- Да ну? – равнодушно обронил Берт, разглядывая бутылку на просвет. – Слушай, мне кажется или там действительно осадок, а?

- Мерещится тебе, Рыжий! – обиделся Дамхин. – Так вот, молоденькая совсем бабеночка, шустренькая, как ты любишь. Очень уж ей приспичило на остров ваш попасть. Прям вся извертелась.

- А ты?

- А что я? Ты ж не докладывал о том, где тебя искать. Вот я и послал ее к седьмому причалу, ну, где старые пакгаузы… Эй, ты чего?

- Ясно, - Берт встал и засунул бутылку подмышку. – Я ж говорю – лопух ты. Короче. Разливай свою якобы «Неритту» и этикетки в ящик положи, я сам наклею. Подвезешь на старое место. А это пойло я заберу в счет долга за прошлый раз. Идет?

- Угу, - вздохнул лавочник и снова вытер пот. – А насчет девки?

- Разберемся. Ну, бывай. Да не суетись, я дорогу сам найду.

До встречи с Лэйгином у Берта оставался еще час. Должно хватить времени, чтоб выяснить, что это за барышня бродит меж пакгаузами в поисках пути на Эспит. И насколько оной барышне действительно нужно на остров.

У седьмого причала было мрачно, несмотря на солнечный день. Вечная сырость, запах гниющих водорослей, причудливо смешанный со стойким ароматом угля и мазута, серые от времени стены пакгаузов, облупившаяся краска и ржавые остовы баркасов чуть поодаль. Если пройти подальше, можно было наткнуться на железнодорожные пути, спрятавшиеся в зарослях кипрея и лопухов. Во время войны здесь кипела жизнь, а вдоль складов туда-сюда шастали патрули. Сейчас же всё замерло, сонное и притихшее. Самое то место для юных дев в поисках приключений. Даже если сильно стараться, то лучше вряд ли найдешь. Тут и заблудиться немудрено, и на стаю бродячих собак нарваться, и вообще, кричи – не докричишься, а побежишь, так все ноги переломаешь.

Вот каким, скажите на милость, местом должна думать девица, чтобы решиться прийти в такое место, а? Точно не головой. Бурча себе под нос ругательства, Берт продрался сквозь пышные заросли репейника, больше всего переживая за бутылку. Марочный «Тейран» - отличный способ умаслить Лив, дама Тенар – та еще лакомка. А споткнуться здесь и выронить драгоценную ношу совсем немудрено.

Берт не споткнулся, Берта толкнули, да не просто, а едва с ног не сбили. Растрепанный смерч в юбке налетел на него, едва контрабандист завернул за угол одного из пакгаузов. Бедствие пыхтело и сипело так хрипло, что вопрос, почему оно не голосит на весь порт, отпал как дурацкий. Голосишко сорвала, вот и не орет. Зато высказался сам Балгайр, неверяще уставившись на осколки его несостоявшегося подарка.

- Ты, кошка драная! – взревел он, хватая девицу за подол. – Ты где свои зенки забыла, курица?!

- Помогите… - пискнула она. – Насилуют…

- Щаз я тебе помогу, дура, - в сердцах посулил Балгайр и от души шлепнул беглянку по заднице. Но продолжить благое дело воспитания в барышне уважения к чужой собственности не успел. Вслед за девкой из-за пакгауза выскочили трое расцарапанных и весьма рассерженных мужиков.

- Ага! Попалась, шалава! Не уйдешь! – заорал один, весь пышущий охотничьим азартом, но осекся, встретившись взглядом

с Бертом, и примолк.

- Ша, парни, - бросил Балгайр, покрепче ухватив барышню за локоток. – Пошутили, и хватит. Кабаре закрывается.

- Слышь, Рыжий, ну ты не борзей вконец-то! – возмутился один из «охотников». – Твоя, что ли, девка?

- Да уж не ваша. Я тут с ног сбился искать, куда моя клиентка запропала, а вы, значит, решили мне дело сорвать? Не по закону, парни. Или надумали на мою территорию пролезть? Мозгам душно стало, сквознячок устроить?

- Ладно, ладно, поняли! – примирительно поднял ладони старший. – Твоя так твоя.

- Смотрите, какие мы смышленые! – издевательски оскалился Берт. – Прям академики! Еще раз узнаю, что кто-то из вас к моему товару свои лапы поганые тянет, пристрелю. Пшли, прыткая моя. Или передумала плыть на Эспит?

- Н-нет, - выдавила барышня.

- Ну, тогда шевели ножками, раз-два, раз-два. Вот так, умничка. Если я из-за тебя на встречу опоздаю, поедешь в трюме вместе с крысами.

Поминутно оглядываясь на поскучневшую троицу несостоявшихся насильников и спотыкаясь через два шага на третий, девушка послушно заковыляла за Балгайром. Только минут через десять он понял, в чем дело. Бедняга то ли каблук сломала, то ли ногу подвернула – с этими бабами не поймешь. Но время уже поджимало, поэтому Берт попросту поднял «клиентку» и забросил себе на плечо. По ровной дороге сама потопает, а покамест и понести можно. Жаль, что хоть и щуплая, а все ж не такая маленькая, чтоб подмышку ее сунуть, как сгинувшую бутылку. Было б справедливо.

Выбравшись, наконец-то, из лабиринта портовых строений, Берт поставил барышню на ноги и скомандовал:

- Одерни юбку! Чулки подтяни! И волосенки свои подбери под шляпку. Мы же не хотим, чтобы первый же встречный полицейский решил, что у тебя проблемы?

- Угу, - спасенная девица шмыгнула носом и тут же страдальчески его сморщила.

- Хорошо! – одобрительно кивнул он. – Теперь ноги. Что ты ковыляешь, словно беременная лягушка?

- Туфли…

- Хм… Ну, на руках я тебя через весь город не потащу, ты уж извини. Возьмем, значит, извозчика, иначе можно опоздать. Я и так по твоей милости остался без топлива, а если еще и клиент сорвется… Где твои вещи? Надо их забрать, хотя, если хочешь, можем и оставить.

Но тут барышня, видимо, окончательно уверившись в спасении, показала норов.

- С чего это вы решили, будто я с вами куда-то пойду?

- Ты же хотела попасть на Эспит, - напомнил Берт. – Или меня обманули? Ну, так на остров тебя могу отвезти только я, больше никого не найдешь.

И широко улыбнулся, дескать, не сомневайся, малышка, я тут самый незаменимый.

- И чего же мне это будет стоить? – недоверчиво осведомилась девушка, всем видом своим демонстрируя, что подозревает в рыжем контрабандисте как минимум насильника и убийцу, а вполне возможно, и людоеда. После ее портовых приключений, впрочем, неудивительно.

- Тебе, рыбка моя пушистая, это обойдется… м-м… ну, скажем, в десятку, - Балгайр подмигнул, а потом уточнил серьезно: - Десятка-то у тебя есть? А то у меня принцип – бесплатно никого не вожу, даже тех, кому на самом деле очень надо попасть на Эспит. Но могу в долг.

- Вы смеетесь?! И кто вы, в конце концов, такой?

- Очень своевременный вопрос! Позвольте представиться, милая барышня. Берт Балгайр, - он сдернул с головы потрепанную шляпу и изобразил что-то вроде поклона. – Так же известный как Рыжий Берт. Я своего рода… почтальон. Моя специализация – срочная доставка самых разнообразных грузов в труднодоступные места. Весьма, знаете ли, востребованная профессия в наши сложные времена. И, поскольку я независимый перевозчик, то и стоимость услуг исчисляю сам. Вот как сейчас. Всё зависит от того, насколько сильно человеку нужны мои услуги. Поверь мне на слово, малышка, именно тебе на Эспите самое место. Ну что, по рукам?

- Угу, - кивнула барышня, ошеломленная таким напором.

- Ну, вот и славненько. Да, и кстати… Как тебя зовут-то, милая?

Верэн Рашнер. Мурран

Правильно мать говорила: «Дурёха ты, Вер, как есть дура! Пропадешь в первой же подворотне. И молись, чтобы тебя всего лишь ограбили, а то ведь снасильничают и удавят по-тихому». Ибо только самая непроходимая дурында способна попасться на простейшую уловку, на «слабо».

«А слабо тебе, малявка, поговорить с серьезными людьми?» Большего и не потребовалось, чтобы Верэн задрала нос и

потащилась в пакгаузы, как глупый щенок на веревочке.

Теперь-то что махать кулаками, когда драка кончилась? Барышня Раинер бичевала свою доверчивость изо всех сил, но червячок сомнения грыз её изнутри с неослабевающей силой.

Рыжий спаситель её, Берт Балгайр, на рыцаря в сверкающих доспехах походил меньше всего. И на его, чего уж греха таить, очень и очень мужественном лице не были записаны клятвы хранить целомудрие спасенной только что девы. И даже малюсенького обещания не ограбить оную деву и не выбросить за борт на корм рыбам – тоже не сыскать, хоть под лупой рассматривай.

И что делать прикажете? Отказаться плыть с Бертом и продолжать искать другой способ попасть на Эспит? Или согласиться и снова рискнуть?

Верэн украдкой поглядывала на Берта, пытаясь таким сомнительным способом уяснить для себя – злодей он или нет. Что может быть хуже, чем помереть потому, что постеснялась лишний раз вопрос задать? А какой вопрос? «Скажите, дяденька, а вы меня не сначильничаете ненароком и не утопите?» Ничего умнее девушка придумать не могла.

Вот попала, так попала! Проще на горячей сковородке усидеть!

- А далеко до Эспита?

- Это смотря на чем плыть, - уклончиво ответил Берт.

- А мы на чем?

- На моем баркасе, рыбка. У тебя морской болезни нет?

Что такое «морская болезнь», Верэн знала только из книг.

- В поезде меня не укачивает.

- Это хорошо, - улыбнулся мужчина, блеснув ровными белыми зубами. И еще эта пробивающаяся щетина на щеках…

«Дура! Не глазей на него так, словно готова скинуть юбку прямо на улице! Не смей!» - приказала себя Верэн. Но нет-нет, да и косилась в сторону мужчины. Её же только что спасли от кое-чего похуже смерти. Вот он и спас! А мог бы и не спасать, между прочим.

Одним словом, хадрийка изводила себя незаданными вопросами и внезапной симпатией к смазливому Берту. И как все женщины, строила если не планы, то сильно-сильно загадывала на будущее.

«Ему лет тридцать-тридцать пять, - размышляла практичная дщерь полей и садов Хадранса. – Взрослый, опытный, при деле и связях… И красавчик к тому же».

Почему нет? В своих достоинствах Верэн не сомневалась. В Озанне все знали, что у старшей Раинер самая красивая

мордашка в округе. И волосы.

А уж если представить, что скажет мать, когда узнает, какого мужика отхватила себе её непутевая Вер…

Размечтавшись, девушка споткнулась, захромала еще сильнее, но неприятность эта, к счастью, изгнала все мечтания прочь. Даже смешно стало.

«Все-таки ты такая глупая дурында, Вер!»

Ланс Лэйгин. Мурран

Кому никогда не доводилось одним махом на корню менять свою жизнь, сниматься с насиженного места по первому зову, тому вряд ли будет знакома эта щекотная легкость во всем теле, когда тебя ничего не держит – ни собственность, ни привязанности, ни обязательства. Свобода пьянит крепче вина, и пристрастившийся к этому сладкому зелью потерян для общества навсегда. Привычка – вторая натура, а привычка к перемене мест зачастую становится натурой первой. Не сидится таким «птицам» в самом уютном гнездышке, не копится на банковском счету, не откладывается про запас, а всё, что попадет в руки, тут же уплывет, оставив после себя эйфорию освобождения.

Потому-то Ланс, едва распрощавшись с «*айр эмэри*», забыв о солидности и вальяжности, почти в припрыжку мчался на встречу с контрабандистом, счастливый и абсолютно свободный. И это восхитительное ощущение стоило даже больше двух тысяч. Попроси Берт у него еще тысячу – отдал бы без разговоров. А чего мелочиться, когда до острова уже рукой подать? Есть, есть у настоящих авантюристов двадцать пятое, неоткрытое еще наукой чувство, которое лучше носа чует запах Удачи, яснее самых зорких глаз видит за смутными намеками Чудо и издалека слышит сладкий шелест Больших Денег. В этом смысле Ланса Лэйгина природа одарила щедрее некуда, и как говаривал его собственный отец: «По-хорошему, тебе следовало бы родиться породистой гончей собакой. Всем было бы спокойнее».

Собак Ланс любил и, не веди он жизнь бродяги, обязательно завел бы парочку барбосов. Чтобы иметь сотоварищей по профессиональному вынюхиванию, например.

Горбатые улочки Дайона выгибали каменные спины, подставляя гранитную чешую подошвам Лансовых ботинок. Жасминовые кусты осыпали будущего триумфатора нежными лепестками, а девушки так щедро улыбались заезжему симпатичному мужчине, словно он уже привез с Эспита сокровища древнего Калитара.

«То ли еще будет!» - твердил себе Ланс и жмурился, не столько от закатных солнечных лучей, сколько от удовольствия и предвкушения.

А вот чего Лэйгин никак не предвидел, а двадцать пятое чувство не подсказало, так это появления рядом с Бертом девицы. На первый взгляд она показалась Лансу подростком. Темноглазая, худенькая, стриженая девчушка не старше пятнадцати лет. Но стоило ей заговорить, как иллюзия разрушилась.

- Верэн Раинер, - сказала она хрипловатым густым контральто. Или как там называется такой тип голоса, действующий на впечатлительных мужчин крайне возбуждающе. А этот тягучий хадрийский акцент, словно бы специально придуман для введения самцов в плотское искушение.

Второй, более пристальный взгляд, брошенный кладоискателем, моментально отметил недетские округлости её фигуры. Грудь что надо, стройные ножки, пухлые губы.

Но Ланс вовремя вспомнил, что он тут по делу, очнулся от наваждения и представился девушке честь по чести. И тут выяснилось, что девица тоже плывет на Эспит. Невзирая на вспышку ящура.

«И сколько же она заплатила? – удивился Ланс, разглядывая свою будущую попутчицу. – Или чем?» Платьишко на барышне дешевенькое, даже не из магазина готовой одежды, а перелицованное из какого-то старья, чулки штопанные, и только туфли новенькие, немилосердно жмущие, толком не разношенные.

Но при каждом упоминании острова карие глазищи Верэн вспыхивали азартом и такой узнаваемой жаждой.

«Конкурентка?»

- Где вы учитесь? – настороженно спросил Лэйгин.

- Так я уже выучилась. В школе.

- В какой?

- Да в Озаннской же!

«Озанн! Проклятье, Озанн!» - мысленно охнул мужчина.

Девица оказалась родом из самой заскорузлой дыры, какую только можно отыскать в Мурране. Снова метафизика?

- Ну, вот и добрались! – жизнерадостно оповестил спутников Берт и два раза стукнул кулаком по кабине грузовика, привлекая внимание шофера. – Тормози, дружище! Мы дальше ножками! – и, заметив настороженный взгляд барышни, как бишь ее, Раинер, поспешил успокоить: - Тут недалеко. Сейчас свернем во-он на ту тропинку и спустимся к морю. Вашу ручку, милая.

«Милая», наглотавшаяся пыли и наверняка отбившая все свои округлости в кузове подпрыгивавшего на каждой колдобине

грузовика, только чихнула в ответ. А кладоискатель, безуспешно отряхивая шляпу, все поглядывал с тревогой назад, туда, где еще не улеглось облако пыли, поднятой колесами громыхающего и ревущего, как дракон, «Одрана». Погоню, видать, высматривал. Не грех и воспользоваться беспокойством клиента, раз так.

- И вы пошевеливайтесь, господин Лэйгин. Чем скорее мы с вами отчалим, тем лучше будет для всех, верно?

А чтоб путешественники не заскучали, поскальзываясь и сбивая каблуки на извилистой каменистой тропинке, ведущей вниз, к воде, Берт решил развлечь их беседой. Тем паче, что авантюрист Лэйгин сам обмолвился насчет рода деятельности Балгайра.

- Кто ж спорит, занятие и впрямь малопочтенное, - пожал плечами рыжий. – Но это смотря с чем сравнивать. После войны с почтенными занятиями для людей моего склада и с моим опытом стало туго. Вот сюда ножку ставь, барышня, а еще лучше – ухватись за нашего ученого да покрепче! Хотя промышлять грабежом почтовых, к примеру, отделений или поездов, кто ж спорит, гораздо выгодней. Но добрая моя натура всячески противится насилию, да-да… да смотри ж ты под ноги, кур-р… рочка моя!

- А контрабанде ваша натура, выходит, не противится? – осведомился Лэйгин и добавил: - Я не острю, просто уточняю.

- Н-ну, контрабанда… - Берт остановился ненадолго и, прикрыв «козырьком» ладони глаза от вечернего солнечного блеска, пляшущего на волнах, глянул в сторону моря. – Вольная перевозка, я бы сказал. Свободная доставка. Посудите сами: Мурран и Вирнэй хоть и замирились, а продолжают мелко друг дружке гадить, словно два лавочника. Ее Величество Эвонна, будучи женщиной практичной, торговые санкции против республики вводить не стала, но зато так подняла пошлины, просто кошмар! Можно ведь ее понять, правда? Но в итоге добрые вирнейцы остались без хадрийских вин. А уж этот «налог на танцы»! В империи теперь так просто патефонную пластинку и не купишь. Запрещены к ввозу и некоторые вредные сочинения вредных республиканских авторов, да того же Герхайдера, например. В общем, Вирней изнывает от жажды телесной и духовной. Ну, а я по мере сил облегчаю соотечественникам эти муки. О, вот и моя малышка показалась! Поторопимся, друзья. Скоро отлив.

- Ну, а в Мурран что возите? – не отставал Лэйгин. – Уж, верно, не вино?

- Нет, - Берт улыбнулся и покачал головой. – Совсем не вино. Но пусть это останется моей тайной, договорились?

- Вы же вирнеец.

- Я – в первую очередь эспитец, - парировал Балгайр этот недосказанный упрек в отсутствие патриотизма. – И во вторую, и в последнюю – тоже. А у нас, эспитцев, свой, особенный взгляд на многие вещи… «Келса»! Здравствуй, милая! – он раскинул руки так, словно собрался в объятия заключить небольшое судно, покачивавшееся на волнах в крохотной бухточке. – Знакомься, малышка: этот представительный господин – Ланс Лэйгин, известный ученый, между прочим. А эта прелестная барышня – Верэн Раинер, и она вполне может оказаться нашей будущей соседкой. Ну, как они тебе, «Келса»? Ничего?

Игнорируя изумленные взгляды спутников, он немного постоял, склонив голову набок, будто и впрямь прислушивался к ответу, а потом кивнул: - Вот и я думаю, что посмотрим. А теперь позвольте представить вам, друзья, мою верную подругу и боевую соратницу. «Келса», что, как известно господину Лэйгину, на старо-вирнейском означает «шустренькая». Прошу любить и не жаловаться!

Глава 3

Мерерид Дина Тэранс и Фрэн Лисэт Тэранс. Остров Эспит.

- Закрой окно! Запах невыносимый!

- Сейчас, мама.

- Что? Я не слышу! Ты закрыла окно?

- Уже иду. Одну минуту, я чищу лук.

- Ты уже закрыла окно? У меня раскалывается голова!

Сирень под окнами росла с тех пор, как Мерерид Тэранс здесь поселилась, а значит, уже лет сорок, и только на сорок первом году хозяйка выяснила, что не любит её запах.

По этому поводу Фрэн успела поругаться с матерью раз семь. Счет был «четыре-три» в пользу дочки, и теперь мамочка жаждала реванша. Предполагалось, что по первому зову Мерерид надо бросать все дела и мчаться исполнять приказ.

- Сейчас, сейчас, уже иду, - бодро пробормотала Фрэн и как ни в чем не бывало принялась чистить картошку. – Бегу, бегу…

- Окно! Сколько можно просить?

Фрэн улыбнулась своим мыслям. Конечно же, Мерерид сидит в кресле под тем самым окном и даже пальцем не шелохнет, чтобы его закрыть. Потому что тогда в комнате станет жарко и душно. А под окном сирень, чей запах непереносим. И уйти в сад нельзя, вот же в чем вся драма! Из сада нипочем не докричаться до кухни. Как подчас жестока жизнь, ай-ай.

- Ты моей смерти хочешь?

Госпожа Тэранс явилась засвидетельствовать крайнюю степень возмущения лично.

- Нет, мама, конечно не хочу. Как ты можешь такое говорить? – изумленно воскликнула Фрэн, не отрываясь ни на миг от бугристой картофелины. – Я сию секунду закрою окно. Вот уже его зак-ры-ва-ю…

Кожуру следовало снимать очень тщательно, но при этом тончайшим слоем, ибо скандал из-за толстых очистков не входил в планы Фрэн на вечер.

- Издеваешься? – уже совершенно спокойно спросила Мерерид, заглядывая дочери через плечо. А вдруг та снова взяла неправильный ножик?

- Ни в коем разе! С чего ты взяла?

- Я прошу закрыть окно, а ты…

- Если тебе плохо пахнет, закрой сама, - отмахнулась Фрэн.

Ей предстояло самое сложное – нарезать клубни

«правильными» кусочками, такими, какими мамочка будет их есть. Пользоваться штангенциркулем было неспортивно. И кабы Мерерид не стояла над душой, то долгих лет практики дочке вполне хватило бы на эту ювелирную работу.

- Почем ты брала картофель?

- Мама, это наша картошка, с нашего огорода.

- Это не повод переводить продукты!

- Совершенно с тобой согласна. Продукты надо беречь, а деньги – экономить.

Мерерид тяжело вздохнула. Сегодня, определенно, был не её день, и все попытки испортить настроение Фрэн волнами разбивались о твердокаменное спокойствие дочери, как об волнолом. Долгие годы, проведенные под одной крышей, закалили их обеих. Все аргументы и контраргументы использованы друг против друга уже раз по сто, новые еще надобно придумать, а в такую жару и в голову ничего оригинального не приходит.

Тэранс-старшая с надеждой заглянула в сахарницу. Ага! Так и есть!

- У нас закончился сахар! Ты как всегда забыла купить сахар! А лавка уже закрыта, между прочим.

- Я купила сахар еще вчера, - промурлыкала Тэранс-младшая. – Насыпь, пожалуйста, из коробки.

И тут Мерерид осенило.

- Так это значит, ты купила новый сахар еще раньше, чем закончился старый? У тебя совесть есть, вообще-то?

- Есть, - честно призналась Фрэн.

Сахар в качестве повода для скандала ей нравился больше, чем неправильно нарезанная картошка. Если, скажем, Мерерид станет в знак протеста пить чай без сахара хотя бы один месяц, то они сэкономят целых 15 ориков[4]. Мелочь, а приятно!

И Фрэн, понятное дело, тут же размечталась, как потратит деньги. На Эспите никто особенно не шикует, но Тэрансы всегда жили весьма и весьма скромно, а говоря честно, бедно жили. Той опрятной миленькой бедностью, которая радует взгляд окружающих, но требует неимоверных усилий.

- Даже не надейся! – насмешливо фыркнула Мерерид.

Иногда Фрэн казалось, что мать умеет читать мысли, причем только её мысли.

- Ты о чем?

- О сахаре. Сделай мне чай с сахаром.

- Сама сделай.

- Тебе так сложно сделать для матери одну маленькую чашечку?

- Угу. Сейчас я стану жарить лук.

И чтобы у мамы не возникло и тени сомнений, вывернула миску с луком на сковороду с разогретым маслом. Если в доме нет мяса, то что может быть лучше золотистого, ароматного лука в жарком?

- Опять эта вонь! – брезгливо поморщилась Мерерид. – Пойду-ка я прогуляюсь на свежем воздухе. Поймаю парочку рыбин. Надо же что-то кушать в этом доме!

Обида звенела в её голосе почище иной колокольной бронзы, пронзительно так.

- Иди, но не забудь зонтик от солнца.

Весь вечер лечить матушкину мигрень Фрэн не хотелось. Она тоже читала намерения Мерерид на два хода вперед.

- С моря дует ветер, зонтик поломает или унесет.

- Тогда – шляпу.

- Мне будет жарко.

- Соломенную шляпку, чтобы не напекло в голову, и ты потом не слегла с болями.

- Ты разговариваешь со мной, как с капризным младенцем.

- Даже и не думала, - спокойно ответствовала Фрэн, тщательно помешивая лопаточкой лук.

Мерерид ушла крайне недовольной. Хлопнула дверью так, что стены затряслись.

«Уф! Вот и славно!»

Фрэн плюхнулась на стул, как марионетка с обрезанными ниточками, но вовсе не от усталости, а чтобы убедиться своими глазами – Мерерид с удочками гордо шествует по тропинке, а не притаилась в прихожей. Со спины матери никогда не дашь её шестьдесят лет: осанка ровная, ноги крепкие, шаг пружинящий. Бедрами тоже вилять не забывает. Да и губы, скорее всего, накрасила густо, не жалея помады, но это исключительно назло дочке. Элисона ей все равно не встретить, он на берегу не рыбачит. Так что пусть порадуется, старая блудливая кошка.

Поле боя осталось за Фрэн и, так как случалось это в последнее время не так уж и часто, женщина наслаждалась одиночеством с размахом, достойным впервые за несколько месяцев ступившего на берег морячка. Она сняла обязательную на кухне косынку, расплела косу, тем самым дважды освободив волосы, и стала тихонечко напевать модную песенку. А потом распахнула окна настежь, позволив сквозняку свободно гулять по всему дому. Глупцы – те, кто боятся одиночества, глупцы и трусы. Не зависеть от других людей, не подстраиваться под чужие желания, не делить ни с кем жилье и личное время – это же прекрасно! А главное, не спрашивать разрешения и не

отчитываться.

Фрэн упивалась теми редкими часами одиночества, когда рядом не было Мерерид, точно пьяница дешевым и крепким вином. Смаковать-дегустировать нет времени. Хочешь ощутить приятную легкость во всем теле, расслабиться и забыться – хлещи пойло стакан за стаканом, не останавливайся, следующего раза может и не быть.

И как обычно, в самый неподходящий момент появился незваный гость.

- Эй! Фрэн! Ты дома?

Кто всегда приходит не вовремя? Правильно! Почтальон. У Гаральда просто дар оказываться в неподходящем месте.

- Мерерид!

И от него невозможно спрятаться. Гар Нашвит неотвратим, как осенняя буря, и разрушителен, как шторм.

- Я тут. Не ори, как полоумный, – шикнула на него Фрэн.

Еще не хватало, чтобы Мерерид услышала и примчалась совать свой нос.

Главный и единственный представитель почтовой службы её величества на острове Эспит в прошлом году выбил у ведомства казенный велосипед, но ездить на нем - не ездил. Только возил рядом, придерживая за ручки руля. Вот и теперь он стоял, облокотившись на седло, с таким видом, будто за это утро объехал весь остров раз сорок.

- Как у нас на завтра с погодкой, Фрэничка? – мурлыкнул Гар, ласково щурясь.

Женщина, не говоря ни слова, протянула ладонь в требовательном жесте.

- Ты чего?

- Два орика, Гаричек, - передразнила она почтаря. – Как велит устав Имперского Ковена, за каждое предсказание берется мзда. Со всех и каждого. Без исключения.

От кипящей внутри злости, Фрэн говорила отрывистыми короткими фразами, чтобы не сорваться на ругань.

- Так для общего же дела, - попытался вывернуться Гар.

- Для общего дела хватит недельной давности прогноза.

Почтальон задумчиво поскреб намечающуюся лысину.

- Какая ты мстительная, Фрэн Лисэт. Истинно – ведьма, - молвил он с укором.

В нынешний цивилизованный век древнее ведовство окончательно пришло в упадок, и ведьмами дразнили всяких вздорных баб.

- А не нужно было жаловаться на меня ревизорше.

- Так это пять лет назад было!

- И все эти пять лет я едва концы с концами свожу. Из-за тебя!

Ревизорша от Ковена уехала довольная, как хорек, разоривший курятник.

- Фрэн, я был под присягой.

- А я не ошиблась, это тебе не понравилось предсказание.

- Фрэничка…

- Два орика, Гар! – рявкнула ведьма.

И две монетки тут же легли в её ладонь. Аж горячие были, так крепко сжимал их Гар Нашвит, нипочем не желая отдавать. Что и говорить, щедростью эспитцы не страдают.

Но плата получена, и её нужно отработать.

Фрэн закрыла глаза и скользнула в незримую дверь, за которой только слепящая тьма. Но и смотреть-то не глазами нужно. Предсказывать погоду легко. Это же природа. Где-то в жарких широтах океан уже прогрелся и испарил много воды, она поднялась высоко-высоко и превратилась в облака. Океанские течения и воздушные потоки уже несут их к Эспиту. Будет шторм, будет сильный ветер, море будет бушевать. Но буря пронесется мимо, лишь краем своих черных крыльев задев одинокий остров. Дожди выльются на материке, на приморские области вирнейской империи, возможно, некоторые города сильно затопит. Но Эспиту… Нет, Эспиту ничего не грозит, и их Общему Делу тоже.

Так Фрэн и сказала другу-Гаральту, расстроив почтальона несказанно. Отдать целых два орика и услышать то же самое, что и прежде! Обидно!

- Ты уверена? Точно-точно?

- Точно, как если бы сама была морской бурей. Берт - опытный моряк, я за него ни капли не переживаю.

- Это потому что ты из «правых», - уверенно заявил Гар и принялся топтаться возле своего велосипеда, будто собрался на него садиться.

- Ой! Можно подумать!

Будь у Фрэн времени побольше, она бы поглумилась над одним из «левых», но благословенные минуты покоя и так уходили безвозвратно.

- Удачной дороги, Гар.

- И тебе не скучать, - хмыкнул почтальон.

Похоже, все остались довольны раскладом: ведьма получила мзду, островитяне – точный прогноз и новые надежды. Впрочем, грядущая хорошая погода была и в интересах самой Фрэн. Как же – еще один год, еще один шанс!

На пороге женщины обернулась. Так и есть! Гар катил двухколесную машину за руль, не удостоив седло своей задницы.

Несмотря на то, что ночь выдалась ясной, а потому на этот раз обошлось без протечек, Лив проснулась не в самом лучшем настроении. По своему обыкновению, глаза она открыла еще до рассвета, не дожидаясь, пока большой медный будильник оглушительным звоном начнет вторить петуху в курятнике Хила, ближайшего соседа, а Перец толчком могучего плеча откроет дверь и выйдет во двор по своим собачьим делам. На Эспите замок в свою дверь врезал только Джай, извечный паникер и параноик. Прочие же обитатели благословенного острова о запорах и засовах только читали или слышали, а навесной амбарный замок видали лишь на двери в крошечную эспитскую тюрьму. Одна из тех пикантных особенностей, что и привлекали во владения Вардена, лорда Эспита, всяческую титулованную публику. Отсутствие замков и малочисленность местной общины как раз и означает спокойствие и безопасность для людей, желающих отдохнуть от суетного света. Зачастую – инкогнито.

У Лив с дорогими («Очень дорогими!» - как со смехом признавался лорд Варден после третьего бокала контрабандного хадрийского) гостями владельца острова проблем не возникало никогда, да и не могло возникнуть. За ажурную ограду поместья они если и выбирались, то в сопровождении самого хозяина, вроде как на экскурсию – посмотреть, как живет добрый эспитский народ. Обыватели, загодя предупрежденные, искренне обеспечивали «колорит» - облачались в «народное», плясали, пели и занимались традиционными ремеслами прямо у обочины. На главной площади – тоже. В итоге все расставались довольными: эспитцы подсчитывали барыши от продажи сувениров, а порозовевшие и откормленные устрицами заморские гости уплывали восвояси и увозили полные чемоданы всяческого барахла. За один сезон островитяне продавали столько кривобоких глиняных тарелок и круглых плетеных ковриков, что лет за пять можно было обеспечить всю империю. Полные впечатлений от «волшебного острова», где-то среди скал которого притаился Источник то ли Молодости, то ли Исцеления, рафинированные имперские аристократы рассказывали потом в своих салонах какие-то дикие байки об Эспите, привлекая на остров все новых и новых клиентов. Кто же откажется окунуться, так сказать, в легенду, да еще и с головой? Вот и ныряли, да так, что некоторых приходилось вылавливать. Чего стоит только один впечатлительный художник, который, после визита на «особенный» пляж лорда Эспита и омовения в источнике… вдохновения, кажется, вознамерился поселиться здесь насовсем.

Получив вежливый отказ, бедняга, нюхнув модного богемного порошка, вознамерился то ли взлететь, то ли самоубиться. Сиганул со скалы в обнимку с этюдником. Так и не выловили. А стареющая оперная дива, нагишом бегавшая вдоль линии прибоя и распевавшая при этом отнюдь не классические арии? О! Кто-то скажет – разврат и падение нравов, но ведь именно затем на Эспит и ехали. Именно потому, что милые забавы сливок общества приобретали иногда феерический размах, всякую прочую шваль на остров и не пускали. Во избежание.

Дама же Тенар в силу своей должности (как-никак даже гулящим аристократам иногда требуется представитель имперской власти) и особого положения оказалась вхожа за забор поместья. Имперская эмиссарша имела законное право раз в неделю обедать у лорда, чем она и пользовалась, не пропустив ни разу. А гордая владелица башни – единственного строения с участком, не являющегося собственностью хозяина острова – формально была равна лорду по статусу, а потому могла наносить ему визиты. По-соседски. На завтрак. Лорд Варден, будучи человеком общительным и веселым, посчитал, что лишняя порция яичницы, пара-тройка гренок, рюмочка ликера и чашка чаю его не разорит, так что вскоре после первого утреннего визита соседки для Лив начали заранее ставить прибор. Дружелюбие владельца острова зашло так далеко, что он даже решился как-то на ответный визит. Заехав на послеполуденный чай в башню Тенар и отведав оладий, на скорую руку испеченных Лив, более лорд таких глупостей не делал. Одного раза, должно быть, ему хватило. Зато на завтрак эмиссарше теперь подавали двойную порцию, а кухарка периодически норовила подсунуть сверточек с «сухим пайком».

Для отдыхающих «курортников» Скайра Лив была еще одной местной достопримечательностью и в общем-то на это не сетовала. Конечно, до голой певицы ей было далеко, но и владелице древней башни Ордена Зорких находилось, что показать жадным до впечатлений чужакам. Одна только церемониальная орденская мантия чего стоила!

История о том, как юная имперская эмиссарша Скайра Аннон вдруг стала дамой Тенар, хозяйкой башни и единственной наследницей тайн старинной и некогда могущественной организации с претенциозным названием «Орден Зорких»… о, эта история так и просилась на кончик пера какому-нибудь молодому литератору с затуманенным наркотиками взором и чахоточным румянцем на впалых щеках. Состояния, конечно, этот гипотетический автор себе не сделал бы – слишком уж много развелось в последние годы писателей, неспроста, видать. Но

одним пациентом в санатории для скорбных рассудком стало бы больше, это точно. Потому как от повести об обретении эмиссаром Аннон имения и прилагавшегося к нему имени так и разило дурной мистикой. Впрочем, на Эспите, если хорошо принюхаться, можно было почуять, что гнилостным запашком старых тайн потягивает из каждого двора. Примерно так, словно у всех без исключения жителей острова в саду закопано по паре-тройке трупов излишне любопытных чужаков. Так что сказ о наследстве Скайры Лив вряд ли имел шанс когда-либо оживить страницы бульварного романа. Дама Тенар полностью разделяла мнение тех соседей, кто полагал, что прошлое вместе с его приметами следует закапывать поглубже, а сверху розовых кустов насадить, чтоб душок отбить. А для любителей покопаться в чужих тайнах всегда найдется уютная ямка по соседству…

К несчастью, эту благоразумную позицию разделяли не все. К примеру, Берт…

Лив сердито фыркнула, раздосадованная тем, что мысли ее вновь свернули туда, где маячил образ лихого контрабандиста. И так ведь скоро объявится, что ж о нем еще и думать каждую минуту! Тем более что коза уже толкала дверцу сарая, намекая на время утренней дойки, а Перец деликатным поскуливанием напомнил, что завтрак в поместье лорда Вардена ожидает не только хозяйку, но и его песью светлость. Женщина вполголоса выругалась и поспешила заняться хозяйством. Нужно было управиться побыстрее, чтобы не заставлять соседа-аристократа ждать. Ведь это невежливо, не так ли?

Спустя четверть часа Лив уже оседлала велосипед и, свистнув Перцу, покатила по извилистой тропке, ведущей через холмы к поместью лорда Вардена. Рассветный туман стелился по распадкам, а скалистые уступы Песьей горы уже золотили первые утренние лучи. Птицы щебетали, комары звенели, кузнечики тоже не отставали, стрекоча как мотор биплана, и даже скрип плохо смазанных «звездочек» велосипеда вплетался в этот праздничный июньский хор вполне гармонично. Перец, деловито задиравший лапу то у камня, то у разросшегося репейника, то отставал, то обгонял хозяйку, а потом и вовсе нырнул в высокую траву в поисках добычи. Оленьи гончие, как и следует из названия, собаки, выведенные для охоты на крупную дичь, однако пес Лив, несмотря на аристократическое происхождение, не брезговал и мелочью. Хотя мышкуют обычно только суки, Перец в этом вопросы демонстрировал приверженность равенству полов, и когда довольная его морда высунулась из кустов, из огромной пасти свисал мышиный хвостик.

- Допросишься ты теперь у меня котлет! – попеняла Лив

разбойнику. В ответ кобель взмахнул хвостом, уже украшенным целыми гроздьями колючек, и вернулся к своему занятию. Здесь, среди холмов и лугов Эспита, даже такой большой пес вполне способен был прокормить себя сам, но во-первых, совсем уж откровенного разбоя Лив не одобряла, а во-вторых, Перец был лакомкой и сластеной, предпочитая плотный домашний завтрак той жалкой дичи, за которой еще целый день бегать надо. Исключение он делал только для мышей.

Женщина привычно крутила педали, полуприкрыв глаза и подставив лицо ветру и солнцу. Тропку эту за прошедшие годы она изъездила вдоль и поперек, выучив каждый камушек и помня наизусть самую последнюю ямку, поэтому смогла бы и вовсе не открывать глаз до самых ворот поместья соседа. Вот сейчас, за кустом малины, нужно повернуть влево и катиться себе вниз по склону, давая отдых ногам…

- Гав! – солидно подал голос Перец и стрелой помчался напролом сквозь лопухи, сурепку и кипрей. – Гав!

Из разнотравья слаженно ответил столь же басовитый дуэт. Брат и сестра Перца спешили поприветствовать родича, а вслед за ними и лорд Варден окликнул соседку:

- Доброе утро, моя дорогая!

Нестарый еще человек в том возрасте, когда мужчин принято называть «интересными», Варден Тай лорд Эспит сидел на крупном охотничьем жеребце соловой масти так ловко, что на язык так и просилось что-то насчет «грации прирожденного аристократа и наездника». И напрасно. Потому что как раз прирожденным он не был – ни дворянином, ни кавалеристом. Варден Тай этот свой жизненный круг начал где-то в южных заморских колониях Вирнэя, откуда и привез тягучий мягкий акцент, любовь к широкополым шляпам и послеобеденному отдыху, сложным гитарным переборам, крепким сигарам и знойным женщинам.

Пожалуй, только *морским и подземным* ведомо, какую жизнь вел будущий лорд Эспит до той поры, пока нога его, обутая в армейский высокий ботинок, не ступила на скалистые берега этого острова. В отличие от других эспитцев, Варден прибыл сюда не двадцатиоднолетним юнцом, а вполне состоявшимся мужчиной тридцати с небольшим годов, обладателем небольшого капитала и столь же невеликого семейства. Госпожа Илора Тай, по свидетельствам все замечающих соседей, представляла собой жгучий коктейль из южного темперамента, огненных очей, медных кудрей и фигуры настолько сочной, что завистливые островитянки единодушно принялись изощряться в ядовитых эпитетах касательно ее форм. Детей у пары не было, что,

вероятно, и к лучшему. Потому что семейное счастье в тихой гавани было очень недолгим. Не прошло и трех месяцев после прибытия, как Варден был единогласно избран всей общиной лордом Эспитом и получил в пожизненное владение поместье и угодья, однако красавица-жена внезапно и странно покинула его спустя очень недолгое время. Хотя, казалось бы, чего еще желать женщине, все повадки которой прямо-таки кричали о, прямо скажем, не слишком высоком происхождении? Пусть титул и не наследственный, однако все ж таки леди, а не танцорка из летнего ресторанчика! Для обитателей Эспита подобный кульбит объяснений не требовал, ведь у каждого в частной жизни хватало своих странностей, однако у чужаков семейная драма лорда Вардена вызывала оторопь. Особенно у курортных дам. Кем надо быть, чтобы сбежать от такого мужчины? Какого? О!

О! В двух-трех фразах и не расскажешь! Но если послушать хотя бы пяток поклонниц эспитского лорда, сложить их мнения вместе, а потом разделить на десять, то в сухом остатке выкристаллизовывался сияющий образ Идеального Мужчины. И, что самое важное, Мужчины Страдающего, причем страдающего не вульгарно, не по-плебейски, с мордобоем и поисками спасения на дне бутылки, а красиво, эстетично так. Скайра Лив не занимала место в очереди жаждущих утешить Вардена Тая и скрасить его одиночество, но даже и наблюдать со стороны было весьма познавательно. Каждый курортный сезон в итоге приносил к берегам Эспита пару-тройку кандидаток в утешительницы, зачастую весьма обеспеченных и совсем недурных собою. Дамочки слетались, словно вороны на мертвечину, но в поместье не задержалась ни одна. Варден галантно не обделял вниманием никого, но все эти изысканные графини, томные художницы, отчаянные автомобилистки и даже одна летчица в итоге удалялись, несолоно хлебавши, отщипнув от щедрот серцееда разве что несколько романтических встреч под луной. Зато госпожа Байли Орва Фаррин, экономка, оставалась всегда рядом. На титул леди Эспит Орва не претендовала, сцен ревности не устраивала, лишних денег тоже не просила, а потому в личной жизни Вардена Тая царила полная гармония. И в доме тоже.

- Утро чудесное, Тай, но думается мне, что к полудню поднимется ветер, - Лив остановилась и слезла с велосипеда, дожидаясь, пока хозяин Эспита подъедет поближе. – Как бы нас не накрыло штормом. Что предрекает ваш барометр?

- Перемены, моя Лив, перемены, - вздохнул лорд, спешиваясь, и немедля приложился к ручке дамы Тенар. – Впрочем, я только что встретил Гаральта.

- И?

Взяв велосипед за руль, Лив неспешно покатила его рядом с Варденом. Своего коня тот вел в поводу, а ивовой веткой, приспособленной вместо хлыстика, лениво взмахивал, отгоняя слепней от себя и спутницы.

- Берт телеграфировал из Дайона, - сообщил Варден и глянул на Лив искоса.

- Хм, - буркнула дама Тенар и поджала губы, демонстрируя разом и неодобрение, и отношение к такому известию. – Полагаете, мне стоит пожелать ему утонуть?

- При всем моем уважении, дорогая Лив, сомневаюсь, что подобное пожелание может исполниться, - лорд улыбнулся в аккуратную седеющую бородку. – Берт – опытный моряк. И как бы мы с вами не оценивали надежды наших соотечественников…

- Их надежды – это бред зажравшихся бездельников, вечно недовольных тем, что получено даром и незаслуженно! – резко возразила женщина и прихлопнула наглое насекомое, уже нацелившее жало на ее шею. – Они жаждут перемен, но не готовы шевельнуть ради них и пальцем! Вместо хоть каких-то действий наши соотечественники готовы вручить судьбу всего острова в руки первого попавшегося проходимца…

- Не первого, Лив, - мягко перебил ее мужчина. – В том-то и дело, что далеко не первого.

- Тем более! – взвилась эмиссарша. – Ну, давайте посчитаем, Тай, сколько уже таких «избранных» объявлялось на наших берегах? Те жаждали сокровищ, этот – фанатик, спятивший на поисках земли Калитар, но все они одной породы. Я наводила справки об этом Лансе Лэйгине. Согласна, для жулика он довольно оригинален, но не более того. И если…

- Но, моя дорогая, наше с вами мнение в данной ситуации несущественно. Община высказалась однозначно, и вам придется подчиниться решению большинства.

- Как и вам, Тай, - устыдившись своей вспышки, Лив сняла шляпу и утерла выступившую на лбу испарину. – Похоже, нас ждет довольно жаркий денек.

- Этот зной предвещает грозу, если вам угодно знать мое мнение, - в знак утешения и поддержки лорд похлопал ее по руке: - Не угодно ли чаю со льдом? Смотрите, за беседой мы с вами и не заметили, как добрались до моей скромной обители. Орва уже накрывает на стол.

- Вы всегда так неоправданно добры и снисходительны ко мне, милорд, - вздохнула она. – И как же мало я могу предложить вам взамен!

- С меня довольно и вашей дружбы, дорогая.

- И все же, милорд, - прислонив велосипед к забору, Лив

отряхнула юбку от пыли и, уже поставив одну ногу на ступеньку, упрямо заявила: - Как бы не надеялись наши добрые островитяне на этого Лэйгина, я глаз с него не спущу, так и знайте. И если этот заморский проходимец даст мне хоть один повод…

- Я полностью доверяю вашему чувству долга, дама Тенар, - тон лорда стал официальным, но остался все таким же теплым. Такой уж он был мастер парадоксов, этот Варден Тай! – Если вам понадобиться санкция на какие-либо действия для обеспечения покоя подданных, вы ее получите. Считайте, что уже получили, на самом-то деле.

- Отлично! – она сверкнула зубами в улыбке и деловито потерла руки. – Уж я найду повод отравить Берту его торжество.

Верэн Раинер. Алабское море

Зря Верэн боялась баркаса. Никаких темных углов, куда затащить глупую девчонку для трех взрослых мужчин не проблема, не было. Механик – угрюмый, перемазанный какой-то вонючей гадостью дядька, бросил на пассажирку людоедский взгляд и даже знакомиться не стал.

- А где моя каюта? – спросила девушка, вызвав у капитана глумливый смешок.

- Нет у меня никаких кают, рыбка. Тут не прогулочный катер, знаешь ли.

- Где же я буду… ночевать?

Верэн совсем растерялась, беспомощно оглядываясь по сторонам. Как же так? На настоящем корабле обязательно есть каюты.

- А на палубе под брезентом.

- Ох!

- Я буду рядом, сударыня.

Смазливый Ланс влез в серьезный разговор совсем некстати. И его любезности не показались такими уж приятными.

- Вот еще! Я – порядочная девушка.

- Да мы и не сомневаемся, - развел руками Берт. - Но трюм занят, а каюты не предусмотрены.

Они отплыли в прекрасный закат, который на деле оказался недобрым предвестником бури. Едва солнце опустилось за горизонт, как ветер нагнал тучи, пошел дождь и заволновалось море.

- Брысь под брезент! – приказал капитан девушке и тут же о ней забыл, сосредоточившись на любезнике-Лансе. – А ты, смелый городской парень, дуй к Чику на помощь в машинное отделение!

Бегом!

Очень вовремя он разогнал честну компанию, очень. Шторм вдруг налетел на «Келсу», как разбойник-кречет на курицу. Тут-то и выяснилось, что ничего ужаснее с Верэн прежде не случалось. Недавние приставалы не в счет. Ветер, дождь и качка быстро превратили гордую дочь Хадранса в мокрого перепуганного цыпленка. Куда делась стойкость и решимость? Ох, не слышал Берт, как жалобно пищала Верэн Раинер: «Мамочка! Мамочка милая! Забери меня отсюда!». И хорошо, что не слышал! Отважный островитянин сражался с рассерженным морем. За рыком двигателя и ревом шторма девушка и сама-то себя не слышала. Верэн перестала считать, сколько раз её стошнило в подол, ибо еще чаще её с ног до головы окатывало ледяной водой. Мир вокруг сошел с ума, тяжелое небо упало в море, а водяные бездны, презрев тяготение, устремились в небеса. И казалось, что в этом кошмаре сгинуло всё сущее, только маленький баркас контрабандиста швыряет по волнам, но и его часы уже сочтены. Еще одна волна, еще один удар, и ничто не спасет пассажиров «Келсы» от смерти в океанской пучине.

Верэн считала себе плохой верующей, редко ходила в *молу*[5] по своей воле. Только по праздникам, да чтобы родители не ругались, а просто так – никогда. При виде расписных «жерновов» вообще смех нападал, а стоило представить себе Мировые Весы, так сразу возникал вопрос: что на таких можно взвесить? Грехи и добродетели? Ох, вряд ли. Но в миг смертельной опасности вспомнились тягучие речи озаннского «мельника». И Верэн совсем не хотелось сгинуть в цвете лет, так ничегошеньки, кроме хадрийского захолустья, толком не увидев в жизни. Великая Мельница не смолола грехов, накопленных в других, неведомых рождениях, а значит, обречена она на новую жизнь опять с того же самого нуля, где-нибудь на другом конце земли. Так и проживет Верэн Раинер голозадой дикаркой среди других дикарей, пожирая червяков и коренья. Ужас!

- В мире, где есть всему место и время, где все равны пред Судьбою… ик… ой!... – вдруг вспомнились слова молитв. - Пусть же и мне будет… мамочка!... пусть мы доплывем! Пусть Берт доплывет!

О том, как дела у попутчика, девушка не думала совершенно. Он – мужчина, он сам разберется. А вот Берт… Ах, Берт! Он - прекрасен в штормовке, с мокрым лицом и прокушенной губой. Его-то уж Верэн разглядела даже из-под брезента и сквозь дождевые потоки.

Он, высунувшись из рубки, что-то кричал Чику-механику, что-то важное и нецензурное, но слов не разобрать, а, следовательно,

оставалось просто любоваться его мужественной красотой. В Озанне за такого девки передрались бы насмерть.

- Ты живая, малявка? – спросил он, когда уже ближе к следующему полудню море немного утихомирилось.

«Ага! Значит, думал обо мне», - обрадовалась Верэн и энергично закивала в ответ. Пусть видит, что хадрийки – крепкие женщины, которых не испугают ни шторма, ни портовые приставалы.

- Молодчина! Хорошо держалась!

Слышать похвалу из уст храбреца-островитянина вдвойне приятно. Верэн не удержалась и насмешливо фыркнула на зеленого, как листочек салата, Ланса, едва держащегося на ногах. Мол, знай наших! Столичной штучке в шторм сильно досталось, и он не собирался скрывать свою немощь. Слабак! То ли дело Берт!

Элисон Хил Рэджис. Эспит

Какое это все-таки счастье – сидеть в мерно покачивающейся лодке и неторопливо подбрасывать в воду соленую тресковую икру, ожидая, когда сардинки учуют лакомство и приплывут на пиршество. А потом уже тащить из воды сетку, полную улова. Синевато-зеленые спинки, переливающиеся всеми цветами радуги, и бело-серебряные брюшки – щедрейший и бескорыстнейший из даров моря островитянам. Воистину, только ленивый не закинет сети в кишащие жизнью воды.

Отличный улов изрядно порадовал Хила Рэджиса. Но когда это человек остановится на достигнутом? И банальная жадность в итоге победила лень. Еще один заход, пока солнце высоко, решил он, и можно возвращаться домой.

«Коптить будем вечерком, по прохладе, а сначала…»

Сначала Хил выберет несколько самых жирных рыбок, почистит их, смажет оливковым маслом, потом натрет солью и перцем. Но прежде, чем бросить их на сковородку, поджарит ломтики хлеба с чесноком, и только после отправит сардинок в то же самое масло. С лимоном и белым вином – объедение.

«Или всё-таки обвалять в муке грубого помола? - размышлял рыболов, не забывая подбрасывать в волны приманку. – Или замариновать с вином, луком, чесноком и розмарином по-хадрийски?»

Солнышко припекало, сардины радостно шли в сети, и только кулинарные переживания тревожили Хила в это прекрасное утро. Право слово, жизнь – отличная штука, особенно для того, кто совсем недавно готовился с ней распрощаться. Уже десять лет

прошло, как смолола Великая Мельница очередную войну в прах, словно низкосортное зерно, а Рэджис всё не мог надышаться своим счастьем. Он вернулся живым, своими ногами пришел, почти невредимый, чем не повод для радости?

- Ну что? Хорошенького понемногу. А тебе, дружок, сегодня повезло, - Хил достал из сети последнюю рыбешку и выбросил её подальше от лодки. – Вольного тебе моря, малыш. И удачного перерождения.

Так давно, что иногда казалось, прошло целых три жизни, на берегах более суровых, чем эспитские, в ледяном северном море старый дед всегда поручал маленькому мальчику ответственейшее дело – выпустить последнюю рыбку на волю. На счастье.

- Понимаешь, какое дело, Элисон, иначе несправедливо будет. Мы ведь с сетями и мозгами, а они - твари безмозглые и безрукие. Должно равновесие быть во всем. Ты его блюдешь, а оно потом – тебя, чтобы, стал быть, и для тебя сыскалось в мире чудо и благодетельство от более сильного. Усёк?

- Усёк, деда, - степенно отвечал белобрысый щекастый малыш.

- Ну и молодца!

И твердая дедова ладонь ложилась на макушку в безмолвном жесте бесконечной любви.

А ведь не исключено, что все отпущенные рыбки в какой-то миг легли на одну Чашу Весов и перевесили снаряд, угодивший в блиндаж, из которого за минуту до обстрела вышел капитан Рэджис. Что-то такое знал старый просоленный до костей рыбак из городка, что на далеком вирнэйском берегу, что-то ведал, не иначе.

Нынче же Мировое Равновесие уравняло благолепную жизнь заслуженного ветерана двух войн присутствием в ней женщин с фамилией Тэранс. Наверное, это было в высшей степени справедливо, но все равно чрезвычайно неудобно. Кабы не Фрэн с Мерерид, то лучшего места жительства, чем Эспит, не возжелаешь. Не то чтобы капля дегтя… скорее уж, две капли дегтя сильно портили всю бочку меда, но ложкой следовало орудовать с большой осторожностью.

- Вот мы и метафорами стали думать, - печально молвил Хил своему безъязыкому улову. – От баб лишь зло одно, так и знайте.

Смертельный укор в глазах сардин заставил мужчину устыдиться малодушия. Кто, скажите, кто на Эспите не знаком с универсальным правилом мироздания, гласящим, что если где-то убыло, то в другом месте обязательно прибудет, и наоборот? У всех эспитцев подобные проблемы. Возьмем, например, Лив и

Берта, или…

- Хил! Дорогой! Хи-и-ил!

Голос свой Мererид взяла взаймы у корабельной рынды и по своему обыкновению забыла отдать должок. Рыболов налег на весла, сделав вид, будто борется с течением и ничего не слышит. В конце концов, он не зря получает надбавку к пенсиону за тяжелую контузию. Потому что глохнет временами, а порой, вот как сейчас, еще и слепнет на один глаз.

Ветер – вечный союзник всех мужчин - тщательно свистел в ушах и уносил резкий звук женского голоса куда-то в сторону, к скалам. Недосуг Хилу сейчас болтать с Мererид, тем паче старая ящерица знает только одну тему – козни и происки Фрэн. Впрочем, с младшей Тэранс он тоже любезничать не стал бы. Жалко щедрого улова и сардины ждать не будут.

А торопиться следовало еще и потому, что с юго-запада шла на Эспит гроза. Её Элисон Хил Рэджис чуял загодя, безошибочно угадывая тяжелую поступь бури по ломоте в висках.

«Как-то там Берт? Успеет ли проскочить?» - беспокоился он. И не столько за контрабандиста, сколько за корабль.

Хилу всегда нравилось возиться в моторном отделении «Келсы». Там, при интересном деле и в теплой мужской компании он проводил лучшие часы. Нет ничего приятнее, чем вдоволь навоевавшись с топливным насосом, по уши перемазавшись в масле, трижды поругавшись и столько же раз помирившись с упрямым Чиком, выйти на свежий воздух и распить по паре-тройке бутылок пива с копчеными сардинами.

За мурранское бутылочное пиво Берту следует простить все его сумасшедшие авантюры.

Мирный договор между её величеством и республиканцами заключен уже десять лет как, а по пиву вопрос как не был решен, так и остался. Повышение пошлин на импортное спиртное – самая большая глупость, считал Хил. Запрещать людям пить - только жуликов и бандитов плодить. Берт, конечно, наживется на правительственной дури знатно, но его-то ни в коем разе нельзя равнять с имперской шантрапой, готовой ради барыша на любое злодеяние.

А гроза приближалась, причем со всех сторон сразу. И первой настигла Хила гроза по имени Мererид. Злая, покрытая бурыми пятнами, точно изгнанная из подводной пещеры мурена, госпожа Тэранс промчалась по очень неровной тропинке прямо к его дому, что твоя горная коза, с одной лишь целью – высказать свое недовольство поведением Рэджиса – наглеца и хама.

Так прямо и сказала:

- Ты – наглец и хам! Не смей прикидываться убогим! Ты

прекрасно меня видел и слышал!

И пальцем своим, как штыком, ткнула в грудь.

- Ох! Мererид, я в самом деле инвалид, не забывай, - охнул он, потирая ушибленное место.

- Ты здоров, как бык, Хил Рэджис.

- А? Что ты говоришь?

Ветеран уже не прикидывался, от резкого звонкого голоса Мererид в голове у него зазвенел-загудел невидимый колокол, перекрывая все внешние звуки. Женщина раскрывала и закрывала густо накрашенный рот, бледнела и краснела, потрясала кулачками, но Хил её не слышал. И не признавался, чтобы не напороться на неуместную жалость. Как известно, слепец выглядит мудрецом, а глухой – глупцом.

«Вот и отлично, займемся пока делом», - поздравил он себя и принялся, как ни в чем не бывало, потрошить свежепойманную рыбу, чтобы успеть до начала грозы.

Периодически он кивал или же, напротив, качал головой, изображая живое участие в разговоре. Мererид и этого хватало, ведь доводы собеседника её никогда не интересовали.

Оставалось лишь дождаться, пока крикунья не выдохнется и не сбавит обороты. Так оно и случилось примерно часа через полтора. Когда Мererид устала, а сардины были почищены, к Хилу постепенно стал возвращаться слух.

- …и если на этот раз получится… ноги моей не будет… и пропадите вы оба… сколько можно так жить?..

- Как ты права, Дина, - вздохнул он с нескрываемой горечью. – Мы все устали. Хочешь рыбы? Жареной?

Польщенная обращением «правильным» именем, женщина полностью утратила воинственный пыл, смущенно улыбнулась и сказала:

- Хочу. С лимоном?

- Угу.

Она, словно очнувшись ото сна, пригладила всклокоченные волосы, осторожно уселась в плетеное кресло и стала похожей на добрую охотничью собаку, вроде тех, с которыми принято ходить на уток. И не нужно смеяться! Вьющиеся локоны Мererид такие же блестящие и шелковые, как кучеряшки на собачьих ушках, только седые. А что щечки обвисли, так все мы такие будем на седьмом десятке.

- Вина?

- С удовольствием, - мурлыкнула Дина.

Хил налил полный бокал.

- Тост - прежний.

И выпили до дна, молча глядя в неспокойное море, на белые

барашки волн, на клубящиеся дождевые тучи.

- Пойду…

- Погоди, Дина, я потом провожу тебя с зонтом.

Потому что нет ничего лучше, чем сидеть под навесом, по которому тарабанит дождь, есть жареную сардину, пить вино и разговаривать с очень неглупой женщиной о разных вещах и временах.

Глава 4

Скайра Лив дама Тенар. Эспит

Конечно, это была далеко не первая засада в жизни Лив. Уж что-что, а сторожить чуткую дичь она умела неплохо. Даже такую осторожную добычу, как Берт Балгайр. Здесь ведь хитрость в чем? Вроде бы и остров невелик, и фарватер сложнее некуда, а все равно Эспитский Лис каждый раз норовит юркнуть в запасную норку. Главное – угадать время и место, потому как побережье Эспита настолько изобилует укромными бухточками и тайными пещерами, что ловить ловкого контрабандиста можно вечно. И безуспешно. Но Скайра за прошедшие годы научилась полагаться на нюх и частенько угадывала, куда именно пришвартуется «Келса». Случались и промахи, конечно. Берт ведь тоже чутьем не обижен, да и наглости ему не занимать. Однажды вообще бросил якорь у главного причала, пока Лив сторожила его в очередном секретном месте. Поддержка других островитян оказалась бы бесценной в деле поимки Балгайра, однако соседи предпочитали не вмешиваться. В конце концов, какая им разница – покупать контрабандные товары из-под прилавка или же помогать потом даме Тенар избавляться от скопившегося в сарае конфиската. Эта игра шла между Бертом и Лив, а эспитцы в любом случае не оставались внакладе.

Поэтому эмиссарша залегла с винтовкой, фонарем и термосом в заранее облюбованном укрытии в одиночку, если не считать Перца. Хотя почему же не считать? Именно пса нужно благодарить за несколько последних удачных поимок. Кабы не Перец, ни за что бы прыткого Берта не догнать по крутым тропкам и скользким камням.

Она лежала в темноте, прислушиваясь, не застрекочет ли вдалеке мотор «Келсы». Забавно, но суда у Берта всегда назывались именно так. Помнит ли он сам, почему это старинное женское имя родом из темных и давних веков неотступно следует за ним? Давным-давно сгинули те, кто называл так дочерей, жернова Вечной Мельницы измельчили в мелкую пыль не только города и язык, но даже и память, а прах тот развеял ветер. И даже древние и ужасные божества острова Эспит, те, кого шепотом именуют *морскими и подземными*, те, кто не имеет ни облика, ни пола, ни имен — даже и они не ответят. Никогда не отвечают. И лишь в устах рыжего контрабандиста звучит это имя – Келса! Интересно… кто она была? Точнее спросить – кем?

Ночь неторопливо проходила над морем и над Эспитом, Перец, такой же неподвижный и чуткий, как ветер или Лив, согревал бок хозяйки живым песьим теплом. Звенели цикады, шелестели кроны. Скайра ждала. А когда все звуки смолкли, и даже волны умерили свой вечный ропот, ожидание было вознаграждено. Черным пятном на черном шелке безлунной ночи возник из-за оконечности мыса силуэт баркаса.

- Попался! – одними губами шепнула Лив и приникла к окулярам бинокля.

Ланс Лэйгин. Остров Эспит

Контрабанда - не самое спокойное занятие на свете. Работать, когда все нормальные люди спят, весьма сомнительное удовольствие. А ведь безлунная ночь и сумерки-обманщики – первые помощники людей, промышляющих сознательным небрежением таможенного кодекса. Поэтому весь последовавший за ночным штормом день «Келса» провела в дрейфе. Чик с капитаном углубились в недра раскапризничавшегося двигателя, измученные пассажиры отдыхали - все ждали ночи. Хотя до острова уже было рукой подать.

Прежде Лансу Лэйгину не единожды приходилось пользоваться своеобразными услугами коллег Берта Балгайра, чтобы проникнуть в места куда более недоступные, чем остров Эспит. Другое дело, что на крошечном кусочке суши негде будет спрятаться от полсотни пар глаз. Не затеряешься на Эспите в толпе при всем желании.

Вирнэйская виза в паспорте у Лэйгина наличествовала, но дурацкий закон требовал еще и соизволения лорда Вардена Тая. Пережиток феодальной старины, не более, а преступить не моги. Такой вот странный юридический прецедент.

Ланс исследовал и этот вопрос. Вдруг лордово разрешение не так сложно получить? А как же! Проще простого, плевое дело! Надо всего лишь быть миллионером, коронованной особой или персоной, приближенной к её величеству, и - добро пожаловать на гостеприимный остров Эспит. Сущие пустяки!

Весь расчет был на легендарное Лэйгиново обаяние, которому поддавались в равной степени туземные князьки, имперские чиновники и профессор Аделард. Лорд Варден тоже не устоит. Эпидемия же ящура только сыграла Лансу на руку. Если на остров никого не впускают и не выпускают, то надо всего лишь оказаться в числе тех, кого не выпустят до окончания карантина.

Ночка выдалась как по заказу – темной и безлунной, а

заливчик, где бросила якорь потрепанная штормом «Келса» - настолько укромным, что Ланс порадовался за Берта. Но насладиться пейзажами Эспита ему не дали.

- Эй! Не стой без дела, помогай с разгрузкой. И ты, барышня, тоже, - приказал капитан.

Деревенщина, чудом пережившая шторм, весь день пролежала пластом на палубе. Не узнай Лэйгин, сколько девчонка заплатила за проезд, точно проникся бы сочувствием, а так – увольте. За десятку пусть страдает на две тысячи и это будет куда как справедливо. Хорошенькие мордашки вовсе не повод для снижения тарифа.

- Пошевеливайся, принцесса, - злорадно хихикнул Ланс.

И удержался от шлепка по упругой заднице только под суровым взглядом капитана, который вольностей в отношении Верэн не одобрял. Для себя берег, что ли? А то ведь девчонка в Берте едва ли не дырку просмотрела восторженным взглядом. Ну да что с неё взять, с деревенской дурочки?

- Нехорошо маленьких обижать, сударь мой.

- Шучу…

- Твое дело ящики таскать. Молча.

Ящики с бутылками весили немало, а уж топать с таким по мелководью – сущее наказание.

- Хадрийское?

- Разное, - буркнул хмурый Чик.

Под «разным» могло оказаться отличное бренди, например.

- Угостите? Я заплачу.

- Обязательно. Потом догоним и еще раз угостим, - посулил механик.

Верэн тут же принялась мерзко хихикать. Она с первого взгляда прониклась к Лэйгину той исконной глубинной неприязнью, которую испытывают потомственные крестьяне к заезжим жуликоватым молодцам с хорошо подвешенными языками.

- Очень смешно, - передразнил Ланс девушку и чуть-чуть приотстал, чтобы устроить ей небольшое купание в прибое, которое прекрасно лечит от излишков чувства юмора и хихиканья.

- Ай!

От быстрой подножки Верэн не устояла, шлепнулась на задницу и с головой ушла в воду.

- Помо… Помогите! – взвизгнула хадрийка, решив, что море унесло её на глубину.

- Цыц ты! Дуреха! – рыкнул Берт, одним рывком поднимая девушку на ноги. – Ты чего кричишь, коза? Решила весь остров

перебудить?

И вытолкал незадачливую барышню на берег.

Тут-то Ланс оценил огромную пользу от своего неблаговидного поступка. Мокрая одежда облепила стройную фигурку Верэн Раинер, раскрыв практически все тайны девичьего тела. Берт с Лансом понимающе переглянулись, а непосредственный Чик даже языком зацокал от восторга. Грудь у хадрийки была что надо.

- Эй вы! Не смотрите на меня так!

Девчонка тихо скулила от стыда и жалости к себе.

- Не ной! Никто тебя здесь не обидит, - утешил её капитан Балгайр, почти по-отечески шлепнув-таки по заднице. – Красивая ты. Утеха для мужских глаз, понимаешь?

- Ага, - охотно подтвердил Лэйгин. – Утешила ты меня, принцесса, сильно-сильно.

Верэн уже собралась разрыдаться в голос, когда вдруг откуда-то из-за камней выскочил огромный, ростом с теленка, зверь и радостно облаял всю честну компанию.

- Вот же ж невезуха, - устало вздохнул контрабандист. – Только давайте без глупых выходок, а? Попались, так попались. Ты меня хорошо слышишь, коза?

Очень вовремя сказал, ибо еще немного, и хадрийка, точно перепуганная кошка на дерево, вскарабкалась бы на Ланса. И что самое обидное, такого прекрасного повода облапать деревенщину - и того не стало, как только следом за собакой явилась её хозяйка с винтовкой и электрическим фонарем. Яркий свет резанул по глазам, мгновенно ослепив контрабандистов и пассажиров «Келсы».

- Так-так... Незнакомые лица? – сказала невидимая женщина и еще раз коварно посветила на каждого из пришельцев. - Чик, дружочек, поставь это ящик аккуратненько. Мы же не хотим, чтобы разбились вещественные доказательства? Остальные – по одному сюда, и руки не забудьте поднять.

- Ли-и-в, - морщась и жмурясь, протянул Берт. - Ну что ты, в самом деле... Опять в каталажку? Всех?

- Всех! – отрезала она, но, еще раз взглянув на пойманных, уточнила: - Кроме твоего помощничка. Я что-то не понимаю, Рыжий, ты теперь работорговлей подрабатываешь, что ли? Девиц воруешь? И это что за хмырь - новый подручный?

Луч света снова уперся в перекошенную физиономию мурранца.

- Позвольте представиться, сударыня, я - Ланс Лэйгин, ученый археолог из университета Саломи, - довольно бодро отрекомендовался тот, прикрываясь ладонью. - Путешествую по

миру в поисках интересующих науку древностей. В этом году решил посетить ваш гостеприимный и красивый остров. Рад встрече. Позвольте ручку?

В общении с крайне раздраженным человеком, у которого в руках винтовка, главное - это вежливость. Кроме того, Лансу понравился голос женщины, такой глубокий, с томной хрипотцой. Возбуждающий всяческие желания голос.

- Древностями, значит, интересуемся? – хмыкнула она. - Ну-ну. Гробокопатель, значит, и расхититель ценностей. Надо будет предупредить милорда, чтобы серебро запер. А барышня? Тоже ученая?

- Я... я... я п-пы-просто приехала.

У девчонки после незапланированного купания зуб на зуб не попадал.

- Двадцать один год есть? – суровая охранница суверенных эспитских берегов спрашивала девицу, но смотрела при этом на капитана. Нехорошо так смотрела, прищурившись. Тот потупился и пробурчал:

- Я ей в паспорт не заглядывал...

- Знаю я, куда ты ей заглядывал. Ну? – фонарь снова нацелился на девушку: - Отвечать!

- Нету-у-у, - прогнусавила хадрийка. - Недавно 20 лет сровнялось. – И только теперь догадавшись, что попала в крупные неприятности, затянула со слезой и подвыванием. - Ой, тетенька миленькая, только не отправляйте меня назад! Тётенька, пожалуйста!

– Еще и несовершеннолетняя… - неодобрительно вздохнула «тетенька» и головой покачала. - Так. Балгайр, ты арестован, и груз твой - тоже. Ученый и девица – задержаны до выяснения. Чик, ты, полагаю, знаешь, чем себя занять, не в первый раз, чай… Ну, Рыжий, в этот раз ты сам себя превзошел! – она поочередно ткнула пальцем в каждый из предметов преступления: - Ребенок, проходимец и полная лоханка контрабанды – не многовато для одного рейса? Опись груза не забудь прихватить. И не надо песен о том, что всё утонуло! – И недвусмысленно повела винтовкой на Ланса и девушку. – Что встали? Вперед, по тропе, руки не опускать! – потрепав пса по холке, она указала ему на ящики: - Перец, охраняй! В участке разберемся, какие вы ученые…

Проницательность грозной дамы Лансу скорее понравилась, чем напугала. Проходимец – самое верное определение рода его занятий, но с первого взгляда мало кто об этом догадывается. А тут сразу – бац! И в самое «яблочко». Меткая дама!

- У меня, к слову, есть имперская виза, и я уверен, что лорд Эспит даст разрешение. Я - ученый с мировой известностью.

Лэйгин сам не понял, чего ради он пытается произвести на женщину впечатление – то ли намекнуть на собственную значимость, то ли чтобы заинтересовать.

Верэн топала впереди и громко хлюпала носом, пытаясь разжалобить пленительницу.

- Да знаем мы тут, кто вы такой, господин Лэйгин, - сердито отозвалась охранница, демонстрируя редкую для провинции осведомленность: - Наслышаны-с. Разговорчики!

- А как вас зовут, суровый страж острова? – спросил Ланс.

- Скайра Лив дама Тенар, имперский эмиссар при лорде Вардене Тае на острове Эспит, - вместо самой дамы на вопрос археолога любезно ответил контрабандист: - По прозвищу... Ай! Больно же!

Он дернулся и зашипел от боли, когда Лив двинула его прикладом в спину, пресекая дальнейшие откровения.

- ... по прозвищу Овчарка, - недружелюбно закончила за него эмиссарша. - Еще вопросы есть?

«Какое многозначительное прозвище, говорящее о многом», - подумалось авантюристу.

- Рад встрече, госпожа Тенар. Уверен, что она - лучшее, что случилось со мной за последние годы, - промурлыкал Ланс.

- Вот посидишь у нее в камере пару месяцев – по-другому запоешь... – проворчал Берт, почесывая пострадавшую спину.

Самый глухой и темный час ночи, когда разгружалась «Келса», плавно перетек в рассвет, и новоявленные арестанты встретили его по пути к месту заточения. Эспит настолько невелик, что обойти его вокруг можно за несколько часов, но, видимо, дама Тенар решила показать своих пленников как можно большему числу островитян. Нарушители суверенных границ неторопливым караваном шли по дороге мимо ухоженных домиков, буквально тонущих в цветах, а из каждого окошка неслось приветливое: «Доброго утречка, сударыня!» и не менее радостное: «С приездом, Бертик!».

Контрабандист, по всей видимости, с превратностями судьбы, неизбежными при его образе жизни, уже давно смирился. Ланса участь арестованного преступника тоже не страшила ничуть. А Верэн Раинер впервые очутилась в шкуре преступницы, посему редкие всхлипывания очень быстро сменились рыданиями.

- Эдак, мы через час в камере утонем, - проворчал Берт. – Слышь, коза, хватит сырость разводить. У меня от твоих соплей ревматизм разыграется.

- Я же не хотела, я же не знаааала….

Но дама Тенар была непреклонна:

- Тем более! Незнание закона не освобождает от наказания! –

прорычала она.

Слово «наказание» только усилило уныние юной хадрийки.

- Хватит пугать девочку, Лив! – вступился за Верэн Берт. – Сколько можно?

И получил в награду исполненный благодарности девичий взгляд, а следом, на десерт, еще один тычок стволом в спину - от Овчарки.

- Красиво тут у вас, - почти доверительно сообщил Ланс. - Даже не ожидал, откровенно говоря.

Чистая правда, между прочим. Каждый эспитский коттедж имел свое индивидуальное «лицо». Не важно, что создавало такой эффект – увитые ли плетущимися розами и клематисами стены, пышные ли кусты гортензий, причудливые ли переплеты окон, но дома не перепутаешь даже сослепу и в изрядном подпитии. Островитяне словно постоянно соревновались между собой, кто высадит в палисаднике больше роз, пионов и флоксов, кто попричудливее подстрижет живую изгородь или аккуратнее выложит камнем дорожку от калитки к двери. Мурранские домохозяева тоже очень любят разводить цветы, но до эспитцев им расти и расти.

Солнце неторопливо вставало над цветущим островом, золотило темно-каштановые волосы и смуглую кожу Лив дамы Тенар, и обещало долгий, насыщенный впечатлениями денек.

Верэн. Эспит

Девушка ожидала от грозной Лив как минимум подземных казематов и посажения на ржавую цепь, но тюрьма острова Эспит на поверку оказалась не таким уж и страшным местом. Одноэтажный дом с цветами в ящиках на каждом подоконнике вмещал в себя имперский эмиссариат и магазин сувениров. Самое большое помещение отвели, естественно, под магазин. Верэн успела рассмотреть пестрые коврики и расписные тарелки, в изобилии выставленные на полках, прежде чем злобная эмиссарша затолкала её на свою территорию – в небольшую комнату, перегороженную пополам железной решеткой.

Никаких темниц и прочей экзотики нарушителям закона Эспит не предоставлял. Еще чего баловаться! За решеткой: две лавки – мужская (выкрашенная в коричневый цвет) и женская (бледно-зеленая) – у противоположных стен, тщательно приклеенный плакат времен Большой Войны «Женщины Вирнэя сказали «Иди!» и крошечное окошечко, в которое жизнеутверждающе заглядывали красные цветы-граммофоны

кампсиса.

Загнав пленников внутрь «клетки» и распределив их по лавкам согласно половой принадлежности, дама Тенар выдала Верэн жесткое шерстяное одеяло и приказала прекратить нытьё сию же минуту. На тему излишней суровости к невинным девочкам они еще с четверть часа страстно пререкались с Бертом, не замечая ни ироничных реплик археолога, ни продавщицы из магазинчика, любопытствующей скандалом сквозь щель в двери.

Раззадоренная эмиссарша вернулась на свою половину комнаты, обставленную не менее скудно, чем узилище, дабы оформить ночное задержание по всем правилам. И если бы Верэн с Лансом знали заранее, какое испытание их ждет, то предпочли бы, пожалуй, сгинуть в бушующем море. Орудием пытки Лив избрала исполинскую печатную машинку. Воссев на монументальный табурет за не менее внушительным столом, эмиссарша со зловещей ухмылкой заправила в каретку лист бумаги и принялась колотить по клавишам, причем делала она это нарочито, по-живодерски медленно.

Не прошло и получаса, как грохот заполнил все пространство эмиссариата и поселился в голове у Верэн, отвлекая девушку от жалости к своей персоне настолько, что она привстала на лавке, чтобы наблюдать через две решетки за происходящим в окнах дома напротив. Там за тюлевой занавеской целовались двое – белобрысый суровой наружности мужчина и женщина с густыми вьющимися волосами.

«А тут у них весело», - подумала зоркая хадрийка.

Несмотря на плачевное положение и грозящее наказание, Верэн остров понравился. Причем сразу, с первого мгновения, когда она увидела черные очертания прибрежных скал. И даже волны, в которые её подло уронил проходимец Лэйгин, плескались ласково и, похоже, были рады гостье. А уж домики эспитские так и вообще запали барышне в душу. Такие милые, такие чистенькие, такие аккуратные. И всюду, абсолютно повсюду цветы: гроздья глицинии и сирени, пышные шапки гортензий, душистая жимолость и все оттенки фиолетового, даруемые ипомеей.

У матери Верэн ничего, кроме бархатцев, на клумбе не росло принципиально. Госпожа Раинер искренне считала розы бесполезным баловством, а любую красоту – причудами богатеев. Впрочем, их дом и так был самым уродливым в округе и снаружи, и внутри.

- Сядь на место! – рявкнула эмиссарша на задумавшуюся девушку.

Лив злилась, а потому огрызалась и рявкала. Проблема – одна из многих, но наиболее острая – заключалась в том, что злилась женщина на Берта, а рявкать приходилось на двух других арестантов. Потому что рычать на рыжего проныру было чревато последствиями, самыми разными – от пропуска свидания до простреленной ноги. Проходили уже, спасибо большое! Лечи его потом за счет эмиссариата! Доктор Исил Хамнет к благотворительности не склонен, сдерет три шкуры и не поморщится.

- Понавез опять всякой дряни! – ворчала Лив, насупив брови и растирая отбитые пальцы. – «Чулки фильд. – 28 пар». Ну-ка, отвечай! «Фильд.» - это «фильдеперсовые» или «фильдекосовые»?

- Неужели на ощупь не различаешь? – мурлыкнул Берт, нагло жмурясь и развалившись, насколько позволяла лавка. Намек прозрачный до неприличия – надо полагать, как раз он-то различает на ощупь. И готов продемонстрировать этот навык вот прямо сейчас.

- Хамишь, - сердито отметила эмиссарша. – Нарываешься.

Бертовы изъятые писульки представляли собой блокнот, исчерканный вдоль, поперек и даже по диагонали. Разобраться в нем, конечно, было можно, но времени это отнимало просто невероятное количество. Тем паче, что записи своих рейдов контрабандист вел настолько неряшливым и отвратительным почерком, что Лив не сомневалась – специально для нее. Такие каракули можно изобразить только умышленно. Люди так не пишут!

- На этот раз ты у меня в загоне поседеешь, - посулила она, с трудом разлепив слипшиеся странички. – И эта парочка – тоже! За компанию.

- Тётенька-а!..

- Молчать! – Лив заправила новый лист.

- Сударыня!

- Да заткнетесь вы уже?

- Лив, а, Лив? – Берт соскользнул с лавки и к решетке прильнул, поглядывая умильно. – Ну разберись ты сперва с пассажирами, а? Хотя бы девчонку отпусти. Это ж невозможно – с девкой в одной камере. Ведро-то одно!

- Никак стесняешься? – эмиссарша всплеснула руками и глумливо хохотнула. – Промазать боишься или ручонки с утра дрожат?

- Лив! – побагровев, арестант тряхнул решетку.

Проследив за струйкой трухи, осыпавшейся с потолка,

Овчарка сменила гнев на милость.

- Ладно! Но после того, как я с ними покончу, нас с тобой ждет оч-чень долгий разговор. Итак… - она хищно прищурилась и прошлась острым взглядом по пленникам, будто бритвой полоснула. – А начнем мы, пожалуй, с вас, господин… - брезгливо раскрыв книжечку республиканского паспорта, Лив глянула туда и медленно, по буквам, напечатала: - Л-э-й-г-и-н Л-а-н-с.

- К вашим услугам, сударыня! – радостно подскочил тот и добавил совсем, на взгляд Лив, лишнее: - Целиком и полностью.

- Хм-хм…

Отметив, как побелели пальцы у вцепившегося в решетку Берта, эмиссарша приосанилась и очень строгим голосом принялась задавать вопросы. Потому как должность обязывает и формуляр заполнить надо.

- Подданство?

- Мурранская Республика!

Клац-клац! Дзень! Лив передвинула каретку и чуть не прищемила палец. Сколько энтузиазма в ответе, надо же!

- Возраст?

- Тридцать пять, - в голосе задержанного прорезалась этакая бархатистая игривость. – Полных.

- Пол?

- Мужской! – с обидой отчеканил археолог. – А вы сомневаетесь?

- Порядок есть порядок, - проворчала женщина, игнорируя мерзкий смешок контрабандиста и смущенное хихиканье барышни. – С какой целью незаконно пересекли рубежи Империи и вторглись на территорию суверенного домена Эспит?

- Помилуйте, я же уже объяснил! Но если вам требуются подробности… – и пленник принялся самозабвенно токовать, распушая хвост и топорща перья. На восьмой минуте прочувственной речи о мировой известности, международных публикациях, наградах, знакомствах, степенях и трудах Лив скривилась и гавкнула короткое:

- Хватит! Так и запишем: цель – личное обогащение.

- Но позвольте, сударь…

- Хотите сказать, что древние клады вас не манят? – язвительно поинтересовалась дама Тенар. – Совсем-совсем? И если что найдете, вот прямо так и сдадите в казну? То-то же. Личное, стало быть, обогащение, и точка. Так, далее… Страдаете ли заболеваниями душевными, а так же половыми и заразными? Тифом давно болели? А как насчет вшей, платяных или же лобковых?

Берт подавился хрюканьем. Барышня, услыхав про вшей,

отодвинулась как можно дальше от Лэйгина и вжалась в угол.

- Желаете лично осмотреть? – аристократическому льду в голосе оскорбленного ученого позавидовал бы десяток лордов.

- Доктор потом осмотрит, - безмятежно отозвалась Лив. – В ваших интересах не уклоняться от ответа прямого и честного. Ну так как? Насчет болезней?

- Я абсолютно здоров, сударыня. Как физически, так и психически, - заявил Лэйгин раздельно и четко, будто гвозди забивал.

Но за свою долгую службу Скайра повидала всяческих пройдох. Иные так и вовсе не то, что лордами – принцами смотрелись! А копнешь чуть глубже, не нутро, а целый зоосад! Тут тебе и обезьяньи ужимки, и козлиная вонь, и привычки натурально свинские. Не говоря уж о глистах.

- Ну, это доктору решать… А запишем мы следующее: половые и заразные болезни отрицает. Та-ак… – пробежав взглядом лист, эмиссарша удовлетворенно кивнула сама себе, дескать, да, вот такая я бдительная! И не забыла несовершеннолетней Раинер заметить со строгостью классной дамы: - А вы что это хихикаете, милочка? До вас очередь еще дойдет!

Девушка издала полузадушенный горловой звук, будто подавилась, и вновь притихла на своей лавке.

- Следующий вопрос… Имеете ли при себе денежные средства, как наличностью, так и банковскими чеками, из расчета 50 эви[6] на день пребывания?

Обыск задержанных правилами не возбранялся, а вот конфискация их наличности без веских оснований отнюдь не приветствовалась, потому о толщине лэйгинского кошелька Лив могла только догадываться. Ясно одно – после встречи с Бертом Балгайром кошелек тот изрядно похудел.

Археолог достал портмоне, демонстративно открыл его, пошуршал купюрами и сообщил: - Одна тысяча десять мурранских бон.

- Фьють! – присвистнула дама Тенар. - Негусто, негусто… Чем на жизнь себе зарабатывать думаете?

- Частными инвестициями, госпожа эмиссар.

Инвестиции – дело хорошее, инвесторов, особенно частных и одиноких, на Эспите любили. Вот только где его в наше время возьмешь, одинокого частного инвестора? Столь редкий зверь ходит пусть и не косяком, но обычно все-таки хотя бы с парочкой громил охраны. На случай падения с крутых эспитских скал в бурное эспитское море. Абсолютно случайного падения, разумеется. Остров ведь только кажется этаким идиллическим

уголком природы, укрытым от штормов жестокого внешнего мира. А на самом деле – о! Без толкового спутника и шагу не ступишь.

- О! А это весьма кстати! Дело в том, что допустить вас до пребывания в пределах суверенного Эспита я могу лишь с соизволения лорда и при обязательном сопровождении вас проводником из числа местных жителей, - Лив и не думала скрывать хищную радость. Тысяча республиканских бон – сумма неплохая. Даже если вычесть все штрафы и сборы, добрым подданным лорда Вардена еще кой-чего останется. - Должен же за вами кто-то приглядывать. Места у нас опасные. Скалы, знаете ли, пещеры, хищники, рогатые гадюки... Без опытного сопровождающего никак нельзя!

Скайра говорила это, а в уме прикидывала: этак на один крючок двух рыбин поймать можно! Определить иноземному гостю в проводники Берта, а для Рыжего оформить это как принудительные общественные работы в счет штрафа за контрабанду…

Взгляд, которым эмиссарша одарила обоих мужчин, по задумчивости мог поспорить только с многозначительностью, то бишь вполне определенный был взгляд. Лив так в свое время велосипед присматривала. Вроде и выбора нет, а все ж таки приглядеться надо: полезная штука или так, баловство одно?

- А бесплатных проводников у нас нет, - озвучила она очевидное.

- Надо же! Как у вас тут оказывается опасно жить! Уверен, что лорд Эспит даст мне разрешение на пребывание. Как скоро я могу его увидеть?

Такая прыть даму Тенар изрядно насмешила. Видали молодца? Пробрался тайком во владения с неясными, но наверняка ведь преступными целями, да еще и лорда требует! Ну как такого не осадить, скажите на милость?

- Как только лорд Варден сочтет это возможным, разумеется. Но прежде необходимо получить заключение доктора о вашем здоровье. Вдруг вас из карантина выпускать нельзя?

Лив демонстративно развела руками и ухмыльнулась. И вовсе не из стремления посильнее унизить пленника она медленно, размеренно вынула из машинки отпечатанный лист, подошла к огромному несгораемому шкафу, который по размерам спорил с отделением для арестантов, неторопливо погремела ключами, отпирая дверцу этого монстра сейфового дела, достала две картонные папки, снова заперла шкаф и вернулась к столу, чтобы очинить карандаш и аккуратно вывести на обложке одной из папок: «Ланс Лэйгин». Какое унижение, право? Привычка всё

делать в строго установленной однажды последовательности всего лишь!

Вложив опросный лист в свеженькое, только что открытое «дело», она завязала тесемки на бантик и удовлетворенно улыбнулась:

- Ну-с, теперь займемся барышней!

И заправила в машинку чистую бумагу.

Фрэн Лисэт Тэранс и Элисон Хил Рэджис. Эспит

Кабы сон у Мерерид не был так удивительно глубок, то многих приятных вещей в жизни Фрэн Лисэт Теранс не случилось бы. Мамочка всегда любила поспать, и на склоне лет, подобно другим старухам, вовсе не утратила способности дрыхнуть едва ли не до полудня. Сколько разных дел можно сделать, если встать на рассвете. Ранняя пташка – Фрэн успела не только напечь блинчиков, но и на свидание ускользнуть. Кое-кто уже поджидал в укромном местечке с двумя одеялами. На одно улечься, другим укрыться, чтобы глазастые соседи не высмотрели мелькающих в траве белых ягодиц. На Эспите ни у кого нет тайн, но вся прелесть в том, чтобы не попасться.

Радовало, что, судя по напору и немногословности, Хил тоже соскучился. Они не виделись две недели и теперь наверстывали упущенное, задыхаясь, вздрагивая, дрожа от нетерпения. Время-то уходит, утекают драгоценные минутки. Надо успеть насладиться запахом и вкусом друг друга, и просто насмотреться. На короткий шрамик, рассекающий Хилову правую бровь на две неравные части, на начинающую пробиваться седину на висках, например. Слизнуть соленую капельку пота, прикусить пахнущую табаком губу и на несколько мгновений утратить разум вместе с ощущением реальности, перестать быть Фрэн Тэранс, перестать быть… Потому что это ошеломительное чувство нисходит лишь в объятиях Элисона, к счастью. Элисон… Имя, данное родителями, ей никогда не нравилось. Холодное оно, чужое и какое-то злое. То ли дело эспитское имя – Хил, Хи-и-и-л, Хилер, что означает «радостный». Оно настоящее, оно теплое, как земля этого острова, прогретое до самых корней солнцем и щедро просоленное морем.

- Ох, Хил… - вскрикнула женщина, не в силах сдержаться.

- Лис-с-с, моя Лис-с-с, как же хорошо…

Наедине он тоже предпочитал называть Фрэн островным именем – Лисэт. В промежутках между поцелуями – самое то.

- Откинь чуть-чуть одеяло, а то я задохнусь… Дурачок! Перестань! Что ты делаешь? Что? Ах! Ох!

Прошло еще какое-то время, прежде чем Хил отпустил «жертву» своей порочной страсти к экспериментам и соизволил отбросить покрывало.

- Ну как, я искупил вину?

- Вполне, - смилостивилась Фрэн. – Но за её донельзя довольную физиономию останешься должен.

- Мы всего лишь съели по паре сардинок и выпили бутылку вина.

- Не оправдывайся! Она весь вечер ходила довольная, точно обожравшаяся сливками кошка.

- А ты уже нафантазировала невесть что, - обиженно вздохнул мужчина.

- Мерерид доведет до кипения ледяную статую, - пробурчала Фрэн и демонстративно отвернулась спиной. – О! Смотри, смотри! Кого это Лив повела?

Хил раздвинул траву, чтобы открыть себе лучший обзор.

- Хо-хо! У Лив сегодня богатый улов, - он обрадовано потер ладони.

Фрэн заторопилась близоруко оттянуть внешний уголок левого глаза, и до рези вглядывалась в пленников эмиссарши.

- Ты хочешь сказать, что красавчик в замшевой куртке - наш долгожданный гость?

- Ну-у-у… - без прежней жизнерадостности в голосе протянул Хил. - Не такой уж он и красавчик, как тебе показалось. Но ты права, это – он.

Рыжий Берт плелся позади всех, то и дело останавливаясь, чтобы подпортить эмиссарше триумф.

- Как бы Лив нам не испоганила всё веселье.

- Не переживай, - заверил любовницу Хил. - Лорд Эспит примет надлежащие меры. Главное, чтобы доктор нас не подвёл.

- Надо бы зайти к нему.

- Угу. Но сначала…

Мужчина игриво прикусил зубами мочку уха Фрэн, чтобы не дергалась, пока он дает волю рукам. И силы духа ей хватило на парочку недовольных хрюканий. А потом качнулось взад-вперед утреннее небо, и женщина окончательно потеряла счет времени. Столь бережно собираемые в горсточку, волшебные минутки высыпались из расслабленных пальцев, раскатились по траве. Не собрать их теперь нипочем.

- И ты готова действительно отказаться от всего этого? – тихо спросил Хил, когда они, дрожащие и оглушенные, лежали рядом.

- Нет, - вздохнула она, - Но я готова рискнуть.

А вот спрашивать: «А ты готов?» Фрэн не решилась. Ветеран двух войн отлично знал, что такое настоящий риск.

- Хорошо. Тогда пойдем к доктору Хамнету.

- Заодно посмотрим на улов дамы Тенар поближе, - оживилась Тэранс-младшая.

- Ты любопытная, как кошка.

- Муррр!

Она грациозно потянулась всем телом, заставив Хила снова пожалеть о том, что времени у них действительно осталось мало. Если Мерерид Тэранс примчится к Исилу и не застанет там Фрэн, будет скандал, причем скандал грандиозный, который может спугнуть не только гостя, но и половину Эспита. Она такая, она может.

Глава 5

Дагейр Исил Хамнет. Эспит

Как и большинство эспитцев, доктор Хамнет не мог похвастаться достатком. Даже совмещая врачебную практику с обязанностями аптекаря, ему приходилось экономить. Много ли заработаешь на истерии Мererид Тэранс и мигренях Элисона Рэджиса? Сезонные простуды и периодическое похмелье не в счет. Островитяне жили на свежем воздухе, умеренно занимались физическим трудом, а потому хворали гораздо реже, чем обитатели городов, где смог, грязь и скопление микробов. Доктор, разменяв шестой десяток, и сам не жаловался на здоровье. Даже унаследованная от родителя подагра и та отступила перед скудностью лекарского бюджета, который не позволял Исилу злоупотреблять мясом и вином. В одном не мог отказать себе добрый эспитский доктор – в дорогих сигарах. Ради нескольких глотков ароматного дыма прирожденный жизнелюб добровольно обрекал себя на жизнь аскета. А вожделенные сигары попадали на Эспит с помощью Берта Балгайра.

- Нет, вы это видели? – возмущенно бухтел Исил, кивая на окно эмиссариата. – Ей давно пора выписать успокоительное.

Доктора можно понять - сигары были так близко, а их стерегла злющая Овчарка.

- Я заплатил Берту вперед, понимаешь, - пояснил доктор целиком и полностью разделяющему его скорбь Рэджису. – У меня нет сейчас лишней двадцатки на штраф! Эта с-с-су… эмиссарша доведет меня до инфаркта.

Высокий и поджарый, похожий на тренированного гончего пса, Исил Хамнет менее всего претендовал на роль жертвы, павшей от разрыва сердца.

- Поторгуйся с ней, - предложила умиротворенная Фрэн.

Она развлекала себя самым что ни есть женским способом – за неимением духов, нюхала ароматические масла.

- Лучше будет надавить на самого Берта. Клиенты не виноваты, что наш Бертик снова не угодил Скайре в постели.

- Хил! – возмутилась ведьма.

- Что? Плохо бабу свою ублажил, а мы должны платить лишнего? Вот еще!

- Ты мог бы выразиться как-нибудь деликатнее, что ли.

Армейская служба наложила на характер Рэджиса неизгладимый отпечаток.

- Деликатнее? Могу, - ветеран уже открыл рот, чтобы полнее, сочнее и ярче выразить свою мысль, но вовремя заметил, что через дорогу прямо в дом к доктору идут задержанные Лив мужчина и девушка. – О! Вот и познакомимся. Фрэн, оторвись от вонючек!

И прямо на глазах из угрюмого желчного солдафона превратился в радушного островитянина.

- А девочка ничего так, а? – подмигнул он Фрэн эдак игриво, о чем тут же пожалел.

- Мерерид натравлю, - процедила ведьма, продолжая радостно улыбаться уже входившим в приемную гостям.

Верэн. Эспит

Не сказать, чтобы Верэн Раинер впервые увидела настоящего дипломированного доктора. Из тех, что берут за прием столько, что дешевле помереть, похоронить и справить достойные поминки. В конце концов, она первой среди женского населения Озанна сделала себе прививку от скотьей язвы. Но мурранский лекарь такой волны смущения, как доктор Хамнет, у девушки не вызывал. Одно дело пожилой скучный толстячок в очках, а другое - моложавый стройный господин, которому лучики-морщины и густая седина в коротко стриженых волосах только добавляли импозантности.

«Что за остров такой? Тут все мужики, как на подбор! Всяк на свой лад хорош, конечно, но до чего же приятные и обходительные», - размышляла Верэн, переводя взгляд с доктора на его посетителя - светловолосого, слегка небритого господина средних лет в потертой серой куртке имперского пехотинца. У папаши Раинера такая же была, трофейная, снятая с мертвеца где-то в поле между Огастином и Сурри.

- Называйте меня Хил, - весело сказал бывший враг мурранской республики и сжал пальчики Верэн в ладони – сильной и теплой, покрытой твердокаменными мозолями.

- А меня – Фрэн.

Если бы змеи умели говорить, то у них был бы именно такой голос – тихий, шелестящий, струящийся, чуть прохладный, но таящий угрозу. Волосы темноглазой Фрэн извивались тугими кольцами, не сдерживаемые ни шляпкой, ни косынкой. А по губам змеилась улыбочка.

- Оч-чень приятно, - пролепетала хадрийка и смутилась едва ли не до немоты под ледяным взглядом новой знакомой.

- Пройдемте в смотровую, - церемонно пригласил доктор,

спасая Верэн от самовозгорания. Щеки её уже полыхали изнутри, словно перцем натертые.

В чистенькой комнатке всё было либо зеленым в тон врачебному халату, либо металлическим и эмалированным, как в самой настоящей больничной палате. И еще эти поблескивающие в круглом лотке зловещего вида инструменты… Брррр!

- Присаживайтесь, сударыня. Вот стул. Вас зовут…э…

- Верэн.

Но симпатичный доктор продолжал глядеть на девушку испытующе, словно ждал еще чего-то, прежде чем записать в бланк.

- Верэн Раинер. Имя пишется через «э», а фамилия - через «е».

- Да, да, я понял. Как вы себя чувствуете, госпожа Раинер?

- Хорошо. Я – здорова.

Но на слово эспитский лекарь не верил, а потому сначала попросил показать ему горло, затем оттянул нижние веки, убедившись в отсутствии признаков желтухи. Посчитал пульс, попросил разрешения посмотреть в уши, касаясь легко и почти невесомо.

- Расстегните блузку и покажите мне кожу в области декольте. Замечательно. Теперь я прослушаю ваши легкие.

- Трубочкой?

- Именно, юная госпожа. Дышите глубже. Дышите.

От коротких волос наклонившегося доктора так приятно пахло лавандой и розмарином, что больше всего хотелось именно дышать.

- А теперь не дышите, - проворковал островитянин. – Отлично.

И улыбнулся краешком губ. С ним, как и с Бертом, хотелось целоваться до изнеможения, до обморока.

- А как вы спите, Верэн?

«С тобой было бы просто замечательно. Или с Бертом… Ой! Это не остров, а источник искушения какой-то», - испугалась собственных мыслей целомудренная хадрийка.

- Как все люди – на спине или на боку, - буркнула она, прикинувшись дурочкой.

- Это понятно. А хорошо ли? Бессонница не беспокоит? Головные боли? Кровотечения из носа? Кошмары? Судороги в конечностях посреди ночи?

Девушка призадумалась, чтобы не сказать чего-то такого – вредоносного для себя.

- Наоборот. Сплю крепко, как убитая. И не снится ничего.

- Как только закрываешь глаза, весь мир исчезает во тьме, и она длится, длится и длится целую вечность, пока тебя не

разбудят, - сказал доктор, не отрывая взгляда от каракулей, которыми планомерно покрывал бланк медицинского освидетельствования.

- Откуда вы знаете? – встрепенулась Верэн.

Исил Хамнет только бровь приподнял.

- Что знаю?

- Откуда вы знаете, как я сплю? Я никогда никому не рассказывала.

- Откуда же мне знать, милое дитя? – он был так очаровательно снисходителен, так добр. - Я лишь предположил. Всякое бывает.

- Это… это признак болезни?

- Нет. Но если вдруг у вас начнутся кошмары, приходите, выпишу отличное успокоительное.

Утешить не утешил, но страху нагнал этот ласковый доктор, будь здоров. И самое удивительное, ни он, ни эмиссарша, ни Берт так ни разу и не спросили, какого рожна Верэн Раинер понадобилось на острове Эспит. А вопрос-то сам собой напрашивался, между прочим.

Лив и Берт. Эспит

- Наконец-то управилась! – воскликнула Скайра, плотно закрыв дверь за ученым и девушкой, которые чинно, будто гимназисты, направились на прием к доктору. Шли гуськом, затылок в затылок, впереди Лэйгин, за ним по пятам – барышня Раинер, и папки картонные со своими «делами» в руках несли. Красотища! Вот все бы так и всегда ходили, чинные и послушные, и стал бы остров Эспит образцом порядка и спокойствия. Хотя… Женщина со вздохом посмотрела на Берта, умильно скалившего зубы за решеткой, и покачала головой. Некоторые – неисправимы.

- Ну? – мурлыкнул образец врожденной тяги к преступлениям. – И что дальше?

- Это ты мне скажи, милый друг, - дама Тенар устроилась на стуле и ноги вытянула. – Вот привез ты их – а дальше-то что?

- Мое дело – доставка, Лив, - арестант пожал плечами. – Я лишних вопросов заказчикам не задаю.

- А девчонка? – Лив и не думала скрывать ревнивые нотки в голосе. – Кто она, Берт?

- Н-ну-у… - он почесал затылок и потянулся. – Пока рано судить. Пусть сначала вырастет, - и подмигнул. – Ты бы лучше хоть чайку согрела для заключенного. Промок ведь, продрог – а вдруг до пневмонии докачусь?

- До виселицы ты докатишься, - проворчала эмиссарша, но терзать пленника дальше не стала, выставила на стол керосинку и чайник. – Своими руками повешу пройдоху! Кто обещал мне с крышей помочь, а? Кто клялся? Скажешь, не ты?

- А что крыша-то?

- Течет! – мгновенно припомнив все свои тяготы, владелица башни Тенар, ее расколотой черепицы и прогнивших стропил, а так же покосившейся двери и осыпающейся штукатурки, гневно стукнула чайником по столу. – Крыша течет, ты – шляешься невесть где, и чтобы заставить тебя исполнить обещание, мне пришлось устроить засаду и караулить всю ночь! Так что помимо конфискации тебе светят общественные работы, так и знай! И лучше бы тебе не усугублять вину, дружочек.

- Ладно, ладно… - пробормотал озадаченный таким взрывов чувств контрабандист и притих в ожидании обещанного чая. Так что покой эмиссариата теперь нарушало только жужжание мух, фырчанье закипающего чайника да сопение Лив, все еще разгневанной. А еще…

- Мотоциклет? – оживился Берт, заслышав стрекот мотора, и привстал, силясь выглянуть в окошко. – Лорд нас визитом почтил?

- Собственной персоной, Берт, - весело сказал лорд Варден, появляясь из-за двери. Сдвинутые на лоб шоферские очки, потертая летная куртка и краги придавали ему весьма бравый вид. Собственно, таким, словно сошедшим с фото в дорогом мужском журнале, и должен быть гордый владелец единственного на острове мотоциклета последней модели. – Рад видеть вас обоих в добром здравии и невредимыми. А что наш гость?

- Проходит осмотр у доктора Хамнета, - Лив махнула в сторону окна. – И барышня с ним.

- Да, я слышал, что этот рейс «Келсы» подарил нам новенькую, - хозяин острова улыбнулся. – И… кто же она? Берт?

- Пока не знаю, ваша милость. Маленькая еще, двадцати лет всего лишь, - рыжий виновато развел руками. – Но я положился на чутье и решил рискнуть.

- У нас есть все основания доверять вашим предчувствиям, Берт, - успокоил его лорд. – Лив, я надеялся напроситься на чашку чая в вашем обществе. И обсудить наши планы. Могу я присесть?

- Разве что туда, - вздохнула эмиссарша и показала на место заключения. – Если вас устроит… Сейчас я отопру дверь. Не беспокойтесь, там чисто.

- Вполне устроит, благодарю, - он прошел в камеру и занял «женскую» лавку. – Это даже забавно. Вам удобно здесь, Берт?

- Это практически мой второй дом, - приложив руку к груди в знак искренности, уверил его контрабандист. – Тепло, светло, чисто, сухо, и еда простая и сытная. Прибавить к этому постоянную надежную охрану, чай и свежие газеты – и о чем еще может мечтать моряк? Разве что Лив позволила бы сигару? А, Лив?

- Давайте пить чай, - дама Тенар пропустила намек мимо ушей, ногой заталкивая в камеру табуретку вместо столика. Руки эмиссарши отягощал поднос с чайником и тремя металлическими кружками – все из списанного после Большой Войны армейского имущества, по дешевке проданного жителям таких глухих уголков империи, как Эспит. Чтобы отведать горячего напитка, требовалась не только сноровка, но и изрядное мужество – кружки от кипятка раскалялись так, что обжигали пальцы даже сквозь джутовую оплетку. Но все трое: лорд, не забывший ухваток бурной юности, тюремщица и морской проныра, отлично умели управляться с такими непритязательными сосудами. Они и сами были похожи на невзрачную солдатскую посуду, такие же простые, надежные и практичные.

- Вы разрешите закурить? – деликатно отхлебнув малюсенький глоточек обжигающе-горячего и черного, как смола, чая, осведомился лорд.

- Извольте, - не стала возражать Лив. Она и сама покуривала время от времени, предпочитая, впрочем, сигарам тонкие дамские папироски с длинным мундштуком. – Только окно придется открыть пошире, - и поставила на пол пустую банку из-под консервированной говядины.

Берт фыркнул. Всё – и консервы, и папироски, и даже лента в пишущей машинке Скайры – прибыло на Эспит на борту «Келсы». А вот чай был имперский, с плантаций в дальних южных колониях. В Республике такого крепкого и душистого нипочем не найти, если, конечно, не свести знакомство с Эспитским Лисом.

- Итак, - на правах старшего по статусу перешел к делу лорд Варден. – Как мы поступим с нашим гостем? Я говорю только о господине Лэйгине, потому как девушку, я полагаю, вы берете под свое покровительство, дама Тенар?

- Беру, - кивнула Лив. – Мне нужна машинистка, да и в башне помощь не помешает. Кроме того, если вы все еще не отказались от этой затеи с телефонной линией, милорд…

- Допустить девчонку из Муррана к стратегическому объекту, Лив? – вздернул брови Балгайр. В контрабандисте проснулся не только имперский патриот, но и отставной мичман с миноносца Е.И.В. «Настойчивый». Очень некстати проснулся, надо сказать. Вот Лив ему на это и указала, напомнив, кто именно привез на

Эспит не только ученого, за которым его посылали, но и девку непонятной породы.

- Все равно раньше чем через год нам линию не устроить, - оборвал их перебранку лорд. – Там и видно будет, республиканка она или уже эспитка, наша сестра по духу.

- Избавьте меня *морские и подземные* от таких сестер! – наморщила нос женщина. – Но, что касается Лэйгина, тут выбор невелик. Выслать его мы не можем, потому что тогда нас растерзает вся община, значит, будем приглядывать. Вот Берт и будет. Все равно ему общественные работы полагаются. Вы согласны, Варден?

- Неплохая мысль. Но излишне опекать его тоже не стоит, иначе наш гость решит, будто его заманили сюда для жертвоприношения.

- А разве нет? – ухмыльнулся Берт.

- Нет! – возмутилась Лив.

- Не совсем, - уточнил владелец острова. – Вы, как всегда, упрощаете, друзья мои. В конце концов, все упирается в добрую волю… э-э… кандидата. Его предшественников никто не тащил в лабиринт силой, и теперь этого не будет. Я – лорд Эспита, и моя обязанность проследить за этим.

- Предыдущие ворюги толпой ломились в лабиринт, будто им там медом намазано, едва почуяв слушок о сокровищах, - оскалилась Овчарка. – И этот такой же. Держит нос по ветру и присматривается, где что плохо лежит. Так что он полезет туда сам, а я – прослежу, чтобы он не залез куда-нибудь еще. С такого пройдохи станется и ложку стянуть за обедом! Я – дама башни Тенар, мой долг – охранять этот остров от ворья и всякой швали, которая сюда так и прёт. И будьте уверены, у этого вкрадчивого хлыща не будет шансов нас ограбить.

- А мне вы оставили самое приятное, да? Водить господина Лэйгина за ручку и кормить с ложечки? – осведомился Балгайр. – Проводник героя, как всегда?

- Вы всегда отличались редкостным умением понимать несказанное, друг мой, - благостно улыбнулся Варден. – Я полностью вам доверяю.

- Но сначала, - предупредила Лив, подводя черту под обсуждением, - ты починишь мне крышу. В счет штрафа.

- Исправительные работы! – повеселел Берт. – Лив, любовь моя, я тебя обожаю! Когда начинать?

- Я вас оставлю, пожалуй, - лорд Эспит тоже продемонстрировал понимание. – Благодарю за чай, дама Тенар. Что касается конфискованного груза…

- Пришлите людей в Косую бухту, милорд. Нынче к вечеру я

закончу опись, и мы составим акт об уничтожении контрабанды. Вам удобно будет дать аудиенцию этому Лэйгину, скажем, около восьми вечера?

- Да, я же должен буду удовлетворить его прошение… - у Вардена на лице было написано, как сильно ему досаждает мысль о визите чужака в поместье. И то верно, теплый июньский вечер можно потратить с гораздо большей пользой и удовольствием, особенно если рядом есть кое-кто близкий… Скайре самой не улыбалось заниматься Лэйгином, да и девчонкой, когда летняя ночь, звездное небо и теплый ветер с моря хором уговаривают заняться Бертом Балгайром. Но – дело есть дело!

- Давайте все-таки завтра, с утра, - попросил лорд. – Нашему гостю будет полезно еще некоторое время побыть в, хм-хм, неопределенности касательно своего статуса.

- И верно, - неожиданно поддержал Вардена Берт. – Больно много чести – вот так сходу и к лорду в гостиную! Пущай Лив его еще денек помурыжит.

Эмиссарша, осознав, что свидание на крыше откладывается, угрюмо засопела, но в конце концов признала разумность предложения. Нечего всяким мурранским проходимцам потакать! Может, община и имеет виды на Лэйгина, но эспитцам придется обождать. Еще пообщаются со своим археологом, надоесть успеет!

Ланс Лэйгин. Эспит

Обнаруживать в себе новые качества на тридцать шестом году жизни как-то даже странно. Все нормальные люди, то бишь мужчины, уже давно определились с любимым сортом чая, маркой сигарет, профессией, хорошими и дурными привычками, а так же с типом женщин, которых они бы хотели видеть рядом, в том числе и в постели. Ланс в этом отношении удался в собственного папеньку, чьей постоянной страстью были юные стройные барышни с большой грудью. Чем же объяснить навязчивое влечение к женщине, которая мало того, что весьма далека от идеала, так еще и каждым словом и каждым жестом стремится тебя унизить? Внезапным помутнением рассудка? Последствиями шока и ночного шторма?

Дама со странным двойным именем нравилась Лансу с каждым мгновением все больше и больше. Не взирая ни на что. Без всяких причин. Опять проклятая метафизика?

И если бы этот остров не звался Эспитом и не прятал в себе остатки древнего Калитара, то никуда бы Скайра Лив не делась бы, самодовольно думал Лэйгин. Между двумя страстями, между

женщиной и открытием он всегда выбирал Калитар. *Другая* ждала так давно, *Другая* звала так настойчиво, что отказывать ей преступно.

Направление к доктору Хамнету Ланс воспринял как добрый знак. Никто его насильно высылать на материк не собирается - это уже хорошо.

Тем более приятно, что островитяне искренне обрадовались появлению новых лиц. Оно и понятно – Эспит не самое бойкое место на свете. После зимы каждый гость – событие.

Доктор окружил Лэйгина вниманием ничуть не меньшим, чем получила хорошенькая хадрийка. Удивительно другое - что в такой глуши делает столь квалифицированный врач?

- Мы тут тоже кое-что знаем о ваших археологических изысканиях. Очень любопытно, очень. Надеюсь, и на нашем острове вы сделаете очередное мировое открытие.

- Если лорд Эспит окажет мне поддержку, - начал прибедняться Ланс.

Обычно в закрытых общинах люди с более высоким статусом стараются поддерживать друг друга. Глядишь, участливый доктор замолвит перед лордом словечко за пришлого ученого. Даже если тот не столько человек науки, сколько ловкий проходимец, как очень верно выразилась Лив.

- Ну что вы! Наш лорд удивительно милый и любезный человек, - заверила Фрэн – загадочная дама с манерами отравительницы. – Он любит науку и не откажет в помощи.

Она притаилась в углу и так многозначительно переставляла с места на место флакончики с маслами и порошками, что в её присутствии не хотелось оставлять на столе чашку с чаем и отворачиваться. Мало ли!

- А вы уверены, что на нашем острове можно найти древние сокровища? – полюбопытствовал представившийся Рэджисом ветеран последней войны. – Кругом же скала сплошная. Отхожее место хрен выкопаешь…

- Хил! – возмущенно взвизгнула женщина.

- А что я сказал такого?

Но поругаться они не смогли, хотя по всему было видно, очень этого хотели. Дверь открылась и внутрь вбежала разъяренная пожилая дама. Видимо, всю дорогу от дома она бежала, ибо дышала тяжело и лицо её блестело от пота.

- Ах ты бесстыжая тварь! – прорычала дама, тыкая в Фрэн зонтиком. – Где ты шаталась, шлю… - и тут она заметила Ланса. – Добрый день, господин Лэйгин. Как вы пережили шторм на Бертовом корыте?

Метаморфоза, приключившаяся с лицом женщины, была

поразительной – от почти звериного оскала до очаровательнейшей улыбки всего за одно мгновение. Не каждая актриса такое повторит.

- Не удивляйтесь, милейший господин Лэйгин. На Эспите не бывает тайн. Ваше имя слышали в магазине, и теперь все островитяне его знают, как и обстоятельства вашего появления, - пояснила лицедейка. – Меня зовут Мererид Дина Тэранс. И я мать вот этой… неблагодарной девушки.

Фрэн ледяной взгляд Мererид ничего хорошего не сулил, но та, по всей видимости, притерпелась к подобным выходкам матери.

- Я купила для тебя патентованные порошки от мигрени.

- Мало того, что шлялась, так еще и деньги потратила? – взвилась Мererид.

- Поговорим дома, мама, - не по-доброму усмехнулась Фрэн и выскользнула прочь.

- Нечего тут орать! – рявкнул Хил Рэджис, но следом за младшей Тэранс не пошел.

Ланс тут же «накрахмалил» уши.

Надо ли говорить, что больше всего о людях рассказывают их скандалы? Эспитцы жили на крошечном пятачке суши и, наверняка, успели друг дружке не единожды насолить, оттоптать любимые мозоли и всячески напакостить. А копящиеся годами обиды аборигенов – лучшие помощники любого авантюриста.

- Могу я вас осмотреть, господин Лэйгин?

И доктор настойчиво увлек за собой Ланса как раз в самый разгар сцены, которую иначе, как сценой ревности не назовешь. Ужасно не вовремя, право слово. Но ведь не скажешь же: «Ах, дайте-ка я досмотрю, чем у Хила и Мererид всё закончится. Набьет она ему морду или нет?»

Если быстро разобраться, кто тут кому и кем приходится, то никаких сложностей с раскопками Эспита не будет.

Да здравствуют маленькие островки и их обитатели, которые прежде всего люди с человеческими слабостями!

Верэн. Эспит

Хадранс считается самым гостеприимным краем Муррана. Истинная правда! Тех, кто приезжает полюбоваться на знаменитые замки, посидеть в уютных ресторанчиках за бокалом-другим вина, побродить по живописнейшим пляжам и покататься верхом ждет самый теплый и радушный прием. Ибо покупатель – свят и неприкосновенен, а тонкий или толстый у него кошелек –

не имеет значения. Крошечные подушечки, набитые лавандой, уже двести лет кормят предприимчивых хадриек ничуть не хуже, чем сыр, колбасы и вино. Человек, желающий что-то купить, заведомо хороший человек, человек ничего не покупающий, а только лишь сующий везде свой нос – плохой и способный на любое злодейство. На том стоит и стоять будет благополучие Хадранса. Семейство Раинер свято хранило заветы предков, из поколения в поколение взращивая в лоне своем людей практичных и недоверчивых одновременно. И дознайся папаша Раинер, что его старшая дочь рассказывает совершенно незнакомым людям о своем житье-бытье, проклял бы, не сходя с места. И уже совершенно точно беднягу хватил бы удар, когда бы Верэн призналась, что к некоторым из новых знакомых она прониклась доверием едва ли не с первого взгляда. Например, к злой мамаше недоброй Фрэн.

Старушка так залихватски ругалась, так быстро словесно прищучила мужчин, прям завидки брали. И шляпа на ней модная, недорогая, но прямиком из самого последнего журнала мод, и платье скроено идеально по фигуре. Словом, Верэн прониклась к Мерерид Тэранс симпатией моментально. Просто так, без всякой веской причины.

- Ни стыда у тебя, ни совести, Элисон Рэджис, - уже без прежнего запала молвила милая старушка, когда за доктором и Лансом закрылась дверь. – Ладно, у тебя контузия, а у Фрэн мозгов, как у курицы, но в сумме-то на разумные поступки умишка должно хватить, а?

Элисон Хил лишь отмахнулся досадливо. Всё его внимание сосредоточилось на Верэн.

- Так почему тебе в своем Озанне не сиделось, малявка? Приключений захотелось на свою славную… - и дерзко подмигнул Мерерид. – Короче, с каких-таких делов тебя потянуло из одной задн… дыры в другую?

Девушка вопрошающе оглянулась на Мерерид, но та ничуть не меньше приставучего ветерана желала услышать ответ. Однако её взгляд показался Верэн одобряющим и поощрительным.

- Ну-у-у… я даже не знаю… Разглядывала как-то географическую карту Муррана и увидела Эспит. Старую карту, еще довоенную карту, - тут же исправилась хадрийка, опасаясь затронуть патриотические чувства Элисона. Как-никак воевал человек.

- И вот прямо так потянуло? – продолжил Элисон свой неаккуратный допрос – Может, от жениха сбежала? Или ты - брюхата?

- Хил! Попридержи свой поганый язык! - Мерерид рявкнула

ничуть не ласковее, чем совсем недавно дочурка.

- Нет у меня никакого жениха! Девица – я. Чего вы пристали?

И пока хадрийка в красках представляла, что её папенька сделал бы с ней и её возможным, а точнее невозможным, любовником, старушка подсела ближе, невесомо сжала пальцы девушки в своей аристократической и тонкопалой ладони.

- Не обращай внимания, детка. Наш мальчик – дебил. Он сначала делает, а потом все равно не думает.

- Не хами мне, Мererид.

- А ты веди себя с девочкой прилично. Сразу же видно, что девочка она порядочная.

На груди у госпожи Тэранс висел ведьминский медальон на серебряной цепочке. Вообще-то, порядочной хадрийке при виде гильдейского знака полагалось наставить на собеседницу растопыренные мизинец и указательный палец левой руки и произнести трижды: «Сгинь!». Но вместо старого проверенного способа борьбы с ведьмами, Верэн как на духу поведала тетушке Мererид про свои успехи и достижения: школьный аттестат только с оценками «отлично» и диплом, опять же с отличием, полученный на курсах машинописи. Тетушкой её просила называть сама госпожа Тэранс. Как же ей отказать?

- Не переживай, рыбка моя. Сыщется тебе и на Эспите занятие по душе, - мурлыкнула ведьма. – Тут все находят себе применение.

- Угу-угу, - поддакнул вредный Элисон. – Находят-находят.

Он на редкость уютно развалился в жестком кресле и, казалось, даже задремал, надвинув на лицо армейскую выгоревшую на солнце кепку с потрепанным козырьком. Но Верэн готова была присягнуть, что тот не только не спит, но прислушивается и к словам, и даже к тому, как девушка дышит. Хищники, как известно, спят вполглаза.

Фрэн и Мererид. Эспит

Всё зло от кухонь и немытых тарелок. Духовка душит все прекрасные порывы, в тазу с мыльной водой бесславно тонут мечты и пригорают на сковородках высокие чувства. В атмосфере жареного лука зачахло столько начинаний, не говоря уж о сваренных вкрутую идеях. Завтраки, обеды, полдники и ужины вовсе не приемы пищи, нет, они - спруты, которые специально созданы для того, чтобы держать женщин в своих щупальцах. Держать крепко и не выпускать на волю. Замкнутый круг – готовка сменяется мытьем посуды, чтобы была посуда, которую

можно пустить в дело. А в промежутках между стряпней и мойкой хозяйке надо еще придумать из чего и что приготовить. Вот они, муки разума, неописуемые никакими словами.

Дамы в гостиной щебетали, попивая чай, а перед Фрэн стояла сложнейшая задача: как при наличии лишь нескольких картофелин, морковки, луковицы и горстки мясных обрезков сделать запеканку под сырным соусом. Это вам не теорема об однозначном разложении чисел в круговых полях.

Оливкового масла осталось совсем мало, а сливочное закончилось еще на той неделе – это раз. Твердый сыр в этом месяце семейству Тэранс не по карману – это два, а молоко просто жалко. И это третья причина. Что прикажите делать, а?

Мерерид сказала: «Сделай нам запеканку», а значит, альтернативы нет. Рагу, зразы, деруны и пюре станут очередным поводом для скандала. Нет, Фрэн за всю жизнь притерпелась к мамочкиным причудам и научилась пропускать её упреки мимо ушей, но сейчас совсем не время для нового витка внутрисемейного противостояния.

Пусть будет так, как хочется Мерерид. Без томатов, сладкого перца и сырного соуса, но запеканка.

И пока морковь и лук возмущенно шкварчали, зажариваемые на чайной ложечке оливкового масла, ведьма покрошила в мясной фарш побольше куриной кожи. Авось Лив не заметит. Мамочке все равно невозможно угодить, как ни старайся. Касательно же новенькой барышни… Фрэн о ней не думала вообще. Пока Верэн Раинер не представляет из себя ничего особенного. Смазливая мордашка и высокая грудь еще не повод для беспокойства. Разве только Мерерид завербует девицу в союзницы, прежде чем та раскусит хитрый замысел Тэранс-старшей.

- А вот и я. Угощайтесь, дамы.

Фрэн поставила на стол блюдо с румяной запеканкой, улыбаясь так счастливо, будто только что осчастливила всё человечество. Она, к искреннему разочарованию Мерерид, успела переодеться в нарядное платье и выглядела вовсе не как прислуга.

- Какая ты все-таки мотовка, дочь моя.

Замечание, переводящееся на человеческий язык как: «Платью всего пятнадцать лет, его только раз перелицовывали, а ты так и не научилась беречь дорогую одежду».

- Это твоя заслуга, мама. Ты так и не сумела привить мне плебейские вкусы.

Слово «свои» Фрэн пропустила умышленно. Исключительно, чтобы немного порадовать Лив. Та почти час развлекала Мерерид

разговорами и вполне заслужила пару минут созерцания перекошенной физиономии Тэранс-старшей.

- Полагаю, милочка, вы относитесь к своей матери более уважительно? – спросила она у Верэн, старательно культивируя на губах улыбку.

Та смущенно дернула плечиком. Девушку больше привлекал аппетитный бочок запеканки, чем сомнительные комплементы старых ведьм.

- Вот видишь, дорогая моя дочь, даже хадрийские крестьянки ведут себя приличнее, чем ты. И не только на словах, но и на деле. В возрасте Верэн ты девицей уже не была, насколько я помню.

- А ты была? – вежливо полюбопытствовала Фрэн, делая вид, словно обиделась.

- Была.

- Жаль, нет возможности попросить у моего папочки подтверждения. Как, бишь, его звали-то?

Мерерид, конечно, ничего достойного ответить не могла. Она очень тщательно, как рекомендовал доктор Хамнет, пережевывала кусочек запеканки.

- Ты снова пересолила, - невозмутимо заявила мамочка, дожевав свой кусочек и аккуратно промокнув губы салфеткой. – Уж не влюбилась ли?

«Второй раунд. Бамц-ц-ц!» - догадалась Верэн.

Откровенного говоря, она не верила своим глазам и ушам. Эти женщины жили среди исключительной красоты и гармонии, их дома снаружи и внутри выглядели так, будто только что сошли с картинок из книг. Такого количества цветов хадрийка сроду не видела и даже не представляла, что свое обиталище можно украсить столь изысканно и просто с помощью одной лишь сирени и жасмина. Кроме того, рядом ходили мужчины, за внимание каждого из которых озаннские девчонки дрались бы до крови. И что же? Кто-то радовался великолепию красок, уюту маленьких домиков, вниманию сильного пола? Ничуть не бывало. Эспитские дамы поедом ели друг дружку. Верэн, конечно, тоже могла огрызнуться на мать, но чтобы язвить родительницу так, как это делала Фрэн – никогда. С другой стороны, мамаша Раинер никогда не отличалась мягкостью нрава, но она и не измывалась над детьми так жестоко, как тетушка Мерерид.

- Мне стыдно перед барышней за твою стряпню, - не сдавалась старая ведьма.

«Постой-ка, Вер, - сказала себе хадрийка, делая вид, будто всецело сосредоточилась на дегустации злополучной запеканки. – Не стоит торопиться и принимать чью-то сторону. Чтобы потом не

стать крайней».

- Моя мама чаще сырную готовит. Берем мисочку нежирного творога, три яйца, три суповые ложки сметаны…

Старый хадрийский способ отвлечь языкатую бабу от свары всегда безотказен: хочешь избежать неприятного разговора – начинай делиться домашними рецептами. Кабы у ведьм водилась кошка или собака, то умудренная Верэн поведала бы о проделках своих хвостатых любимцев. Идеальный разговор в напряженный момент.

И, похоже, что все дамы, собравшиеся за чаепитием, оценили ловкий маневр деревенской девочки. Мамаша с дочкой больше друг в друга зубами не впивались, а эмиссарша воздержалась от провокационных вопросов к обеим.

- В следующий раз, когда Мererид и Фрэн начнут цапаться, я тебя позову, Верэн Раинер, - сказала Лив, когда уже под вечер они шли в резиденцию дамы Тенар.

«Как бы я еще раньше не сбежала отсюда», - подумала девушка.

Посиделки у ведьм её утомили до крайности. Экие змеи ядовитые! Пяти минут не могут выдержать, не наговорив гадостей. Есть от чего впасть в отчаяние, стоит лишь представить, что эти дамочки будут теперь твоими соседками.

Но это лишь в старости печали затяжные, как осенние дожди, а в юности любая смена впечатлений подобна ветерку, который без труда уносит прочь самый густой туман-уныние. Да и как можно хмуриться и грустить, когда вокруг, куда не кинешь взор – сплошь благолепие и покой. Стрекочут цикады, носятся ласточки над головой, и воздух пахнет пополам морем и цветами. Волшебство, да и только.

И чудеса первого дня на острове Эспит не закончились для юной хардийки. На фоне закатного неба черный зуб древней башни смотрелся ошеломительно.

- Великая Мельница! Что это?

- Мой дом, разумеется, - самодовольно фыркнула Лив. – Нравится?

- Настоящий з*а*мок?

- Хмм… Можно и так сказать. Если Берт поможет с крышей, то вполне себе ничего… Эй, да ты куда?

Но Верэн уже не слышала рассуждений дамы Тенар. Она вприпрыжку, подскакивая поочередно то на одной ноге, то на другой, умчалась вперед. Жить во всамделишном замке, чаевничать с ведьмами, флиртовать с интересными мужчинами! Эх! Да только за этим следовало плыть на Эспит!

- И курочки у вас есть?

- Ну а куда без них? – вопросом на вопрос ответила Лив, уже порядком утомленная восторженными расспросами девчонки.

- И козочки?

- Одна коза и та бодучая.

- Ага.

«Понятно всё с тобой», - вздохнула дама Тенар.

Как будто в колдовское зеркало, смотрелась в несовершеннолетнюю хадрийку. На себя в таком же щенячьем возрасте смотрела. Та юная Лив точно так же влюбилась в эти проклятые развалины с первого взгляда, едва лишь увидела силуэт башни.

- О-йо-ой…

А вот и стон, говорящий знающему уху, что Верэн Раинер осмотрелась в гостиной как следует.

Девушка застыла посреди комнаты и завороженно оглядывалась по сторонам. Здесь всё было так, как виделось в смутных мечтах, как грезилось без всякой надежды на исполнение. Камин, уютные кресла, оплывшие свечи, запах бисквита и лаванды, вышитые подушечки, бронзовый старинный канделябр на столе. Верэн даже зажмурилась, чтобы не спугнуть видение.

- Твоя комната по коридорчику налево, моя - направо. Прямо кухня. В башню не подниматься, в подвал спускаться запрещено категорически, - проворчала хозяйка. – Ты меня слышишь, дева? Или оглохла совсем?

- Слышу. Да… конечно… я все поняла.

Над каминной полкой висела старая карточка. Из её черно-белых глубин глядел на Верэн бравый вирнэйский моряк в белых штанах, рубахе с широким воротником и широкополой шляпе с лентой – молодой, красивый, ладный Берт. Все чин чином, как положено, на фоне нарисованных на холсте пальм и парусов, с витиеватой надписью «Такого-то дня, такого-то года, Тьерран Балгайр». И судя по дате выходило, что на карточке Берту-Тьеррану было столько же лет как сейчас Верэн. Но если всмотреться, то не только гладкостью щек и отсутствием морщинок отличался тот Тьерран от нынешнего Берта. Молоденький матросик еще *не знал*, а ушлый контрабандист уже *знает*.

- А почему у вас у всех по два имени? – спросила вдруг новоселка.

- Одно – по паспорту, другое – эспитское, что тут сложного?

- А откуда берется второе имя?

Но дама Тенар ничего не ответила. Она подозрительно громко загремела чем-то на кухне, чертыхаясь под нос и пеняя на излишне любопытных девчонок, которым только и забот, что третировать нормальных людей дурацкими вопросами.

Берт и Ланс

Скайра, зараза такая, крохотной своей эмиссарской властью воспользовалась по полной. Едва стрелка на уличных часах с громким щелчком достигла цифры «пять», дама Тенар подхватила осоловевшую от обилия впечатлений барышню под локоток и, не удосужившись запереть камеру (хоть за это спасибо ей!), попрощалась с арестантами самодовольным:

- Счастливо оставаться!

- Но как же!.. – встрепенулся залетный археолог, но возглас его пропал втуне, только из-за двери донеслось:

- И в уборную не провалитесь!

Мужчины остались в одиночестве: за решеткой, с упаковкой галет и чайником на двоих. Почему за решеткой? Да ведь в этой конуре и присесть больше негде, кроме как на арестантской лавке!

- А что будет, если мы… э-э… покинем сей приют самовольно? – поинтересовался Лэйгин, обращая внимание контрабандиста на незапертые двери. Дескать, ты ж и так преступник, кому как ни тебе из тюрем сбегать?

- Не советую, - лениво отозвался Берт. – Во-первых, идти пока все равно некуда. Без лордова дозволения вас, дружище, тут первый встречный обратно приведет. И учтите: ежели Скайра обычно только пугает, то Элисон Рэджис у нас контуженный и герой войны, между прочим. Он и шмальнуть может, и не промажет. А во-вторых, чем вас эмиссариат не устраивает?

И он повторил свою горячую речь о преимуществах ночевки за решеткой, ту самую, что уже держал пред его милостью лордом Эспитом. Только на сей раз прозвучало все шире и убедительней, потому как лорду все достоинства эмиссариата и его хозяйки были и так известны, а Лэйгин только-только получил первый опыт.

- И крыс тоже нет! – заключил Берт. – Удобства, правда, на дворе – дощатая такая будочка, не промахнетесь. Зато милостивая дама Тенар оставила нам целую кипу газет. О! И

папиросы. Табак, правда, дрянной, но наша Скайра экономит на всем. Даже чулки штопает. Помню… - тут он сделала вид, что смутился, делясь с сокамерником интимными воспоминаниями, и умолк, напустив загадочности.

Взгляды, которыми чужак дарил суровую эспитскую стражницу, вызывали у Балгайра не ревность, но сочувствие.

«Тут тебе, дружок, не обломится, как не пыжься. Да и не только тут. У нас на Эспите все свободные бабы давным-давно разобраны».

Берт зевнул, поудобней расположился на лавке и развернул местную газету. Выпускал ее – под патронажем лорда Вардена, конечно! – эспитский почтарь. Пресс у него стоял маленький и древний, бумага тоже не отличалась белизной, но все ж таки печатное слово! Первую полосу занимали новости из метрополии – короткой строкой, по телеграфу много подробностей не передашь. Далее шли очерки и статейки местных жителей – в основном кляузы и сплетни. Доктор Хамнет на этот счет любил пошутить, мол, ежели «Барабан Эспита» измельчить, то яду хватит весь остров перетравить. Последнюю полосу традиционно отдавали под объявления. Драл за них почтарь три шкуры, то бишь по орику за слово, а потому эспитцы изворачивались, кто во что горазд. Шедевры лапидарности вроде: «Кастрация всем. Дешево!» в любой другой местности вызвала бы хохот, но обитатели Эспита, напротив, искренне восхищались умением госпожи Нихэль, ветеринарши, так кратко и емко формулировать свои мысли. Балгайр, пропустивший за время рейда множество событий из жизни Эспита, теперь вдумчиво и со вкусом наверстывал упущенное. И Лэйгину парочку газет перебросил на соседнюю лавку.

- Почитайте пока. Оно и полезно, и познавательно.

Делать было нечего, спать еще не хотелось, а, как известно, провинциальная пресса убаюкивает лучше мамочкиной колыбельной. Впрочем, в памяти Ланса не сохранилось прецедентов, когда бы Амандин Лэйгин снизошла до примитивных материнских обязанностей. Но газета – средство проверенное, половина передовицы гарантирует здоровый крепкий сон.

«Так-так, и что же у нас творится на славном Эспите. Ну-ка, ну-ка…»

Госпожа Нихэль, написавшая заметку под названием «Что надо знать о ящуре», явно обладала недюжинным литературным даром, ибо её живописания ужасов заражения буквально леденили кровь. Какой тут сон, когда надо срочно прокипятить всё молоко и забить всех зараженных животных?

- Кстати, а где больные овцы? – спросил Ланс, не в силах сдержать тревоги.

И в самом деле, кроме исполинской собаки дамы Тенар, он не увидел на острове ни одного четвероного. Положим, коров на Эспите просто не прокормишь, а кошки с собаками занимались своими невидимыми делами, остаются только овцы и козы.

- Сдохли, - меланхолично ответствовал Берт.

- От чего?

- От ящура, конечно!

И посмотрел, как на дурачка.

Тогда Ланс решил зайти с другой стороны.

- Много их было?

- Аж целых две штуки.

- Издеваетесь?

- А вы как думаете, Лэйгин? - ухмыльнулся контрабандист.

- Я думаю, нет никакого ящура.

- Как это нету? – возмутился Берт. – Овцы сдохли. Сначала одна, затем другая. И обе от ящура, как выяснила Кат. А остров у нас маленький, и по законам её величества две дохлые скотины, приходящиеся на пятьдесят человек – это повод объявить карантин.

Вот и пойми, всерьез он или шутить изволит с заезжим гостем? Согласитесь, ругаться посреди ночи с сокамерником из-за ящура, несколько невместно. Вот Ланс Лэйгин и не стал обострять обстановку. Он попыхтел недовольно, повертелся с боку на бок и вернулся к чтению «Барабана Эспита».

На маленьком острове жизнь кипела, била ключом и переливалась через край. Не проходило и дня, чтобы не случилось события, достойного печатного слова, будь то падение господина Фирска со стремянки или снятие кота госпожи Матэи с яблони.

Особого смысла в кошачьей спасательной операции Ланс не углядел. Зачем рисковать и лезть на дерево, когда достаточно набраться терпения? Рано или поздно кот спустится вниз. А кто не верит в счастливый финал подобной истории, пусть припомнит, когда в последний раз он видел кошачий скелет, застрявший в ветвях дерева.

Сон подкрался к авантюристу исподволь, сначала легонько пощекотав веки невидимым перышком, а потом в наглую завалившись Лэйгину под бок и закрыв теплым крылом от всех треволнений. Ланс и сам не заметил, как уронив газету на лицо, сладостно захрапел. Его первый день на острове Эспит получился долгим, напряженным и неприятным, но лиха беда начало.

Глава 6

Ланс. Эспит

А рано утречком природа позвала Ланса отдать ей долг. Настойчиво так позвала. Сонный и помятый со всех сторон после ночевки на жесткой лавке Лэйгин закутался в одеяло и побрел к укромному домику, спрятавшемуся за пышной гортензией. Пересечь внутренний дворик, куда выходили задние двери эмиссариата и магазина – дело недолгое, днем тут запросто можно столкнуться с другим таким же страждущим. Еще и поплясать придется в ожидании облегчения. Потому-то Ланс решил, что напоролся на возвращающегося в магазин господина… как его бишь… Фирска, кажется. Даже извинился за неосторожность.

- Спросонок я… Простите…

Но торговец сувенирами уже не мог оценить вежливости мурранского гостя, ибо висел на ветке молчаливый, отрешенный и совсем мертвый.

Нет, Лансу прежде доводилось видеть и самоубийц на месте, так сказать, сведения последних счетов, и жертв кровавых убийств. Но еще ни разу эта встреча не была такой внезапной. И так как шел он по малой нужде, то чуть было не справил её тут же. От неожиданности.

Что теперь делать прикажете? Кричать-звать на помощь вроде как нет острой необходимости, до Берта можно и не добежать, не опозорившись, а продолжить свой путь – как-то цинично, что ли.

Пританцовывающий археолог убедился, что господин Фирск тих и безмятежен, толстые эспитские вороны еще не успели слететься на поживу, а любопытные кошки держатся на почтенном расстоянии, и поступил цинично, но зато логично.

Висельник никуда не сбежит, а куда более срочное дело не займет много времени, верно?

Отнюдь не Лансом Лэйгином замечено, что близость смерти изрядно бодрит живых, и самые простые вещи кажутся им исполненными тайного смысла, а ощущения остры, как никогда прежде. Так что не стоит удивляться, что отправление нужды доставило археологу несказанное, ни с чем несравнимое удовольствие. Хотя казалось бы, опустошение мочевого пузыря – такая обыденность, а поди ж ты.

«Уф! Как же мне хорошо! А бедолага Фирск уже ничего такого сделать не сможет. А мне хорошо! - невольно ликовало всё

Лансово естество. – Сейчас бы еще сигарету и чашечку кофе».

Еще более смешанные чувства обуревали его в процессе побудки сокамерника.

- Берт, вставайте немедленно!

- Иди ты на … - кратко ответствовал контрабандист, не размыкая век.

Ланс тряс товарища по заключению, тер ему уши и всячески пытался отскрести от лавки. Тщетно. Отчаянный капитан «Келсы» добирал часы безмятежного сна и знать ничего не хотел.

- Берт, там человек повесился! Подъем! Живо!

- Ну, пусть еще висит.

- Это, кажется, хозяин магазинчика. Фирск

- Вот же ж сука этот Джай, - хрюкнул Берт и попытался натянуть на голову уголок одеяла.

- Что будем делать?

- Хрррр…

- Что?

Контрабандист захрапел громче, демонстрируя крепость нервов и твердость намерений. Ланс плюнул от досады и пошел «радовать» доктора Хамнета.

И то ли островитяне господина Фирска сильно недолюбливали, то ли поголовно отличались удивительным жестокосердием, но весть о кончине земляка их нисколько не опечалила.

- Точно висит? – уточнил доктор в промежутке между двумя душераздирающими зевками. – Не щупали – остыл уже или нет?

- Я не настолько любопытен, - обиделся Ланс.

Где-то в глубине пропахшего духами обиталища одинокого врачевателя тихонько скрипнули ставни.

- А зря. Вы же ученый… хм… естествоиспытатель…

То, что добрый лекарь мысленно клянет самоубийцу последними словами, нелюбопытный естествоиспытатель готов был присягнуть. Уж больно медленно он собирался. За время, пока доктор выбирал между синим галстуком и черным, мертвеца могли вороны до костей склевать.

- Там человек повесился, - неделикатно напомнил раздраженный Ланс еще раз.

- Вряд ли я смогу ему чем-то помочь, - снизошел до ответа Исил, остановившись на черном галстуке. – Он же точно мертвый?

- Мертвее не бывает.

- Ну и чудненько… - однако, увидев, как вытянулось лицо мурранца, доктор решил смягчить формулировку: - Было бы гораздо хуже, если бы вы оставили беднягу на дереве хрипящим и

молящим о помощи, а я тут копаюсь.

- Без всякого сомнения, - отчеканил ошеломленный археолог.

Островитяне, похоже, отличались своеобразным чувством юмора.

- Эй! Гайзи! – окликнул Хамнет пожилую женщину в роскошном атласном халате, решившую посмотреть, что за шум в такую рань. – Надо Лив передать, что Фирск снова накосячил с галстуком.

- Тьфу! – фыркнула соседка и ушла в дом, похожий издали на торт из цветов.

- У вас тут телефонная связь есть?

- Скажете тоже, батенька! - фыркнул доктор. - Пока только приценяемся. А что?

- А как же? – археолог беспомощно кивнул в сторону исчезнувшей за дверью дамы.

- Лэйгин, мы же не в бескрайних степях Тайрена. На нашем острове, стоя на противоположных берегах, друг до друга можно просто докричаться, - снисходительно мурлыкнул врач.

И пошел прямиком во внутренний дворик, хотя Ланс ни словечка не сказал, где нашел самоубийцу. Или все-таки не самоубийцу?

А Берт Балгайр так и не проснулся, между прочим. Доктор же Хамнет меланхолично осмотрел тело, констатировал смерть и стал ждать прихода дамы Тенар. Без имперской эмиссарши перемещать мертвое тело, тем паче вынимать труп из петли, не положено.

- Сколько ему лет-то было? – спросил Ланс, чтобы хоть как-то развеять тягостное молчание.

- Около пятидесяти.

- Не похож он на местного уроженца.

Покойный Джай Фирск был черноволосым и смуглокожим как бихарец.

- Джай родом из Фергины. Кажется.

- Фьють! Далековато его занесло.

Лансу доводилось бывать в этом потрясающем городе. Там у подножия прекрасных дворцов теснятся безобразные лачуги, а воды величавой Тхо несут распухшие трупы. Там женщины через одну ведьмы, мужчины кровожадны, а дети жестоки. Город, похожий на сказку, страшную сказку. А запах… Как если бы все пять миллионов жителей Фергины вышли утречком облегчиться на улицу. Впрочем, так оно там и происходит.

Археолог невольно покосился на мертвеца с уважением. Вырваться из города, где царствуют нищета, похоть, проказа и сифилис, практически невозможно. Когда-то господину Фирску

несказанно повезло. Буйная фантазия нарисовала Лансу жизненный путь мальчишки-туземца, начавшийся где-то в зловонной канаве и закончившийся на далеком северном острове. Ух! Аж дух захватило.

- Я смотрю, многие островитяне – приезжие. Это дольно странно, правда?

Эспит слишком маленький кусочек суши. Далеко не все мурранцы, скажем, знают о том, что такой есть на карте. Что уж говорить о далеких экзотических странах. Где царственная блудница - Фергина и где аскет-Эспит?

- Угу…

- Вот вы, например, откуда?

Доктор заразительно зевнул, давая понять, что отвечать на дурацкие вопросы заезжего проходимца не намерен.

Лив дама Тенар. Эспит

Скайра так набегалась и утомилась за последние суматошные сутки, что заснула, как говорится, прежде, чем голова коснулась подушки. И, как обычно, не видела снов, которые так привычны другим жителям острова, грез об иных временах, именах и старых костях, дремлющих в подземельях. Хороший крепкий сон – что может быть лучше? А вот пробуждение вышло не слишком приятным.

- Лив! – орал кто-то под самым окном, и сердитое ворчание Перца вторило крику, как барабаны трубам в военном оркестре. – Ли-и-ив!!! Подъем!

- Да что ж это такое! – простонала женщина, ногами отпинывая скомканное одеяло. Время было неурочное, раннее, и стрелки на медном будильнике бесстрастно оповещали – начало шестого. Значит, что-то случилось ночью, что-то, ради чего добрые эспитцы устроили своей эмиссарше внеплановую побудку.

Непричесанная и в одной сорочке, она высунула голову в окно, уже предчувствуя какую-то гадость. А что еще может произойти на этом задрипанном острове, кроме очередной мерзости?

- Ну?! – хриплым спросонья голосом спросила она. – Чего еще?

На вытоптанной козой и посетителями лужайке приплясывал Хил Рэджис, довольный, как будто только что орден получил. Ну, или мурранского пива хлебнул, хотя одно другого не исключает.

- Лив! – радостно заорал он. – Старый Фирск скопытился!

- Морские и подземные! Где?

- Аккурат у эмиссариата, под самой твоей дверью! Висит, как сушеная треска, только пока не пованивает. Давай, собирайся. Только тебя и ждем!

- Повесился… - ворчала Лив, торопливо влезая в юбку и путаясь в пуговках рубашки. – Опять! Старый хрыч! Козел безрогий! Выбрал время! Не мог два дня подождать! – наскоро провела пару раз щеткой по волосам, поплескала в лицо воды из тазика и гаркнула: - Эй! Как там тебя… Верэн! Пошевеливайся! Пойдешь со мной.

Тьфу, пропасть! Даже утреннюю жертву принести некогда! Плошечки на маленьком алтаре у южной стены башни остались пустыми. Перебьются *морские и подземные* до вечера без молока и меда. «Потом отмолю», - решила Лив, опасливо поплевав под ноги. Мало ли что...

Она вылезла прямо в окно, чтобы не терять времени даром. Хил продолжал скалиться. Радостно ему было, паршивцу! Весь остров такой, сплошные доброхоты. Как кто помрет, сразу в пляс.

- А вам только повод дай контрабандного хлебнуть, - укорила Лив соседа.

- Так а чем не повод-то? – развел руками тот и подмигнул: - Что, и малявку с собой потащишь?

- Лучше пусть при мне будет, а то шустрая слишком, так глазищами и стреляет, - пробурчала эмиссарша. – Что твоя гаубица!

- Стреляет, да ведь вроде мимо, - насмешливо зафыркал Хил. – Или подбила уже крейсер наш?

- А она по площадям бьет, так что остерегись и ты, - парировала Лив и, обернувшись, снова позвала: – Ну?! Верэн! Где ты там?

Но насмешки соседа запали в темные глубины души дамы Тенар, засели там и закопошились, словно мокрицы во мраке. И в самом деле… Берт, конечно, всегда возвращается, как бы не загулял, однако… однако он – блудливый кот, как и все их подлое мужичье племя. К тому же – моряк, и в каждом порту у него по бабе, а то и не по одной. Но те, заморские – чужие, а эта ушлая вертихвостка – своя. И только через год станет окончательно ясно, кем она предстанет перед эспитцами.

И, в конце концов, кто такая Келса?!

Сомнения грызли Скайру Лив всю недолгую дорогу до эмиссариата. Но, прежде чем ревновать и карать за измену, надо убедиться, что ревность не будет напрасной, а кара – чрезмерной. Женщина бросала на хадрийку мрачные взгляды искоса и довольно скоро призналась сама себе: да, с очарованием юности не поспоришь. Свежесть девчонки девяносто мужчин из ста

заставит отвернуться от наскучившей зрелости женщины, даже любимой. Такую уж муку смололи жернова Вечной Мельницы, ничего не поделаешь. Из года в год, из века в век все повторяется, все стремится по кругу, возвращаясь к тому, с чего было начато. Так стало с тех самых пор, когда сгинул народ земли Калитар вместе с богами своими, а на их место пришло новое беспамятное племя, а с ним — великое равенство и Вечная Мельница. Но вправду ли нет ничего нового под звездами? Вот эта, длинноногая и прыткая, вот она – новость? Или еще одно повторение когда-то бывшего?

В любом случае, сладкого Берта надобно проучить. И – упредить. И тут заезжий авантюрист придется очень кстати. Все равно ведь кончит плохо, как и все предыдущие, так что ж его жалеть?

Верэн. Эспит

Так бывает, когда человека насильно будят посреди глубокого крепчайшего сна. Вроде бы уже проснулся – разговариваешь, на вопросы отвечаешь, пьешь-ешь как обычно, но сон тоненьким слоем, точно корочкой льда, сковывает разум. Ночное видение глубоко пустило корни в душу, оно еще властвует над чувствами, притупляя действительность, как хмель от кружки пива.

Верэн безропотно брела следом за Лив, но ничего вокруг не видела, досыпая на ходу. Ночное безвременье последних месяцев закончилось в уютной крошечной спальне для гостей, на пахнущих гиацинтом простынях. Накрахмаленная ткань хрустела под несерьезной тяжестью девичьего тела, настольная лампа отбрасывала на выцветшие бумажные обои причудливые тени, а с картин, забранных в посеребренные рамки, на хадрийку глядел сам остров Эспит. Скалы и пляжи, маленькие уютные домики и бытовые сценки вековой давности, выписанные с поразительной точностью. Вот девушка в муслиновом платье стоит в проеме двери деревенского домика, а об её ногу трется полосатая кошка. И если вглядеться, то резной узор на створке точь-в-точь такой же, какой и сейчас украшает входную дверь хозяйского дома.

Верэн вроде бы устала до полного изнеможения, а всё лежала и лежала без сна, одержимая размышлениями, прежде несвойственными её практичной натуре. Какой смысл думать, кто все эти люди на миниатюрах? Предки ли они дамы Тенар или прежние владельцы усадьбы, какая разница? А вот почему-то тревожат пришлую и чужую здесь девчонку эти женщины с

маленькими, скорбно поджатыми ртами, и дети, причесанные и одетые как взрослые. Кто они, что с ними сталось, когда и где? В доме родителей никаких картин сроду не водилось – ни портретов, ни пейзажей, ни натюрмортов. Раньше казалось - пустая трата денег и блажь. А вот и нет! Чудо такое удивительное, необъяснимая тайна и даже в чем-то колдовство, когда все эти легкие мазки превращаются в облака, домики, собак, человеческие лица.

И не заметила Верэн Раинер, как отправилась узкой тропинкой к одинокой башне, похожей издали на палец, указывающий путь в небеса. А ветер гнал темно-серые тучи в закат – лилово-сиреневый и тревожный. На вершине в узкой бойнице горел призывный огонек, золотой и мерцающий, похожий на свет маяка. Чтобы утлый челн жизни человечьей нашел дорогу к надежному берегу.

Дверь оказалась открытой. Крошечное пламя свечи, стоящей в нише, чуть испуганно качнулось, но, словно узнав долгожданную гостью, разгорелось еще сильнее. Специально, не иначе! Так ведь в потемках не разглядишь лестницу, ведущую вниз в подвал.

«А ведь Лив предупреждала, что туда нельзя», - припомнила Верэн и застыла на месте, скованная страхом перед грозной дамой Тенар.

Но кого и когда останавливал запрет в виде просьбы? Только железный засов и огромный замок, только они стоят на страже девичьего и кошачьего любопытства.

Ступеньки будто сами стелились под босые пятки девушки. Не споткнулась ни разу, не оступилась, вот ведь! Стены узкого коридора расступились, не дав нарушительнице даже шишку себе на лбу набить. Самое время заподозрить неладное и назад повернуть, но куда там! Вот и ручка дверная нашлась – кованая, ржавая, страшная. Как за такую не потянуть?

И только скрипнули петли, как злая эмиссарша вытащила гостью из теплой постельки.

- Вставай, соня! У меня труп в конторе.

- Ага… - очумело согласилась девушка.

- Умоешься у Исила…

- У кого?

- У докторишки нашего! Живо! Юбку натянула и бегом за мной.

- Да… я сейчас… я иду…

Сомнабулическая Верэн не заметила, как оделась-причесалась, и всю дорогу до эмиссариата плелась позади дамы Тенар и Хила Рэджиса, лишь номинально пребывая в реальном

мире. Душа её осталась в подвале нарисованной башни с картины, в мире снов. Так бывает. Это же остров Эспит…

Лив. Эспит

За жгучими мыслями об измене и сладкими – о мщении, дорога для Лив пролетела незаметно. Только-только во вкус вошла, едва распробовала это новое пряное блюдо – ревность, а уже и до эмиссариата дошли. А во дворике, поди ж ты, и впрямь Джай Фирск висит, грустный, но совсем не одинокий. Вкруг повешенного собрались соседи, кому места хватило, а кому не хватило – заглядывали через забор. На деревья еще никто не залезал, но это только пока. Народу все прибывало, так что скоро здесь все население острова соберется, это как пить дать. Потому как скучно жить на острове Эспит, поэтому обитатели его не пропускают ни одного случая развлечься. А что может быть веселее, чем чужая смерть?

Даме Тенар пришлось потолкаться и локтями изрядно поработать, прежде чем она добралась до тела. Бедняга Джай при жизни такой популярностью никогда не пользовался, даже когда был гораздо моложе и привлекательней. Зато теперь дух его, если бы не ускользнул уже в чье-то новорожденное тело, наверняка порадовался соседскому участию. Лив вздохнула и прошлась туда-сюда по крошечному пятачку, еще свободному от зрителей. Эспитцы, вполголоса обсуждавшие событие и строившие догадки одна другой занятней, умолкли и внимательно следили за перемещениями эмиссарши, совсем как кошки – за куском печенки в хозяйских руках. Кстати, кошки тоже были тут как тут, собрались на заборе целой стаей и взирали на суету с нездешним терпением.

«Морские и подземные! – подумала Скайра, отчаянно пытаясь припомнить, а как она разбиралась с подобным делом в прошлый раз. – С чего ж начать-то?»

Осмотрела она и труп, и место тщательно и даже принюхалась – вдруг от Джая Фирска попахивает алкоголем там или духами? Но, увы! Уроженец Фергины, всю жизнь предпочитавший любым блюдам жареную селедку, даже после смерти именно ею, селедкой, и благоухал. Однако сограждане уже откровенно томились ожиданием, поэтому Лив выпрямилась, заложила для солидности руки за пояс и изрекла:

- Ну что же, доктор, полагаю, у нас тут *подозрительная смерть*?

И стоило ей это произнести, как в голове у дамы Тенар

словно выключатель щелкнул, и грядущее озарилось ярким электрическим светом. Хо-хо, да у нас же тут готовый подозреваемый имеется!

Она так выразительно зыркнула на Ланса Лэйгина, что догадливые эспитцы аж дыхание затаили, предвкушая забаву. Доктор, к слову, тоже все понял правильно и на мурранца покосился вслед за Лив. Мгновение – и все островитяне уже разглядывали вместо покойника заезжего ученого. Потому как на Джая Фирска все еще при жизни насмотрелись, а ученый – он завсегда интересней. Даже если пока не стал трупом.

- Эээээ... Ну как сказать, - протянул Исил Хамнет, потирая шею жестом, свидетельствовавшим о некоторых сомнениях. - Мы все...эээээ... немного подозревали...

Лив этого уклончивого «подозревали» хватило с избытком.

- А! – мигом воодушевившись, воскликнула она: - Так я и знала!

Эмиссарша так резко развернулась к Лансу, что под подошвами ее сапог жалобно заскрипел гравий, и палец на мурранца наставила:

- Ну-ка, отвечайте-ка, господи Лэйгин, по какой такой надобности вы самовольно покинули место изоляции в столь ранний час? А?

Такой резкий поворот событий Ланс предвидеть никак не мог. Нет, где-нибудь на далекой родине покойного Джая Фирска – такое могло случиться запросто. Там в принципе законы созданы для того, чтобы их нарушать или трактовать так, как угодно конкретному представителю власти. Но не в законных владениях вирнэйской короны же!

Лэйгин растерянно оглянулся на невозмутимого доктора. Без толку. Исил Хамнет даже бровью не повел в качестве моральной поддержки.

- По естественной, разумеется. А зачем еще?

И тут до археолога дошел наконец-то убийственный смысл расспросов.

- Эй! Дамочка! Вы в своем уме? Я даже знаком с этим человеком не был. Вчера впервые увидел, - воскликнул он возмущенно. – Все вы тому свидетели!

Но, не встретив понимания не только у Лив, но и у остальных эспитцев, Ланс всерьез занервничал.

- Не выдумывайте сказок, сударыня! Я - ученый, а не убийца!

Чужак задергался и затрепыхался к полному восторгу и Скайры, и островитян. «Раз возмущается, значит, виноват! Ишь ты, ученый! Еще б очки надел!»

Нет, вслух такого никто не произнес, но подумали многие. В

маленьких замкнутых общинах, таких, как Эспит, все беды традиционно случаются из-за пришлых пройдох, это же всем известно!

- Во-первых, задержанный, я вам не дамочка, а лицо, облеченное властью, - с наслаждением отчеканила Овчарка. - Ясно? Извольте проявлять уважение, иначе просидите за решеткой до следующего парохода! С удовольствием сдам вас через месяц-другой агентам тайной полиции. Может, вы к нам шпионить приехали? А во-вторых, вы - последний, кто его, - и она патетично простерла руку к висящему Фирску, - видел! Ну? Отвечать!

Двухмесячный курс «Введение в криминологию», прослушанный факультативно двадцать лет назад и благополучной с тех пор забытый (за ненадобностью) всплывать в памяти дамы Тенар никак не желал. Вспомнилось лишь название да еще порыжевший от времени форменный сюртук преподавателя с медными пуговицами, а дальше - все, пустота. На Эспите высшим судией был и оставался его лорд, а потому все эти юридические тонкости ведения процессов были попросту не нужны. Кроме того, на Эспите, если кого-то и убивали, то тут же и признавались. Но ведь не объяснять же заезжему умнику про особенности эспитского правосудия?

К счастью, дама Тенар, так оплошавшая с правоведением, прочитала достаточно детективов, чтобы быстро сориентироваться в ситуации. Кстати, детективы читала не она одна, их читали все. А поскольку в полиции никто из островитян не служил, да и Ланс Лэйгин, похоже, тоже был лицом исключительно гражданским, то…

«Главное – уверенность и авторитет! – сказала себе Лив. – Авторитет и уверенность! И тогда любая глупость покажется просто местным колоритом».

Весь процесс местного дознания проплыл пред мысленным взором Лэйгина, начиная от нынешней пошлой сцены, заканчивая кандальным звоном и приступом истерического смеха у главы полицейского ведомства республики Мурран. А уж, что потом по этому поводу напишут в газетах, не поддается воображению.

Ланс заставил себя успокоиться, для чего глубоко вдохнул и выдохнул, а потом сказал самым благовоспитанным тоном, на который оказался способным в столь критический момент:

- Сударыня, вы меня превратно поняли, клянусь. Я тот, кто первым увидел труп, то бишь уже мертвое тело. А живым господина Фирска последний раз лицезрели, скорее всего, вы. Когда уходили домой. Если слух меня не подвел, то вы очень мило попрощались с покойным. А я утром шел по малой нужде и

всего лишь случайно наткнулся на тело вашего земляка.

Жгучие капли Лансова красноречия без всякого видимого эффекта утонули в песках равнодушия дамы Тенар. Лив даже не моргнула в знак взаимопонимания.

Тогда несчастный проходимец в отчаянии воззвал к единственному, как ему казалось, здравомыслящему человеку – доктору Хамнету:

- Исил, вы-то хоть скажите слово в мою защиту, вы же врач, вы уже поняли, что имеете дело с самоубийством! Ну, объясните вы ей!

И руки протянул в бессильной мольбе. Ни дать ни взять сцена из древней драмы.

Скайра Лив трагедий не любила, и нелюбовь эта была давней и прочной, еще с отрочества, когда юной курсистке довелось сыграть роль королевы-матери в постановке классической «Драмы о Вирнэсс Кровавой». Легендарная основательница правящей династии Вирнэя прославилась, помимо прочего, методичными казнями родственников и приближенных, начав с собственной матушки, так что роль в той пьесе Скайре досталась короткая и воистину трагическая. Всего пара реплик – и добро пожаловать на плаху. Тонкая юная натура будущей эмиссарши содрогнулась и ужаснулась, и с тех самых пор Лив испытывала к драмам отвращение, а вот к комедиям и фарсу, напротив, некоторую тягу. И не она одна, надо сказать. Большинство островитян так же стремились любую драму превратить в балаган. Так что появление из дверей эмиссариата зевающего Берта Балгайра, скребущего трехдневную щетину и хрустящего суставами, пришлось очень кстати. Неуместный пафос разбавился молодецким свистом и удивленным возгласом:

- Ух, ты! Да это ж Джай! А чего это он?

Рыжий плут даже пальцем на все еще висящего Фирска показал, не постеснялся.

И Лив взвилась, торжествуя. Ух, как все удачно складывалось! На чем стоит любое подозрение, как табурет на трех ножках? Конечно же, на Мотиве, Возможности и Уликах! Да-да, так во всех детективах пишут. Эспитцы подтвердят, не дадут соврать.

- Ага! - и эмиссарша в свою очередь наставила указующий перст на Берта: - Вот он, Мотив! Вот она, Возможность! Осталось только Улики найти!

Островитяне навострили уши, чтобы не упустить ни слова из рождавшейся прямо на их глазах Версии. Солидной такой, с большой буквы, совсем как в настоящем детективном романе из новых, контрабандных, Балгайром привезенных.

Лив, воодушевленная, принялась вещать.

- Ты, Балгайр, вместе с сообщником, - она кивнула на побагровевшего Лэйгина, - сговорился прикончить беднягу Фирска из-за твоих делишек. Все же знают, что ты через его лавку часть товара сбывал, вот и не поделили прибыль! Мотив налицо! А поскольку вы оставались здесь вдвоем, то и возможность у вас была.

- Ну, знаешь ли… - буркнул Берт, но насчет контрабанды отрицать не стал. – Мало ли с кем я дела веду? Ну, не выгорело в этот раз – что ж, сразу вешаться, что ли?

- Э, нет! – замотала головой Скайра. Версия с самоубийством не устраивала ни ее, ни общество. Самоубийца для общины – сплошное разорение. А вот *подозрительная смерть* – совсем другое дело. Официальное расследование и оплачивалось официально, и притом весьма неплохо, особенно по эспитским меркам. Следствие для Эспита – одновременно и прибыль, и забава. Кто же упустит такой шанс?

- Если Джай решил повеситься, то почему сегодня? – Лив стала один за другим приводить аргументы, для наглядности загибая пальцы: - До фестиваля еще два дня! Где мы его хранить будем, а, сограждане? И лицо у него… несчастное какое-то. И вот, гляньте, карман на пиджаке надорван. Следы, стало быть, борьбы.

- Действительно, рановато он как-то… – Берт покосился на покойника с неодобрением. - И лицо, точно, грустное. Только, Лив, солнце мое, клянусь - это не я! Дрых я. Знаешь же сама, как я дрыхну, пушкой не разбудишь.

Овчарка только фыркнула, дескать, не убедил.

Расскажи археологу о том, что на территории цивилизованного Вирнэя правит бал примитивный произвол, он бы не поверил ни за что.

- Это же она несерьезно, да? – шепотом спросил Ланс у доктора. - Шутка такая местная, да?

- Вы считаете, что представитель имперского эмиссариата имеет право так беспечно шутить? – ответил тот вопросом на вопрос. И поглядел на мурранца, как на представителя еще неизвестного науке животного – удивленно и очень серьезно.

Дама Тенар, бесконечно довольная и собственными действиями, и вниманием публики к оным, стала потихоньку подводить эспитцев к выводам. И серьезность ее давала сто очков форы виновнику переполоха — мертвому лавочнику, висевшему в подозрительно легкомысленной позе:

- Итак, сограждане, мы трагически потеряли нашего соседа и брата, - Лив, как заправский оратор, взяла паузу и вздохнула, укоризненно посмотрев на мертвого Фирска. - Трагически потеряли, и притом за целых два дня до летнего фестиваля! И

подозрения на этот счет возникают очень и очень весомые, согласны? - и, повысив голос, добавила в тон металла: - Я спрашиваю, согласны, сограждане?

Граждане дружно и можно сказать воодушевленно согласились, лица их озарились неподдельной радостью и предвкушением.

Лансу оставалось лишь затравленно оглядываться по сторонам. Он встретился взглядом с потрясенной до глубины души Верэн Раинер. Девчонка забилась в самый уголок и боялась даже пошевелиться. «Великая Мельница! Куда мы попали?» легко читалось в её круглых глазах. Лэйгин её прекрасно понимал.

- И, поскольку очевидных причин сводить счеты с жизнью именно сейчас у господина Фирска не было, - эмиссарша продолжила вещать, картинно заложив одну руку за пояс, а другую — простирая к остывающему телу: - а возможность прикончить его, напротив, у каждого из нас была, я вынуждена объявить эту смерть *подозрительной*. - Она выделила последнее слово паузой и голосом, чтобы ни у кого не осталось сомнений — именно «подозрительная смерть», и никак иначе!

- Мы начинаем расследование! - Лив прервалась на вдох, дабы дать согражданам возможность выразить восторг и энтузиазм. - Вот так-то. А теперь, помогите-ка мне его снять. И надо решить, где хранить беднягу Джая все это время. Протухнет ведь!

И тут началось самое интересное - торг за помощь следствию путем размещения покойного в частном леднике. Островитяне бились за каждый орик из обширного государственного кармана её величества, ибо такого рода участие в расследовании оплачивалось из казны. Весьма щедро оплачивалось.

Сметливая хадрийка послушала речи островитян и быстро уразумела простую вещь – выдать смерть несчастного Джая убийством было эспитцам крайне выгодно. И напротив, пользы от его самоубийства – никакой, одни лишь расходы. А пока идет расследование – её величество награждает законопослушных граждан за посильное содействие правосудию.

«Как умно! – невольно восхитилась Верэн. – Какие у них тут законы правильные!»

Её земляки поступили бы точно так же. И типуса, вроде Лэйгина, преспокойно упекли в кутузку, не взирая на степень его виновности. А не попадай в щекотливые ситуации и подозрительные истории!

Но объяснять зазнайке-археологу, что тут к чему, девушка не стала из принципа. Вот еще! Раз он такой умник, то пусть сам и додумается. Ученый-верченый!

И с нескрываемым восторгом воззрилась на Берта. Ах, какой же он был мужественный. Хоть и помятый, и заспанный весь. Впрочем, настоящий мужчина после долгого дня и должен спать крепко.

Лив, стоя, будто скала посреди стремнины, благостно взирала на ажиотаж и перечисляла, загибая пальцы:

- Так. Вы, доктор, проведете вскрытие. А я — привлеку помощников из числа добровольцев и осмотрю с ними дом Фирска. Да! И проведем опрос свидетелей. Свидетелей - это значит, всех! Каждый должен отчитаться, где он был этой ночью и чем занимался...

Островитяне кивали с понимающим и умным видом. Конечно же! Кто же не слыхал про «алиби»?

- И еще... – тут дама Тенар насторожила уши, заслышав стрекот мотоциклетного мотора. Над дорогой возникло облако пыли, приближавшееся довольно быстро. Лорд Эспит мчался, стиснув руками в толстых крагах руль своего железного коня, неотвратимый, как некогда рыцари Ордена Зорких, известные поборники справедливости и любители штрафовать и карать злодеев.

- О! Милорд! Как вы кстати!

Лорд Варден Тай всегда появлялся вовремя — такая уж у него была особенность.

Варден Тай лорд Эспит. Остров Эспит

Нельзя сказать, что суждения Лив дамы Тенар пользовались у лорда Вардена безграничным доверием (о доверии вообще рассуждать как-то неуместно, когда имеешь дело с эспитцами), однако частенько госпожа эмиссар оказывалась права. Вот как теперь. Сказала, еще ни единым взглядом не коснувшись заморского гостя, как отрезала — проходимец! И ведь не в бровь, а в глаз попала — проходимец и есть. Кому, как не Вардену Таю, во времена иные и в местах далеких известному как Ловкач Тай, разу не признать «коллегу»? Свояк свояка, и так далее.

Ланс Лэйгин вызывал у лорда Эспита отвращение, не потому, что знаменитый гробокопатель был так уж мерзок, нет, напротив — симпатяга и любимец дам, это же сразу видно. И серебряные ложки, о судьбе которых так тревожилась Лив, наверняка не прикарманит. Дело в другом. Как многие бывшие авантюристы, покончившие с прошлым и нашедшие свою уютную гавань и место под ласковым солнцем, Варден Тай напрочь перечеркнул свои былые «достижения». И крайне не любил, когда приходилось

о них вспоминать.

И, как назло, Лэйгин этот не только принадлежал к той же породе, что и нынешний лорд Эспита, но и ухватки имел сходные. Два шакала, конечно, не ужились бы на одном клочке суши, но Варден давно уже сменил шкуру, и заезжий любитель покопаться в могильниках был ему не соперник. А просто раздражал. Но зато как!

Именно поэтому его милость и пролил на подозрительного гостя всю изысканную вежливость, гостеприимство и учтивость, коими успел прославиться. Раз уж этого пройдоху придется принимать, то будем же с ним любезны и да не уподобимся любопытным обывателям, алчным контрабандистам и рявкающим эмиссаршам. Совсем необязательно становится на четвереньки и облаивать собаку, достаточно просто скомандовать ей: «Место!» А, если понадобиться, то и шею свернуть, не опускаясь до ругательств и не меняясь в лице. Вежливо, любезно, как то пристало повелителю острова Эспит.

Но видят *морские и подземные*, как же это непросто!

Берт и Лив. Эспит

- Негодник, - бормотала дама Тенар, против своего обыкновения не загибая пальцы. - Обманщик. Проныра. Ворюга. И... и потаскун! Где мой марочный «Тейран»?

Берт не отвечал. Во-первых, оправдываться бессмысленно, всё ведь верно излагает эмиссарша. Точно так, и негодник он, и проныра. Насчет ворюги можно поспорить, а потаскун слишком уж вульгарно звучит, но суть неизменна. Повинную голову меч не сечет, а спорить с женщиной — себе дороже. Тем паче, что во-вторых дама Тенар, прижавшая-таки Рыжего в укромном уголке между кустом сирени, сортиром и забором, слышала только себя, а ко всему прочему уши ее оставались глухи. Не за одно перерождение выработанный навык! Лив токовала и ворковала, дорвавшись, и не намерена была терять ни единого мига этого краткого уединения. Кто ж знает, что случится через час, не говоря уж о сутках? Летний фестиваль неумолимо приближается, по острову бродит предназначенный *морским и подземным* искатель, а значит — самое время радоваться жизни.

- Мурлыкаешь так, что тебе все кошки обзавидовались, - усмехнулся Берт, когда госпожа эмиссар изволила от него отлепиться. - Смилостивилась бы, замолвила словечко да штраф урезала, а, жизнь моя?

- Не дождешься! - мигом протрезвела разомлевшая было

женщина и жакет свой одернула. - Не умасливай меня, Лис. Не выйдет. Вы все — обнаглевшие нахлебники на шее *морских и подземных*, и ты — первый среди них!

- Даже так? - он отстранился и бровь выгнул, разом превращаясь из веселого разбитного контрабандиста в того, кем был на самом деле — хладнокровного и весьма неприятного типа, который мало чем погнушается ради своей цели. Что ж, стремления практически всех островитян, и Берта в том числе, Лив отлично знала. Не разделяла и не уважала, но знать была обязана.

- Именно! - отрезала она, тоже покончив с притворством. - И, словно мало всего, что вы задумали и натворили, вы еще и убийцами стали! Кровь бедолаги Джая на твоих руках, Берт, хоть лично ты его и не душил. Что ты скажешь ему при следующей встрече, а? На новом круге?

- Если нам удастся, нового круга не будет. Ни для кого.

- А-а... - с грустной усмешкой протянула Лив. - Если удастся, да! Если получится! Но у Джая Фирска уже ничего не получится и ему ничего не удастся. А он был мой человек. Под моей защитой. А теперь его нет.

- И поэтому ты превратила его смерть в балаган.

- Как раз к балаганам покойник никогда отвращения не испытывал, - парировала женщина. - Но хватит! Вы получили, что хотели — вашего избранного. Отмеченного! Очередного! - она скривилась так, словно собралась сплюнуть, но вдруг передумала, вместо плевка припечатав его пожеланием: - Пусть его приход принесет вам перемены. Ведь именно перемен ты жаждешь, Лазутчик?

- А ты — нет, Стражница?

Раз уж в ход пошли не только имена, но и истинные звания, отступать смешно. А отмалчиваться — глупо. Только не здесь, не на Эспите, где каждый человек абсолютно точно знает свое место и судьбу.

- Ты не жаждешь вырваться из круга? - прорычал Берт, плюясь словами не хуже, чем она. - Конечно, нет! Разве цепная псина способна скучать в конуре? Разве ей дано понять, что такое неволя для свободнорожденного?

- Как заговорил! - оскалилась Лив. - Сколько пафоса! Ты не промахнулся ли с такими речами на пяток веков, дружок? Неволя его тяготит, надо же! Усталый каторжник побег замыслил?

- Тяготит, - вдруг успокоившись, словно и не было этого взрыва эмоций, признался он. - Действительно тяготит. И не только меня, Лив. Подумай о своем стаде, Овчарка. Оглядись, - разве мы не заслужили милосердных перемен? Я бесконечно

устал служить труповозом. Меня задрало доставлять заблудшие души к воротам этой тюряги. Можешь ты это понять, женщина? Где мое право выбора, раздери тебя и подземные, и морские?

Смесь портового жаргона и высокого стиля двухвековой давности горчила, как свиная колбаска, в которую неумеха повар сыпанул слишком много специй. Лив поморщилась, прекрасно услышав недосказанное: «И ты тоже достала меня со своей вечной любовью, дура!» И ответила на то, что он так и не произнес:

- Ах, даже так? Ну так получай свои перемены и свой выбор. И жри их, пока не подавишься.

Она развернулась на каблуках и ушла, сердито проломив себе путь прямо сквозь неповинный сиреневый куст. И только по счастливой случайности не сбила с ног эту новенькую, как бишь ее? Вэрен. Подслушивала, что ли? Ну и пусть ее, курицу. Что могла понять из этой перепалки девка, едва ступившая на берег Эспита? Да ровным счетом ничего, пока, во всяком случае. А если у Берта и его присных все выгорит, то и не поймет никогда.

«Глупцы, - думала Лив, сверля невидящим взглядом испуганно съежившуюся девчонку. - Полудурки. Перемены вам... Будут вам перемены. До сей поры в лабиринт входили по своей воле и в здравом уме — а выползали слюнявыми идиотами, если повезет. Но что же будет, если в подземелья шагнет безумец? Фанатик в поисках чуда. А вдруг он все-таки сумеет его найти? Что вы запоете тогда?»

Верэн. Эспит

Известно же, чем заняты все помыслы двадцатилетних девушек. Любовными переживаниями, конечно! Не так посмотрел, не то сказал, цветочка не подарил и так до бесконечности, точнее до главного вопроса: «Когда замуж позовет?» Сердца девичьи переполнены чувствами, точно грозовые тучи дождем, ожидая лишь мига, чтобы пролиться на счастливца. Это закон природы, вечный и неизменный, как круговорот солнца по небу, как смена приливов и отливов, как чередование времен года. Девушки ждут любви, ибо глубоко дышать могут лишь воздухом, насыщенным чувственными флюидами. И это правильно! Будь юные женщины более разумны, род человеческий прервался бы довольно быстро.

Стоит заметить, что отсутствие предмета грез тоже сподвигает девиц на еще более глубокие страдания. Верэн Раинер ничем от других барышень её возраста не отличалась: она жаждала чувств. Поэтому, скоропостижно влюбившись в

отважного контрабандиста, она немедленно ринулась в пучину любовных переживаний, как измученный жаждой путник ныряет с головой в воды озера. А, следовательно, из всего бурного диалога Берта с дамой Тенар хадрийка поняла только одно: «Мужчина мечты временно свободен». И то не просека в сиреневых кустах образовалась, а прямая дорога к сердцу рыжего контрабандиста. Как же тут не воспользоваться таким отличным шансом?

- Я прошу прощения… - молвила Верэн, взмахнув длиннющими ресницами, словно крыльями. – Мне так неловко.

И улыбнулась мягко и нежно, как это водится у двадцатилетних. Понимающе так улыбнулась, мол, странное дело какое, неужто взрослая женщина не понимает такой простой вещи – мужчина всегда прав. Мы-то знаем…

Как, вот как тут не поверить этим пухлым губам, еще не познавшими крепких мужских поцелуев, этим ясным глазам, сияющим и зовущим, как маячный огонь в ночи? А если еще видел-перевидел глаз и губ превеликое множество, то доверие возникает моментально.

- Не страшно, - деланно отмахнулся Берт. – Дело житейское. Как тебе ночевалось?

- Отлично, - расцвела Верэн, чутко уловив в интонациях собеседника симпатию. И не удержалась от вопроса: - А почему Лив запретила на башню?

- Лестница в башню старая, можно свалиться и шею сломать.

- А в подвал почему нельзя?

- А чего спрашиваешь?

- Да так… Сон приснился странный.

- А! Вот оно что, - загадочно мурлыкнул Берт. – Сны у нас тут особенные, эспитские сны. Ты Лив-то слушайся, она – женщина суровая, но плохого не посоветует, точно тебе говорю, ма...

И уж было собирался привычно обозвать «малявкой», когда подумалось, что не бывает средь эспитцев детей, и Верэн отнюдь не маленькая девочка, а очень даже женщина.

- Пойдем-ка, кофе попьем. Самое время сейчас. А то с этой ранней побудкой, которую нам устроил Джай, ни ты, ни я толком и не ели ничего.

В одночасье осиротевшая продавщица из магазинчика сжалилась над голодными узниками эмиссариата и не только приготовила им по чашечке кофе, но и принесла из дому полную тарелку блинчиков. С вкуснейшим клубничным вареньем. Правда, Верэн готова была поклясться, что пышнотелая блондинка Танта старалась исключительно ради Берта. А тот уминал за обе щеки и, знай, нахваливал стряпню. Хадрийская скромная дева благодарила за завтрак сдержаннее. Хотя бы просто потому, что и

блинчики, и варенье сделала бы гораздо вкуснее.

- Что ты там про сны рассказывала? – спросил контрабандист участливо.

Польщенная вниманием девушка стала пересказывать свои ночные видения, а Берт слушал, что удивительно, не перебивая. И не смеялся над девичьими фантазиями, и не спорил.

«Какой он все-таки чуткий мужчина, - думалось Верэн. – Пусть рыжий, пусть пройдоха, каких свет не видывал, но какой же он… замечательный!» И с каждой минутой беседы список воображаемых достоинств Берта Балгайра прирастал на пару пунктов. Вот он уже и умный, и начитанный, и проницательный, и мудрый, и…

Впрочем, все мысли девушки с легкостью читались в её сияющих глазах, ореховых и теплых, льющих свет на лучшего в мире мужчину – героя, морехода, умницу и красавца. И, пожалуй, никто не сумел бы понять, о чем напряженно размышляет Берт, внимая бойкому щебету Верэн. Кроме другого жителя Эспита.

«Кто ты, барышня Раинер? Кто ты, настойчивая и решительная? Кто ты, признавайся быстрее!»

Версий у Берта имелось аж три штуки, и каждая влекла за собой кучу всяких сложностей в отношениях с Лив.

Вот так однажды завозишь на остров собственную смерть. И деваться некуда.

Глава 7

Ланс Лэйгин. Эспит

Усадьба лорда Эспита, против всех Лансовых ожиданий, оказалась вовсе не мрачным замком на утесе. Точнее, нынешний сюзерен острова перестроил обиталище по своему экзотическому вкусу, в духе эпохи смешав в кучу несколько архитектурных стилей. Получилось довольно мило. Остроугольные фронтоны, стрельчатые аркады и окна-эркеры остались прежними, от времен суровых и легендарных, а вот лепные гирлянды цветов на фасаде и весьма изящные витражи уже были приметами новой моды на естественность. Синтез и единение во всем: трогательное соседство драматических руин подъемного моста с легкомысленными плетеными креслами, ржавых доспехов и вылинявших до состояния бурых тряпок гобеленов - с пальмами в кадках в залитом солнечным светом вестибюле. И совсем уж по-новаторски смотрелось неожиданное сочетание строгих узоров-четырехлистников с изогнутыми очертаниями карнизов, круглящимися дверными проемами, богатым декором из резного дерева и цветного стекла.

Сумел-таки лорд Варден Тай произвести на Ланса впечатление и довольно сильное. Кто мог подумать, что на крошечном острове сыщется такой тонкий ценитель современных архитектурных форм.

Одно не понравилось – та двусмысленная вальяжность в отношениях между Лив и лордом, которая то и дело проскальзывала в их беседе, заставляя нервничать и Ланса, и Берта. Мягко и ненавязчиво Варден Тай указал обоим мужчинам их, в общем-то, незавидное место в очереди к сердцу дамы Тенар.

«Это просто весна и новое приключение, - стал уверять себя Ланс, пока любезный хозяин сопровождал его по анфиладе комнат в курительную. – Азарт и предвкушение, текущие в крови, легкий мандраж и томление духа. Опять же, безумные обвинения в мнимом убийстве. Тут кто угодно задергается».

Раньше успокоительные внутренние монологи всегда помогали, и когда сидел у сармийского деспота в зиндане, и когда во время войны его пароход потопила вирнэйская канонерка. Грозный рык Лив Тенар и её смехотворные угрозы ни в какое сравнение не идут с плаванием на бревне по осеннему морю. Главное, чтобы усилиями эспитской Овчарки бюрократическая машина империи не возжелала раскатать

залетного проходимца в лепешку. Тогда уж точно ничего, никакие заступники, никакие прежние заслуги не спасут Ланса Лэйгина.

Неприятный холодок предчувствия заставил мурранца передернуть плечами. Вирнэйская империя обширна, каторжных тюрем при рудниках там предостаточно.

- Сквозняк? – участливо спросил лорд Эспита. – Закрыть окно или предпочтете рюмочку?

Ланс не колебался ни мгновения.

- Рюмочку, пожалуй.

Ему срочно требовалось успокоить расшатанные угрозами Лив нервы.

Варден удовлетворенно улыбнулся и отошел к ореховому бару, чтобы лично налить гостю из хрустального графина. И, видимо, сам был не прочь сделать глоток-другой горячительного, да повода достойного не находилось.

- Полвека выдержки, - сказал лорд и протянул Лансу один из широких стаканов с золотистой жидкостью. – Сушка солода без контакта с торфом, редкой формы перегонная труба и дубовые бочки.

И, как полагается истинному ценителю крепкого напитка, сначала несколько минут оценивал его благородный цвет и консистенцию. Лэйгину лишь оставалось повторять за хозяином: принюхаться, чтобы ощутить богатство аромата, затем чуть пригубить, а после сделать первый глоток.

– Обязательно добавьте воды, чтобы раскрыть полностью его вкус, - посоветовал Варден. – По-моему, великолепно.

«И очень дорого», - отметил про себя Ланс, кивнув с таким видом, будто ему не привыкать к употреблению коллекционной выпивки. Так оно и есть, конечно, но… пять сотен бон за бутылку? Какое уж тут душевное равновесие!

- Я люблю хорошие напитки и не понимаю, как можно их лишь коллекционировать, - заявил лорд Эспит, словно прочитав мысли гостя. – Только смотреть на бутылки и не пригубить. Ведь ради моей радости старался мастер-винокур, выдумывал новый рецепт, экспериментировал, вкладывал душу. А я, выходит, поклоняюсь не его таланту, а количеству заплаченных казначейских билетов? Не по-мужски это, не находите?

Ланс кивнул, соглашаясь. Обаятельный Варден Тай знал толк в удовольствиях, и по всему было видно, привык наслаждаться жизнью каждый день, не отказывая себе ни в чем – ни в доброй выпивке, ни в еде, ни во внимании женщин. Он из той немногочисленной породы мужчин, что разглядят королеву в самой невзрачной пастушке, а потом и её в том убедят.

- Итак… – хозяин дома прошелся по комнате, извлек из

резного бюро коробку сигар и принялся придирчиво выбирать подходящую, а гостя спросил как бы между делом: - Что же в действительности привело вас, уважаемый господин Лэйгин, в столь отдаленный уголок Империи?

Щелк! – серебряная гильотинка откусила кончик сигары. Варден мельком понадеялся, что жест получился не слишком символичным. Эти ученые обладают столь трепетными душами и богатым воображением! Кстати, об ученых… Лорд чиркнул длинной спичкой, прикурил и, насладившись первыми, самыми вкусными глотками дыма, поинтересовался:

- Кстати, как вы предпочтете, чтобы я к вам обращался? Вашего ученого звания вы так и не сообщили, к несчастью. Или оно просто ускользнуло от моих ушей?

На самом деле, ученое звание господина Лэйгина звучало в лучшем случае как «авантюрист», и для эспитцев в том никакого секрета не было. Однако вдруг гость пожелает именоваться «доктором» или же «профессором»?

Хочешь обдумать прежде, чем ответить на щекотливый вопрос, бери паузу. Никто ведь не запрещает сделать еще один маленький глоточек, почесать кончик носа, потереть обросший непотребной щетиной подбородок и улыбнуться эдак понимающе?

«Да, да, дорогой лорд Эспит, мы оба знаем, как обстоят мои дела». Короче, врать и изворачиваться смысла не имело.

- О, я ни за что не поверю, что вы не наводили обо мне справок. Ай-ай, милорд! А ведь госпожа Тенар еще вчера на допросе проговорилась. Нет, я не собираюсь никого обманывать, тем более вас. Нет ни степеней, ни званий. Я, видите ли, предпочел настоящую науку, творящуюся не в кабинетах, а в поле.

Говорить правду – истинное наслаждение для изолгавшегося языка, не так ли? И то ли Лансов язык настолько истосковался по честности, то ли его развязала выпивка на голодный желудок, но Лэйгину вдруг так отчаянно захотелось откровенности.

- Я ищу Калитар, то, что осталось от могущественной цивилизации древности. Ищу давно и упорно. И уверен, он тут! – Археолог топнул ногой. - Прямо под нами, в недрах острова Эспит.

И вздрогнул, увидев боковым зрением, как мелко-мелко трясутся стекла в окнах. Но показалось, конечно. Не может по гладкому паркету прокатиться волна. Примерещилось.

- Ваша прямота, мой дорогой господин Лэйгин, меня буквально обезоруживает, - улыбнулся лорд, продемонстрировав прикус не худший и понимание не меньшее, чем у пришельца. -

Но позвольте узнать, на основании чего вы предполагаете, что легендарный Калитар находится именно здесь? – и плавным жестом рукой с сигарой обвел комнату, заставив струйку сизого дыма колыхаться и трепетать.

- И, даже если принять вашу гипотезу за данность, каким образом вы планируете его… хм… извлечь? – он выразительно оглядел Ланса с ног до головы, подразумевая отсутствие при будущем землекопе орудий его труда, то бишь кирки и лопаты.

Ланс поморщился, будто уксуса из стакана нюхнул:

- Я, конечно, обделен учеными степенями и научными должностями, но университетский курс прошел полностью. Геологически Эспит представляет собой часть склона потухшего вулкана. Так что копать бывшие лавовые поля я не буду. А вот пещеры северного берега я собираюсь исследовать. Надеюсь, веревки-то в вашей скобяной лавке найдутся?

- Ах, это… – протянул Варден так, будто ему в тридцать пятый раз пересказывают старый и несмешной анекдот. - Так вы планируете спуститься в лабиринт… - и посмотрел на Лэйгина с печалью и сожалением, словно та самая веревка, наличие которой в лавке так тревожило гостя, уже обернулась вокруг его шеи - Полагаю, вы озаботились составлением завещания? Нет?

Гордый взгляд был ему ответом. Ну да, ну да, мы, всемирно известные охотники за кладами, трудностей не боимся. Вот и хорошо, вот и славно. То есть, для островитян, сильно рассчитывавших именно на непреклонный азарт этого гробокопателя, славно, а вот для него самого… Лорд Эспит вдруг ощутил, помимо досады, еще и неуместный приступ человеколюбия, к счастью, недолгий. Он усмехнулся краешком губ, выпуская колечко дыма, и промолвил вкрадчиво:

- Вы позволите дилетанту кое-что поведать вам, сударь ученый? Касательно этого острова, кратеров, пещер и веревок.

«Что и требовалось доказать!» - возликовал Ланс.

- Ага! Значит, есть пещеры? Прекрасно! С огромным удовольствием послушаю вас.

- Пещеры есть… Лэйгин, дорогой мой, - лорд порывисто наклонился к нему. - Неужели вы думаете, что вы - первый, кто польстился на подземные тайны Эспита? Увы, нет. Даже за время моего правления подобных вам побывало здесь… м-м… пятеро. Все они спускались в лабиринт пещер, но наружу выбрался лишь один - поседевший безумец, мочащийся под себя и вскрикивавший от каждого шороха… А сколько было до них, и перечесть сложно. Зайдите к даме Тенар, загляните в архивы ее башни. Моя дорогая Лив, помимо всего прочего, еще и командор Ордена Зорких - вы же слыхали о таком? - и единственная ныне

живущая дама-рыцарь. Загляните в летописи, прогуляйтесь вдоль могил тех несчастных, кто пренебрег нашими предостережениями. Мы предупреждали и отговаривали каждого из них! И далеко не всех удалось найти, дабы хотя бы похоронить… Ни один эспитец не пойдет с вами к лабиринту. Это место проклято и запретно. Оно не для людей, господин Лэйгин. Оттуда не возвращаются. Поверьте мне, если бы Калитару суждено было быть открытым, он сам явил бы себя людям. Кроме того... - и лорд ненадолго прервал свою горячую речь, чтобы приникнуть взглядом к окну и дивной морской панораме за ним. К острову приближалась гроза, неторопливо и величественно, полная осознанием собственной силы и мощи. Но тяжелый лиловый фронт был еще далеко, и солнечные блики плясали на волнах.

- Эспит - не единственный остров в этой части океана. Почему вы решили, что Калитар - именно здесь?

Вряд ли эспитского сюзерена толкнуло на откровенное признание нервное воодушевление гостя. Варден на своем веку повидал экзальтированных особ, не чета какому-то копателю-проходимцу. Скорее всего, лорд не видел особых причин скрывать тайны острова от пришлого. Странно и непонятно, но слишком уж подозрительно, чтобы Ланс пропустил слова Вардена мимо ушей. Так вот запросто пойти и почитать летописи Ордена? Что бы это значило?

Лэйгин заставил себя не дрожать всем телом от внезапного озноба.

- Тридцать пять лет исследований, только наших с отцом исследований – это, знаете ли, веская причина. А мы не единственные, кому был интересен Калитар. Архивы, летописи, древние карты, ссылки в манускриптах и, разумеется, результаты раскопок.

Общие слова, за которыми стоят отнюдь не малые деньги, весьма криминальные знакомства, и зачастую, не самые приятные люди. Есть ли смысл объяснять непосвященному, что любое великое открытие начинается со сбора материала, с копания в пыльных картотеках и записных книжках.

- Калитар властвовал над половиной мира, и везде он оставил свои следы. Это ведь была величайшая из человеческих империй... - мечтательно молвил археолог. - И Эспит - последний её осколок. Кроме того... - он сделал многозначительную паузу, - кроме того, я знаю язык Калитара, я могу читать тексты!

Припасенный козырь должен был сразить лорда наповал, но почему-то не сразил. Варден бровью не повел.

«Даже так? – лорд Тай восхитился, конечно, но

исключительно мысленно. – Даже тексты? Какой талантливый грабитель, подумать только! Что ты знаешь о Калитаре, мой торопливый друг? Что у тебя есть? Десяток черепков, исчерканных угловатыми штрихами клинописи, да пара табличек… Ну, может быть, еще три-четыре фрагмента какого-нибудь фриза да обломки колонны. Ты ищешь Калитар в земных недрах? Что ж, ищи…»

- Вы упрямец, - печально покачал головой лорд. - Не намерены отступать перед глупыми страхами обитателей этой глухомани. Что ж, понимаю. Но скажите мне, какая причина может подвигнуть меня вам помогать? Лично мне не интересны руины древних империй. Совсем.

- Но, согласитесь, и активно мешать мне в поисках у вас нет никаких причин. Ведь так? – азартно вопрошал Ланс, и сердце его колотилось в груди как после долгого бега. - И если вы не хотите брать ответственность за последствия, то, напротив, все складывается идеально. Я - нелегал, подлежащий высылке, так? Но на острове карантин и отправить меня на материк нет никакой возможности. Пусть я, к примеру, уйду в пещеры без вашего разрешения, пусть я буду нарушителем до самого конца. О! Могу даже расписку написать, что обязуюсь не подходить к пещерам ближе, чем на двести шагов.

Кровь плеснула к щекам, и мурранцу чудилось, будто голова его пылает факелом, а глаза исторгают свет, как фары автомобиля. Лишь бы не занесло на повороте в кювет, лишь бы не заглох двигатель! И мнилось, ни с того ни с сего, как ветер свистит в ушах, и гудит совсем рядом неутомимый мотор.

Но Вардена Тая этим было не пронять. Глядя с ласковой жалостью, как на больного во власти горячечного бреда, лорд вздохнул и обронил:

- Хм…

Хотя идея с распиской была хороша.

- Вы мне не верите, но это и неудивительно. Мне никто не верит. Не имеет значения! Важно, что я знаю точно - Калитар ждет именно того, кто способен постичь его тайны, кто сделал всё возможное и невозможное. Меня, лорд Эспит, он ждет меня! Да, это звучит слишком… страстно, слишком горячечно… Давайте, я расскажу вам всё, что узнал о Земле Калитар? Прямо сейчас? Где у вас бумага, я нарисую карту!

Внутренние тормоза полностью отказали, и ошалевшего Ланса Лэйгина несло вперед по скользкой дороге навстречу…

«А может, не надо?» - подумал властелин Эспита и отодвинулся от собеседника вместе с креслом, косясь на Лэйгина уже с опаской, несколько, впрочем, преувеличенной.

- Тише, друг мой, не надо так горячиться. Прежде чем вы продолжите, позвольте вам напомнить, что вы числитесь в круге подозреваемых в убийстве господина Фирска. И до тех пор, пока дама Тенар не признает вас свободным от подозрений, вы должны находиться в прямой досягаемости правосудия Ее Величества. В пещерах это будет затруднительно, не так ли?

Спокойный голос Вардена Тая охладил умственный жар археолога. Тот вздрогнул, оглянулся и мгновенно присмирел, словно сам себя испугался.

- Но я ведь не убивал его. Зачем мне это делать, если я потратил целый год, чтобы попасть сюда, хотя бы и нелегально. Знаете, ведь у вас тут не остров, а какая-то запретная зона. И вот заплатив кучу денег, я в первую же свою ночь на вожделенном острове стану убивать совершенно незнакомого лавочника? Это смешно!

«То есть ты, дружок, считаешь, что умный и просвещенный дворянин, известный своим гостеприимством в отношении всяческой богемы, поддержит тебя против глупой недалекой бабы? Как бы не так!» - весело подумал Варден, а вслух ответил очень строго, разве что пальцем не погрозил:

- Я не берусь судить, насколько подозрения госпожи эмиссара обоснованны, однако они есть, и все мы здесь обязаны соблюдать закон и следовать установленному порядку. В конце концов, погиб человек, которого я знал очень долго, и весьма странно погиб. И еще, господин Лэйгин. Не знаю, почему у вас сложилось впечатление, будто в противостоянии с представительницей Ее Величества я могу стать вашим союзником, но могу вас уверить - это не так. Другое дело, если дама Тенар подтвердит вашу невиновность... Как только вы будете свободны от подозрений, и Лив засвидетельствует это письменно, мы можем вернуться к этому разговору. Но не раньше.

Откровенно говоря, Ланс перед причудами имперской юриспруденции растерялся.

- Вы всерьез предлагаете мне доказать собственную непричастность? В Вирнэе уже отменили презумцию невиновности?

- Простите, что отменили? – лорд Эспит приподнял брови в деланном изумлении, демонстрируя полнейшее непонимание, а так же пропасть, пролегающую между вирнэйской и мурранской правовыми системами. - Разумеется, вашу невиновность надо доказать! Имперские законы, знаете ли, несколько отличаются от республиканских. Так что в ваших интересах, друг мой, как можно активней сотрудничать со следствием.

Нет, это – невообразимо, немыслимо! Недаром Мурран и

Вирнэй так и не смогли найти понимания за всю многовековую историю взаимоотношений. Весь мир уже давно повернулся в сторону свободомыслия и народовластия, и только имперцы продолжают цепляться за архаичные принципы. Самому доказывать свою невиновность! Каково?

- Я готов сотрудничать! – ошалело выпалил Ланс. – Ведь, если изучать можно архивы башни Зорких… Кстати, сама Лив не станет возражать, нет? Но пока идет расследование, нельзя ли попросить даму Тенар показать мне пещеры хотя бы издали? Это ведь несложно, верно? Я не сбегу, но быть тут и даже близко не подойти…

«Держи свои страсти в узде! Ты еще на колени встань и умоляй!» - строго напомнил себе мурранец. Но близость запретных пещер грела, как разложенный рядом костер, даже через стены усадьбы грела. Давно остывшие угольки что-то невнятно шипели, мягкие волны живительного тепла накатывали всё чаще… Быть у ручья и не напиться, так, лорд Эспит?

- Поймите, - утомленно вздохнул Варден, - дама Тенар мне не подчиняется.

«Морские и подземные! Чем ты слушал, парень? Экий ты… незамутненный. Прежде чем являться сюда с замашками заморского господина в хижине колониального вождя, мог бы хоть отчасти разобраться в наших законах!»

С этими заезжими проходимцами всегда так. Почему-то каждый из них пребывает в уверенности, что в такой глухой провинции, как Эспит, и жители – тупоумные дикари, и власти – вороватые неудачники, а Свод Законов Вирнэя давным-давно пущен на подтирки. Приходится раз за разом просвещать курортников, и не всегда это просвещение бывает безболезненным.

- Если вы сможете ее уговорить, то почему бы и нет? И, кстати… Возможно, вы не знаете, но по законам Ее Величестсва все материальные ценности, обнаруженные на земле - или под землей! - Ее Величества подлежат передаче в казну Ее Величества. С выплатой нашедшему денежного вознаграждения в размере… м-м… если память не изменяет мне, то двадцати процентов. Это я на всякий случай предупреждаю. Вдруг вы и впрямь найдете что-то в наших пещерах.

Лорд Эспит мягко улыбнулся и предложил, подводя итог беседе:

- Не прикажете ли теперь слегка перекусить?

Вопрос о вывозе ценностей Ланс дипломатично оставил без ответа.

«Не будем забегать вперед, лорд Эспит. Сначала пещеры, а

потом всё остальное. Можно подумать, в других местах кому-то хотелось расставаться с находками», - подумал он.

А вслух поспешил согласиться с предложением хозяина.

- Перекусить? О! Это было бы прекрасно!

Не успел Лэйгин договорить, как в коридоре процокали легкие каблучки Орвы, и домоправительница доложила:

- Дама Тенар, ваша милость.

- Просите, просите! – радостно вскинулся Варден и разве что руки не потер в предвкушении потехи. Лив и этот пройдоха за одним столом – о-о! Интересно, а отличит ли он десертную вилку от крючка для омара?

Ветер с моря раздувал легкие занавеси в столовой лорда Эспита, то наполняя их своим дыханием, точно паруса фрегата, то теребя быстро-быстро и требовательно, как малыш материнскую юбку. И опять Варден Тай умудрился удивить мурранского гостя, ибо вместо вычурной сервировки стола, которая так свойственна нуворишам, Ланса поджидала милая простота и недвусмысленная демонстрация хозяйского вкуса. Льдисто поблескивали льняные салфетки, ласково мерцало столовое серебро, и свет яркого летнего дня дробился в гранях хрустального бокала для белого вина. Если лорд Эспит и хотел пустить пыль в глаза, то сделал это очень изящно. А уж как галантно он подвел даму Тенар к её месту, словно саму Императрицу. Лив, и вправду, явилась в сопровождении свиты - огромного серого пса по кличке Перчик. У Вардена Тая оказалось еще две собаки той же породы.

Обед в духе времен, когда пирующие рыцари бросали своим псам кости и давали вылизывать тарелки, чтобы снова поставить на столы. Однако!

И все же утонченная современность победила. Подали нежный суп с кольраби, равного которому Лэйгину есть еще не доводилось. Впрочем, Варден Тай и его усталая гостья, которая поклялась, что голодна как… тысяча подземных тварей, вкушали сей кулинарный шедевр со всей внимательностью, не отвлекаясь на разговоры. И только когда первый голод был утолен, Лив и Варден принялись обсуждать грядущий Летний фестиваль.

- Ума не приложу, что теперь делать без Джая, - сетовала дама Тенар. – Всё навалилось разом.

- И карантин этот совсем оказался некстати, - кивнул лорд.

- Сие от нас с вами не зависящий фактор.

Чопорный тон Лив свидетельствовал о серьезности её отношения к службе. Уроженцы Вирнэя, что с них взять!

- Да, но путешествующие господа нам бы не помешали. Их любопытство – наш доход.

- Были времена, когда Летние Фестивали проходили без

благодарных зрителей. И - ничего, справлялись.

- Разве что.

Было очевидно, что островитяне стараются не наболтать лишнего в присутствии постороннего, но тема будоражила и совсем молчать они тоже не могли.

Древние летние мистерии, призванные умилостивить богов и подарить земледельцам богатый урожай, давным-давно вплелись в традиционные праздники годового круга. Смысл их не столько изменился, сколько обрел подлинную глубину. Дни почитания предков, приходившиеся всегда на зимнее солнцестояние, перестали быть жутковатым карнавалом и преисполнились философией перерождения души. В Мурране, скажем, принято ходить в гости с символическими подарками – букетиками засушенного амаранта.

- А не слишком ли рано вы начинаете праздновать Солнцестояние? Еще без малого три недели, - удивился Ланс.

Дама Тенар и лорд Тай ухом не повели. Варден лишь сделал знак подавать следующее блюдо – ножку ягнёнка, натертую солью и розмарином, обмазанную сливочным маслом и запеченную с чесноком.

- А как же эпидемия? – спросил археолог, настороженно глядя в свою тарелку.

Но и этот вопрос завис в воздухе подобно тому бумажному змею, что как раз кружил над узкой полосой пляжа.

Из окна усадьбы открывался невероятный вид на изумрудные лужайки, террасами спускающиеся прямо к морю. И стоил он, должно быть, половину стоимости всего поместья.

Эмиссарша чуть слышно хмыкнула, деликатно отрезая микроскопический кусочек барашка, и обратилась к Вардену:

- Не соблаговолите ли передать соль, милорд?

На софе вздохнула одна из собак. Этот вздох эхом подхватила остальная часть своры, провожавшая каждый кусок заинтересованным блеском карих глаз.

Тут бы и глухой олух догадался, что гость заговорил на неудобную тему, но Ланс с неожиданно ослиным упрямством продолжил топить остатки репутации человека, хоть и не слишком благонадежного, но из приличного общества:

- А что по этому поводу говорит ваш "мельник"?

К слову, до сих пор Лэйгин не заметил на Эспите ничего похожего на традиционную *молу*. Для благочестивого Вирнэя более чем странный факт.

Милорд отреагировал непонятной гримаской и предложил вполголоса:

- Не прикажете ли еще вина, моя дорогая?

Вино было хадрийское, белое, то бишь абсолютно незаконное на территории империи.

«Уж не из трюма ли «Келсы» перекочевало оно на стол Вардена Тая?» – насторожился Ланс и не удержался от вопроса:

- Отличное вино! Из Хадранса? Так что там с праздником? Почему так рано?

Он вдруг понял, что никак не может остановиться, что язык его несет какую-то околесицу, а из подсознания лезут все знания о народных праздниках и связанных с ними обычаев, полученные на университетской скамье. Плотину Лэйгиновой сдержанности прорвало внезапно и бурно. Он торопливо глотал мясо, жадно запивал его вином, размахивал руками и распалялся все сильнее и сильнее. И чувство было такое… точь-в-точь, как у бабочки, что с трудом выбиралась из куколки и расправила крылышки.

Взгляд археолога внезапно остановился на резном узоре дверного проема. Плавные линии, казавшиеся минутой раньше абстрактным плетением, вдруг сложились в удивительной четкости картину. Большую, с локоть длиной, толстую куколку прорезала трещина, и внутри заворочалось живое тельце. Членистое брюшко мучительно медленно разодрало тонкие невесомые стенки узилища. Затем утомленное насекомое осторожно выбралось наружу, засучило лапками, задрожало и прямо на глазах у изумленного зрителя стало расправлять скукоженные крылья. Толстые, мягко пульсирующие сосуды наполнялись тягучей жидкостью, мерцающие перепонки между ними натягивались и крепли с каждым мгновением. Острые, как рыболовные крючки, выросты на лапках царапали полированное дерево, словно тварь содрогалась от удовольствия. Хоботок её то распрямлялся, то сворачивался в тугую спиральку. А потом вдруг сверкнули алыми огоньками фасетки сложного глаза, напряглись крылья и – ах! Хрупкое создание сорвалось с места и спикировало в окно, навстречу ветру, и растворилось в солнечном свете.

- Что? Что это? – охнул Ланс, оглядываясь по сторонам в поисках поддержки. – Вы видели?

- Что? – мрачно спросила Лив. – Что именно мы должны были видеть, кроме ваших… хм… - Дама Тенар промолчала, но было и так понятно, что она хотела сказать «гримас».

Тяжким вздохом отозвались собаки. И если правда, что животные общаются друг с другом посредством неслышимых человеческим ухом высоких звуков, то благородные псины сейчас во всю обсуждали вопиющую невоспитанность приезжего мурранца.

Лэйгин тяжело сглотнул и очнулся от наваждения. Конечно же, это прихотливая игра света и тени от трепещущих штор

сыграла с ним дурную шутку.

- Ах, понятно! Простите меня! Это ваш местный национальный праздник.

Лорд и Лив облегченно вздохнули, соглашаясь.

- Надеюсь, я могу присутствовать на нем?

Оба эспитца кивнули синхронно и воскликнули в унисон:

- Конечно же!

В это время подали блины-паспаллы – тонкие, эластичные из смеси гречневой и пшеничной муки. С мидиями, креветками и маленькими каракатицами в белом соусе, как это принято в Хадрансе, они были удивительно хороши.

Лорд Эспит с нескрываемым наслаждением отрезал уголок от аккуратного конвертика паспаллы и вздохнул:

- Абсолютно никаких препятствий я не вижу. Будьте нашим гостем, Ланс.

Его настороженность нежданно-негаданно сменилась благодушием. Неужели под влиянием вкуснейших паспалл?

- Ваше присутствие будет более чем уместно, господин Лэйгин. Более чем, - с нажимом подтвердила Лив. Дескать, будешь под присмотром.

- Никогда не думал, что праздники и обычаи на Эспите чем-то отличаются от традиционных вирнэйских… или старо-мурранских… или хадрийских… – молвил мурранец.

Возбуждение от оптической иллюзии уже прошло, тесто паспаллы таяло во рту, а вкус начинки заставлял мысли смешиваться, отвлекая от важной темы. Эдак, если не остановиться, то можно лопнуть.

«Как они тут могут вешаться, когда есть более приятный способ самоубийства – умереть от обжорства», - лениво думалось Лансу.

Еще удивительнее казалось то, что обычаи острова соблюдаются людьми, прибывшими сюда из разных стран. Покойный Джай, он ведь из Фергины. Какое ему дело до эспитских привычек? А поди ж ты! И, оказывается, его смерть чуть не погубила местный праздник.

- Видите ли, здесь, на Эспите, мы очень быстро проникаемся местными традициями, так сказать, духом и плотью врастаем в наши скалы… – отозвался лорд, млеющий над очередной паспаллой. - Хм… Хотя все государственные праздники, безусловно, тоже отмечаем. Согласитесь, пропустить день Тезоименитства Ее Величества было бы совершенно недопустимо! - и прикончив свою порцию, решительно обратился к Лив, словно подводя черту под неудобной темой: - А как продвигается расследование, дорогая?

«Очаровательно, - искренне восхитился Лэйгин. – Доклад за обедом прямо в присутствии главного подозреваемого надо бы ввести в практику мурранских органов дознания».

Дама Тенар тоже оживилась:

- О! Весьма неплохо. Доктор Хамнет уже произвел первичный осмотр и с большой долей вероятности полагает, что характер повреждений... - тут она осеклась и выразительно покосилась на Ланса. - Если вкратце, то я крайне рассчитываю на то, что расследование окажется недолгим. Тело несчастного.... - между делом она решительно отрезала себе еще кусочек, - ... мы поместили в ледник при мясной лавке. - Кстати, милорд, я хотела бы привлечь к расследованию Фрэн. Требуется официальный запрос от вашей милости.

И принялась тщательно пережевывать.

Сок, пахучий жирный сок лучше всякого косметического блеска заставил блестеть пухлые губы женщины. И взгляда не отвести от их манящей мягкости, от их сладости…

Ланс тряхнул тяжелой головой, чтобы отогнать подальше мысли столь же неуместные, сколь и непристойные. То ли это контрабандное вино, то ли отголоски скорой грозы. Небо над островом оставалось по-прежнему лучезарно-синим, по крайней мере, в окно столовой мурранцу виделась лишь бесконечная лазурь, но где-то вдали зрели уже тяжелые дождевые капли и цвели белые лилии молний. Потому что в висках настойчиво пульсировала кровь, глаза слипались, и нарастающая тяжесть в желудке ни в коем разе не способствовала ясности мысли. Темные думы, как морские глубины, в которых извивали щупальцы развратные помыслы, и лишь неловкие слова утлыми лодчонками сновали туда-сюда по поверхности смыслов.

- Считайте, что он уже у вас, Лив, - согласился Варден. - К вечеру разразится гроза, как вы полагаете? Громоотвод у вашей башни, право, заставляет меня каждый раз всерьез опасаться за вашу безопасность...

И они заговорили о громоотводах, то и дело поглядывая на ставшего молчаливым гостя.

На десерт были поданы запеченные яблоки с кубиками сыра, орехами, изюмом и медом в середине. Пища богов, да и только.

Глава 8

Берт Балгайр и Верэн Раинер. Эспит

Все зло, как известно, от баб. И неважно, юная ли невинность прелестно выпячивает розовую губку и хлопает ресницами, провокационно поводя крутым бедром, или умудренная годами опытная хищница косит насмешливым глазом из-под полей потрепанной шляпы, суть остается неизменной. Бабы – зло. Вопрос лишь в том, кто из них зло большее: юные и невинные или же зрелые и злопамятные. По здравому размышлению выходило, что одни других стоят.

Чего добивалась Лив, бросая девицу, над которой вроде как взяла опеку, на произвол судьбы и островитян, понятно было бы даже хадрийцу. Провоцировала, Овчарка! Как есть провоцировала. Знала, что Берт не оставит барышню без присмотра, а коли и захотел бы, так не удастся. Верэн сама прицепилась похлеще краба. Охотница, чтоб ее отымели и *морские, и подземные* разом. Едва из пеленок, а туда же: губки бантиком, ресничками хлоп-хлоп, бедрышком, опять же…

«Тай – старый сластена, ни за что не запретит девкам на Эспите ноги оголять! – мысленно ругался Балгайр, у которого от колыхания юбчонки в такт шагам хадрийки кровь отливала от головы, устремляясь совсем в иную часть тела. – А надо бы! Этак они скоро совсем голышом разгуливать станут».

Посмотреть приятно, кто ж спорит, однако чуть увлечешься – и тут же спикирует откуда-нибудь, как ворона на падаль, очередная поборница эспитской морали, и такой грай поднимается, что хоть с обрыва вниз головой сигай. Не Лив сама подстережет, так Мерерид принесет недобрым ветром, а где старшая Тэранс, там и вся прочая свора островных сплетниц. Всё углядят, всё донесут даме Тенар – и как водил новенькую под ручку, и какими глазами на ноги ее глядел, и какие слова говорил, и дышал как – громко или же тихонько.

- Пойдем-ка прогуляемся, рыбка, - Берт – назло всем подглядывавшим и охавшим из-за частокола палисадников и бастионов живых изгородей! – крепко ухватил барышню за локоток и решительно повлек прочь из центра поселка. К морю и скалам – поближе, от вездесущих соглядатаев – подальше.

И только после того, как спутница споткнулась на ровном месте три раза кряду, повисая на его руке, трогательно краснея и благодаря нежным полушепотом, осознал, что серьезно дал маху.

Слепому ж видно, что на уме у девки. Аккурат тот возраст, когда каждый чих объекта мечтаний воспринимается как команда: «Взять!» Или, что точнее, «Дать!» Мудрые исследователи тонких душевных процессов написали на сей счет уйму солидных томов, с некоторой частью которых Балгайру довелось ознакомиться. Тяга к знаниям сидела в нем всегда, а вот доверия к печатному слову с годами поубавилось. Потому как все эти девичьи вздохи объяснялись проще устройства лебедки: соки бурлят, платьишко в груди жмет, а природа на все голоса кричит: «Размножаться! Вот прямо сейчас, немедленно, с места не сходя!» Иначе опоздаешь, и более прыткие товарки расхватают всех подходящих самцов. Опять же, лето только-только началось, солнышко пригревает, цветет и щебечет все, что только может цвести и щебетать… И пример шибко умной и независимой, но уже не такой юной Лив перед глазами. И юбка готова не то что сняться – заполыхать от одного только взгляда. Чего ж непонятного? Дело житейское. Плавали, знаем. Эспит вообще такое место… располагающее. Скайра в этом возрасте, правда, посдержанней была, однако и на угрюмую Стражницу частенько накатывало, и до сих пор, к слову, находит этакое весенне-летнее сезонное безумие.

Но, поскольку Берт всегда придерживался благородного принципа: «Где живу, там не гажу», да и еще большее обострение отношений с дамой Тенар ему было совершенно ни к чему, то юной Верэн ничего не светило. Во всяком случае, пока.

Пока неясно, кто она на самом деле есть…

Вот смеху будет, если он привез на Эспит собственную смерть — контрабандой! Впрочем, когда проделываешь такое уже не в первый раз, веселиться как-то не с руки. Зато всем прочим потеха. Но… но еще ничто не ясно, вот в чем беда! Верэн Раинер появилась здесь, еще не перешагнув рубеж совершеннолетия, здешнего, особенного, эспитского совершеннолетия. Ей нет двадцати одного года, а именно по достижении этого возраста с теми, чьи души отравлены Эспитом, начинают происходить изменения. Если только…

- О! - восклицание девушки, полное чистого щенячьего восторга, прервало течение мыслей Берта на самом интересном месте. Он нахмурился и тряхнул головой, но мысль уже ушла, и поймать ее за хвост Балгайр не сумел. А Верэн, позабыв даже о необходимости кокетничать, снова вскрикнула: - О! Какое чудо! Только взгляните!

Делать нечего, взглянул. Над ручейком, журчащем на склоне в аккуратно обрамленном булыжниками ложе, в радуге преломляемого брызгами света порхали бабочки – знаменитые черно-синие бабочки, за одно только крылышко которых

коллекционеры Вирнэя и Муррана дали бы отрубить себе руку по локоть. А если поторговаться, то и своими зубами поотгрызали бы, потому как Парусник Эспита водился только здесь, на острове, и считался немыслимой редкостью. Берту едва ли не в каждом рейде приходилось отбиваться от спятивших энтомологов. Одного даже за борт пришлось выкинуть вместе с сачками. А уж о браконьерах и говорить нечего – и морды их наглые бивали, и руки загребущие ломали, и постреливать доводилось. Во всем мире нет столько денег, чтобы эспитец согласился вывезти с родного острова одно из этих крылатых созданий. Так что бесценные тварюшки могли совершенно спокойно порхать над летним разнотравьем, наслаждаясь покоем и безопасностью. Вот и сейчас над водой их кружило не меньше дюжины.

- Никогда таких не видела! – восторгалась Верэн. – Можно мне посмотреть поближе? Они не кусаются?

- И не увидишь нигде, кроме Эспита, - благодушно махнул рукой Берт. – Валяй, любуйся. Только поаккуратней, не распугай их.

Совет нелишний, особенно учитывая то, что Парусник Эспита питался отнюдь не одним только нектаром. Хотя конечно, ярким летним днем над хрустальными водами ручья… Красотища! Другое дело, если б девчонка углядела это порхание над чьими-нибудь бренными останками… или над чашей, полной горячей жертвенной крови. То-то визгу бы было!

Рыжий контрабандист тряхнул головой и криво усмехнулся, отгоняя наваждение. Летний фестиваль через два дня, там и посмотрим. И на бабочек, и на бабёнок тоже.

- Идем! – позвал он Верэн. – Давай-ка покажу тебе остров, пока у меня есть и время, и охота. А то ведь с Лив станется продержать тебя в башне до самого праздника.

- А куда мы идем? – девушка с сожалением оторвалась от созерцания волшебных крылатых цветов и вопросительно выгнула бровки. Хотя над этим изящным изгибом, прямо поперек ясного чела написано было огромными светящимися буквами: «С тобой – куда угодно!»

- Гуляем, - хмыкнул Берт. – Под ноги смотри, здесь, у ручья, земля влажная, поскользнешься еще…

В глазах у хадрийки промелькнула отчетливая такая мысль насчет того, что поскользнуться и спутника за собой утянуть было бы совсем даже неплохо, но Балгайр был начеку. Еще не хватало, чтобы прыткие девчонки его по траве валяли. Успеется.

В любое другое время Мererид обязательно бы шикнула на дочь, чтобы та не отвлекалась от работы. Штопанье полосатых носков в канун Летнего Фестиваля - дело ответственнейшее. И вообще, нечего глазеть на мужиков, бесстыжее отродье… Короче, за много лет репертуар у Тэранс-старшей практически не менялся, и Фрэн знала его наизусть.

Но, должно быть, вид Рыжего Берта, дефилирующего под ручку с юной барышней, сбил Мererид с толку и с мысли.

- Ты? Ты поняла, куда он повел девицу? – ахнула она, жеманно прикрывая рот костяным веером. – Нет, ты видела это? Таскаться с взрослым мужиком в безлюдные места! Неслыханно!

- Неужели? – ядовито усмехнулась Фрэн, отложив в сторону шерстяной носок. – Такая прямо новость для тебя?

В каждое слово женщина вложила столько торжествующего злорадства, что даже полосатый кот, безмятежно спавший на пуфике, встал и вышел. От греха и разных тяжелых летающих предметов подальше, надо думать. В отличие от некоторых людей кошки прекрасно помнят, с чего обычно в доме начинается грандиозный скандал. Напоминать старшей Тэранс о грешках молодости и сомнительных приключениях означало подкидывать дровишки в костер разгорающейся ссоры.

Но, удивительное дело, Мererид не поддалась на провокацию. То ли у неё действительно болела голова, как она твердила весь день, то ли перебранку с дочерью её план на вечер не предусматривал.

- Как думаешь, она – Лунэт? Или все-таки Салда? – отрешенно спросила мать.

И Фрэн в который раз подивилась дару родительницы первой говорить то, что давно крутится у всех на языке, но о чем никто не решается заговорить первым. В этом отношении Мererид смелости было не занимать.

- Хм… Ну, судя по тому, как сегодня поступил Джай, она – Салда.

- А я не уверена…

- Тогда зачем ты спрашиваешь у меня, Дина? – тихо спросила дочь.

Старуха по-девичьи резко дернула плечиком.

- Кто же лучше всех её знает, Лисэт?

И посмотрела на своё дитя так, словно примеривалась, куда воткнуть стальную спицу – в глаз или в ямку у основания шеи.

- Вот затем Берт и повел девчонку в некрополь, чтобы удостовериться, - подавив невольную дрожь, ответила Фрэн. – Это чаще всего срабатывает.

- Стареешь, Лисэт, стареешь, чутье подводит, - фыркнула

старшая из ведьм.

И если здесь имел место тонкий расчет, то у Дины просто идеально получилось вывести дочь из себя. Носок полетел в самый дальний угол комнаты, клубок – в окно, женщины мгновенно вскочили на ноги и совершенно по-кошачьи зашипели друг на друга. Давно, ох давно не слышали стены уютного коттеджа таких соленых ругательств и проклятий, которые, точно горох из рваных мешков, посыпались с языков распаленных гневом дам.

- Молись, чтобы она была не Лунэт, старая ты…

Вбитый с пеленок запрет обзываться остановил Фрэн, как натянувшийся поводок разозленную собаку.

- Ну, ну давай! Скажи, что хотела! – взвизгнула Мерерид.

Еще раз просить Фрэн не понадобилось.

- Старая дура!

И подумала, что правильно говорит Исил Хамнет: «Нельзя в себе держать, особенно злость и ярость». А лекарь дурного точно не посоветует.

- И запомни, старая дура, - с нескрываемым наслаждением повторила Фрэн. – Если окажется, что ты сегодня у Исила в приемной унижала меня в её присутствии, то все оставшиеся годы станут для тебя очень… тяжелыми.

Были времена, когда единственным, что удерживало женщину от немедленной расправы над Мерерид, было предвкушение долгой-долгой мести.

- Да что ты говоришь? Испугала! Подумаешь! Ты так веришь в то, что этот раз будет последним?

- А ты нет?

- А я вот не знаю! – с вызовом бросила мамаша. - Но ты еще большая дура, чем я, если решила начать угрожать заранее. До того как всё решится. Это, как минимум, опрометчиво.

Выпад удался, чего скрывать. Хрупкое равновесие, давно установившееся между женщинами, держалось в основном на страхе перед будущим, перед новой неизбежной встречей.

- Значит, в этот раз я сделаю все возможное, чтобы получилось!

- Угу! Давай, прогуляйся в лабиринт, прогуляйся. Так сдохнуть ты еще не пробовала. Опять же, отправишься на новый круг раньше меня. – Мамочка Лисэт! Ха!

Но Фрэн-Лисэт на этот раз удержалась на краю, устояла перед соблазном пустить в ход кулаки, как бывало прежде… раньше… когда они в очередной раз менялись ролями. Она промолчала, заставив в свою очередь занервничать Дину. А та никогда не любила импровизаций в этом бесконечном спектакле

на двоих и для двоих. Нестандартный ход её пугал.

- Мы все равно не узнаем до самого последнего момента, до самого конца, - сказала она и добавила: - Плевать! Хоть я уже и старая, как тебе очень хочется, но с чутьем у меня все в порядке. В этом круге твоя была очередь нарушать Устав Ковена. Поэтому у тебя дара вообще уже не осталось, а мой – при мне. И он меня не подведет.

Самой болезненный удар – правдой, она и глаза колет, и жжет, как каленое железо, и дух выбивает. И, конечно же, Фрэн знала самое болезненное и уязвимое место у Мерерид, всегда знала. Но близость избавления – это такое искушение, которое и более стойких сподвигает на рискованные слова и поступки.

Берт и Верэн. Эспит

Это меньше всего напоминало музыку, но все же именно ею и являлось. Звучание, сперва едва слышное за ревом волн, атакующих длинные и узкие, словно два кривых ножа, мыса, далеко выступающие в море, постепенно делалось сильнее, четче. И чем ближе подходишь, тем острее вонзается в самое твое нутро этот то ли звон, то ли стон ветра, пойманного в переплетение сотен струн, натянутых среди каменных столбиков и оград. Ветер, плененный словно в сеть. Души, прикованные к своим гробницам и то ли славящие этот плен, то ли проклинающие его на сотни разных голосов. Эспит – остров маленький, за аллегориями тут далеко ходить не надо. Всего-то ничего пройти по аккуратной гравийной дорожке, спуститься затем по высеченным в камне ступенькам, истертым множеством ног за последние несколько веков, встать на крошечном причале лицом к поросшему редкими кривыми соснами, словно последними клочьями волос на лысине старика, островку, а потом… Нет, не шагнуть с теплого камня пристани на посеревшие доски парома. Пока достаточно просто постоять и послушать, как шепчет и воет пойманный ветер над гробницами.

Поющая Скала – эспитский некрополь. Этакая коллективная усыпальница почти для всех, чьи души попались в сеть, как бабочки в паутину. Почти, потому что когда придет срок, тело Стражницы, дамы Тенар, примут сумрачные подземелья ее башни, а прах Берта-Лазутчика упокоится в волнах, развеянный над морем. А вот человека, прожившего этот круг под именем Джая Фирска, ждет склеп с выбитым на нем коротким именем: «Эвит».

Берт украдкой от своей юной спутницы, завороженной рвущей душу красотой погребального островка (и разрывающими

уши звуками), растопырил пальцы и повел рукой в отвращающем жесте. Покойник, подобно многим эспитцам, настоящее свое имя упоминал редко, словно стеснялся его – да и верно, странно звучало для темноволосого и смуглого уроженца Фергины это старинное «Эвит»! Так что нечего приманивать едва отлетевшую душу раньше времени. Пущай себе порхает. Послезавтра, во время похорон, наслушается – если ему сейчас есть, чем слушать! – как его все любили и как радостно провожают на новый круг.

- Что это за место? – спросила девушка.

- А?

Мысленно Берт выругал и ее – за вопросы, и себя – за то, что опять отвлекся. Девчонка-то, оказывается, уже второй раз спрашивала и теперь заглядывала преданно в глаза и явно примерялась за рукав дернуть рассеянного кавалера.

- Поющая Скала, - ответил он. – Наш некрополь.

И пояснил на всякий случай – вдруг не поняла?

- Кладбище это наше, куколка. Нравится?

Барышня зарделась и кивнула так отчаянно, словно услыхала немыслимый комплимент. Хотя Балгайр не сказал ничего романтичного. Куколка – она ведь еще не бабочка. А что иное есть Верэн Раинер, если не отвердевший кокон, в сердцевине которого прячется до поры… Кто?

Верэн. Эспит

Сколько себя помнила, с того первого мгновения, когда в памяти навеки отпечатался странный узор скатерти на столе, Верэн слышала звуки, неощутимые другими людьми. Зреющие гроздья девичьего винограда тихонько поскрипывали, наполняясь соком. Октябрьской ночью девушка частенько просыпалась оттого, что желтые листья отчаянно царапались, сопротивляясь ветру. И море… Оно без остановки напевало песню без слов, совсем как женщина, что месит тесто для пирогов. Даже в штиль. А когда отлив обнажал бледное брюхо побережья, песок тихонько посвистывал. Разумеется, Верэн и словечком не обмолвилась о своем странном даре – ни родичам, ни озаннскому «мельнику», ни подружкам. Держала в себе, берегла и лелеяла, не ведая смысла и цели.

А вот оно зачем, оказалось…

Подумаешь, бабочки! Красивые, спору нет. Цвет у крылышек такой пронзительно синий, ненастоящий, глаза режет с непривычки. Но если правильно прислушаться, то летуны не просто живые твари. Они дышат! Точнее, вздыхают. Коротенько

так, печально. Так маленькие дети посапывают, когда сильно расстроены, но печаль еще не хлынула из глаз слезами.

От этих тихих вздохов так и тянет улечься в траву, заложив руки за голову. И смотреть в бездну небес, где кружат и кружат хрупкие летучие создания, которых никогда не заморят эфиром и не насадят на иглу натуралисты, вроде учителя естествознания в озаннской школе, который каждое лето только тем и занимался, что гонялся за бабочками с сачком. И если капустниц и крапивниц Верэн не жалела, то эспитские парусники - дело другое. Здесь вообще все иначе. Знать бы еще, как именно иначе, чтобы понять, принять и успокоиться, а то от избытка мыслей мозги хадрийки не просто пухли, но, казалось, вот-вот из ушей потекут. А следом так и норовило выпрыгнуть из груди сердце, сломав темницу ребер, чтоб поскакать-попрыгать вслед за быстроногим рыжим контрабандистом, таким загадочным и мужественным, таким… что просто «Ах!»

Но пока сердечко девичье оставалось в положенном природой месте, пришлось дать работу ногам, иначе не поспеть Верэн за Бертом. А с ним хоть на погост, хоть на дно морское, до которого, к слову, от эспитского жальника рукой подать. Это ж надо придумать, чтобы прах хоронить на скале, привязывать его поющими ниточками. Точно сети на ветер ставить. А может и не сети, а струны для невидимых быстрых пальцев. А петь под дикую музыку тут есть кому.

Верэн из всех сил напрягла зрение, вглядываясь в надписи на входах в склепы и чувствуя, как холодеют пальцы от безотчетного страха перед… Смертью? А может быть и перед Жизнью, кто знает?

В юности мало кто думает о неизбежном конце существования, а если и посещают юную голову такие мысли, то смерть представляется чем-то далеким, чем-то случающимся с другими, тогда, когда уже и жить, по сути, незачем, лет эдак в сорок. Новое перерождение, которое обещано каждому человеку, как прямое следствие бессмертия души, мало кого утешает. Ведь никто еще не вспомнил предыдущую жизнь во всех деталях и подробностей, ну или хотя бы так, как помнится раннее детство. А истории из «Поучительных свитков», которыми пичкают обывателей «мельники», случились чуть ли не тысячу лет назад. Верэн, кстати, очень сомневалась, верит ли хоть кто-нибудь в реальность Благородного Гуарина, который оставался верен своему господину на протяжении трех перерождений.

В таких простых семьях, вроде Раинеров, ни о прошлых, ни о будущих жизнях думать было как-то не принято, а уж говорить и подавно. Нам и теперешних забот хватает, считал папаша. А про

всякую метафизику пусть «мельники» размышляют. Или… лошади. У них головы большие.

Верэн оглянулась на своего спутника, поймав уже на излете его странную улыбку. Точно бабочку. И та резанула по сердцу лезвием опасной бритвы. И можно сколько угодно обманывать себя и убеждать, будто интерес Берта Балгайра отличается от любопытства охотника за мотыльками в романтическую сторону, но на самом-то деле всё именно так, как подсказывает небольшой, но горький опыт неразделенного чувства.

Сельские девушки созревают рано. На жирном молоке, на ароматном сыре, на мамкиных пирогах и легком яблочном вине оно и немудрено. Солнце и морской ветер горячат молодую кровь, толкая на поиски любви, а стало быть, прямиком в объятия пылких парней. Что ни весна, то новый переполох – очередной взбешенный отец семейства, углядев у дочери все признаки своего скорого и неизбежного дедовства, берет в руки дробовик и отправляется к «герою». Впрочем, до кровопролития никогда не доходит. Какая ж свадьба без жениха, верно?

Верэн уродилась в малорослую материнскую родню и только совсем недавно обрела женские округлости. А в пятнадцать, когда у озаннских барышень самый любовный возраст, она всё ещё смотрелась ребенок ребенком. Опять же, книги, которыми снабжала Верэн школьная учительница словесности, сделали свое черное дело. Книги для девичьих умов губительны – это всем известно.

Безответные страдания по самому красивому юноше в Озанне, к счастью, остались незамеченными трудолюбивой родней, и они же научили девушку воистину охотничьей зоркости в отношении намерений мужчины.

И хоть глаза закрывай, хоть уши затыкай, но сразу же понятно, что Берту Балгайру очень нравятся её робкие заигрывания, но всерьез он пассажирку «Келсы» не воспринимает. Она для него… что-то непонятное. Пока непонятное.

- Ты там уснула что ли, куколка?

«Думать – занятие мужское, у девок от мозгов вред один и головная боль», - говорил папаша Раинер. Не на шутку задумавшись, Верэн сразу поскучнела, радость её померкла, а виски налились свинцовой тяжестью. Она жалобно всхлипнула.

- Голова болит.

- Гроза потому что идет. Пойдем-ка отсюда.

- А…

- Да насмотришься еще на Скалу. Вот хотя бы через пару дней…

Обратно к дому Лив, куда пожелал сопроводить её Берт,

девушка плелась на ватных непослушных ногах. Ведь не куда-то, а в дом к сопернице – разозленной, недовольной по какому-то очень серьезному поводу и к тому же облеченной властью женщине, которую с контрабандистом связывали долгие годы отношений.

Память потому и зовется девичьей, что девам, засмотревшимися в хитрые глаза всяких пройдох, свойственно забывать о самом главном, о Другой Женщине

Глава 9

Ланс. Эспит

После сытного обеда у лорда Тая неплохо было бы прикорнуть на одном из лонгшезов, выставленных на террасе, чтобы переждать тягостную жару. Откинуть голову на маленькую подушку-думку и смотреть на окружающий мир исключительно через запотевшую призму стеклянного кувшина с лимонадом. Ланс тоскливо оглянулся на недосягаемое лежбище, приготовленное для хозяина. Орва как раз стелила пестрое покрывало.

«Какие любопытные здесь узоры», - невольно отметил археолог.

На зрение он никогда не жаловался, а потому прекрасно рассмотрел в причудливом сплетении маков, астр, барвинков и анемонов с ивовыми веточками и листочками плюща маленькие белые косточки, гладенькие, будто вышитые шелком. Мышиные, что ли?

«Цветочки и косточки, косточки и цветочки», - думал Ланс. Если бы эспитцы были отдельным народом, то символика растений имела бы смысл. Причем самый что ни на есть зловещий.

Лэйгину отчаянно захотелось вернуться для более детального знакомства с местными символами, но Лив так уверенно маршировала впереди, что догнать её, не переходя на бег, было невозможно.

Легкий ветерок играл листвой, но вместо прохлады нес лишь стойкий запах цветов. Кругом, повсюду что-то зеленело и цвело. На каждом подоконнике возлежал ящик с петуньями, а на ступеньках крыльца выстроились пузатые горшки с самшитовыми кустиками, фикусами или декоративными пальмами. И всей этой благоухающей красоты приходилось слишком много на каждую пядь земли, чтобы оценить тягу островитян к цветущим растениям как достоинство, а не как изощренное издевательство.

- А колодец у вас есть? – спросил вдруг Ланс, едва шевеля пересохшими губами.

- Отравить нам колодец решили?

- Нет. Пить очень хочется.

- Сейчас вы напьетесь, - мрачно посулила эмиссарша.

И обещание свое сдержала. В первом же на их пути коттедже хозяйка угостила страждущего большущей чашкой холодного

терпковатого чая. И пока Лив вела расспросы по существу дела, у Ланса появилась возможность осмотреться. Лучше бы он этого не делал, честное слово.

От пестроты ковриков, салфеток, скатертей тут же зарябило в глазах. Казалось, милейшая госпожа… как там её бишь? Матэи! Так вот она отчего-то решила, что сочетание оранжевых чехлов на креслах с салатной краской дверных косяков и синих подушечек идеально гармонирует с ярко-розовыми шторами. Это не считая половичков дикой расцветки и статуэток лиловых безумных кошечек. У каждой скульптурки в когтях имелось по дохлой мышке. Причем, если кошки были какие-то карикатурные, то мышки исполнены во всех анатомических подробностях.

- Вам нравятся мои скульптуры? – спросила Матэи, заметив, что гость глаз не отводит от фигурок. – Я сама их леплю. Правда, они миленькие?

- Очень… очень милые, - хрипловато выдавил из себя Ланс.

Этой скромной похвалы хватило, чтобы добрая госпожа Матэи налила ему еще полчашечки из удивительно (в сравнении с остальными предметами интерьера) изящного чайника, расписанного ветреницами.

- Пейте, пейте, милый Ланс, на улице сегодня такая жара, - промурлыкала хозяйка и, не удержавшись, укорила эмиссаршу: - Что же вы нашего гостя так измучили, дорогая?

Лив, видимо, и сама чувствовала себя неважно, потому что одарила авторшу злодейских кошечек недоброй улыбкой.

- Пейте, пейте, Лэйгин, у вас же жажда, - проворчала она.

- А хотите, я вам подарю одну скульптурку? – не унималась Матэи. – Какая вам больше нравится? Выбирайте, какая на вас смотрит?

Лиловые кошки смотрели прямиком на Ланса, все как одна, плотоядно, словно на еще одну мышь, которой нужно кишки выпустить или, скажем, прокусить основание черепа.

- О! Я вижу! Она – ваша!

И в руках у Ланса очутилась хвостатая красотка непередаваемо сливового оттенка, с глазами оранжевыми от ненависти ко всему человечеству. Свою мышь она разорвала пополам, отчего когти у неё окрасились в алый цвет.

- С…спасибо…

Отказать добрейшей госпоже Матэи упившийся чаем мурранец не посмел. Подарок одновременно очаровывал и отталкивал своей откроенной жестокостью. Мертвая мышь натурально разинула пасть в последнем… крике? Писке? Вопле? И взгляд её тоже, между прочим, устремлен был на нового владельца. Словно предупреждал о чем-то важном…

- Идемте, Лэйгин! Нечего рассиживаться!

Резкий окрик вырвал Ланса из плена мрачных размышлений, как опытная рука огородника - из земли морковку за ботву. Или как ловкая кошачья лапа – мышь из норы. Кому что больше нравится.

- А? Что? Вы уже закончили?

- Давно! Теперь вот жду, когда вы кошечкой наиграетесь, - ехидно ответствовала Лив.

На прощание он решил помахать рукой госпоже Матэи. Обернулся и увидел, что та улыбается одними губами в точности как сливовая кошка, а в руках у неё разорванная пополам… подушка.

Но эмиссарша уже тащила незадачливого «подозреваемого» в соседний дом. Сквозь облако приторных цветочных запахов, которыми, казалось, запросто можно отравиться насмерть.

«Проклятые имперцы, - думал Ланс. – Не дотравили хлором под Сольцами, так теперь наверстывают».

О своих военных приключениях Лэйгин вспоминать не любил. И ничего тут нет удивительного. Один бой, затем дизентерийный барак, потом еще одно сражение, то самое, где вирнэйцы применили химическое оружие. Короткая у Ланса вышла Большая война, хвастать уж точно нечем.

- Что вы плететесь как сонная муха, - ворчала эмиссарша. – Мы так до самого вечера будем ходить. Пошевеливайтесь.

У соседа – почтенного почмейстера – Лэйгина ждал еще более теплый прием и огромная чашка с чаем. Господин Гаральт совершенно не зря представлял на Эспите четвертую власть, а стало быть, считал своим долгом везде сунуть свой нос. Правда, называл он свое неуемное любопытство мудрёно - «информационным обеспечением», но сути дела это не меняло: Гар Нашвит родился сплетником.

- Не желаете ли взглянуть на мои альманахи? – спросил почтальон и, не дожидаясь ответа, положил перед Лансом стопку самодельных журналов, целиком и полностью посвященных светской жизни эспитцев.

И если судить по тому, каким бешеным огнем воспылали очи дамы Тенар, стоило ей бросить взгляд на творение рук бойкого господина Нашвита, то альманахи эти представляли собой сконцентрированные на бумаге склоки, скандалы, пересуды и интрижки островитян.

- Это не интересно!

Она даже попыталась отобрать у подозреваемого в убийстве столь любопытное чтиво, но тот весьма резво для утомленного жарой человека отпрыгнул в сторону, ловко увернувшись от

цепких рук Лив.

- Еще как интересно!

И действительно, сколько можно давать собой помыкать имперской эмиссарше, пусть она даже самая обаятельная дамочка на этом острове?

Ланс пробежался глазами по нескольким заметкам и понял, что эспитцам скучать не приходилось. Они судились по мельчайшему поводу, строили друг другу козни и регулярно писали жалобы лорду. А уж в вопросах семьи и брака так и вовсе оказались раскованнее и свободнее мурранцев, коим республиканское правительство даровало разводы и равноправный раздел имущества. При такой свободе нравов…

- А почему на Эспите совсем нет детей? – полюбопытствовал Ланс.

Само вырвалось, без всякой задней мысли, но Лив и Гаральт посмотрели на Лэйгина так, будто он громко испортил воздух. Только эмиссарша явно желала подозреваемому страшной смерти в муках, а почтмейстер безмолвно сожалел о несовершенстве мира в целом.

- А что я такого ужасного сказал? Вполне логичный вопрос при широте местных нравов.

- Вы наговорили на штраф в 150 *эви* за оскорбление общественной морали, - жестко отчеканила женщина.

- Но…

- Еще десять – за неуважение к представителю Её величества.

Кошелек Ланса худел так стремительно, что мурранец замолк и углубился в чтение альманаха. Тем более что это занятие оказалось куда интереснее нуднейших расспросов дамы Тенар. Одна статья о тяжбе за полторы курицы, которая тянулась между Мерерид Тэранс и Гайзимой Ален, чего стоила. О! История о том, как две экономные эспитские дамы решили в складчину приобрести два десятка цыплят породы рыжая ушанка, особо ценящихся за повышенную яйценоскость, заслуживала отдельного романа в трех томах, по числу лет спора. Долевое участие Мерерид Тэранс в сделке было немного меньше, чем у её компаньонки. Ровно на 37 ориков, что составило полтора цыпленка, продаваемых в ближайшем вирнэйском порту по 50 ориков за пару. Попервоначалу дамы сошлись на компенсации яйцами затрат, понесенных госпожой Ален. Но очень скоро госпожа Тэранс смекнула, что деньги ей заняли один раз, а отдавать яйцами приходится постоянно, и заартачилась. Гайзима потребовала обратно своих полтора цыпленка, уже давно ставших курами-несушками, Мерерид наотрез отказалась, и началось веселье для всего Эспита. Стенограммы эпичных по размаху

страстей заседаний суда прилагались щепетильным хронистом в полном объеме. И, чем дольше вчитывался Ланс, тем сильнее хотелось ему выпить чего-то покрепче чая. Все-таки люди на Эспите жили престранные и отношения меж ними строились самым причудливым образом.

«А может быть, они просто так развлекаются? Чем тут заняться зимой, когда начинаются шторма и ветра? Сидеть по домам скучно, а тут хоть какое-то разнообразие», - решил Лэйгин.

Он вроде как успокоился, и сливовая кошка-убийца уже не казалась таким чудовищем, а чтение островной светской хроники так и вовсе повеселило. Но Гаральт Нашвит сумел напоследок испортить Лансу и впечатление, и настроение. Во-первых, они с Лив так яростно перешептывались и перемигивались, что неладное заподозрил бы даже самый доверчивый человек. Несколько раз археолог слышал что-то вроде: «Не дури, этот тоже подойдет!» и «Пусть проникнется, посочувствует и вообще…». Как понимать эти слова почтмейстера? Для чего он подойдет? Как и все остальные люди, чувствовать себя частью чужих планов Лэйгин не любил. Неведение, сами понимаете, сильно нервирует.

А во-вторых, добровольный эспитский хронист сделал гостю очередной неприятный подарок.

- Сударь мой, вы же ученый. Паче того – археолог! У меня для вас есть чудесная монография! – воскликнул вдруг Гаральт, когда они уже стояли на пороге. – Погодите минуточку!

И тяжелой рысью умчался куда-то вглубь своего захламленного обиталища. К счастью, никаких жутких ковриков в обители старого холостяка не водилось, а обстановка ничем существенным не отличалась от других домов, где коротали век серьезные мужчины среднего возраста. И ни единой вязаной салфеточки, что не могло не радовать.

- Вот! Держите! Всего в трех экземплярах сделал. С настоящими литографиями.

Господин Нашвит торжественно, с поклоном вручил Лансу труд под названием «Погребальные обряды острова Эспит».

- Уверен, здесь вы найдете для себя много нового и интересного, - воссиял почтальон.

- Премного благодарен.

Вышло немного сдавленно, но Нашвит принял бульканье гостя за сдержанные слезы восторга.

- Я знал, что только человек с вашей ученостью оценит наш скромный вклад в мировую культуру и науку.

- Постараюсь оправдать ваше доверие! Всего наилучшего!– поспешил попрощаться Ланс.

- До скорой встречи! – радостно прокричал вслед почтальон.

- Что-то не так? – грозно спросила Лив, тщательно закрывая за собой белую нарядную калитку. – Монографию я, кстати, читала. Написано толково, ничуть не хуже, чем кропают мурранские пустобрёхи-академики.

- Верю.

- Так в чем дело?

- Странные у вас тут принято подарки дарить, - признался Ланс, крепче прижая к груди кошку и «Погребальные обряды».

- Не вижу ничего странного. Статуэтка и книга. А что, в Мурране теперь только деньгами принято или как?

С одной стороны, дама Тенар ничуть против истины не погрешила. Да – статуэтка, да – книга, но как-то неправильно это всё, неправильно…

Не сумев более четко сформулировать мысли, Ланс отправился дальше, преисполненный сомнениями и чаем. И очень скоро Лив пришлось искать корзину, чтобы сложить в неё подарки гостеприимных островитян, которыми те пожелали одарить мурранца. Не обошлось и без ненавистных салфеток – жестко накрахмаленных и отличающихся друг от друга только сюжетом рисунка. На одних это были бабочки, запутавшиеся в паутине, на других – пожирающие друг друга пауки. Фантазии эспитцев хватило так же на ароматические подушечки, расшитые синими маками, свечи, удивительно схожие с мурранскими погребальными, но отличающиеся яркими цветами, и всевозможные куколки из разнообразных материалов.

- Мне даже в детстве не дарили столько игрушек.

- А с чего вы взяли, что это игрушки? – полюбопытствовала Лив.

И в самом деле, откуда такие мысли, если эти так называемые «игрушки» больше всего напоминали не о детской радости, а о… могильном хладе.

Дама Тенар с каждым визитом становилась все раздраженнее и язвительнее, причем язвила исключительно Ланса, каждое его слово воспринимая в штыки, огрызаясь и злобствуя. Воистину, Овчарка. От неё исходила сила и уверенность, и даже рычание это означало что-то совсем иное. Отец Ланса, к примеру, начинал так изъясняться только тогда, когда сын проявлял потрясающую тупость и недальновидность.

Злость Лив понять можно. Куклы, и в самом деле, не были предназначены для детских забав. Если тряпичное тельце мерно покачивается в петле, свесив на бок голову с выпученными глазками-пуговками, какая же это игрушка?

У семейства ведьм – Фрэн и Мерерид – на комоде расположилась целая тематическая композиция, прелюбопытная в

своей откровенности. Маленькие пестрые куколки в смешных нарядах сжигали куклу-ведьму. Её сжигали, а она умирала. Черные нитки–волосы падали на плоское треугольное личико. Пуговицы-глаза: один желтый, выпуклый, янтарный, а другой – бельевая пуговичка от наволочки, похожая на бельмо, глядели вокруг с ужасом и мольбой. И не имеет значения, что огонь тряпичный и крошечные шелковые лоскутки не жгут. Она кричала от боли в обожженных ступнях-подушечках и умоляла своих бывших друзей о пощаде. Без толку! Ведьма должна умереть на костре! Смерть не бывает игрушечной, верно? Или бывает?

Как тут не понять несчастную куклу, если вкрадчивая Мererид дарит тебе подушечку, похожую на опаленное в нескольких местах сердечко? А ты хочешь отказаться от него, от плюшевого, мяконького, нелепого и такого несчастного, что собственное, живое замирает от секундной боли, и не можешь заставить себя сказать решительное «нет». Только мычишь и киваешь головой, как… жертвенное животное. И берешь его в руки, а оно еще теплое. Или уже теплое. И в нем маленькая дырочка, специальная такая дырочка, чтобы насыпать внутрь сухие травы и затягивать ниточкой. Что с того, если дырочка точь-в-точь как смертельная огнестрельная рана. Ланс таких насмотрелся, он знает, он помнит.

А потом Элисон Рэджис преподносит декоративную пулю. Медную, с выгравированными глазками и улыбающимся ротиком. Говорит, что это талисман на удачу. А пулька эта так удачно помещается в «ранку» на плюшевом сердце.

Но, конечно же, это всего лишь скромные подарки гостеприимных эспитцев в знак душевного расположения, и от них не принято отказываться. Никаких намеков, никаких символов, ничего такого. Только целая корзина игрушек, исполненных местного неповторимого колорита.

Стоит ли удивляться, что шатания по уютным жилищам островитян привели чувства археолога в полнейший разброд. Ланс перестал понимать смысл происходящего и обращать внимание на свирепеющую даму Тенар.

Куклы-мертвецы и куклы-убийцы, маки и нарциссы, лютики и плющи.

Но кому-то скоро придется умереть. Кому?

Лив дама Тенар. Эспит

Искренний энтузиазм населения в деле содействия властям любого представителя оной власти должен, по идее, радовать.

Теоретически. И даже если у тебя от каждого взгляда, брошенного на эти лучащиеся от верноподданеческого восторга морды, челюсти сводит, изволь все равно радоваться, кивать любезно и улыбаться, пусть и сквозь стиснутые зубы.

Лив и радовалась. Как могла. Правда, с несколько нервно реагирующим на улыбки и приветствия Лэйгином на буксире проделывать это было куда как сложно, однако дама Тенар не просто так носила на груди эмиссарскую бляху и форменный жакет, она была Стражницей Эспита, до самого своего нутра была пропитана этим не просто званием, но – именем. И, подобно своему псу Перцу, в спокойные времена она могла благодушно отворачиваться от шалостей островитян и закрывать глаза на их грешки, однако труп Джая Фирска, труп Эвита – это уже не шуточки. Это повод взъерошить шерсть и показать зубы, хотя бы для острастки.

Конечно, вся эта возня с расследованием представляла собою чистой воды мистификацию, затеянную для одного-единственного зрителя. Скайре Лив, как и любому эспитцу, яснее ясного было понятно, что петлю на шее Фирск затянул самостоятельно. Уж кому-кому, а Джаю-Эвиту в таких делах помощники не требовались. Не в первый раз, чай. Вопрос в другом – а что же подвигло флегматичного любителя жареной селедки сойти с круга именно теперь? Пару деньков подождать всего – и вот уже Летний Фестиваль, и самоубивайся ты каким угодно способом во славу *морских и подземных*. Все только рады будут. К чему торопиться-то?

Да еще и этот следом ходит, будто привязанный! Дама Тенар беззвучно скрежетала зубами и давилась проклятьями. Выступать в роли пастушки для жертвенного барана-Ланса – что может быть омерзительней? Все-таки заставили, все-таки вынудили ее, Лив, участвовать в этом фарсе!

Лив ходила от коттеджа к коттеджу, расспрашивала, записывала, угощалась чаем – чисто символически, потому как гостеприимные сограждане наливали терпкий ароматный напиток в основном для дорогого гостя с материка. Вот уж кто пил чашку за чашкой, мучимый жаждой – неудивительно, впрочем. И парило перед грозой, и денек выдался жаркий, да и к эспитскому чаю привычка нужна. И чем большее количество веранд, беседок и чайных столиков в садах они с Лэйгином посетили, тем яснее Скайра понимала, что догадка, брошенная в сердцах Берту, оказалась верной. Бедолагу Эвита доконал страх. Ну, и еще, возможно, не прекращавшийся всю ночь скрип калитки. Если практически каждый сосед под покровом тьмы по очереди прогуляется в твой сад, топая, треща кустами, кашляя и

пыхтя, не то что в петлю полезешь – голову себе о стенку размозжишь. Калитка, опять же, скрипучая была, и хлопали ею соседи нещадно.

Лэйгин тем временем обрастал подарками от добрых эспитцев, словно именинник. Впрочем, в каком-то смысле так и было. Смотреть на таскающего теперь в руках корзину мурранца было невыносимо. Вот Лив старалась лишний раз на него и не глядеть.

Дама Тенар исписала половину блокнота и выяснила, что задний двор эмиссариата прошлой ночью не посетили только самые ленивые, а именно – Хил Рэджис, младшая Тэранс, доктор Хамнет и его милость лорд Эспит. Остальные, в деланном смущении отводя глаза или же откровенно ухмыляясь, не слишком упорствовали в отрицании и почти сразу признавались – были! Ходили! И калиткой скрипели, был грех. Потому как ежели у Джая Фирска за столько лет руки не дошли петли как следует смазать, то кто ж, кроме него самого, виноват? *Морские и подземные*, что ли?

И вообще! Весь остров столько лет терпел запашок от любимого Джаевского блюда и его милую привычку готовить свое кушанье прямо в саду, на открытом воздухе – и ничего, никто не вешался! Так что и он мог бы потерпеть одну ночку. Подумаешь, скрип. Не пушечная же канонада.

Эту квинтэссенцию общественного мнения озвучила ветеринарша госпожа Нихэль, дама в силу своей профессии суровая и к сантиментам не склонная. И следствию помогать, конечно, на Эспите всякий рад, ибо верные подданные, да и деньги лишними не бывают, но что ж далеко ходить, коли все и так знают виновника? Ветеринарша мило улыбнулась бледному господину Лэйгину и предложила испить для разнообразия не чаю, а прошлогоднего сидра, грушевого, с ледника. При слове «ледник» археолог побледнел еще больше, вообразив себе, верно, синюшного Фирска в подсобке мясной лавки, и отказался. А может, в него уже просто напитки не лезли, кто знает?

- Лив, дорогая моя, - потрепав по холке Перца, госпожа Нихэль виновато наморшила нос в досадливой такой гримаске: - Ну праздник же скоро! А у меня еще даже дом не украшен, не говоря уж о платье… Как думаете, придется ушивать?

- Придется, - вежливо соврала Скайра, глядя на слегка поправившуюся по сравнению с прошлым летом ветеринаршу. – Непременно придется! Вы так постройнели, моя дорогая!

Просияв, собеседница вернулась к развешиванию своих гирлянд и венков, а эмиссарша, присев на скамеечку в тени грушевых деревьев, пролистала свой блокнот и задумчиво

поскребла в затылке.

- Любопытное дельце вырисовывается… - поделилась она раздумьями с Лэйгином, который, впрочем, чести такой почему-то не оценил. Щека у археолога дергалась, глаза бегали, и вообще стоял он как-то напряженно, скособочившись и перетаптываясь с ноги на ногу. «С чаем перестарался!» - догадалась Лив и посоветовала:

- Подите обратно к госпоже Нихэль и попроситесь справить нужду в ее уборной. Что вы как ребенок, право! Идите-идите, нечего по кустам взглядом шарить. Хотите, чтоб я вас оштрафовала за нарушение общественного порядка, что ли?

Лэйгин ответил злобным взглядом, но совету внял и обернулся удивительно быстро. Скайра не успела страничку в блокноте переложить, а он уж тут как тут.

- Итак… - продолжила она. – Вот что у нас с вами получается, милейший наш господин Лэйгин… А ведь в смерти господина Фирска вы и впрямь виновны, но, скорее всего, не прямо, а о-по-сре-до-ван-но. Потому как я практически точно выяснила, что подтолкнул беднягу Джая к самоубийству именно ночной шум, в особенности же – скрип садовой калитки.

- Но я-то тут причем?! – взвыл мурранец. – Я же спал!

- Вы спали, а весь поселок – нет, - пожала плечами эмиссарша. – Вы мне все население своим приездом взбудоражили! Вот они и сбежались на вашу персону поглазеть, да по очереди, один за другим – и так всю ночь! Какие нервы выдержат? И несчастный Фирск сорвался, не вынес. Перед Фестивалем все и так, как на иголках, а тут еще и вы! А Джай был человек деликатный, тонкой душевной организации. Другой бы вышел да гаркнул на соседей, а он… - Лив, расчувствовавшись, даже всхлипнула и потерла ладонью сухие глаза. – Всё в себе держал, терпел… Вот и не вытерпел!

И уставилась на него достаточно мрачно, чтобы заезжий проходимец прочитал в ее взгляде недосказанное: «От вас, чужаков, всё зло и все беды. Понаехали тут!»

Лэйгину, впрочем, эти гримасы были до Великой Мельницы. Он только плечами дернул, словно отряхиваясь от невидимой паутины, и буркнул:

- И что теперь?

- Теперь… - вздохнула Лив, закрывая блокнот и в нагрудный карман жакета его засовывая. – Теперь передо мной дилемма возникла. Доведение до самоубийства – преступление серьезное, однако же весь остров не осудишь. Опять же, злого умысла в действиях подданных не было, одно лишь простодушное любопытство. Ограничимся штрафом. Вешать тут, право, не за

что! Да и веревок на всех не хватит… - она издала еще один вздох, полный искреннего сожаления, и поднялась, отряхивая юбку.

- Штраф? – подозрительно переспросил Лэйгин. – Опять штраф?

Скайра приготовилась было ответить резким: «А ты что ждал, проходимец, когда к нам собирался? Обчистить чужака – дело не только полезное, но и по всем законам, писаным и неписаным, исключительно благое!» Но вызверившийся побитым псом мурранец показался ей вдруг таким жалким, что неприязнь дамы Тенар хмыкнула и спряталась до поры. Лэйгину предстоит сделать еще много неожиданных открытий на острове, а в конце – в конце его ждет лабиринт, и только *морским и подземным* ведомо, выйдет ли он из подземелий… Лив сморщила нос, досадуя сама на себя за нежданное мягкосердечие и внезапно предложила:

- Пойдемте-ка ко мне. Гроза скоро, - она быстро глянула на темно-лиловый фронт, затянувший уже полнеба. – Дамы Тэранс, конечно, сдадут вам комнату, однако отсюда до моей башни ближе. Пересидите ненастье, а заодно и архивы полистаете… А я вас чаем напою. Ну? Если угодно, то догоняйте.

Ей пришлось проглотить недосказанное, то, что так и рвалось с губ: «Может, я все-таки сумею отговорить тебя, полудурок, или хотя бы напугать!» Но сказать это вслух – значит нарушить правила древней игры, за соблюдением которых следят совсем даже не люди. Да и ради кого, собственно?

Лив свистнула своему псу и пошла прочь, не оглядываясь. Судя по скрипу гравия, археолог раздумывал недолго и поспешил следом чуть ли не вприпрыжку.

Хил Рэджис, Исил Хамнет и Кат Нихэль

Гроза подбиралась к Эспиту медленно, по шажочку, как кот, слишком разжиревший для охоты. С трудом подтягивая рокочущее дальними раскатами и посверкивающее молниями брюхо, непогода потихоньку окружала остров, словно собралась взять его измором и отрезала теперь пути к отступлению. Ни дуновения ветра, ни шороха. Мертвый штиль и тяжелое послеполуденное марево. Затишье перед бурей – дело знакомое. Лишь бы распогодилось через два дня, на первый день Фестиваля, хотя развешивать украшения на домах и деревьях под жгучими плетьми ливня тоже как-то не слишком полезно для здоровья.

Но в коттедж к доктору Хамнету визитеры нагрянули вовсе не

за микстурами и порошками, хотя настойки, которыми эспитский лекарь потчевал гостей, безусловно, можно было использовать и в медицине, но – исключительно в народной.

- Помилуйте нас, морские! – воскликнула Кат Нихэль, едва переступив порог. – Исил, ты видал? Как бы не смыло нас всех в море!

- Видал, видал… - доктор, хлопоча у стола, даже ухом не повел. – Принесла?

- А как же! – ветеринарша вынула из корзинки нечто, аккуратно завернутое в оберточную бумагу, и гордо продемонстрировала сверток. – Как свеженькие!

- Располагайся. Тебе полынной?

- Рябиновую тоже не убирай, - попросила госпожа Нихэль, изучая наметанным глазом многообещающие приготовления доктора. – Еще кого-то ждем?

Исил кивнул, ставя на стол третью рюмку и два пузатых графинчика: один с зеленой жидкостью, второй – с янтарной.

- Хил зайдет. Помянем старину Эвита.

- Ну да, ну да… - ветеринарша водрузила свою корзину на табурет: - Вскрывай. Это на закуску.

Хил Рэджис вошел вместе с первым порывом ветра, вкрадчиво пробующим Эспит на зубок.

- О-о… - одобрительно прогудел он, потирая руки. Натюрморт на столе радовал глаз и дразнил обоняние. С мастерством госпожи Нихэль по части домашних солений мог поспорить только талант доктора в самогоноварении.

- А я тоже с гостинцами, - похвастался ветеран, извлекая из-под куртки бумажный кулек, источающий аромат копченой рыбы. – Сардинка! Под полынную только так пойдет. А это, - он ткнул пальцем в загадочный сверток, - чего такое?

- Не лапай! – рыкнула Кат. – Это сюрприз. Маленький подарочек к Летнему Фестивалю для нашей дорогой Лив, хе-хе…

- К столу, к столу! – прервал ее Исил. – К закату дело, надо успеть проводить Эвита, как положено. Ну-ка… Хил, куда ты тянешься? Руки вымыл?

- Экий ты все-таки зануда, Палач, - проворчал Рэджис, покорно топая к умывальнику. – И ничегошеньки в тебе не меняется, всё та же въедливость педантичная, чтоб ее…

- Кто бы говорил! – пока Хил гремел, журчал и с ворчанием искал полотенце, доктор успел разлить напитки по рюмкам. – Вот в следующий раз, когда я буду тебе зуб сверлить, дружище, специально рук перед тем не вымою. Поглядим, как ты тогда запоешь. Ну? Сели!

- Доброго ветра, Эвит, - вздохнула ветеринарша и, одним

махом опрокинув в себя содержимое рюмки, крякнула и привычно занюхала рукавом.

- И скорого возвращения тебе, старый хрыч! – поддержал соседку Хил, совершая возлияние не менее лихо.

- И удачного перерождения, - доктор делом доказал, что медицинская сноровка по части поглощения горючих жидкостей армейской не уступает. – Только на сей раз чтоб без селедки!

- Эвит! Эвит! Эвит! – негромко проговорили они затем все вместе, плеснув наливки в камин. Глотнув спиртного, огонь взвился, и сразу же, словно в ответ, взвыл ветер в трубе. Первые тяжелые капли ливня ударили по черепице, забарабанили в стекла.

- Ну, вот и началось… - невнятно пробурчал Хил, хрустя соленым огурчиком.

- Только-только веночки развесила, - госпожа Нихэль издала еще один душераздирающий вздох и потянулась за графинчиком. – Унесет ведь теперь!

- Веночки, - покончив с огурцом, ветеран нацелился вилкой на нежные ломтики копченого окорока, от щедрот доктора Хамнета выставленные на эту импровизированную тризну. Мясо на Эспите было дорого, а потому практически у каждого островитянина в сарайчике рядом с домом хрюкал, блеял и кудахтал его неприкосновенный запас. Но поминки – дело святое и повод открыть закрома.

- К морским и подземным отправятся твои веночки, Кат, - насладившись деликатесом, изрек Рэджис. – Тоже ведь жертва.

- Кстати, - вставил доктор прежде, чем ветеринарша и отставник успели сцепиться, - о жертвах. Лив к вам мурранца приводила?

- Ха! А как же! Водит по всему острову, как племенного барана перед торгом! – фыркнула Кат. – Разве что рога ему не вызолотила! Можно подумать, что это ее личная заслуга, то, что у нас есть теперь, кого показать морским и подземным! А кто его, спрашивается, добыл, а? Она, что ли?

- Ты ревность-то свою бабью уйми, сестрица Охотница, - ухмыльнулся Хил. – Прям аж скулы сводит от твоего визга. Лив, помнится, всегда была против нашей затеи. Не сорвет она нам все дело, как думаете?

- Не сорвет, - подумав, ответил доктор за себя и за возмущенно пыхтящую ветеринаршу заодно. – Лив знает свое место. Она – Стражница, и решение общины оспаривать не станет. Тем более что Лорд тоже не возражает. Хоть и не одобряет.

- Еще бы он одобрял! – снова взвилась Кат. – Тай не хочет

ничего менять, его и так все устраивает. Еще бы! Сколько кругов прожито, а он всегда правитель и только век от века богаче делается. И Орва при нем. А вот Лив… Ей я удивляюсь. Лазутчик, конечно, самец видный, но должно же быть хоть какое-то разнообразие! Вот скажи, Воитель, - обратилась она к Хилу, - права я или нет?

Рэджис ответил взглядом настолько ядовитым, что хватило бы всю воду на Эспите отравить, да и в море рыба передохла бы.

- Разнообразие, говоришь? – проворчал он и залпом выпил еще рюмку полынной настойки. – Хрен ли мне с того разнообразия? В этом круге мне кровь пьют Дина и Лисэт, в прошлом – Лисэт и Дина! У них даже масть не меняется! Хоть бы разок одна уродилась рыжей, а другая – посисястее… Разнообразие… В прошлый раз ногу оторвало, в позапрошлый – руку, а… - он не договорил, с досадой махнув рукой, и, подцепив кусок ветчины побольше, принялся жевать его так яростно, что стало ясно – дальнейшие вопросы чреваты мордобоем.

- Женские склоки и дрязги, моя дорогая Кат, - доктор, которого от выпитого потянуло на морализаторство, задымил контрабандной сигарой, - способны отравить даже такое заманчивое бессмертие, как наше. Вот так-то!

- Самцы! - с непередаваемым отвращением процедила госпожа Нихэль сквозь зубы и тоже закурила тонкую дамскую папироску, вставив ее в длинный мундштук.

- Между тем, медициной давно доказано, что насыщенная, а самое главное – регулярная половая жизнь способствует обретению необходимого душевного равновесия особами женского пола… - изрек прирожденный холостяк и женолюб Исил очередную прописную истину. – Отсутствие же оной жизни ведет к самым тяжким расстройствам, как физическим, так и душевным, - и совершенно напрасно повел рукой с сигарой в сторону ветеринарши.

Та подалась вперед, навалившись на край стола тяжелой грудью, и в глазах у нее полыхнуло обещание кастрации скорой и неминуемой – всем, и притом совершенно бесплатно.

- Ах, ты… - Кат уже даже вставать начала, но тут прожевавший, наконец, неожиданно жилистый кусок ветчины Хил саданул по столу ладонью и гаркнул во всю ветеранскую глотку:

- Цыц! А ну заткнулись оба!

Стол от удара подпрыгнул и, казалось, даже присел на своих резных ножках, посуда зазвенела, соленые огурчики разлетелись из опрокинутой вазочки, а оконные стекла задребезжали. Раскат грома, словно небесное эхо, подтвердил окрик Хила грохотом, а в гостиной даже как-то потемнело.

- Лекаришки… - в устах отставника это прозвучало грязнее самого казарменного ругательства. – Коновалы. Трубки клистирные. Ненавижу.

В общем-то, для человека, на своей шкуре испытавшего развитие медицины, в особенности же военно-полевой хирургии, это было еще очень мягко сказано. И ветеринарша, и доктор вняли предупреждению и умолкли.

Под шум дождя, завывание ветра и осторожное дыхание сотрапезников Рэджис аккуратно налил себе еще рюмку и тщательно выбрал огурчик покрепче.

- Я хочу перемен, - проговорил ветеран спокойно. - Каждый раз, закрывая глаза, я надеюсь, что с новым рассветом все будет иначе. Или с новым годом. Или с новым кругом! А потом снова наступает этот проклятый Фестиваль, и приплывает очередной жертвенный придурок… Колесо крутится, и все повторяется сызнова. Зачем же каждая новая юность дразнит нас надеждами, если в итоге мы все оказываемся здесь, приходим вот к этому? А? - он презрительно ткнул пальцем в тарелку с закуской. - Если мурранец сможет наконец-то добиться от морских и подземных хоть какого-то ответа…

- А если – нет? – прервала его Кат. – Если – еще одно разочарование? И мы опять схлестнемся с такими, как Лив и Тай, с теми, кто перемен не хочет? Убивать друг друга снова? Вешаться, как Эвит?

- Мы все уже так развлекались, - напомнил Исил. – И не единожды. И вешались, и вены вскрывали, и стрелялись, и топились. Сжигать, помнится, тоже пробовали. На кол вот не сажали, чего не было, того не было. Не помогло ведь!

- По крайней мере, мы пытаемся, - отрезал Хил. – Не прозябаем, как Гар, и не хрюкаем в своей луже, довольные, словно Лив. Мы пытаемся. Это уже немало.

Кат промолчала, да и доктор, вопреки обыкновению, не вставил очередную поучительную реплику. Кому, как не Хилу, доподлинно было известно, что в мире и так все повторяется. Люди не помнят прошлых жизней, они забывают старые беды и старые войны, они возвращаются в мир обновленными и беспамятными младенцами и начинают все сызнова. Новые потрясения и войны, новые герои и злодеи. Словно слепцы, прикованные к мельничному колесу, они не видят и не понимают, что всё уже было, всё уже случалось, опять и опять, и случится снова. В том их счастье и великое благо. Ибо те, кого по странной прихоти - богов ли, судьбы или вовсе чего-то неведомого и неназванного - забыли ослепить… Они несчастней стократ. У них есть память, но нет надежды.

Но если даже Хил смеет еще надеяться на перемены, может быть, хоть в этот раз?..

Так они молча пили поминальные рюмки в честь брата своего Эвита, пока ливень не выродился в мелкую сеть моросящего дождика, а потом разошлись по домам, безмолвные и одинокие фигуры в бесконечной серой мгле, накрывшей Эспит.

Верэн. Эспит

Когда грянули первые раскаты грома, Верэн сидела у окошка на скромной кухоньке, смотрела, как барабанят большущие капли по жестяному отливу. И все душевные силы у гордой дочери Хадранса уходили на борьбу с желанием нырнуть в подвал, куда спускаться строго-настрого запрещено. Берт, кстати, тоже напомнил, мол, везде ходи, но вниз по узкой каменной лестнице во влажную, пахнущую грибами темноту нельзя. Нельзя - и точка. Но когда очень хочется, ведь можно. К тому же дамы Тенар дома нет, и пока не кончится гроза, та не появится. К чему мокнуть, когда можно переждать у кого-то из соседей.

А Верэн быстро вниз, одним глазом поглядит и сразу наверх бегом. Никто и не узнает, что она была в запретном подвале.

Только позабыла хадрийка про размеры острова Эспит и про то, что его обитатели – неважные соседи, у них эмиссарше рассиживаться не с руки. Хорошо, что не успела дойти до лестницы, когда входная дверь распахнулась и в дом вбежала Лив.

- Верэн! Где тебя подземные носят? Небось, в подвал собралась?

При этом дама Тенар отряхивалась совершенно как её пёс, также по-собачьи вертела головой, и брызги от мокрых волос летели в разные стороны.

- Почему козу не загнала под навес? Верэн! Посуду не помыла? Где ты вообще шлялась? И с кем? Хотя я знаю, с кем!

Верэн осторожно просунула нос в дверную щелку, ожидая любого наказания, вплоть до колотушек. Мамаша за нерадивость могла мокрым полотенцем вздуть до кровавых синяков по всей спине. Но Лив хоть и кричала громко, словно боцман, не злилась ничуть. Видно было по лицу, что скорее в шутку, чем всерьез призывает дама Тенар юную постоялицу к порядку.

- Ставь чайник на горелку, бестолочь малолетняя. И чтобы пока я с козой управлюсь, на столе был хлеб с маслом и сыром, поняла? Нам надо мужчину покормить, - и подбородком показала на то ли пьяного, то ли сонного мурранца, который как

шлепнулся задом на стул в прихожей, так и застыл на месте. Взгляд ученого был обращен куда-то внутрь, словно тот, по меткому выражению языкастого дедушки Раинера, глистов в брюхе считал.

- А что с ним? – шепотом спросила Верэн, моментально проникаясь к несчастненькому Лансу сочувствием.

- Чаем обпился, водохлёб.

И тут девушка заметила корзинку у ног Ланса.

- Ой, сколько игрушек!

- Не трогай! – мгновенно вызверилась эмиссарша. – Как дитё малое, честное слово. Марш со мной, а то вверх дном весь дом перевернешь. Идем! Да, штормовку набрось. Ох, бестолочь!

Раздражение Лив достигло высшей точки, и Верэн совсем не хотелось, чтобы оно перелилось через край. С такими строгими дамами спорить не след и пререкания будут только себе в ущерб. Привычной к крестьянскому труду девушке на убогом подворье дамы Тенар вообще делать нечего, прямо скажем. Ни тебе стада коров, ни огромного птичника.

Глава 10

Ланс Лэйгин. Эспит

Тем временем, пока женщины занимались хозяйством, Лэйгин если не полностью пришел в себя, то хотя бы взбодрился. И подарки эспитцев уже не казались ему исполненными самого зловещего смысла намеками, и мысли не разбегались по внутренности черепа, точно капельки ртути по паркетному полу. А окончательно, как ему казалось, очухавшись, Ланс тут же списал недомогание на необычно жаркий день и резкую перемену погоды. Побудка удавленником, обвинение в убийстве, марш-бросок по острову, убойный эспитский чай свалят с ног кого угодно. При одном лишь воспоминании о жуткой бурде, которой мурранца потчевали ведьмы, во рту начинало горчить желчью. Не иначе вредная старая… дама в приступе скупердяйства заварила в чайнике старый ободранный веник.

Угощение от Лив - кружка козьего молока – пришлось как нельзя кстати. Во всяком случае, Ланс нахваливал скромный ужин совершенно искренне. Но бессмысленный обмен любезностями в его планы не входил, а потом, поблагодарив хозяйку и… так уж и быть, её помощницу - тоже, Лэйгин напомнил о недавнем обещании:

- Мне бы хотелось все же взглянуть на Архивы Ордена Зорких.

- Хм, прямо сейчас?

- Если не сложно…

Ланс умел быть милым и деликатным. Когда сам хотел, разумеется. Сейчас, почувствовав, новый прилив сил, он решил, что тянуть с архивами не стоит. Коварная эмиссарша сделает вид, будто забыла, и наложит, чего доброго, штраф за… скажем, надоедание официальному лицу. Лив такая, Лив может.

- Да никаких проблем, - заявила женщина.

Так и очутилась пред лансовыми очами стопа из толстенных манускриптов. Большинство из них пребывали в плачевном состоянии: кожаные переплеты погрызли мыши, часть страниц слиплись и заплесневели, часть вообще почернели и рассыпались в труху. Но несостоявшаяся звезда Саломийской профессуры не зря провел столько времени в архивах. Калитар прятался в неприметных ссылках, таился между строк, так и норовя ускользнуть от пытливого взгляда исследователя. Редкие находки, происхождение которых невозможно отнести к

известным культурам – странная керамика и ни на что не похожие украшения – упоминания о них Лансу приходилось выуживать по крупицам.

Но чем дольше вчитывался археолог в записи хранителей башни Зорких, тем больше убеждался, все эти ужасы – страшные сказки для взрослых. Смельчаки, рискнувшие спуститься в пещеры Эспита, или не возвращались совсем, и больше о них никто ничего не слышал, или возвращались безумцами, не помнящими себя. И так раз за разом, попытка за попыткой. Одним словом, ничего нового к словам Лив Тенар архивы не добавили. Кто-то другой на месте Ланса приуныл бы, да и спать завалился. Диван в гостиной у эмиссарши прямо–таки манил к себе чистотой простынь и мягкостью подушки.

Но никто другой, кроме Лэйгина, и не нашел Калитар, просто потому, что не умел, как тот, с нечеловеческой одержимостью совать нос во все дыры и щели. Запрет хозяйки дома на посещение подвала для мурранца превратился в недвусмысленное приглашение. В конце концов, он адресовался только Верэн.

Не долго думая, Ланс, вооружившись керосиновой лампой, отправился именно туда, куда его никто не звал.

На первый взгляд, ничего особенного - обычный подвал сельского дома, где хранят съестные припасы. В начале лета он был почти пуст, а несколько разномастных баночек, подписанных разными почерками, совершенно точно – остатки подношений от соседей.

Варенье Ланс любил, но его больше интересовала еще одна дверь. Словно нарочно незапертая, она вела в недлинный темный коридор.

«Прямиком в цокольный этаж башни», - догадался Лэйгин.

Все один к одному – одинокая башня рыцарского Ордена, его нелюдимая хозяйка, тайный подземный ход, жаль только, Ланс настроен не романтично, чтобы оценить антураж. А еще он не был готов к тому, что увидит в конце своего пути.

Тот, кто спускался в подземные каменные лабиринты, ведущие к гробницам древних царей, кто месяц безвылазно провел в скальном храме, не видя солнца, раскапывая алтарь бихарской богини Мести, того не испугает ни кромешная тьма прохода в башню, ни винтовая лестница, ведущая в другое подземелье. К тому же, сомнительно, чтобы Скайра Лив понаставила смертельных ловушек на любопытствующих гостей.

Хотя… ловчие ямы с острыми кольями, пропитанными медленным ядом, это вполне в характере дамы Тенар, подумалось Лансу с некоторой иронией.

А потом он обнаружил еще дверь, налег на нее плечом… и буквально ввалился в крипту. Хорошо хоть на ногах устоял и лампу не уронил. А может, и плохо. В темноте Ланс не увидел бы в стенах округлого сводчатого помещения ниш и черепов в них.

Темные провалы глазниц смотрели на незваного гостя со всех сторон. Сколько черепов здесь было? Не менее полусотни, если не больше. И все они - чистенькие, аккуратные, регулярно протираемые мягкой тряпочкой. Любимые… Кто-то принес их сюда, каждому нашел место, а потом регулярно спускался к ним, смахивал пыль, оставлял возле каждого черепа небольшое подношение: цветок, колечко, камушек, резную фигурку. Кто-то…

Кости мертвых людей ничего не могут сделать живым, ибо мертвые, как известно, не кусаются. Все страхи, какие только есть, прячутся лишь в том черепе, что облечен в живую плоть. Но предположения о том, кто были эти люди, как они сюда попали, пугали.

Родственники Лив?

Ланс подсветил одну из ниш, потом другую. Без всякого сомнения, все черепа – женские. Форма и развитие надбровных дуг, вертикальный лоб и плоское темя тому прямые свидетельства. Даже нет нужды в специальных замерах.

Жертвы? Ритуальные жертвы тайного культа? Девушки вроде Верэн – наивные, невинные, романтичные! Теперь понятно, почему Берт взял с хадрийки за провоз символические десять бон. Она – будущая жертва кровожадных островитян. Лэйгин почти видел, как ведьма Фрэн заносит ритуальный кинжал над Верэн, распростертой на черном от крови алтаре. Красавицей младшую ведьму Тэранс не назовешь, а уж с лицом забрызганным кровью, и подавно.

Воображение мурранца резко оборвало узду здравого смысла и унеслось в бескрайнюю степь галлюцинаций. Всё, что было ему известно про страшные обряды древних народов, вдруг ожило, и пространство крипты наполнилось криками жертв, воплями убийц и запахом крови. Черепа облеклись плотью и стали лицами женщин – молодых и старых. Но у каждой, стоило остановить взгляд, обязательно проступали те или иные черты Скайры Лив дамы Тенар. Либо её темные глаза, либо полные губы, либо такая же форма бровей. Эта женщина заморочила голову! Почти свела с ума! Она – хранительница крипты, она – главная жрица кровавого культа! Берт Балгайр – первый подручный, а остальные – рабы и слуги.

Голова у Ланса кружилась, перед глазами в кровавом тумане плыли белые черепа, женские лица, лиловые кошки, повешенные куклы, распятые ведьмы, простреленные сердца, синие бабочки и

пауки… Он жмурился и тряс головой, пытаясь отогнать видения, пока не заболела шея, и в крипте не посветлело.

- Ну что, вы это искали, господин Ланс Лэйгин?

Мужчина резко обернулся на голос и замер. За спиной у него стояла Скайра Лив в белой сорочке, со свечой. Зловещая, от простоволосой макушки до стоптанных тапочек.

В ответ Ланс, уподобившись рыбе, смог лишь беззвучно открыть и закрыть рот.

С недовольно поджатыми губами Лив прошла мимо него к нишам и начала поочередно зажигать маленькие свечки у черепов.

- Я же предупреждала, я просила - не надо спускать сюда, - говорила она отстраненно. - И вообще не надо вам было сюда приплывать. И что же нам делать с вами теперь, а, Ланс Лэйгин? Что нам делать с ним?

Будто у черепов спрашивала, а те отвечали безмолвно, становясь желтовато-красными от близкого огня. Мол, сами не ведаем, но наказать нужно обязательно, непременно, чтобы другим неповадно было. И насмешливо глазели на незваного гостя из ниш.

- Здесь, на Эспите, любопытство - это большой порок, господин Ланс Лэйгин. – Она ласково улыбнулась очередному черепу.

Ланс огромным усилием воли взял себя в руки, чтобы говорить без дрожи:

- Выходит, я - человек весьма порочный. И что мне за это будет?

Ему отчаянно не хватало сейчас револьвера в руке.

Женщина ухмыльнулась недобро, почти оскалилась. Сквозь загорелую гладкую кожу на одно лишь недолгое мгновение проступили кости её черепа.

- Да ладно вам геройствовать, господин ученый. Пистолета у вас с собой нет. Жаль, правда? Побольше почтения. Вы же в моем фамильном склепе.

- Это ваши предки по женской линии?

- В какой-то степени. Извольте объясниться, с какой целью вы сюда вломились? Осквернять кости? Грабить? Здесь вам не раскопки. Это моя башня. Не знаю, что по мурранским законам полагается за осквернение могил, но на Эспите за такое, знаете ли, вешают.

Отчего-то удавка на шее не показалась Лансу такой уж страшной перспективой. Его целиком поглотили совсем другие мысли, гораздо более опасные.

- В какой-то степени? Вы сказали – в какой-то степени? Кто

все эти люди, дама Тенар?

Лив подошла к одному из черепов и долго-долго, как показалось Лэйгину, на него смотрела:

- Это - дама Тенар. Предыдущая. – Затем женщина показала на кости ярусом выше. - А вон та жила за три века до нее. И эта - тоже дама Тенар. Они все ими были. А вот эта ниша, видите?

Археолог вздрогнул всем телом при виде пустой полости в каменной стене.

- Эта ждет меня.

Хранительница башни вздохнула и безмятежно продолжила экскурсию. И голос ее стал совсем таким бесцветным, как будто многажды перечитанную книгу по памяти повторяла:

- Вот эта имела несчастье влюбиться во вражеского лазутчика. Ее обезглавили. А вон та в схожей ситуации пристрелила любовника и умерла в глубокой старости, в одиночестве. Зимой, когда все тропы замело... и нашли ее лишь после первой оттепели. А вот эта... о-о! С этой приключилась самая любопытная смерть. Ее, видите ли, заподозрили в измене. Измене Ордену, вы понимаете. И замуровали здесь заживо. Впрочем, крысы сделали свое дело быстрей, чем жажда и голод...

Не хватало лишь указки в руке дамы Тенар, а так ни дать ни взять учительница в притихшем от ужаса классе.

- И всех их звали... Лив? – догадался археолог.

- Вот именно, - печально вздохнула женщина, а потом повернулась к нему и сказала отрицающим всякое сопротивление жестким тоном: - Вам здесь не место, Ланс. Подите прочь. Оставьте меня с моими костями.

И – да, Ланс Лэйгин позорно бежал. Осторожненько так выскользнул прочь из крипты, бочком-паучком, оглядываясь и цепенея от неподконтрольного разуму страха. Там, в темноте коридора долго ломился в запертую дверь, а когда обнаружил, что это не та, а на самом деле нет никаких препятствий, со всех рванул обратно – вверх по винтовой лестнице, по подземному ходу, скорее наверх, в пристройку, и нырнул под одеяло на диване. И заснул мертвецким сном, едва голова коснулась подушки.

А Лив, оставшись в крипте, стала что-то тихонько напевать. Простую, совсем простую песенку. Свою любимую.

- Рыбка глупая попалась на крючок.

Очень сладкий был на нем червячок.

А червяк тот был дурачок, дурачок,

Раз попался просто так на крючок, на крючок…

Отчего-то Верэн была уверена, что после визита к погребальной скале не сможет уснуть. Но ворочаться с боку на бок ей пришлось вовсе не от недавнего соприкосновения с запредельным. Все мысли девушки были только о Берте. Причем почти все без исключения такого свойства, что лучше их при себе держать и мамке не пересказывать.

Стоило глаза закрыть, как рыжий контрабандист являлся девушке во всей красе – широкоплечий, сухощавый, легконогий, а главное… обнаженный. И мерещились Верэн его жесткие поцелуи, от которых пресекалось дыхание, а сердце билось часто-часто. Откуда нецелованной ни разу девице знать, как оно бывает, когда мужчина любит и желает, когда его губы поджигают кожу везде, где касаются? Но ведь знала же!

Оттого и вертелась под одеялом без сна, задыхаясь то ли от летней духоты, то ли от разгорающейся страсти к рыжему пройдохе, у которого наверняка в каждом поселке, что на вирнэйском берегу, что на мурранском, по женщине. А еще Лив дама Тенар. Верэн юная, но не слепая.

Девушка не заметила, как вывалилась из горячечных фантазий в сон.

Она снова стояла перед закрытой дверью, ведущей в запретную башню. Тонкая, от запястья до локтя унизанная браслетами рука сама толкнула створку… Из кромешной тьмы Верэн шагнула в золотой свет от тысячи свечей, зажмурилась, заслонилась ладошками, и хотела было отступить, но за её спиной кто-то стоял.

Девушка обернулась и оказалась лицом к лицу с Бертом. Так близко, как никогда прежде. Его руки легли на плечи, губы встретились… Казалось, это белое, просторное одеяние медленно-медленно стекает вниз. Берт подхватил девушку как перышко, вознося над собой, любуясь и предвкушая то, что случится дальше.

И когда уже случилось, прямо тут, на гладком, отполированном до блеска алтарном камне… Запретное, непозволительное, богохульное! Когда от торжествующего крика Берта дрогнули возмущенно огоньки свечей, когда горящую от поцелуев кожу лизнул первый язычок сквозняка, Верэн поняла, что готова не только заплатить жизнью за эти мгновения счастья, но и пройти заново весь путь грехопадения. Снова и снова, ни о чем не жалея, никого не щадя.

А Хилу Рэджису снилась война. Точнее, лазарет и белобрысый молодой хирург в окровавленном фартуке с пилой в руке.

- Колено раздроблено, будем резать, - бросил он, едва глянув

на раненого.

У Рэджиса уже не было сил кричать, и он лишь мычал и плевался, когда в рот ему лили самогон. А потом в зубы Хилу вставили чурбачок и…

Он стонал сквозь стиснутые в судороге зубы, брыкался, пытаясь изо всех сил вырваться из кошмара. Тщетно. Пока не досмотрел-дочувствовал весь процесс ампутации от первого разреза до прижигания маслом, сон не отпустил ветерана из стальных когтей.

- Хватит! Ну, перестань же! – крикнул Хил и очнулся.

Ох, и хватка у ночных видений, ох и сила! Все болело, каждая косточка, каждый нерв. Точно на кусочки разорвали, а потом сшили заново.

Он долго ругался на всех языках, какие знал, тер живую-здоровую ногу, сплевывал прямо на пол кровавую слюну. А потом курил одну сигарету за другой, глядя на море, и почти беззвучно напевал что-то про глупую рыбку и червячка. Мурлыканье успокаивало и возвращало душевное равновесие.

- Кошку завести, что ли? – спросил он себя, глядя в треснувшее зеркало, когда брился.

Помнится, на том корабле, где он стал классическим одноногим боцманом, жила трехцветная кошечка.

Дина Тэранс всегда засыпала мгновенно, как только смыкались веки, и бессоницами не страдала ни в юности, ни в глубокой старости. И ей всегда снилось что-то приятное. Даже когда наяву жизнь ничем хорошим не радовала – ни новостями, ни доходами, ни здоровьем. Голодная и гонимая, больная и одинокая Дина всегда могла спрятаться в теплую нору сна, где её ждал щедрый стол и теплый дом. И там с ней всегда бы Хил. Всегда живой, всегда здоровый и всегда любящий только её, Дину. Иногда ведьме казалось, что только ради этих снов она и продолжала жить, в очередной раз схоронив Хила. Смерть тоже очень напоминала сон, после которого наступит долгое мучительное пробуждение. И Лисэт в качестве дочери или матери, ненавидимой дочери или ненавидящей матери. Главное, что её никогда не было в снах у Дины.

Вот и сейчас ведьме приснился бесконечный пляж побережья Хадранса, веселый семейный пикник, где есть место для уютного пледа, зонтика от солнца, плетеной корзины с пирожками, аппетитным куском домашней ветчины и пахучим сыром, бутылками белого и зеленью. Ах, счастье какое! Только она и Хил, только море и небо…

Исил Хамнет всю ночь пил разведенный яблочным соком самогон. Постепенно, не торопясь, по стаканчику, но без

перерыва, добиваясь полного беспамятства. Дозу свою доктор знал прекрасно, и была она, скажем прямо, благодаря здоровому образу жизни изрядная. Но так как запасов спиртного хватило бы на много дней беспробудной пьянки всего населения острова, экономить его не приходилось. И чистейший натуральный продукт вновь доказал свою пользу для человечества, свалив доктора Хамнета с ног незадолго до рассвета.

Лисэт снился младенец в колыбели. Её ребенок. Мальчик. Кажется, она даже плакала от облегчения, осторожно развернув пеленки.

Глава 11

Тьерран Берт Балгайр. Эспит

Бабы – зло, красивые – двойное зло, а если еще и властные, то зло в кубе. А ежели их еще при этом больше, чем одна? От такого уравнения впору топиться!

- Но с этим мы покуда погодим… - бормотал себе под нос Берт, озабоченно поглядывая из рубки «Келсы» на чернеющее небо. На море так и вообще лучше было не смотреть – ничего хорошего, расстройство одно.

- Как движок, Чик? – крикнул он в машинное.

- Как часы, кэп! – отозвался механик.

- Ну, тогда отваливаем и помалу…

«Келса» вздрогнула и жалобно застонала всеми своими шпангоутами и переборками, и Берт прикусил губу, чтобы не подхватить этот особенный тоскливый звук корабельного металла, терзаемого волнами. Мороз по коже от него, стылой жутью веет и так и тянет бросить штурвал и укрыться где-нибудь, приникнув к мягкому и теплому. «Келса» не хотела выходить из-под защиты скал, и капитан ее тоже не слишком жаждал ночных приключений среди свирепых волн, однако надо – значит, надо. Пока дойдешь до мурранского побережья по такой погоде, да пока груз заберешь… Не факт, что удастся обернуться до Фестиваля. Всего день остался в запасе, а погода не радует, а тут еще и разгруженное суденышко прыгает по волнам, как пустая жестянка из-под тушенки.

- Ты чего так задержался-то, Рыжий? Еще с утра надо было отчаливать. В самую же грозу пойдем!

В рубку сунулась лохматая голова Чика.

- Проскочим, не впервой, - ответил Берт. – Пройти-то всего ничего, туда да обратно. Не боись, не булькнем.

По хорошему, механик на все сто прав, но… Но! Бабы, и этим все сказано. И все зло от них. Сперва Лив не постеснялась власть свою эмиссарскую по полной продемонстрировать, потом деваха эта… И никуда не денешься от них, обложили, заразы, со всех сторон! Только в море и спасение, потому как сюда ни одна юбка за ним не сунется.

- Выручайте, морские и подземные, - попросил рыжий контрабандист, щедро выливая за борт целую бутылку хадрийского вина – гораздо более лучшего, чем то, что возил к столу лорда Эспита. – Даю вам, боги или богини, мужчины или

женщины, или как еще вам угодно называться, эту жертву, чтобы провели вы путем безопасным и коротким меня, и мой корабль, и моего человека…

Сколько тысяч лет этой молитве, уже и не вспомнить. Но уж всяко поболе, чем империи и республике, вместе взятым, со всеми их колониями. Чик, когда слышит ненароком бормотание капитана, только башкой своей нечесаной трясет. Еще бы! Не эспитец он, откуда ему знать, как оно бывает, когда…

Приливной волной, окаянным девятым валом – память.

Судорогой, ржавыми цепями боли в окоченевшем теле – знание.

Выстрелом, кровью, хлынувшей из сорванного в крике горла – имя.

И ускользающая тень, лица которой, как ни пытайся, не разглядеть, голоса которой не услышать…

Келса.

А потом проступает в тумане другой силуэт, наливается жизнью, обретает плоть, лицо, голос, имя…

Лив.

Другая.

Ей проще. У нее, у Стражницы, не бывает снов. С другой стороны, зачем ей видения, когда у Лив есть Дверь, ее собственная тропа в грезы, сотканные то ли из того, что было, то ли из бреда о том, чего быть никогда не могло. Он, Берт-Лазутчик, дорого бы дал за такую Дверь, и уж у него хватило бы отваги хотя бы раз переступить ее порог. Но Лив никогда не сделает и шага навстречу тайнам, ей это ни к чему. Просто открывает и стоит на пороге, глядя в темноту. Приходит Перец, садится рядом и тоже смотрит, а женщина кладет руку на голову пса и тихонько напевает себе под нос, а чаще – просто усмехается. И не спросишь, что она там видит. У эспитцев не принято друг дружке в душу залезать излишне глубоко.

Может, потому и не одобряет Лив этой затеи добрых сограждан, что знает чуток побольше, чем они все, вместе взятые? Знает, но не говорит. Стерва. Одно слово – Стражница!

А на мурранском берегу поджидает прихода «Келсы» еще одна роковая бабенка – сестрица Наложница, которая во всех своих перерождениях суть воплощенные Соблазн и Ловкость. И что-то будет на этом проклятом островке, когда в канун Фестиваля сойдутся этакие колоритные комедианты! Трагедию нынче сыграют или фарс, как всегда?

- Эвит вот уже свое сыграл, - вслух посетовал Берт морю, потому как кроме ревущих волн и ветра никто его слышать все равно не мог. Кроме, разве что, морских и подземных. – В ящик

сыграл, крысиная душонка!

А потом рыжему капитану стало не до мыслей и сетований, потому как море всерьез взялось за «Келсу», а до мурранского Дайона было еще идти и идти…

Ланс. Эспит

От чая похмелья не бывает, а три глотка виски и бокал белого вина, выпитые за обедом накануне, просто не могут довести человека до такого плачевного состояния, в котором проснулся Ланс Лэйгин.

Настенные часы пробили полдень, когда он с огромным трудом разлепил опухшие веки. Пол под ногами предательски качался, в голове шумело, и во рту у археолога сдохло целое стадо котиков. Лансу было плохо, очень плохо, хуже не бывает, и перед лицом столь тяжких мук померкли впечатления от ночного визита в крипту.

С десятой попытки несчастный авантюрист заставил изможденное тело встать, еле-еле доплелся до кухни и там долго пил воду из ведра, пытаясь загасить пожар в желудке.

Обитель дамы Тенар пустовала. Хозяйка и сама ушла, и будущую жертву, то бишь Верэн увела с собой. Ни записки, ни завтрака, заботливо прикрытого от мух полотенцем, Ланс не нашел, зато его терпеливо ждали тяжелые, как булыжники из мостовой, и на редкость зловонные архивы Зорких. Он смердели плесенью и старостью на весь дом, отпугивая одним своим видом самого крепкого духом взыскателя истины, не говоря уж о страдающем чайным похмельем мурранце. Сделав целых три попытки подхода к источающим тошнотворные миазмы архивам, Ланс бесславно сдался. Не хватало еще наблевать на хозяйский ковер и вконец опозориться перед Лив. Ночная сцена в крипте до сих пор обжигала то ослепляющим стыдом, то потусторонним ужасом, прорывающимся наружу бесконтрольными возгласами:

- Нет, ну я даже не хочу об этом говорить… Хотя позвольте все-таки напомнить!... Ох! Я просто не знаю, что и подумать…

Хорошо, что никто не видел, как Хитрый Ланс мечется из угла в угол в тщетной попытке обрести душевное равновесие, яростно трет ладонями небритые щеки, периодически останавливаясь, чтобы в сердцах стукнуть кулаком себя в грудь. Зритель бы точно подумал: «Чокнулся парень, умом двинулся». Но единственный свидетель - молчаливый Перец никому не скажет. Лукавая эмиссарша нарочно оставила своего пса сторожить дом, а заодно и гостя. Здоровенная, как теленок,

собака решила задачу просто – улеглась на пороге, придавив своим весом дверь. А стоило Лансу подергать ручку – Перец рычал. Беззлобно, но внушительно. Мол, дорогой господин Лэйгин, я – всего лишь животное, у меня приказ «не пущать», сидите тихо, а то укушу по долгу службы.

- Перец, я все понимаю, и ты не виноват, - жалобно скулил археолог, сидя под входной дверью с другой стороны. - Но мне бы сейчас к доктору Хамнету. Или в гости к лорду Таю за стаканчиком сидра. Или хотя бы прогуляться на свежем воздухе, в доме дышать совершенно нечем. Я не сбегу, обещаю.

- Даже если бы хотели, ничего не выйдет, - ответил Перец женским голосом. – Мы отрезаны от остального мира. Даже «Келса» уплыла.

От неожиданности мурранца подкинуло на месте.

- Кто тут? – скорбным шепотом спросил он.

Слуховые галлюцинации – это плохой знак.

- Фрэн, Фрэн Тэранс, - рассмеялась младшая ведьма. – Я заказ для Лив принесла. И вам небольшой гостинец. Вы отойдите от двери, чтобы я могла войти.

Не то, что Ланс очень хотел сейчас принимать подарки, но чувствовал – любое человеческое лицо спасет его от помешательства.

Фрэн в свою очередь зашла в дом дамы Тенар с некоторой опаской. Потопталась на узком порожке, с подозрением вглядываясь в перекошенную физиономию мурранского археолога.

- Как вы себя чувствуете, Ланс? Проголодались?

И потрясла перед носом несчастного узника корзинкой, в которой под белоснежной салфеткой, расшитой бабочками, угадывались бутерброды с ветчиной, сыр, сдобные булочки и пузатенький кувшин. В другой руке ведьма держала полотняный чехол для одежды.

За Лэйгина ответил его измученный желудок - долгим скорбным бурчанием.

- Бедняжечка! – ахнула Фрэн. – Сейчас я вас покормлю! Потрепите минуточку.

Более всего Лансу хотелось выхватить корзиночку и наброситься на еду, но он сдержался. Цивилизованные люди не ведут себя, словно дикари. И будучи не просто частью цивилизованного мира, а еще и представителем ученого сообщества, Лэйгин вынужден был терпеливо ждать, пока женщина выложит на салфеточку угощение и нальет в чашку сидра.

- Угощайтесь, приятного вам аппетита, - промурлыкала

ведьма.

Дважды приглашать голодного, как бродячий пес, мурранца за стол не пришлось. Куда только цивилизованность вся девалась – лопал ученый гость так, что соседи слышали, как у него за ушами хрустело.

«Хорошо хоть не чавкает и не рыгает», - думала Фрэн, тщательно следя, чтобы чашка с напитком не пустела.

Честное слово, она с огромным удовольствием провела бы свободный от мамочки час как-нибудь более продуктивно, да хоть бы на берегу посидела в одиночестве. Но пришлось отрабатывать ошибочку в прогнозе, то бишь вчерашнюю грозу. Утро и так началось с насмешек Мererид, а потом лорд Тай на пару с Лив устроили ведьме настоящий разнос. И кабы оба не были «левыми», то в Ковен ушла бы очередная претензия, пятая по счету. Вполне достаточно, чтобы имперцы понизили тариф, а они с Мererид окончательно скатились в беспросветную нищету. То-то мамочка бы повеселилась напоследок.

Словом, лорд и эмиссарша возрадовались ведьминой промашке несказанно, точно всю жизнь только этого и ждали. Еще бы! И за платье для новенькой не придется платить ни орика, и поганца-мурранца есть кому обиходить тоже совершенно бесплатно.

- Очень вкусно, спасибо.

- Не за что, господин Лэйгин. Ваш… э… завтрак – подарок от лорда Тая.

У Фрэн уже лицо болело от улыбок, тем паче, что на душе кошки скребли. Как, как она могла не почуять грозу? Это же самое простое! Опять же 70 эви, вложенные в швейную машинку, взывали к совести и отмщению. На материке - хоть в Вирнэе, хоть в Мурране – дорогая покупка уже трижды окупилась бы.

- Сидр очень вкусный – мягкий, легкий, - похвалил Ланс напиток. – Какой-то особый сорт яблок?

- Нет, просто хороший урожай был в прошлом году.

Кроме забродившего яблочного сока в кувшинчике имелось и кое-что другое, но милому наивному мурранцу знать о том не следовало.

- Я бы с удовольствием с вами посидела еще, но мне уже пора возвращаться к маме, - ласково ворковала ведьма. – Я оставлю платье. Передадите Лив, когда она вернется, что я укоротила его и заузила по мерке, хорошо?

- Непременно! – пообещал сытый и довольный Ланс, провожая взглядом Фрэн. И вдруг спохватился: - Погодите! Стойте! Вы не могли бы увести собаку?

- Извините, но – нет. – Ведьма беспомощно развела руками. -

Перец никого, кроме дамы Тенар, слушаться не будет. Посидите тут, осмотритесь, книгу почитайте. У Лив хорошая библиотека. Счастливо оставаться, Ланс Лэйгин.

И ушла, напоследок почесав за ухом сурового пса.

А платье в чехле осталось ждать новую хозяйку.

Какая неведомая сила дернула археолога посмотреть на это платье – неведомо никому. Но Великая Мельница смолола в пыль все доводы рассудка, о том, что негоже лезть в чужие дела без спросу.

В фасонах современных дамских нарядов Ланс не разбирался, но отличить ритуальное одеяние-тунику от обычного он сумел бы и в полной темноте. Мало того, что покрой специфический, так еще и белое домотканое полотно тщательно расшито белыми же нитками: соцветиями цмина[7] и веточками плюща вокруг горловины, паучками и куколками бабочек на талии, листьями ивы и вересовыми[8] шишками - рукава. Ткань мягкая, старинного плетения, вещь надеванная и не однократно. Платье, конечно, аккуратно ушили и преизрядно укоротили. Чтобы подошло на миниатюрную фигурку, на тоненькую девочку, на… Верэн Раинер. Зря Лэйгин думал про Берта худое, очень зря. Без всяких сомнений, девчонка – девственница, как и положено будущей жертве. Контрабандист её бы и пальцем не тронул. Оттого и проезд на Эспит для хадрийки всего десять бон. Символы, знаки, знамения – они здесь везде и во всем. Куда не кинешь взгляд.

Узор на застиранной до полупрозрачности скатерти хоть и фабричного производства, но в изломанных линиях отчетливо угадывался намек на могильные плиты. И люди на фотографиях тоже окончили свои дни на алтарях здешних кровавых жрецов. Или жриц.

Даже пес этот здоровенный, точь-в-точь мифическая тварь, что стережет вход в подземное царство… Туда же потекли ядовитыми змеями и мысли Ланса, окончательно утратив ясность. Ведь если пройти подземельем в башню, то так можно и наружу выбраться.

Откладывать побег, тем более, после сытного завтрака, смысла не имело, но и торопиться у Лэйгина не получалось. С четверть часа ушло только на фантазии относительно будущего жертвоприношения хадрийки, причем сплошь эротического содержания. Девчонка, конечно, аппетитная, но совсем-совсем не в Лансовом вкусе. Благо, знаний о различных обрядах с девственницами, которые очень любили в древности жрецы позабытых богов, у археолога имелось предостаточно. Вот когда понимаешь, откуда лишние печали-то берутся. В некоторых культурах принято было…

«Стоп, стоп! – напомнил себе ученый. – Сосредоточимся на побеге».

Легко сказать - труднее сделать. Встать, несмотря на сидр, у Ланса все-таки получилось, а вот с первой попытки найти вход в подвал – нет. Поблуждав по бесконечным анфиладам комнат, он несколько раз устраивался на отдых, задремывал, рывком просыпался, выныривая из кошмарного сна, и решительно отправлялся дальше. И чем сильнее мурранец пытался сосредоточиться на цели, тем сложнее ему становилось отличить явь от сна. А потом и вовсе объявился незваный спутник. Морячок, подозрительно схожий с контрабандистом Бертом, выскользнул откуда-то из шкафа…

- А! Вот, значит, как наша имперская эмиссарша развлекается темными ночками! – вяло возмутился Ланс.

Морячок развязно подмигнул, пристроился рядом и стал насвистывать старинную песенку про мальчика-бродяжку, который попался вербовщикам и стал юнгой на королевском фрегате. Бодрящая мелодийка липла к языку намертво, будто Ланс облизал мухоловную ленту. Не зря её знали все вирнэйские моряки! С такой и помирать не страшно, настолько легка и бесшабашна.

- И нечего скалиться, точно Перец, - бурчал археолог, но блуждать по закоулкам в компании ему стало веселее. Тем паче, морячок подножек не ставил, поглядывал с усмешкой, но уважительно, и главное, слушал оч-чень внимательно.

- Они, понимаешь, хотят девчонку в то белое платье обрядить…

«И что такого плохого?» - как бы вопрошал одним лишь взглядом парень.

- Жертвоприношение – это плохо, всегда плохо… А Верэн не знает, и не узнает до последнего мгновения…

«Да быть такого не может!»

- Еще как может! Верь мне! Так они и сделают, эти убийцы! Они… она меня пытала уже!

Лансу вдруг припомнился весь вчерашний день, который на самом деле представлял из себя медленную казнь ни в чем не повинного человека.

«А сейчас что с тобой происходит?» - безмолвно спросил моряк, остановившись прямо возле лестницы в подвал.

- Ничего! Все прекрасно! Я сейчас сбегу отсюда! – радостно сообщил мурранец, делая шаг сквозь собеседника и кубарем скатываясь вниз по лестнице.

Больно не было.

Специально привыкать к побудке еще до рассвета девушке, выросшей в деревне, не нужно. Когда эмиссарша ни свет ни заря растолкала Верэн, та и не думала возмущаться.

- Я воду согрела. Можешь постираться, - сообщила Лив.

- Ой, спасибочки!

Радости девушки предела не было. Её одежда ведь и вправду задубела от морской воды.

– У тебя на смену есть что-нибудь?

- Неа, - испуганно пискнула Верэн. – А как же?

Имперская эмиссарша нахмурилась, разглядывая хадрийку, точь-в-точь рыбак, поймавший в сеть сельдяного короля[9]. Есть диковинную тварь нельзя, а выкинуть, не похвастаться друзьям, жалко.

- Ладно, пошли.

Верэн пошлепала тяжелыми тапками во двор, где у дамы Тенар имелся замечательный сарайчик, доверху набитый всяким конфискованным добром. От увиденного у девушки глаза разбежались.

- Ух ты! А вам… эта… помощница не нужна? – спросила она восторженно.

«Наша барышня. Истинно эспитская хватка!» - оценила сообразительность юной хадрийки Лив и ответила уклончиво:.

- Поживем – увидим.

А затем выдала, как заправский интендант новобранцу, комплект всего, что потребуется новоиспеченной островитянке: блузка батистовая с рукавом три четверти, юбка сатиновая, комбинация из фуляра, пояс с резинками и чулки фильдеперсовые.

- Тебе шляпку или косынку?

Верэн привычнее была косынка. Тем паче, в запасниках у эмиссарши имелось аж целых пять расцветок, и все с бабочками. Выбор пал на премиленькую косыночку, ярко-синюю в белые бабочки.

- Хм… - одобрила Лив. – Сорок минут на постирушки и пойдем завтракать.

- А потом?

- А потом, дорогая моя, начнешь отрабатывать обновки.

И как сказала строгая эмиссарша, так все и получилось. Разве только не предполагала наивная хадрийка, что завтракать придется в компании с лордом Таем. Ради какой-то новенькой Лив не собиралась отказываться от своих законных привилегий, о чем сообщила перепуганной девчонке, когда та было

заартачилась.

- В скатерть сморкаться не будешь? А хлеб в пальцах мять? Нет? Вот и чудно. Молчи и спину держи ровно.

На завтрак у милорда подали чай, кусок хлеба с маслом, вареное яйцо и оладьи с малиновым вареньем, с которыми Верэн благополучно справилась, ни разу не обляпавшись.

И напоминать про молчание эмиссарше тоже не пришлось. Хадрийка под страхом смертной казни не посмела бы болтать в присутствии лорда Вардена, такого благородного, такого утонченного. Впервые девушка порадовалась своему маленькому росту, надеясь до самого конца трапезы остаться незаметной для темных пронзительных глаз эспитского сюзерена.

В Хадрансе замки на каждом холме, и лордов, невзирая на отмену сословий, тоже хватает с избытком. Но от, что Раинеров не приглашали на чай в гостиные, увешанные фамильными портретами предков до пятнадцатого колена, их ничуть не волновало. У хорошей крестьянской семьи своя честь. А ежели по детям судить, то несколько плечистых и рукастых парней всяко лучше одного хилого кривоногого заморыша благородных кровей.

Всё унылое семейство озаннских графьев – коротышка-лорд, его тощая, как сушеная селедка, жена и косоглазый графёныш – не вызывали даже тени того благоговения, которое испытала Верэн в присутствии Вардена Тая. А еще он ей ручку поцеловал!

Сначала они чинно вкушали хлеб с маслом, а затем, словно по команде, принялись за яйцо. И девушке пришлось быстренько проглотить корочку, чтобы поспеть за остальными едоками.

- Уверен, моя дорогая, что завтра, во время Фестиваля, вы будете восхитительны! – сказал вдруг милорд. - Юная хадрийская лилия среди наших диких скал. И наши традиционные одежды должны прийтись вам к лицу... Лив? Я уверен, вы уже позаботились о наряде для госпожи Раинер.

Эмиссарша утвердительно кивнула.

Надо ли говорить, что Верэн была крайне польщена таким доверием?

- Ох! А мне тоже можно? Да? И платье? – еще не до конца поверив, она переводила сияющий взгляд по очереди с Лив на Вердена и обратно. - Правда?

- Не только можно, но и нужно. В Фестивале участвуют все. Это такой... ну, костюмированный народный праздник. Вроде карнавала. Верно я говорю, милорд? У нас тут не так часто молоденькие барышни появляются. А платье для тебя уже приготовлено. Точно, будешь как лилия, - заверила дама Тенар и улыбнулась кривовато.

Видать, взревновала.

- Спасибо, спасибо, спасибо! Вы все такие добрые, такие гостеприимные.

Одно дело - просто приглашение на праздник, а другое – участие.

- Уверен, мы все отлично повеселимся, - голос лорда звучал мягко, успокаивающе, с нескрываемой ноткой довольства. Иногда осчастливить юное создание так просто.

- Летний Фестиваль - это очень древняя эспитская традиция. На три дня мы облачаемся в старинные костюмы, поем песни, танцуем и радуемся. Завтра нам предстоит проводить Джая Эвита Фирска - по-эспитски, радостными песнями и веселым шествием. Оркестр тоже будет. Следующий день - праздник лета, жизни и любви. А на третий день происходит самое интересное, но... - он заговорщицки улыбнулся. - Это сюрприз!

Верэн тут же вспомнила озаннские народные праздники и оживилась, предвкушая похожие развлечения. Хотя… вряд ли кто-то из островитян станет лезть на смазанный маслом столб за рыжим петухом. Это забава для мальчишек. Девушке даже взгрустнулось чуток, когда представила родителей, беззаботно пляшущих в общем круг односельчан.

- Я могу испечь яблочный пирог с корицей. Настоящий хадрийский.

- А еще - фейерверк, угощение для всех и танцы, - добавила Лив. - Так что и твой пирог пригодится. Кстати, ваша милость... А ведь неплохая идея! Может быть, в этот раз устроим и кулинарный конкурс? На второй день?

- Хорошая идея, дама Тенар! – согласился он и по-отечески ласково заметил Верэн: - Дорогая моя, может статься так, что некоторые наши обычаи покажутся вам вдруг странными и непривычными. Но позвольте вас уверить: никто на этом острове не причинит вам вреда. Порукой в том мое слово, - и приложил ладонь к груди.

Верэн смутилась до немоты, и должно быть, стала пунцовой от пяток до макушки. Но потом пересилила себя и, едва сдерживая стремление броситься в объятия Вардена, выдавила:

- Не знаю, как вас благодарить, милорд. Вы не пожалеете...

Но поклясться в вечной преданности девушка не успела. Явилась домоправительница и доложила о приходе барышни Тэранс.

И младшей ведьме островитяне обрадовались как-то уж очень мрачно. Лорд и эмиссарша одновременно сделали знак Верэн оставаться на месте, а сами встали и вышли в смежную комнату. Хадрийка осталась в неведении о предмете беседы, но разговор шел на повышенных тонах, и на Фрэн Тэранс абсолютно точно

имелась какая-то серьезная вина. Слов было не разобрать, но ведьма оправдывалась, а хозяин и дама Тенар её распекали.

К счастью, милорд вернулся в столовую в тот самый момент, когда Верэн уже слизала остатки варенья со своей тарелки, но еще не успела подбежать к двери с целью припасть ухом к замочной скважине.

Лив явилась следом за Варденом Таем и призывно махнула подопечной:

- Все, пойдем, нечего у его милости время отнимать... Давай! У нас дел на сегодня невпроворот! А вечером с платьем твоим возиться... ну! Идем же!

Всю дорогу до эмиссариата Верэн занималась тем, что восхищалась лордом Таем, его прекрасным домом и вкусным завтраком, и благодарила за приглашение участвовать в празднике-фестивале. Нет, она вовсе не льстила и не подлизывалась. В Хадрансе ведь как? В Хадрансе, чтобы тебя, заезжего молодца, позвали на гуляние, поручили испечь пирог, научили местным танцам, понадобится лет десять безупречного соседства, если не больше. Так-то зрителем быть, как все остальные зеваки, со всего Муррана слетевшиеся на дешевое вино, домашние колбаски и жареных мидий, никто не запретит, а чтобы своим средь своих – получится ой как нескоро.

Эспитцы собирались пустить Верэн в свой маленький мир просто так, без условий и любого выкупа. С одной стороны, лучшего грешно желать, а с другой – неспроста вся эта благость. А с третьей – работа, которой нагрузила новоявленную помощницу дама Тенар, смело могла считаться расплатой за крышу над головой, теплую постель и прочие приятности. Перепечатать на машинке-монстре целую гору протоколов и актов списания – вовсе не баловство. Словом, девушке было над чем серьезно поразмыслить, помимо работы. И если бы не добрые эспитцы, то до чего-то бы Верэн и впрямь додумалась. Может быть.

- Добрый день, милочка моя.

Первой явилась госпожа Матэи и не одна, а в обнимку с огненно-рыжим котом. Толстый щекастый зверь взирал на окружающий мир с нескрываемым презрением. Ровно через пять минут общения с его хозяйкой Верэн полностью разделила эти чувства. Мир, в котором существуют болтливые женщины с приторным голосом, липкими пальцами и убийственным запахом дешевых духов, достоин, по меньшей мере, пренебрежения. За рассуждениями госпожи Матэи, пожалуй, не уследил бы даже умник-Лэйгин, поэтому девушка последовала примеру рыжего кота - она подперла тяжелую от избытка запахов голову рукой и

стала думать о своем - о будущем яблочном пироге, периодически издавая глубокомысленное «мдааа…».

- Вы такая интересная собеседница, милочка моя. Думаю, мы скоро подружимся, - прощебетала кошковладелица и тут же переключилась на рыжего зверюгу. – Пушок, тебе понравилась барышня Раинер? Правда, она настоящая милашечка? Я тоже так думаю! Мы обязательно сделаем ей веселую кошечку.

Пушок ненавидел хозяйку сосредоточено и молча, как это заведено у кошек. И был унесен госпожой Матэи прочь.

Едва успел выветриться аромат духов, как эмиссариат «с профилактическими целями» посетил доктор Хамнет, от которого тоже пахло. Нет, очаровательный островной лекарь был трезв как стекло, но дышать все же предпочитал в сторону.

- Как вы себя чувствуете, сударыня? Не простудились?

Верэн из всех сил постаралась излучать жизнерадостность.

- Даже не чихнула ни разу. Спасибо за заботу.

- А как вам спалось?

- Хорошо, - бодренько ответила девушка.

- Правда? Кошмары не мучали?

Сказать по правде, Верэн не отказалась бы пережить нынешний сон наяву, но признаваться доктору в этом не стала.

- У вас тут спится просто замечательно. Только глаза закрываешь и – уже вставать пора. Нет, ничего такого мне не снится.

- Угу. Понятно.

В устах шикарного мужчины каждое слово звучало так…э… вдохновляюще. Аж мурашки по спине побежали. И чтобы не наболтать лишнего, Верэн демонстративно набросилась на печатную машинку. За громыханием каретки проще всего спрятать блеск глаз и дрожь губ от проницательного доктора.

- Надеюсь, дама Тенар не запрещала делать перерыв? Нет? Прекрасно. Заходите на чай, - пригласил обольстительный Исил.

- Обязательно! Спасибочки! – чирикнула девушка и, глядя вслед удаляющемуся искусителю, твердо решила никогда больше наедине с этим мужчиной не оставаться. Так оно будет надежнее для девичьей чести.

Продавщица сувенирного магазинчика по имени Танта – румяная как яблочко, пухленькая дамочка средних лет - почти сразу же подтвердила догадки хадрийки.

- Не торопись к Исилу в гости, - шепнула она многозначительно, выставляя перед труженицей чашку с молоком и свежие пирожки. – По крайней мере, не сегодня. А если уж надумаешь, то после Фестиваля.

- Да я и не собиралась!

- А никто не собирался, только все у него перебывали, - ухмыльнулась Танта и тут же сложила губки бантиком, мол, понимай как хочешь мои слова. – Но ускорять события не стоит.

В том, что рано или поздно Верэн окажется у доктора Хамнета в гостях, посетительница ни мгновения не сомневалась. Хадрийка сразу же вспомнила, что у него в кабинете имеется кушетка для осмотров. Тут и козе дамы Тенар понятно, чего он на ней осматривает.

На этой мысли барышня Раинер споткнулась, как об высокий порожек, вздрогнула, на всякий случай огляделась по сторонам. Вроде бы никто, кроме черного кота, сидящего по ту сторону решетки, ничего не видел.

- Ах, вот ты где, безобразное животное?! – прорычала высокая женщина в соломенной шляпе, без стука ввалившаяся в эмиссариат.

Так Верэн познакомилась с Кат Нихэль.

- Исил, как я поняла, уже заходил. И в гости приглашал.

Она не спрашивала, она свидетельствовала. И обвиняла, как грозный судия.

- Не пойду я нему в гости! – тихо взвизгнула девчонка. – Делать мне больше нечего! С чего вы взяли? Я – порядочная девушка!

Еще накануне, до приснопамятного сна, её возмущение получилось бы более искренним. Кат Нихэль по-звериному почуяла крошечную брешь в моральной стойкости хадрийки и продолжила разведку боем:

- А у нас на острове все женщины порядочные. В основном. Нас здесь порядочностью не удивишь. И, тем не менее, Исил – мужчина невероятно обаятельный…

Госпожа ветеринарша сделала всё, чтобы Верэн не посмела отвертеться: встала рядом со столом и наклонилась так, чтобы оказаться лицом к лицу с допрашиваемой. Только орать «В глаза смотреть!» не стала. Не по чину.

- Он очень милый. Но…

- Тебе по душе другой, верно? – припечатала Кат.

Откровенность и настойчивость островитян просто сшибала с ног, но сдаваться сама и сдавать Берта Верэн не собиралась. Женщины Хадранса славятся упрямством на весь Мурран.

- Вот еще! Так я вам всё и расскажу! – фыркнула непокорная дева. – Кто моему сердцу мил, тот первый об этом и узнает. Так-то, сударыня.

Но, против ожидания, ветеринарша вовсе не осерчала на строптивую хадрийку. Напротив, разглядывала ту с доброжелательной улыбкой еще какое-то время. Словно

надивиться не могла.

- Смелые речи, девушка, очень смелые, - рассмеялась она и, предварительно похлопав собеседницу по плечу, принялась, как ни в чем не бывало, ловить своего кота. – Все мужики подобны котам, ты его кормишь, заботишься о нем, а он считает, что это твой святой долг. Ага!.. Иди к мамочке, скотина

Неблагодарная тварь забилась в самый дальний угол под «мужскую» лавку и добровольно идти на руки к «мамочке» не желала.

- Где, я спрашиваю, где у котов совесть?

Оной тонкой субстанции в черном коте не имелось даже крошечной щепотки. Но госпожа ветеринарша оказалась гибка и ловка настолько, чтобы изловить совершенно бессовестное животное в кратчайшие сроки.

- Кстати, я для Лив подарок принесла. Но раз её нету…

Кат повертела у Верэн перед носом премиленькой коробочкой, обвязанной атласной лентой, как бы дразня, и снова спрятала в редикюль.

- Я обязательно передам, что вы заходили.

- Не забудь, пожалуйста. А если Исил станет домогаться, напомнишь ему, что у меня ножницы всегда наготове, - заявила на прощание госпожа Нихэль и для наглядности показала подхвостье домашнего питомца. Не иначе, чтобы предотвратить всякие дальнейшие расспросы.

- Угу, наша Кат очень строга ко всем кобелям, - подтвердила вездесущая Танта и потянулась к стопке актов списания. – Интересно, что нашей даме Тенар перепало.

Но неофициальная помощница имперской эмиссарши тут же пресекла попытку сунуть нос в бумаги.

- Дама Тенар приказала ничего на её территории не трогать без спросу! Ибо, - девушка специально встала из-за стола и торжественно провозгласила, - государственная сужба!

Должно быть, Танта впервые узрела такое служебное рвение, потому что, зажав рот, пулей выскочила прочь. И хохотала до слёз уже на улице, рассказывая всем встречным про чудную новенькую и её преданность государственной службе.

«Пусть себе, - подумала снисходительно Верэн. – Пусть смеется. Мы, Раинеры, люди – ответственные, порученную работу привыкли выполнять честно. Дама Тенар сказала, мы сделаем. И точка!»

И невозмутимо застучала дальше по клавишам. Солнце только зенита достигло, а впереди еще куча работы. Не зря ведь говорят, что на упрямцах весь Хадранс держится.

Заглянул позубоскалить смазливый ветеран, но Верэн уже

успела смекнуть, с кем он шуры-муры водит, а потому на обаяние господина Рэджиса не поддалась. Так поодиночке и группами на новенькую зашли поглядеть, должно быть, все островитяне. За исключением лорда Тая и, конечно, Берта Балгайра. Вот кому достались бы тщательно хранимые упрямой хадрийкой ласковые улыбки. Все до единой – лукавому контрабандисту.

Но мужики, они и в самом деле, как коты. Когда их зовешь, кис-кисаешь – никогда не появятся сами. Но впадать в уныние девушка тоже не стала. Ибо давно известно и то, что мужик, что твой кот, обязательно появится, когда его уже и не ждешь совсем.

Тьерран Берт Балгайр и Оливи Танет Лакрес

Приятно все-таки в кои-то веки не экономить солярку! Вот что значит – практически государственный заказ выполнять. «Правые» ради Общего Дела на топливо для бертовой «Келсы» скидывались, конечно, но много ли с тех «правых» возьмешь? Нет, с Исила Хамнета как раз взять можно, равно как и с Кат Нихэль, но вот из сударынь Тэранс, из обеих сразу, вкладчицы никудышные. А взятые с Ланса Лэйгина тысячи едва-едва покрывают расходы, да к тому еще конфискованный груз… Короче, если б не лорд Эспит, никуда бы «Келса» не пошла, разве что под парусом, и пришлось бы милашке Танет добираться до острова вплавь. Однако лорд щедрой рукой отсыпал, точнее, отлил Берту солярки, а с полными-то баками и плыть веселее! Даже в грозу.

К слову, *морским и подземным* жертвенное вино, видать, по вкусу пришлось. Юркий баркас, ведомый опытной рукой рыжего капитана, проскочил буквально по кромке непогоды и, лихо взрезая форштевнем неспокойные волны, устремился к берегам Муррана, словно удачно пущенный крикетный шар. Так что уже часам к десяти утра «Келса» подошла к Дайону, на этот раз – вполне открыто, не виляя и не шныряя по укромным бухточкам.

В республиканском порту был туман. И Танет, грациозно восседавшая на капоте «айр эмери» и кокетничавшая с таможенником, казалась в этом неверном жемчужном ореоле древней… ну, не богиней, конечно, но куртизанкой, соблазнительной и опасной. Хотя почему казалась? Именно ею прелестная девушка, в этом круге носившая имя Оливи, всегда и была. Менялись только маски, но не роль.

- Бертик! – радостно помахала рукой Оливи, не меняя, впрочем, позы. Оно немудрено: общество, в лице буквально прижарившегося взглядом к девичьим ножкам таможенника,

нипочем бы ей не простило, если б красотка одернула юбку. Берт, чего греха таить, тоже стрельнул глазами на шелковые чулки. Красотища! Полсотни бон в Дайоне, а уж на Эспите и на полторы потянут.

- Что смурной такой, котик?

Балгайр едва успел на причал ступить, а Оливи была уже тут как тут: отнюдь не по-сестрински обвила руками и в ухо лизнула. Ногу на бедро не закинула, и то хорошо. Потому как бедра у барышни были хороши настолько, что всякая мысль сразу же утекала из головы гораздо ниже, а нынче оно не ко времени.

- Прекрати, Танет! – прошипел Берт, отдирая от себя красотку, но стараясь при этом быть поделикатней. Ибо Танет по части мстительности даже Лив фору даст, и обижать прелестницу не стоит.

- Ха! – фыркнула девица, расцепляя клещи своих объятий. – Никак Овчарка тебе нынче не дала? Или… - круглый глаз, лукаво прикидывающийся по-детски наивным, подмигнул: - Дала, да не тебе? А? Не пожалел еще, что мурранского шустрика по дороге не утопил, Бертик?

- Танет, - как можно спокойней ответил рыжий, - я тебя прошу – не лезь, пожалуйста. Мне уже Лив плешь проела с этим Лэйгином, а тут еще и девчушка эта как на грех… Ну будь хоть ты милосердна!

- С тобой, мой сладкий – всегда! – щедро пообещала Оливи. – Вот как только машинку погрузим, и… Знаешь, какая там обивка? М-м-м… Кожа гладенькая, как у пятнадцатилетки! Что, нет? Ну, нет так нет! – и весело рассмеялась, ничуть не обескураженная отказом.

Была она из породы женщин, которых хотят все, и ремесло свое, во все времена прибыльное, превратила в настоящее искусство. В иные века Танет случалось проживать очередной круг спутницей поистине великих мужчин, но случалось и собственной нежной шкуркой расплачиваться за красоту и неистребимый аромат соблазна, кружащий головы похлеще самых дорогих духов. Но именуемая Оливи всегда оставалась во-первых, эспиткой, а во-вторых – умницей. За это Берт и ценил шальную красавицу, а вовсе не за одни только любовные таланты.

- За мурранца, кстати, вы со мной так и не рассчитались, сограждане, - деловито напомнила барышня Лакрес. – А он, между прочим, под прицелом меня держал, да еще и в одних чулках! И, кстати, тех загонщиков, которых мне пришлось нанять, чтоб придать красавцу прыти, тоже не худо бы оплатить.

- Закончим дело, и община рассчитается.

- Э, нет, дружочек! – Оливи усмехнулась и прищурилась, что

твой снайпер. – Я авансом не работаю. И, если ты вдруг запамятовал, я-то как раз из «левых» и на сходке при голосовании воздержалась. Так что гони монету! Я знаю, что ты из мурранца порядочно вытряс, а что не смог, то Лив выдавит. Иначе в счет оплаты я «айр эмери» заберу, а ты потом объясняйся сам с лордом Таем.

Берт тоскливо вздохнул. Будь этот рейс старой доброй вылазкой за контрабандой, милашка Танет лишний раз и не пикнула б. Но нынче на руках у алчной соотечественницы имелся полный пакет документов на роскошное чудо техники, да и лишний раз провоцировать лорда – и Лив! – не хотелось…

- Под расписку! – предупредил Балгайр, почти с кровью отрывая от сердца бумажник. – И только половину! Остальное дома получишь.

- Другое дело! – изящная лапка Оливи цапнула хрустящую пачку купюр из раскрытого бумажника так стремительно, что Берт и моргнуть не успел. – Мальчики, начинайте!

Повинуясь отмашке барышни Лакрес, грузчики взялись за «айр эмери» так деликатно, будто машина была ритуальной храмовой вазой Пятой Династии из древней Фергины.

Берт вздохнул еще раз, провожая медленно поднимающуюся над причалом машину взглядом. А Оливи, уцепившись за его локоть, заглянула в лицо рыжему капитану снизу вверх и мурлыкнула:

- Ну что, Лазутчик? Как насчет кофе с ликером для сестрицы-Наложницы? Заодно и новости расскажешь. А то ведь я в этом Мурране как в пустыне, даже поговорить не с кем!

Вкушать же означенный напиток Танет – спасибо ей за это! – неожиданно согласилась прямо на борту «Келсы», вместо того, чтобы потянуть Берта в какое-нибудь модное дорогое местечко, где за микроскопические порции заламывают такие цены, что не пересказать. Пока капитан колдовал над погнутым кофейником, Оливи умудрилась накрыть импровизированный стол прямо на канатном ящике. И салфетка чистая у нее нашлась, и даже пакетик печенья. Ликер тоже был свой.

- Ах, Бертик, - вздохнула барышня Лакрес, изящно пригубив напиток из простецкой оловянной кружки. – Сколько тебя знаю, столько поражаюсь! Похоже, только ты из любой бурды способен сотворить королевское лакомство!

- Завязывай льстить, Танет, - пробурчал Берт, не столько польщенный, сколько обеспокоенный. Излишнее расположение такой женщины, как Оливи Танет, грозило неприятностями едва ли не большими, чем ее неприязнь. Эспитки мстительны, но мстительны по-разному. Там, где Лив прёт напролом, Дина с

Лисэт втихаря подливают отраву, соревнуясь разве что в составе яда, а Кат Нихэль громогласно щелкает щипцами для кастрации крупного рогатого скота, Танет с обольстительной улыбкой вручает жертве веревку и наблюдает потом весь процесс самоубийства, облизывая пухлые губы самым кончиком розового язычка. Кстати!

Капитан «Келсы» уставился на свою красотку-пассажирку с мрачным подозрением.

- А у нас Эвит повесился намедни, - сообщил он одну из главных новостей Эспита.

- Опять? – Танет вытаращила глаза в таком искреннем изумлении, что подозрительность Берта немедля расцвела и заколосилась. – Ой, не смотри на меня так, котик! Меня же не было дома!

- Тебя-то не было… - хмыкнул мужчина, но договаривать очевидное не стал. И так понятно, что Оливи совсем не нужно лично душить соседа, чтобы отправить его на новый круг перерождений.

- Ты от Лив подцепил подозрительность, - хихикнула девица и дразняще высунула кончик языка между розовыми бутонами губ. Бутоны завлекательно блестели, и Берту пришлось пару раз моргнуть, чтобы отогнать наваждение. – А может, еще и импотенцию заодно? – с искренней заботой предположила Оливи. – Ой… уж не добралась ли до тебя Кат со своими щипцами?

- Тьфу! – Берт обозначил символический плевок. – Шалава!

- Подкаблучник! – не осталась в долгу барышня Лакрес, вовсю наслаждаясь тем, что вывела-таки из себя рыжего контрабандиста. Оливи ничем не рисковала – сделать ей Балгайр ничего не смог бы, даже если бы сердился по-настоящему. Но на Эспите давно уже не топили друг друга из-за таких пустяков, как брань.

- А если отбросить шутки, - вздохнул Берт, - то Лив и впрямь всерьез решила нас проучить, похоже. Как бы не сорвалось все дело из-за ее упрямства!

- О! – Танет перестала ухмыляться и соблазнять и даже села прямо, как примерная гимназистка, скромно скрестив ножки и сложив руки на коленях. – Что она делает?

- Дурит! Дурит, блажит, истерит – называй, как хочешь! А весь остров ей подыгрывает, глядя, как Овчарка учит заезжего хмыря, где его место.

- У параши, где ж еще, - заметила красотка грубо, но точно. – И разве не в эту любимую игру Лив играет с каждым новеньким? Мы все через это прошли, ты забыл? Так чего же ты боишься сейчас?

- Того, что на этот раз она не играет, - отрезал Берт. – Я ее знаю. Она на самом деле хочет нам помешать и из кожи вон лезет, чтобы спасти нашего жертвенного поросенка. Счастье еще, что сам он этого не понял.

Лив. Эспит

- Маргаринчик, маргари-ин… - мурлыкала Лив себе под нос, довольная, как обожравшаяся кошка. – Маргаринчик… Пирожки…

Морские и подземные, как же приятно быть начальником! Даже если подчиненная весьма условная и вообще вся такая непонятная, однако ж пальцы о клавиатуру печатной машинки отбивает как миленькая! За одно только это можно многое простить: и по-детски неуклюжие попытки соблазнить Берта, и омерзительное «тетенька», и глазки эти влажные с пушистыми ресничками… бр-р-р…

Пока Куколка корпит над стопкой бумаги и марает пальчики об красящую ленту, госпожа эмиссарша решила отправиться за покупками. Велосипед с корзинкой, посвежевшие после ночного дождя холмы и долы Эспита, летний колдовской аромат разнотравья и – в кои-то веки! – вполне приличная по островным меркам сумма в кошельке. Во всяком случае, на самое необходимое хватит, и да благословят *морские и подземные* того, кто придумал конфискацию и использование служебного положения в целях личного обогащения!

Процент с удачной поимки «Келсы» и ареста ее груза вышел небольшой, но достаточный, средней паршивости такой процентик. Зато Гаральт не забыл отстегнуть долю от своего не слишком законного промысла подпольного менялы. Разница в курсе между мурранским боном и вирнэйской эви после войны стала просто чудовищной из-за санкций Казначейства Ее Величества, и надо было видеть выпученные глаза господина Лэйгина, когда он услыхал официальный курс. К счастью, у почтаря Гаральта в задней комнате можно было обменять деньги и по неофициальному, а Лив все то время, пока длилась эта криминальная валютная операция, позевывая, листала гранки свежей газеты. Еще стопочка купюр в фонд поддержки деятельности эспитского эмиссариата, хе-хе. Да, коррупция, да, стыд и позор, однако… Дама Тенар и рада была бы не брать, если б система не работала на всех уровнях. Эспитской эмиссарше ведь тоже приходилось делиться с заморским начальством. Господин окружной эмиссар Тинз привык получать от подчиненных вполне определенные суммы раз в квартал. С каких, спрашивается,

шишей их платить, ежели не брать?

Процент с якобы уничтоженного конфиската, процент со штрафов, Гаральта, опять же, процент… Это лишь кажется – много, а на самом деле хорошо, если хватит не только на маргарин и муку для пирогов, но еще и на дрожжи с растительным маслом. Благо, что молоко и яйца свои!

Любят ли пауки мух? Верней сказать, любит ли овчарка свое стадо, а охранник в каторжной тюрьме – заключенных кандальников? А Лив дама Тенар – гостей? Да, и еще как! Если бы их при этом не надо было кормить!

Кстати, о кормежке. В кладовой у эмиссарши, конечно, имелся неприкосновенный запас консервов и концентратов, в основном добытых полулегальным путем. После Большой Войны многие армейские склады превратились в магазины для населения, работавшие преимущественно в ночное время и с оглядкой на военную полицию, которая, впрочем, тоже была в доле. Оптовикам скидки. Лив, пребывая под впечатлением от продовольственного кризиса военного времени, приобрела по случаю два десятка ящиков. Массивные списанные банки консервированного мяса и концентраты для псевдо-супов, в основном. Вполне терпимо для неприхотливых едоков – эмиссарши и Перца – чтобы пережить голодную зиму, но не станешь же потчевать дорогих гостей пшенкой, горохом и перловкой? И Берт на этот раз, как назло, никаких деликатесов не привез, одно лишь шмотье да курево… Кому здесь нужны эти модные шляпки, спрашивается? Лучше б дрожжами забил трюм под завязку, вот это было б дело!

- Всему этих мужиков учить надо… - проворчала Скайра, некстати вспомнив об окаянных дрожжах. Ну, Рыжий! Обещал же! Конечно, тесто можно замесить и на воде, но тогда пирожки придется жарить, а значит – тратить масло, тоже не дешевое. А пирогов хочется. Причем не сладких хадрийских, а сытных вирнэйских, с требухой, или с рыбой и рубленым яйцом, или, на худой конец, с картошкой!

Впрочем, тот, предложенный Верэн, тоже может получиться вполне себе неплохим, особенно если взять процесс под контроль. И если удастся купить маргарин! Девчонка лепетала что-то о масле – надо полагать, сливочном, коровьем – однако на Эспите этот деликатес водился только в кладовой у милорда. Варден Тай даже холодильник себе завел – жутко грохочущий агрегат, работавший на керосине. Но лорд есть лорд, ему сами *морские и подземные* велели иметь в доме все самое лучшее из новинок. Опять же гостят у повелителя Эспита отнюдь не хадрийские крестьянки с самозваными учеными! А что до всех прочих…

Съестными припасами на острове постоянно торговал только мясник, господин Ренан Бру Валлис. Ввиду отсутствия конкуренции и общего дефицита привозной провизии на милейшего господина Валлиса иногда накатывал такой спекулятивный азарт, что он взвинчивал цены в своей лавчонке не втрое даже, а шестикратно. Когда проклятия, угрозы, всеобщий остракизм и мелкие пакости, вроде подливания керосина в цистерну для питьевой воды не действовали на хапугу, эспитцы собирались стаей и шли сперва к Лив, а потом и к лорду с требованием разобраться. Варден Тай, как ответственный правитель, несколько раз лично устраивал мяснику разнос, без особого, впрочем, эффекта. После каждой головомойки товары попросту исчезали с полок единственного эспитского универсального магазина. А поскольку вандализм, поджоги и членовредительство не одобряли ни законы Вирнэя, ни имперская эмиссарша лично, получался очередной замкнутый круг. К счастью, не так давно подоспел весьма полезный указ Ее Величества, где подданным запрещалось торговать съестными припасами без разрешения, подписанного – гип-гип-ура мудрости Ее Величества! – совместно доктором, ветеринаром и представителем имперской власти. Обязательность всех трех подписей делала подкуп слишком дорогим. Так что теперь, когда господин Валлис еще только начинал по старой памяти входить в предпринимательский раж, на пороге его магазина появлялись доктор Хамнет, Кат и Лив в сопровождении группы поддержки из сердитых сограждан. Опечатывание склада и угрозы натравить инспекцию из метрополии помогали так же от навязчивого желания создать на Эспите искусственный дефицит. Видят *морские и подземные*, здесь и так хватало проблем, еще не хватало жадных лавочников!

Впрочем, и с доктором, и с ветеринаршей, и даже с Лив всегда можно было договориться. Другое дело, что этакое соглашение сожрало бы все возможные сверхприбыли господина Валлиса с жадностью осеннего шторма.

- Тесто должно получиться плотным и хрустящим… - вслух рассуждала Лив, по давней привычке обращаясь сама к себе. – И не сладким. А если бы вместо яблок пустить на начинку мясного фарша, да с лучком… м-м-м…

Но мясо было слишком дорого, к тому же идея нажарить котлет из чего-то, что вполне могло соседствовать на леднике мясника с телом несчастного Джая-Эвита… Это было слишком даже для небрезгливой Лив. А жаль!

Видение истекающих ароматным соком жареных пирожков с ливером оказалось столь явственным, что Лив даже почудился их

неописуемый запах. Женщина прижмурилась и повела носом, а когда вновь открыла глаза, убедилась, что вовсе даже не почудилось. Так и есть: с ливером пирожки, жареные, собственными румяными персонами. Лежали они аккуратным рядком на резном деревянном блюде и разве что не подмигивали: «Съешь меня! Съешь меня скорей!»

Лив моргнула. Ну так и есть! Через невысокую живую изгородь ей прекрасно видна была та, что упражнялась в пекарском искусстве. Госпожа Матэи хлопотала в импровизированной летней кухне: вынесла в садик жаровню, натянула тент, облачилась в фартук и знай себе лепила традиционные эспитские «лодочки», оставляя «глазок», в котором виднелась начинка. Мясная. По одной запуская «лодочки» в кастрюлю с кипящим маслом, госпожа Матэи затем ловко выуживала готовый пирожок шумовкой, стряхивала капли масла и выкладывала «лодочку» на блюдо, к ее сестричкам.

- Лив! – радостно воскликнула хозяйка и помахала эмиссарше шумовкой. – Хочешь пирожок?

- С чем это? – подозрительно осведомилась дама Тенар.

- С печеночкой! А вон те – с потрошками. Бру распродажу устроил, мясо уже второй день отдает просто за бесценок. Праздник же, да и ледник у него занят. Я еще и голяшку у него взяла на студень, и косточек мозговых…

- Вот же скотина злопамятная! – рассердилась Лив. – Обещал же мне костей и ливера для Перца, и хоть бы словечком обмолвился намедни, что распродавать запасы будет! Бормотал, дескать, нет ничего, пусто… Ну, я его!

И, спешно оседлав велосипед, заторопилась к мяснику. Сограждане такие сограждане! Всем островом утаить от эмиссарши новость о распродаже в продуктовой лавке – на это они горазды.

Дама Тенар следила за поворотами тропинки, а потому не оборачивалась и не могла видеть, каким многозначительным взглядом проводила ее госпожа Матэи. Разве что холодок, пробежавший мышиными лапками вдоль позвоночника, почуяла Скайра, но подумала – сквозняк. А зря, видят *морские и подземные*, зря не обернулась.

Естественно, к моменту, когда колеса велосипеда дамы Тенар прошуршали шинами по дорожке, вильнувшей к лавке господина Валлиса, все приличное мясо уже давным-давно разобрали. И кости хорошие - тоже. Потому как кости костям рознь, а ушлый торговец имел обыкновение выкладывать на прилавок изжелта-белые мослы, с которых мясо не то, что срезали, а, казалось, и обглодали. Всяческие же аппетитные ребрышки, голяшки и

исключительно наваристые хвосты Ренан Бру откладывал для особых клиентов. На Лив мясник имел зуб, равно как и на доктора с ветеринаршей, поэтому этим троим частенько ничего не доставалось. И что с ним поделаешь, с жуликом! Свобода, мать его, предпринимательства.

Без особенного запала поторговавшись и поиграв в гляделки с хорошенькой, но каких-то запредельных денег стоившей поросячьей головой, Лив похмыкала и взяла говяжьего рубца для Перца. Хоть у кого-то на праздничном столе должно быть мясо в башне Тенар, в конце-то концов! А двуногие перебьются. Хорошо, что хоть маргарин у Валлиса еще весь не разобрали. А вот дрожжей Ренан не продал, плакался, дескать, раскупили все дрожжи, ни палочки не осталось. Врал, небось. Хотя может быть и правда. Завтра Фестиваль, и все эспитские хозяйки нынешним вечером примутся печь. И ближайшие три дня ветер над островом будет пахнуть самыми разными пирогами, пирожками, булочками и пирожными… Но расхворавшегося, а скорее – отравленного мурранца пирожками на ноги не поднимешь.

«Придется зарезать Пеструшку, - вздохнула Лив, смиряясь с неизбежным. – Тут и бульон, и начинка в пирог… Эх!»

С курицами даме Тенар не везло катастрофически. То цыплята попадались хилые и мерли, то ястреб повадился охотиться именно на домашнюю птицу эмиссарши. Поэтому решение зарезать ради проходимца-Лэйгина одну из трех уцелевших кур было равносильно подвигу. Который, разумеется, все равно никто не оценит, и в первую очередь сам мурранец. С подвигами всегда так, что ж поделать.

Фрэн, Мерерид и Элисон.

Если Фрэн злилась на весь мир, то ничего вокруг не замечала. Если приступ мизантропии заставал её под общей крышей, просто молчала, глядя мимо Мерерид. Вне стен дома младшая ведьма давала себе волю – ускоряла шаг и неслась на крейсерской скорости по дороге, опоясывающей весь остров. Стаптывать каблуки, конечно, тоже не дело, но лучше потом набойки новые поставить, чем бросаться на всех встречных с кулаками.

Справедливости ради надо сказать, что срывами на нервной почве страдала и маменька. Причем так было всегда. Из круга в круг. Совместная жизнь Дины и Лисэт способствовала тому, что к определенному возрасту обе умели выпускать пар прежде, чем взорвется котел взаимной «любви».

Одинаковые привычки сближают не больше, чем вечный дележ общего мужчины, а Элисон, как всегда, был невероятно легок на помине. Стоило о нем подумать – и вот он, пожалуйста! Пылит себе по обочине, немного прихрамывая, руки в карманах куртки, армейское кепи на затылке. Издали - ни дать, ни взять солдатик, подавшийся в самоволку.

- Хил! Постой-ка!

Старшая Тэранс тут как тут.

Если даже привычная Фрэн на месте подпрыгнула от резкого вопля Мерерид, то нездоровые уши Элисона он, наверняка, пронзил болью.

Ветеран застыл как вкопанный, обнаружив засаду позже всех, отчаянно сожалея, что не успел спрятаться в кустах.

- Здравствуйте, милые дамы, - молодцевато отсалютовал он. – Славный сегодня денек, не правда ли?

- Сделай лицо проще, Элисон Хил, - отчеканила Мерерид. – Светские беседы не про тебя.

- Как скажешь, Дина. Чего надо?

- И не груби мне!

Внезапное появление доченьки сбило старую ведьму с толку, и она тут же ополчилась на обоих.

- Сколько можно шляться? Глазки Лэйгину целый час строила? Нечем больше заняться?

Фрэн лишь плечами пожала. Никаких иных слов она от матери и не ожидала.

- Надо же, столько вопросов сразу…

- Дерзишь?

- И в мыслях не было, - лениво проворковала Фрэн. – Отнесла белое платье для девчонки. Ланса завтраком покормила.

Тут уж любопытный, точно портовый кот, ветеран не смог удержаться.

- И как там наш мурранский гость поживает? – спросил он.

- Да! Ты всё сделала как нужно? Или опять «ошибочка» вышла?

Мерерид так сощурила глаза, что они казались узенькими щелочками на сметанно-бледном, тщательно хранимом от губительных солнечных лучей лице. И губенки поджала, и вся напряглась, словно для прыжка.

«Шею свою тощенькую смотри как вытянула», - подумала Фрэн, примериваясь для одного, но смертельного удара.

- Сидр он выпил весь, до дна, - пробормотала она, непроизвольно сжимая пальцы в кулаки. - Ты же не хочешь, чтобы мурранец помер прямо сегодня?

«Нет! Хватит! Перестань немедленно! Нельзя!»

И расслабила ладонь, и отвела взгляд, едва переводя дыхание, будто после долгого бега.

- Будем надеяться, - фыркнула Мererид. – Я не меньше твоего хочу… этого.

О да! Старая ведьма всё прекрасно понимала. И под коротким «*это*» подразумевала всё – и взаимную свирепую ненависть с Фрэн, чреватую убийством, и такую же неистовую жажду освобождения от уз, которые за много веков превратились в кандальные цепи. Смертельные вериги, которыми сковали всех троих – Лисэт, Дину и Хила, раз за разом возвращали их друг к другу с неумолимой силой. Чем сильнее дернешься, тем больнее отдача.

В той, в самой первой, неведомой жизни их так изощренно наказали за какое-то страшное преступление *морские и подземные*. Мать или дочь, дочь или мать – выбор жребия зависит от того, кто родился раньше. Или кто кого убил. Странное нечеловеческое возмездие - убийца всегда обречена возродиться дочерью, чтобы очутиться в полной власти своей жертвы. Но Лисэт и Дина поняли эту взаимосвязь не сразу. Попыток избавиться друг от друга было много. Как-то раз, правда, очень давно, почти пять веков назад, Лисэт даже носила пояс целомудрия. Не помогло. Не под силу человеку восстать против воли *морских и подземных*, хоть закапывай новорожденную в ближайшем лесочке, хоть обет безбрачия давай, хоть отодвигай деторождение на самый крайний срок, а предначертанное все равно исполнится. Судьба имеет тысячи обличий – подчас самых жутких, о которых лучше бы забыть, да не выходит. И поздно сетовать, поздно каяться, когда руки замараны в родной крови не по локоть даже, а по уши, и за бесчисленные преступления всем троим положено уже по десять вечных приговоров. Ибо Хил тоже в стороне не стоял. Он – причина раздора, ревности и обмана, он – награда для одной и кара для другой женщины, он был бы счастлив избавиться от обеих (и успел по нескольку раз это сделать разными способами), но проклятье безнаказанно отпускало Хила лишь на войну. А потом он возвращался увечный – однорукий, одноногий, слепой, чтобы умереть на руках либо у Лисэт, либо у Дины. Если повезет, то довольно скоро, а если нет, то спустя годы и годы взаимных мук. Чтобы снова родиться и, пройдя новой дорогой любви-ненависти, вернуться обратно. И так из века в век, из жизни в жизнь, из смерти в смерть… Но даже каторжники в каменоломнях Гвэнаэля, уж на что поголовно злодеи и душегубы, а умудряются притереться друг к дружке, приспосабливаются, а две нечужие друг другу женщины и подавно сумеют установить правила общего жития. Но не сразу, нет, не сразу…

Впрочем, есть ли на Эспите хоть кто-то совершенно безобидный? Бабочки, разве что, а так у всех рыльце в пушку. Даром, что ли, Кат Нихэль превентивно отрезала яйца своим шестерым котам? То-то же!

- Все хотят! – отрубила Фрэн. И подумав, уточнила: - Все «правые».

- Я думал, мы договорились с «левыми».

Во время последних переговоров именно Хил выступил в качестве парламентера. Правда, с огромной неохотой. Уцелев на войне, он совсем не хотел отправиться на новый круг прежде срока, отпущенного природой. У «левых» было меньшинство, что обычно придает им решительности.

- Ты не слышал, что несла сегодня эта с-с… Овчарка. Она, мол, сделает все возможно и невозможное, чтобы спасти шкуру Лэйгину. Каково?

Фрэн рычала сквозь зубы с такой яростью, что даже Мererид сделала маленький шажок назад. Нечеловечески сдержанная Лисэт не терпела препятствий, когда цель становилась близка, она сметала на своем пути всё и всех, шагая, если потребуется, по трупам.

- Лив спятила! – возмутился Хил. – Столько усилий, столько…

- Денег! – перебила его старшая ведьма. – Она понимает, что мы потратили целое состояние, чтобы заманить жертву? Это куча денег!

Отрывая от семейного бюджета и от собственного сердца целых сто пятьдесят эви, Мererид Тэранс натурально рыдала над каждой купюрой. Три года прошло, и не было еще дня, чтобы она не вспомнила о столь крупной сумме. Фрэн, кстати, собирала её пять лет, откладывая по орику, но не пожалела ни мгновения.

Младшая Тэранс так иступленно верила в удачу их предприятия с Лансом Лэйгином, что Хил чуть ли не всерьез взревновал к загадочному мурранцу. Университетские дипломы, как известно, действуют на иных женщин посильнее приворотного зелья. Без ученых степеней мужик останется просто еще одним мужиком, но стоит накинуть ему на плечи атласную мантию и - пиши пропало. У бабья тут же сносит весь невеликий разум от восторга. Проверено было сто раз. На обозных шлюхах, которые первым делом вешались на шею всяким умникам.

- Ей надо помешать, - заявила Фрэн. – Любым способом.

И посмотрела на любовника со значением и вызовом. Мол, докажи, что имеешь право носить штаны с ширинкой.

Но уж кем-кем, а подкаблучником Хил не был никогда. Ни в одной из множества жизней.

- Остынь, Лис. Я не стану Лив убивать.

Мерерид немедленно расплылась в довольной улыбке. Разгорающаяся ссора доченьки и Хила радовала её сердце несказанно.

- К чему твоя ухмылочка? – рявкнула младшая ведьма. – Если от кого-то и будет толк, так это от Ланса Лэйгина, запомните! И не Овчарке выбирать – быть ему жертвой или нет. Всё уже решено.

Но и Хил за словом в карман не лез:

- А я не для того вернулся живой и целый, чтобы отправится на эшафот за убийство! Это, знаешь ли, маленькое удовольствие. Тебе припекло? Так бери нож и топай к Башне Зорких.

Мерерид хихикала, Фрэн скрипела зубами, а Элисон орал во всю глотку – сценка была достойна хрестоматии и умилила бы любого из эспитцев до слез. Если на перекрестке застыли трое – Дина, Лисэт и Хил – задумавшие убийство и уже готовые впиться зубами друг другу в глотку, значит, фундамент мироздания незыблем и никакой прогресс его не пошатнет. Пусть хоть в каждом домике будет стоять по телефонному аппарату.

- В любом случае, насчет Лив нужно договариваться с Бертом, - напомнил ветеран. – Если кому она торчит, словно кость в горле, так это ему.

Младшая Тэранс поморщилась недовольно.

- У Бертика свои мотивы.

- Например, по уши влюбленная молоденькая хадрийка, - мурлыкнула Мерерид.

Лисэт, конечно же, осенило первой. Ведьма, она всегда ведьма. Она даже в ладоши хлопнула.

- Точ-чно! Верэн же еще куколка!

Никому из них троих не хотелось, в случае вероятного провала, начать следующую жизнь прямиком с мести Овчарки Лив. Прецеденты уже были. Никому не понравилось.

- Подставляя Салду или Лунэт, мы тоже рискуем, - осторожный Рэджис настолько втянулся в спокойную жизнь острова, что только традиция удерживала его в стане «правых» - сторонников жертвоприношения.

К слову, на сегодняшний день главной и основной интригой для всего населения Острова была личность, спящая в теле миниатюрной хадрийки Верэн Раинер. Ставки были пять к одному против Лунэт. Самоубийство Джая ведь не просто так совпало с появлением девчонки. Старый параноик почуял Салду, не иначе, справедливо решили островитяне.

- А отпуская Ланса Лэйгина, мы остаемся вообще без кандидата, - не сдавалась ведьма.

- Да с чего ты взяла, что он станет избавителем? Откуда такая уверенность?

Хил внимательнее всмотрелся в нахмуренную физиономию любовницы.

- Тьфу! Лив на тебя сегодня наорала, вот ты и обозлилась так, что хочешь её прикончить. Вечно с тобой одна и та же история.

- Это какая же?

- Выдаешь желаемое за действительное. Я считаю, достаточно нашу Овчарку на время фестиваля посадить на хорошую крепкую цепь.

- Кто сажать станет? Ты?

- Почему сразу я? Берт.

- Рыжий Гад скорее тебя самого привяжет к будке.

Старшая Тэранс вдруг встрепенулась, точно перепелка в траве.

- Ой, смотрите, кто к нам идет. Добрый вечер, милая моя!

От переизбытка патоки в голосе у Мерерид язык обязан был прилипнуть к нёбу намертво.

По дороге бодро шагала Верэн Раинер.

Фрэн кинула победный взгляд на сообщников. Мол, вот вам явная воля *морских и подземных*, любуйтесь! Сама же пришла, добровольно. Са-ма!

И словно по команде лица эспитцев расцвели дружелюбными улыбками: Дина - приторно-ласковой, Лисэт – удовлетворенной, а Хил… просто растянул уголки губ. Совесть его бунтовала против природной бабьей подлости. И вообще, сказано же – солдат ребенка не обидит.

Скайра Лив дама Тенар. Эспит

В вопросе причинения ближнему своему разнообразных гадостей эспитцы, натурально, давали фору обитателям любых других местностей. Остров маленький, число жителей строго ограничено, а сбежать отсюда при всем желании невозможно. Изо всех островитян только один лишь Берт мог невозбранно покидать гостеприимные берега Эспита на непродолжительное время. Всех же прочих за попытку к бегству ждала скорая и жестокая кара *морских и подземных*. Беглецы сходили с ума и подыхали очень неаппетитными способами, а главное – заходя на новый круг, они отлично помнили, чем закончился прежний… Исключения были еще хуже правил. Вечного воина Хила, к примеру, Эспит отпускал только на очередную войну, а вечную же шлюху Танет – только для занятий ее ремеслом. Прочим же не

оставалось и такой узенькой лазейки. Тут и не захочешь, а озвереешь. И, естественно, начнешь искать себе занятия, позволяющие хоть как-то отвести душу.

Неизменный лекарь Исил пил, виртуозно гнал горючую жидкость изо всего, что только подходит для самогоноварения, и пил, как говорится, в два горла. Впрочем, за Хамнетом водился и еще один грешок: доктору случалось в очередном приступе мелонхолии ненароком залечить кого-нибудь из соседей. Периодически эспитский волшебник клизмы и скальпеля вспоминал некие зловещие методы родом из давних времен и порывался лечить насморк толчеными тараканами, а гонорею – ртутными припарками.

Кат Нихэль, которую новые времена из свирепой Охотницы превратили в мирную ветеринаршу, отводила душеньку, ловко орудуя инструментарием для кастрации. Но у Кат, к счастью, всегда поблизости имелись бессловесные твари, вроде ее шестерых котов, начисто лишенных признаков пола недрогнувшей рукой хозяйки. Так что грозная ветеринарша из сонма прочих подопечных Лив выходила самой миролюбивой.

Чем развлекался лорд Варден, когда ажурные ворота поместья закрывались перед носом любопытных, лучше было не знать. Но если судить по популярности столь специфического курорта среди имперской элиты, его милость знал толк в извращениях.

На вечных дето- и матереубийцах Дине и Лисэт так и вовсе клейма негде ставить было.

А сама Лив…

Стражница мрачно ухмыльнулась. Мудрено заметить бревно в собственном глазу, чего уж там! Однако даже если вынести за скобки вымогательство, взяточничество и присваивание контрабанды, на счету дамы Тенар хватало иных подвигов. Одна только многовековая, точнее сказать – многожизненная игра со злосчастным Орденом Зорких чего стоила! Ведь именно Лив, круг за кругом внедряясь в эту специфическую организацию, добилась-таки ее полного исчезновения! А ведь какие люди ей противостояли! К примеру, тот Магистр… как бишь его?.. пятисотлетней давности, вычисливший «бессмертную скверну» в лице дамы-хранительницы и собственноручно оную мерзость четвертовавший? О! Вот это был противник, не чета нынешним…

После того, как грозный Орден сгинул, жизнь потеряла перчинку, сделавшись невыносимо пресной. Но даже несмотря на скуку, несмотря ни на что Лив дама Тенар никогда не преступала главного принципа: «Воля морских и подземных есть Закон, а я – Страж его». И всех обитателей Эспита заодно. Чтоб шалили, но не

перегибали палку в шалостях – и не пытались сбежать! Для их же, отдери их морские и подземные, блага! Потому как за прошедшие века дама Тенар не только выучилась сторожить, но и думать, а задумавшись, пришла к выводу: ежели древние и могучие силы озаботились так наказать эспитцев, значит, было за что. Кара была соразмерна преступлениям, иначе всё это бесконечное перерождение теряло всякий смысл. Следовательно, это наказание должно испытать на себе полностью, чтобы искупить… Вот еще вспомнить бы, что именно искупить! С другой стороны, может, когда искупишь, тогда и поймешь? В любом случае, побег из тюрьмы только добавляет срок, разве не так? Значит, нечего бегать! И уж тем более омерзительно одурманивать и сводить с ума жертву, которой, вообще-то, полагается быть добровольной.

Лив успела передумать все это, мрачно рассматривая бесчувственное тело несчастного мурранского проходимца, накачанного ведьминскими зельями так, что дурман у него разве что из ушей не лился. Бедняга даже мычать не мог, только хрюкал, подергивая конечностями. И суровой эспитской Стражнице стало не по себе, когда она представила, какие именно видения могут обуревать это распадающееся сознание. Чуть не поскользнувшись на желто-зеленой дряни, которой бедолагу стошнило, дама Тенар ухватила Лэйгина за ноги и, пыхтя, с трудом выволокла из подвала. А потом, отдышавшись, сплюнула, выругалась и решила окончательно. Хрен вам, дорогие сограждане, а не жертва! Обойдетесь.

Верэн. Эспит

В былые времена в Хадрансе ведьм нещадно жгли на кострах, избавляя народ от скверны и всяческих бед, на которые те весьма горазды. И видимо, не зря жгли. После недолгой, но содержательной беседы с двумя эспитскими ведьмами, симпатии Верэн склонились в пользу охотников за колдунами. Казалось бы, и век просвещенный, и народ по большей частью грамоте обучен, и Большая Война самоходными пушками и газовыми атаками жестоко отучила от суеверий, но нет-нет, а всколыхнется в сердце обывателя древняя жуть.

Мерерид была как и прежде мила, Фрэн улыбалась ласково, а похабник Элисон Хил смиренно отошел в сторонку покурить, чтобы не смущать барышню. Но всё нутро хадрийки отчего-то мигом заледенело, едва старшая ведьма сжала девичью ладошку в своей сухощавой и жесткой руке. Мерерид тихо мурлыкала что-то приятное, то ли хвалила, то ли ободряла, а Фрэн в это время лила

в уши Верэн чистый яд. Каждое слово завораживало, как танец бабочки, но при этом жалило, будто обозленный шершень, прямо в сердце.

Оказывается, строгая дама Тенар давно и упорно строит козни против добрых островитян. Вот и теперь она хочет свалить смерть лавочника на несчастного Ланса Лэйгина, специально, чтобы тот не нашел легендарный Калитар и не прославил маленький остров на весь мир. Когда газетчики раструбят об открытии века, сюда хлынет поток туристов, и обогатятся все, кроме дамы Тенар, которой, конечно же, никто не позволит творить нынешний произвол.

Вроде бы все правильно - Лив действительно не проявила никакого энтузиазма от заявления ученого про предстоящие раскопки… или каким там еще способом собрался Ланс искать свою Тайную Землю. Но предложение подлить зелье в чай имперской эмиссарше Верэн не понравилось совсем. И никакие клятвенные заверения, что «дама всего лишь поспит подольше, чтобы мы могли незаметно освободить её несчастного узника», девушку совершенно не убедили.

А сразу отказаться… Откажешься тут, когда младшая Тэранс глядит светящимися в темноте, как у злой кошки, глазами прямо в душу. Скажешь «нет», так она прыгнет и вопьется когтями в горло, разрывая яремную вену. Или проклянет. Она же ведьма, в конце концов.

И главное, тоненький, почти неслышный голосок где-то внутри без устали твердил хадрийке одно и то же: «Не верь ведьмам! Не верь им! Ложь! Всё ложь!»

Но в ладошку Верэн, не смотря на все отговорки, лег маленький флакончик, вроде тех, в которых лекарства продают.

На прощание Мererид целовала девчонку в обе щечки. Так воспылала любовью к новенькой, прямо сил никаких нет. Еле отбрыкалась барышня Раинер от дружеских объятий, еле увернулась от прикосновений ледяных рук Фрэн и, не чуя ног под собой, помчалась к Башне Зорких.

А неудобная дама Тенар курицу как раз резала. Чтобы, значит, нежным бульончиком врачевать несчастного Ланса Лэйгина, нагло травленного ведьмачьим племенем прямо в хозяйском доме. Зря археолог насмехался над деревенщиной, считать до трех Верэн умела, а когда речь идет о курах, то это уже высшая математика. Здравый смысл и не менее здоровая крестьянская логика в один голос твердили дочери полей и садов Хадранса, что человек, жертвующий одной из трех пеструшек ради постороннего, пришлого чужака не заслуживает подлого удара в спину.

Да, Лив – соперница, да – она имеет на Берта больше прав, да – было бы прекрасно, если дама Тенар вдруг исчезнет с дороги, но… Даже если тебе всего двадцать лет, это не значит, что ты слепая, глухая и совсем глупая. Конечно же, Верэн заметила, как здешние дамы посматривают на контрабандиста, и очень сомнительно, чтобы Берта обошли женским вниманием. Рыжий проходимец по числу сердечных побед не отстает от доктора Хамнета. Что ж теперь, всех эспитских кумушек травить?

Да, да, да! Верэн Раинер – очень молода, но даже её крошечного жизненного опыта хватит, чтобы догадаться, как крепко «заснет» эмиссарша. Отличный план – избавиться от надоевшей Лив и непонятной Верэн одним махом. Очень ловко, сударыни ведьмы, очень! Вот только нет у барышни Раинер веревочек ни на руках, ни на ногах, чтобы управлять ею, как это делают кукольники в балагане.

Девушка полюбовалась новым белым платьем, помогла Лив обиходить мурранца – уложить в постель и накормить бульоном, посуду помыла, покормила козу, посидела на порожке, любуясь звездным небом, как это водится у героинь из книжек. А потом отправилась в отхожее место и, справив нужду, утопила в выгребной яме ведьминский пузырек.

Дурища-то она дурищей, но не убийца и не отравительница – факт!

Ланс Лэйгин. Эспит

Последний раз так плохо Лансу было пять лет назад. В джунглях Лорса он весьма неосторожно подхватил желтую лихорадку и лишь чудом уцелел. Точнее, Лэйгин, увидев в зеркальце свое отражение – красные слезящиеся глаза, опухшее лицо и раздувшуюся шею, а так же багровый язык, честно приготовился умереть. Он даже успел написать прощальное письмо матери, прежде чем потерять сознание. Следующие несколько дней он провел в цепких лапах боли и бреда, и четыре рассвета вместе с четырьмя закатами выпали из памяти, ибо были поистине страшны. Затем пришло недолгое и обманчивое улучшение самочувствия, которое сменилось еще более сильной лихорадкой. Жар, озноб, чудовищная мышечная и головная боль, тошнота, рвота и кровоточивость быстро и уверенно сводили в могилу настоящих здоровяков и атлетов, но Ланс почему-то выжил. На десятые сутки он пришел в себя в сарае на голом топчане слабый, как новорожденный котенок, покрытый слоем нечистот, измученный до предела, но живой. Туземцы настолько

удивились чудесному исцелению, что даже не ограбили обессиленного бродягу с полным заплечным мешком проклятого золота. Однако смертельное заклятье чернокожих королей, как известно, не действует на таких беспардонных наглецов, как Лэйгин.

В подвале же у дамы Тенар, лежа на ступеньках и не в силах голову поднять, Ланс довольно быстро понял, что эспитские ведьмы посильнее дикарских проклятий будут. И в те редкие мгновения, когда мурранца не рвало, не било в ознобе и не выкручивало судорогами, его посещали невыносимой яркости кошмары. Чудовища, от которых не спрячешься, были зубасты, шипасты, глазасты и когтисты, и они настойчиво жаждали вкусить Лансовой плоти. Археолог сбегал от видений в явь, где его уже поджидали тошнота и боль.

Стоит ли говорить, что появление Лив и её суровая забота произвели на несчастную жертву колдовства неизгладимое впечатление? Куриный супчик оказался целительным бальзамом для измученного желудка, а сама дама Тенар - воплощенным милосердием.

- Фрэн перестаралась с травами, - буркнула эмиссарша, истинно по-матерински поправляя подушку под головой болящего. – Забыла, видать, что чужаки к нашему чаю непривычны.

- Она – убийца, - прошептал мурранец.

- Хм… Когда бы Тэранс-младшая вас уморить хотела, то мы бы сейчас бесед не вели, сударь мой, - усмехнулась Лив. – Я же вам уже объяснила – травы у нас сильные.

Получилось не шибко убедительно, но спорить Ланс не стал. У него на споры не осталось никаких сил. Стоило, пожалуй, смириться с мыслью, что эспитцы все поголовно очень странные люди, преследующие свои собственные цели.

- Я буду острожен с чаем, - пообещал он и уснул.

Глава 12

Лив. Эспит

Этим утром будильник не понадобился. Привычка, въевшаяся не только в плоть, но и в душу. В первый день Летнего Фестиваля эспитцы просыпаются до рассвета, чтобы успеть подготовиться. И первые солнечные лучи нового дня и нового круга удивленно замирают, словно утро на миг цепенеет в растерянности. Какой это круг? Какой век?

Девчонка, к счастью, не задавала лишних вопросов, без сомнения, тоже охваченная этой особенной предпраздничной лихорадкой, в которой смешалось сразу всё: и недосып, и неясные предвкушения, и опаска, и ощущения чего-то огромного и торжественного, что вот-вот покажется из моря вместе с солнцем. Или – вместо него. На Эспите возможно всякое, особенно в такие дни.

Верэн послушно повторяла за Лив действия, от которых так и разило древними ритуалами: умылась дождевой водой, обсушила мокрые ладони над огнем в небольшом бронзовом треножнике, высыпала на алтарь горсть крошек и стряхнула с пальцев капли масла и вина. Нынче *морские и подземные* не останутся голодными, но надо же и им позавтракать, верно?

А потом пришло время одеваться: девице – в белое платье-хламиду и серый плащ с капюшоном, укрывший Верэн с головы до ног, словно кокон – будущую бабочку, а Лив – в синее с черной каймой праздничное облачение Стражницы Эспита.

Три дня, *морские и подземные*, целых три дня! Можно не притворяться. Можно в открытую продемонстрировать друг другу и всему миру, кто ты есть на самом деле. Можно… да всё, в общем-то, можно! А то, что на Фестивале присутствуют зрители, совсем не мешает. Напротив, с публикой даже веселее. Курортники, любители экзотики или проходимцы-археологи – неважно, кто они. Для них, чужаков, Фестиваль – это что-то вроде костюмированного народного праздника, этакий чуточку непристойный, чуточку жутковатый карнавал.

Пришлые, случайно попав в красочный и бесшабашный хоровод этих трех дней, уверены, что жители Эспита надевают маски. На самом же деле они их снимают.

Чудесные, неповторимые дни и ночи! Стражнице не нужно притворяться имперской чиновницей, Воину и его Ведьмам – цивилизованными и современными людьми, Лазутчику –

контрабандистом, Палачу – респектабельным доктором, а свирепой Охотнице – чудаковатой ветеринаршей. Ну, а Лорд остается Лордом, владыкой этого царства оживших масок, разве что из милашки-аристократа превращается в темного и сияющего господина, повелителя наслаждений, боли и удовольствий, с Рабыней, прильнувшей к его коленям, и Наложницей, пьющей вино с его губ…

И только Куколка еще не выбралась из своего кокона, а потому не поймет и половины происходящего. Пусть ее. Не в этом году, так в следующем названная Верэн обретет настоящее имя и вольется в круг, как и все, кто был до нее. А пока девушка будет просто веселиться, счастливая в своем неведении, но и обделенная им.

Кстати, о неведении. Глупышка может по недомыслию попасть впросак и опозориться, вроде самой Лив, которую перед первым ее Фестивалем тоже никто не предупредил насчет некоторых нюансов. Ну да ничего, идти еще долго, есть время дать Куколке пару-тройку наставлений.

- Не заговаривай ни с кем первой, а лучше – вообще молчи, пока не закончится погребальная церемония, - предупредила Лив девушку, так и норовившую то об собственный подол споткнуться, то зацепиться им за придорожный репейник. – После того, как проводим Эвита на новый круг, делай, что хочешь, но до того – цыц! Поняла? И еще. Самое главное! – Овчарка даже остановилась, чтобы предупреждение прозвучало внушительней. – Не подавай руки ни мужчинам, ни женщинам. Особенно женщинам! Ты – девица, и чужое прикосновение может… э-э… осквернить твою чистоту. Ясно?

- Угу, - кивнула хадрийка, заметно содрогнувшись. – А…

- Никаких вопросов! Просто делай, как я сказала. Далее. Во время Фестиваля все называют друг друга только настоя… то есть, эспитскими именами. И на «ты». Даже лорда! Если захочешь с ним поговорить, скажешь «мой господин Тай».

- А если я не знаю эспитского имени?

- Я так полагаю, детка, - глумливо скривила губы Овчарка, - что, как зовут Рыжего, ты не запамятовала. Или тебя уже кто-то еще заинтересовал, а? И никаких «дам» и «господ»! Господин у нас всех только один – лорд Тай, все прочие братья и сестры. Всё поняла?

- Да, гос… то есть, дама… то есть, Лив.

- Умничка, Куколка. И не морщись – у тебя еще нет эспитского имени, так что Куколкой тебя еще не раз сегодня назовут.

- А почему Куколка? – девушка, похоже, обиделась.

- Потому что еще не бабочка, - отрезала Лив. – Ну, пошли! Куда руку тянешь? Сказано же было – ни до кого не дотрагиваться! Это значит – «ни до кого совсем»! Вперед шагай!

Сколько же мороки с этими неофитами, *морские и подземные*!

Ну вот, пожалуйста, только взгляните на эту! Из-под плотной накидки не видно ушей, но наверняка ведь пылают, словно бумажные фонарики, сердишко стучит мышиными лапками, а уж как пыхтит-то! Словно маленький паровозик.

А туда же, на охоту за Рыжим Бертом, словно у него медом кой-где намазано. А ведь Лазутчик, прямо скажем, не лучший объект для девичьей любви.

«Ревнуешь, Лив? – язвительно спросила Стражница сама себя. – Или сочувствуешь?»

Смешно, но второе вероятней. Отсутствие детей, все дело в этом. Невозможность оставить потомство сперва забавляет, потом злит, затем приводит в отчаяние, которое, выкипая, оставляет на дне сердца нагар из жгучей ревности и ненависти к более удачливым Дине и Лисэт. Пусть они обречены на вечную карусель перерождений то матерью, то дочерью, пусть готовы сжечь друг друга заживо – да сколько раз уже это делали! Но все-таки обеим Ведьмам отчаянно, несправедливо повезло. Ведь у каждой из них есть двадцать лет материнства, целых двадцать лет до тех пор, пока в дочери не проснется ненависть и ревность. Два десятка лет, которые можно потратить на любовь. А что делают эти две гадюки? Ха! И после этого они еще скулят о несправедливости! Заслуженно это наказание, каждой из них заслужено, и все на этом поганом островке получают сполна!

«А ты сама? А, Лив? Давай, расскажи девочке. Время еще есть. Расскажи ей о любви и о предательстве. Нет, не о том предательстве, когда любимый задирает каждую юбку, мимо которой ему случается пройти. О другом. О ноже под лопаткой, например. Или о том, как он лихо умеет уносить ноги, заслышав подозрительный шорох. Только что был тут – и вот уже ищи в море ветра! А тебя, сонную и еще теплую после жаркой ночи, хватают и нагишом волокут на дыбу… Что, не расскажешь? И о том, как на следующем круге, вспомнив все, ты первой наносишь удар в спину, еще пахнущую твоими поцелуями! Нет? Трусишь?»

Бесполезно. Не поверит.

Что ж, детка… есть вещи, которые нужно испытать на собственной шкуре. Вперед!

Ланс. Эспит

- Ах, ты ж Сука! – только и смог сказать Ланс, когда проснувшись утром, обнаружил себя снова запертым в доме.

И хотя хозяйка оставила завтрак - куриный суп и кашу, но верный Перец, по-прежнему сторoживший дверь, без всяких слов дал понять Лэйгину, что тот остается узником Башни Зорких.

Негоже, конечно, непотребно обзывать женщину рыцарского звания, но что, скажите на милость, делать остается? Овчарка, истинно Овчарка!

Впрочем, Ланс злился вяло, без огонька и задора, и виной тому давешняя ведьмина отрава – эспитские травки. Иначе откуда взялись прямо с утра противная ватная слабость в ногах, легкое головокружение и полная невозможность собраться с мыслями? Словно предыдущую неделю Лэйгин из кабаков не вылезал, пропивая последние деньги. Одно радовало – во рту никаких дохлых котиков.

И все же беспрекословно подчиняться воле дамы Тенар никто не собирался. Пропустить первый день эспитского фестиваля? Еще чего!

«Хватит ныть! – сказал себе археолог. – Или ты - мужчина и усилием воли победишь слабость, или ты – тряпка, о которую вытирают ноги все кому не лень – сначала ведьмы, затем эмиссарша». Что-что, а регулярно доказывать себе и остальным, что имеешь полное право носить штаны, любимое занятие мужчин во все времена. Тут Ланс Лэйгин ничего нового не изобрел.

Мужчина сказал, мужчина сделал, верно?

Ланс заставил себя съесть завтрак, оделся и направился прямиком на чердак. В подвал, чтобы попытаться выбраться наружу через башню, его сейчас не загнали бы и под угрозой смерти.

«А еще в пещеры лезть собрался», - устыдился мурранец. Но при одной лишь мысли о хранилище черепов его пробирал нездоровый озноб. Да и какое уж тут здоровье, когда от любого резкого движения темнеет в глазах, словно у беременной.

Но везение в первый день Летнего Фестиваля оказалось целиком на стороне проходимцев. Все просто: не будь у Лив Тенар текущей крыши, она не оставила бы приставленной лестницу, и тогда некоему упрямому господину пришлось бы целый день работать флюгером. Рискуя сверзиться с немалой высоты, Ланс на трясущихся от напряжения ногах сполз вниз, посрамив в лице эмиссарши всю Вирнэйскую Империю.

- Вот и всё, друг мой, - сказал он шепотом и уселся рядом с Перцем на ступеньки. – Надеюсь, тебя не будут наказывать. Приказ был не выпускать через дверь, и ты его честно выполнял.

А про чердак никто не говорил.

Перец, увидав такое дело, лишь укоризненно тявкнул, соглашаясь с могучей человечьей логикой. Подставил лобастую голову под ладонь, мол, коли обхитрил, то хоть поласкай, как следует, а ему, честному псу, тоже мало радости целый день в сторожа играть. Вон какая трава отросла на холмах. А там, между прочим, полным-полно мышей!

На том и расстались: Перец отправился мышковать, а Ланс… Должно быть, спасать Верэн Раинер от принесения в жертву древним богам… Калитара. Он и сам не совсем представлял, куда идет и что станет делать. И дело даже не в телесной слабости, хотя о каких подвигах можно говорить, если чувствуешь себя точь-в-точь как выжатый досуха лимон? Что, скажите на милость, безоружному человеку предпринять против всего эспитского населения, состоящего целиком из умалишенных и отравителей?

Дезориентированный, как после контузии, археолог неловко пылил по дороге, куда глаза глядят и, пожалуй, обошел бы весь остров вокруг не один раз, если бы его вдруг не отвлек от бессвязных раздумий знакомый звук.

«Померещилось», - решил Ланс.

Но звук нарастал, близился и… очень скоро не узнать его было уже невозможно.

По дороге катилась знакомая до последнего винтика «*айр эмэри*», а за рулем её сидела Оливи Лакрес. Изящная красотка вела машину чуть небрежно. Правой рукой брюнетка удерживала руль, зажав в левой, отставленной чуть в сторону - длинный мундштук с тоненькой дамской сигарой. Все аксессуары, полагающиеся современной даме: алая помада, блестящие завитые локоны, шикарный автомобиль и сигара. Оливи поравнялась с Лэйгином, сбавив скорость, чтобы «*айр эмэри*» медленно катилась рядом, не обгоняя одинокого пешехода.

- Эй, красавчик! Подвезти? – звонко рассмеялась девушка, наставив на недавнего любовника сигару, словно дуло пистолета.

Должно быть, смазливую физиономию мурранца перекосила такая нелепая гримаса изумления, что Оливи хохотала до слез. Да так и умчалась вперед, обдав археолога облаком пыли, выхлопными газами и отголосками глумливого смеха.

Она имела полное право потешаться над Лансом Лэйгином, лопухом и простофилей, похотливым идиотом и алчным гробокопателем. Все обидные прозвища, которыми его когда-либо награждали недруги, Ланс честно заслужил. Ибо только самый тупоголовый, самый безмозглый недоумок на месте Лэйгина не догадался бы, что его заманивают на Эспит. А он-то, дурачок, думал, будто старинные конкуренты наняли девицу-

соблазнительницу и бандитов, и понадеялся, будто «*айр эмэри*» выгодно продал, а уверовать в то, что его на острове совсем-совсем не ждали, мог только наивный школьник.

Все более-менее близкие знакомые прекрасно знали: как бабочка летит на свет, прямо в огонь, так и Ланс Лэйгин жаждет найти Калитар. Все предыдущие экспедиции, все опасные сделки, все рискованные авантюры, они всегда были лишь средством, лишь еще одной ступенью к вершине, к мечте, к Калитару, к… *Другой*. Он без лишних сомнений продавал любые сокровища, если они не имели отношения к Цели. Слава, сплетни, скандалы, слухи – всего лишь пыль под ногами, неустанно шагающими вперед. Туда, где сияет величайшее открытие! Кто-то посмеивался, кто-то уважал за целеустремленность, кто-то опасался связываться с одержимым, но никто не верил. Кроме эспитцев.

- Как бабочка! Как хренова безмозглая бабочка…

Ланс даже не замечал, что разговаривает вслух, останавливается, рычит, грозит кому-то неведомому кулаком, топает ногами, как расстроенный ребенок. Он - просто бабочка, летящая к свече, разожженной жестокими полуночниками на погибель всяким летучим тварям.

Горе-археолог настолько перевозбудился, что едва не упустил из виду пролетающую мимо яркую синюю бабочку. Затем еще одну. Потом еще.

Насекомые летели отнюдь не бесцельно, в определенном направлении. И, конечно же, Ланс полетел… то есть, поспешил следом. Как тут устоять против искушения?

И так как бабочки летели напрямик, а не по проложенной людьми дороге, то Лэйгину пришлось продираться сквозь кусты и высокую траву, затем подняться на холм, с вершины которого он увидел…

Погребальная процессия двигалась не быстро и не медленно, а в таком темпе, чтобы каждый участник мог в полной мере насладиться действом. Впереди на носилках несли покойного господина Фирска, причудливо спеленатого в белую ткань так, чтобы даже издали его тело напоминало куколку огромной бабочки. Провожающие соседа в последний путь островитяне нарядились в яркие, пестрые туники: женщины - в длинные, мужчины в короткие, до середины колен. Словно без следа промчались века разнообразного и причудливого кроя платья, или время повернуло эдак на пару тысяч лет назад.

Оторопевший Ланс только и сумел, что глаза ладонями протереть. Вдруг привиделось или померещилось?

Но нет! Будто со стен заброшенных храмов вдруг сошли и

ожили праздничные шествия в честь древних безымянных и безликих страшных богов. Единственным отличием от изображений на древних фресках были, пожалуй, синие с черной окантовкой плащи, надетые островитянами поверх архаичной одежды.

Какое-то великое волшебство оживило немые статуи и барельефы, пылящиеся в музеях по всем миру! Венки из листьев и цветов в волосах, шуршание кожаных подошв сандалий, ритм, отбиваемый в маленькие бубны, выводящий красивую тягучую мелодию без начала и конца – яркий солнечный свет пронзил непроглядную толщу времен, осветив былое, словно прожектором. И в ослепительном сиянии исчезли без следа все, даже самые крошечные приметы современности. Растаяли они и растворились, обнажив истинную человечью сущность без прикрас. Как понимали её древние.

Что есть – смерть? Оборотная сторона жизни, холодная шелковая изнанка пестрого праздничного наряда! Намертво пришита, не спороть её без вреда и ущерба. Да и зачем, если цепочка перерождений и впрямь так крепка, как твердят столько веков «мельники». Мировая Мельница вращает жерновами крайне медленно, и пока перетрутся в них грехи людские, страстишки мелкие и пороки гнусные, много жизней будет прожито.

Оттого древние и не скорбели на похоронах, а радовались. Ведь и без музыки понятно – народ Эспита веселится от души. Кое-кто даже приплясывал на ходу в такт мелодии. Праздник у людей, с какой стороны не глянь. Ни одного хмурого лица, ни капли скорби в звонких троекратных возгласах: «Эвит! Эвит! Эвит!», которыми то и дело оглашались окрестности.

А над танцующей, смеющейся и наслаждающейся жизнью толпой кружилось целое облако синих бабочек. Время от времени островитяне, взмахнув руками, замирали, становясь сами до жути похожими на гигантских насекомых с сине-черными крыльями. И тогда уникальные эспитские чешуекрылые пикировали на их обнаженные запястья. На краткий миг шествие прерывалось, а потом снова – фухх! И снова звенел бубен, и несся к небу, вместе с синим живым облаком, полувздох-полукрик: «Эвит!»

Где-то там, в толпе, отплясывала маленькая тоненькая фигурка, вся закутанная в белые покрывала - Верэн Раинер – единственное бледное пятнышко в пестром море. А рядом с ней мурранец безошибочно угадал Лив. Со спины, едва лишь заметил её темно-каштановые волосы, её стройную спину, её крутые бедра… И словно завороженный, захваченный в полон нестерпимой жаждой, он устремился вперед, чтобы присоединиться к шествию. Быть рядом с Лив, чувствовать её

запах, томиться и наслаждаться невинной близостью. Лэйгин готов был присягнуть, что средь остального шума слышит именно её смех, ведущий за собой, как свет маяка, показывающий заблудившемуся кораблю путь в гавань.

Никто из островитян слова не сказал, пуская Ланса в свои ряды. И очутившись в толпе, он вдруг понял, что больше не ощущает себя отдельным существом. Он – малая часть чего-то целого, бо́льшего, чем совокупность полусотни людей. Так же, как капля дождя, падая в ручей, становится потоком, моментально забывая о бытности своей водяным паром.

И вот уже Ланс Лэйгин точно так же, как остальные эспитцы, кричит в пронзительно синее небо: «Эвит!», душа его полна до краев пьянящей радости, и больше он не боится смерти, ни капельки не боится.

Верэн и Ланс. Эспит

- Ты что здесь делаешь? – прошипел археолог, поравнявшись с Верэн.

Девушка чуть не выронила букет из каких-то местных трав, который ей всучила лучащаяся от злости младшая Тэранс. Но хитрая хадрийка сделала вид, будто не знает причины ведьминого негодования, и на всякий случай спряталась за дамой Тенар.

- Обязательно принимать участие в этом шабаше?

«Но с Тэрансихами все понятно, а это-то чего ярится? – недоумевала Верэн. - Ишь ты, как нашего ученого разобрало! Бровки насупил, глазки бегают затравленно, носом сопит. Ни дать ни взять, старший братец или папаша». Бдительных родственников девушке хватало всегда, а потому на острове она отдыхала душой от присмотра. Куда хочу - туда иду, а главное – с кем хочу. Поэтому докучливому мурранцу ответила крайне нелюбезно

- Я праздную. Как все нормальные люди. Отстаньте от меня, ради Великой Мельницы.

И плечиком дернула, дескать, отцепитесь, Сударь Репей.

Ощущение праздника, как пришло с первыми лучами солнца, так и не выпускало девушку из крепких объятий. А какое платье! О! такой чудесной вышивки, Верэн никогда не видела, не говоря уж о том, чтобы надеть на себя такую рукотворную красоту. И пусть никакого нижнего белья к наряду не полагалось, Верэн не слишком смутилась. Раз так принято, что ж. Ради платья можно денек-другой без трусов побегать.

А дала бы дама Лив больше времени на сборы, то барышня глядела бы и глядела в старинное зеркало на хрупкую красотку-куколку, вертелась бы всяко-разно. Потому что, с какой стороны не посмотри, девушка она ладная, и не просто хорошенькая, а настоящая красавица. И кое-кто непременно заметит этот очевидный факт. Вот тогда…

В веселящуюся толпу Верэн влилась, как бойкий ручеек в реку, и не будь рядом Лив, сразу же кинулась бы искать Берта. И сколько не выглядывала контрабандиста, без толку. А так хотелось покрасоваться. Но только не перед очумелым Лэйгином.

- Ты хоть понимаешь, что с тобой собираются делать? – бурчал над ухом тот. – Тебе объяснили…

- Слушайте! – вспылила девушка. – Думайте о себе, а не обо мне, я уж как-нибудь позабочусь о своей защите. Всё! Отвяжитесь!

И ловкой форелью в стремнине ручья заторопилась вперед, приплясывая в такт звону бубнов и барабанов. Будто чувствовала, что там, возле Поющей Скалы её ждет Берт Балгайр.

Так оно и вышло. Верэн сморгнула, не веря своим глазам. Ничего не осталось от хитрого контрабандиста, проворачивающего под носом у республиканской таможни всякие темные делишки, развеялся дымом образ доброго и безобидного дядечки с острова. На границе мира живых охранял покой мертвых истинный Страж, и прежде чем шагнуть к нему на плотик, по-хорошему, следовало бы попрощаться с самой жизнью. Ну, или с сердцем, как это случилось у Верэн. Оно, разнесчастное, окончательно пало к ногам островитянина.

А тут еще ветер как-то по-особенному жутко завывал в сетях, расставленных на доверчивые души. Только не слушала его тревожный глас влюбленная девушка. Какой там! Засмотрелась на Бертовы стройные ноги – волосатые и мускулистые. Везде, где тело Рыжего негодяя не прикрывала одежда, рос золотистый мягкий волос.

«Пропала ты, дуреха, - тяжело сглотнув, обреченно подумала хадрийка и почувствовала, что уже однажды говорила себе те же бессмысленные слова. – Нет тебе спасения».

И как на грех рядом снова очутился мурранский всезнайка. За руку схватил, держит, на Поющую Скалу не пускает. К Берту Балгайру не пускает!

- Не ходи туда, дурочка! Отсюда посмотрим.

Окончательно обозленная Верэн в его рожу смазливую не вцепилась когтями только потому, что дама Тенар её сторону взяла.

- Чужак, у нас тут праздник, - сурово напомнила эмиссарша.

- Похороны, - поправил её взволнованный археолог. – И мне

не нравится…

- На Эспите каждые похороны – праздник, сударь мой. Традиции такие. А что ты так вытаращился? Поди, не только у нас обычаи странные. Ты ведь ученый, небось, всякого навидался, по миру шастая. И книжку тебе Гаральт подарил, опять же. Вот и сличай!

Лэйгин и сам понимал, что ведет себя по-дурацки во всех смыслах, но поделать с собой ничего не мог. Как говорится, что у трезвого на уме, то у пьяного, а в случае с мурранцем, отравленного – на языке.

- Нечего скалиться, госпожа Тэранс! – прикрикнул он на ведьму. – Вы едва меня не убили вчера.

- Хотела бы убить, тебя бы тут не стояло, - приторно улыбнулась та. – И вообще, зови меня Лисэт.

Игриво толкнулась бедром, выказав немалую для женщины силу. Со стороны смотря, вроде бы фривольно повела себя, а на деле от ведьмы, как от печки, шел жар настоящей неподдельной злости.

«Лисэт?» И опять Ланс не смог скрыть изумления.

- Зачем травили тогда?

- Для куражу, - хихикнула вездесущая Мererид. – Ты, Чужак, слишком серьезный для нашего веселого острова.

По всему было видно, что обеих ведьм его взъерошенный вид и блуждающий взгляд очень даже устраивал, а возможно, и радовал.

- Присоединяйся, не смущайся нашего вида и не сторонись невинных забав, - продолжала увещевать его старшая Тэранс. - Когда распробуешь, тебе обязательно понравится.

Её голубые глаза, совершенно кошачьи – бесстыжие и жестокие, сверкали и завораживали. И больше всего хотелось послушаться добрую милую женщину, которая мухи не обидит. Быть покорным её воле. «Скушай пирожок, мальчик. Вкусный пирожок. Сла-а-аденький…»

Тьфу! Ведьма!

Лив, Берт и другие. Эспит

Паром, с помощью которого жители Эспита переправлялись к своему некрополю, был довольно велик, хотя и недостаточно, чтобы вместить без малого пять десятков человек. К счастью, присутствие всех островитян непосредственно на месте кремации и не требовалось. Поэтому первыми на паром взошли те, без кого погребальная церемония была бы неполной: Лорд, Стражница,

Палач и Охотница с жертвенным козлом на шелковой веревке, обе Ведьмы, Воин – и, конечно же, носилки с главным действующим лицом грядущего обряда – Джаем Эвитом Фирском. И все равно Берту пришлось трижды проводить паром от берега жизни к берегу смерти, прежде чем на площадке для сожжения не собрались все, кто пожелал. В подобных случаях говорят обычно «самые близкие», но все эспитцы друг другу родня в каком-то смысле, даже хуже, чем родня, так что куда уж ближе. Проводить Эвита хотели все, просто не всем нравился запах. Хотя дрова для погребального костра любовно собирались заранее и предварительно же высушивались и пропитывались ароматическими маслами, смрад обугливающейся плоти все равно силен и мучителен для чувствительных носов. Танет, к примеру, традиционно осталась на другом берегу, под ручку с Орвой. Обе спутницы Лорда – Рабыня и Наложница - издалека казались похожими, как сестрички. Даже ожерелье Танет легко можно было перепутать с изукрашенным самоцветами золотым ошейником Орвы. Обеим женщинам было, что обсудить вполголоса, наклонившись голова к голове, да и с высокого берега Эспита отлично видно все, что произойдет на Поющей Скале. Прекрасное место для зрителей.

У некоторых, впрочем, не было выбора. Присутствие Куколки, новой, еще безымянной души, необходимо, да ее и не удалось бы не пустить на паром. Девушка так прикипела взглядом к стройным ногам Проводника-Берта, что ее не удержала бы и цепь. А Чужака, натурально, тянуло поближе к месту действия неуемное любопытство, страх и – воля *морских и подземных*. Кто-то мог бы назвать это безумием, но эспитцы-то знали настоящий диагноз. Древние божества заметили припасенную для них жертву и заинтересованно сейчас к ней принюхивались. Значит, все идет так, как хотело большинство общины. Но…

«Еще ничего не решено окончательно, - подумала Лив, осторожно переступая с парома на мощеную пристань Поющей Скалы. – Я здесь и я слежу».

Но следила не только Стражница. Жадные ищущие взгляды скользили по помосту, куда водрузили погребальные носилки, но неминуемо сходились на нелепой фигуре горе-археолога в неуместном здесь и сейчас костюме. Даже бабочки, знаменитые эспитские бабочки, и те заинтересованно порхали вокруг Лэйгина, обращая на него внимания значительно больше, нежели на чашу, которая вскоре наполнится жертвенной кровью. И будь у Лив побольше воображения, она с легкостью представила бы себе, как из нездешнего сизого тумана того плана бытия, где обитают древние боги, тянутся к мурранцу невидимые ниточки паутины,

блестят ждущие глаза и узкие раздвоенные языки трепещут, предвкушая…

Но это были всего лишь бабочки и взгляды. И только.

Пока Стражница наблюдала за Лэйгином, к завернутому в похоронные пелены телу Джая Эвита Фирска положили последние дары – всяческие мелочи, иногда наивные, иногда смешные и милые в своей жутковатой простоте. Букетики, вышитые подушечки, статуэтки, лоскутные куколки. Сама Лив отдарилась клубком серых ниток, спряденных ею из козьего пуха. Кто знает, может быть этот дар и пригодится духу Эвита, когда тот будет блуждать в лабиринте во владениях *морских и подземных*? Куколка, предупрежденная Стражницей, робко поднесла покойнику несколько сорванных по дороге цветов. Лив усмехнулась. Это как раз тот случай, когда дорог не подарок, а внимание.

- Морские и подземные!

Лорд поднял руку, и негромкое пение без слов, которым островитяне поддерживали мелодию ветра в струнах, натянутых между склепов, оборвалось, и даже ветер, кажется, утих.

- Могущественные, безликие, боги или богини, мужчины или женщины, или как еще вам угодно называться! – Лорд Тай дернул подбородком, и Охотница сноровисто перерезала горло одурманенному покорному козлу. Кровь животного хлынула в подставленную бронзовую чашу.

- Мы почтительно предлагаем вам это приношение и надеемся, что вам оно придется по нраву, - продолжал повелитель Эспита, простирая руку к чаше. – Пусть наши дары насытят вас, чтобы вы были милостивы к нам и брату нашему Эвиту. Еще мы даем вам эту кровь и эту плоть, чтобы вы помнили о нашем почтении, морские и подземные! Примите наши дары и, если вам будет угодно, одарите нас в ответ своим благоволением. Пусть брат наш Эвит с быстротой и легкостью пройдет лабиринтом перерождения и вернется к нам обновленным и юным. Я, Тай, господин Эспита, сказал.

- А я, Кат-Охотница, даю вам, морские и подземные, кровь этого животного, чтобы брат наш Эвит на следующем круге бытия избавился от своего мерзкого пристрастия к жареной сельди! – воскликнула Кат, вытаскивая из припасенного мешка белую мышь и профессионально отсекая ей голову. – Примите и помните о моей просьбе!

- Я, Исил-Палач… - вперед выступил тот, кто был эспитским доктором, но Лив дальше не слушала. Почти у каждого островитянина нашлось, что предъявить покойнику, а похоронный обряд – уникальный случай к нему обратиться,

привлекая в качестве арбитров самих морских и подземных. Даже если отлетевший дух и возмущен придирками еще живых соседей, ответить он все равно не сможет – и возразить тоже! Очень удобно, право.

- Нашим богам, чтобы они были милостивы, - дождавшись, пока отзвучат последние претензии и пожелания в адрес новопреставленного Эвита, Лорд запалил факел и ткнул им в заботливо припасенную растопку. Почти невидимое в ярком свете солнечного дня пламя вспыхнуло сразу. – Мы ждем тебя, Эвит.

- Мы ждем тебя, Эвит! – хором воскликнули островитяне, кто громче, кто тихо, одними губами. Никто не лгал. Несмотря на все разногласия и планы, возвращения одного из своих ждали все. Всегда.

Ланс. Эспит

Удержаться от соблазна поглядеть на эспитский ритуал Ланс просто не мог. Его тянуло на Скалу без всякого поводка, но также неотвратимо, как госпожа ветеринарша – несчастного жертвенного козла. Животное, к слову, тоже одурманили.

Ничего островитяне не скрывали от посторонних глаз, выставляя напоказ свою маленькую интимную тайну. Так кокетливая любовница посреди чопорного светского приема сообщает на ушко нетерпеливому кавалеру, что сегодня она «забыла» надеть нижнее белье. Пикантная тайна немедленно разжигает костер желаний, и несчастный счастливец начинает считать минуты до окончания мероприятия.

Лэйгин чувствовал, как горит его кровь то ли ожиданием, то ли какой-то нездешней жаждой. Не стоялось ему на месте, не слушалось речей лорда Тая, как всем остальным островитянам. Ланс не смог себя заставить даже сравнить увиденное с описанным в подарочной инкунабуле господина почмейстера. Не до того и не сейчас!

Спина и затылок зудели, будто в них были устремлены пристальные взгляды. Так, пожалуй, чувствует себя совершенно голый человек, коего вытолкали из спальни на всеобщее обозрение.

Ланс вертелся-крутился, и беспокойство его по мере развития действа лишь росло, пока не обратилось в чистейший ужас. И не от кровавого зрелища, когда ветеринарша недрогнувшей рукой резала горло козлу, и вовсе не от запаха жженой плоти у мурранца застыла в жилах кровь. Прямо на глазах клубящиеся дымные языки, словно по команде, устремившихся ввысь. И там

они необыкновенно быстро растаяли, будто за далеким пределом липкий серый дым жадно выхлебал кто-то ненасытный. Черно-синие бабочки тоже не остались голодными. Ланс сощурился. Так и есть! Летучие твари лакали из чаши, и археолог готов был поклясться Великой Мельницей, что хоботки у них с раздвоенным концом, а каждая лапка заканчивается острейшим коготком.

- Вы это видите?

- Что такое? – недовольно прошелестела Верэн.

- Они кровь пьют.

- Кто?

- Бабочки.

Девушка только озабоченно головой покачала.

- Вы совсем уже сбрендили на почве учености. Даже я – сельская девушка, знаю, они цветочным соком питаются.

Спорить Ланс не стал. Бабочки и так уже хихикали над ним. Летали вокруг и хихикали. И судя по хищному блеску их фасетчатых глазок, примеривались продегустировать самого мурранца.

- Ну, вот и всё, а ты боялся, господин ученый, - усмехнулся ветеран. – Мы – люди мирные, практичные и чтим традиции.

Ничего против традиций Лэйгин не имел. Тем более что ничего такого экстраординарного в эспитском погребальном обряде не имелось. Он насмотрелся на разнообразные обряды, в сравнении с которыми эспитские похороны – невинная детская забава. В странах менее цивилизованных жена самоубийцы отправилась бы в его костер живьем. А если не обращать внимание на жутковатых кукол, бросаемых в огонь к покойнику, то огненное погребение вполне эстетское зрелище.

От вытаращенных пуговичных глазок игрушечных удавленников, выпущенных из кукольного живота шелковых кишочек, оторванных ножек и ручек Ланса мутило больше, чем от черных обугленных костей, оставшихся от мертвеца. Островитяне соревновались друг с другом, кто сделает куклу отвратительнее, кто умертвит тряпочное существо с наибольшей жестокостью. Словно отыгрываясь на игрушках из-за невозможности расправиться с живым человеком. Ведь во многих древних культурах считалось, что боль и муки жертвы угодны богам, и только истошные крики истязаемого проникают за твердую корку небесной тверди, чтобы усладить слух духов. Тут эспитцы и впрямь проявили чудеса практичности. Куклы, они же почти как люди: две руки, две ноги, голова, лицо. Просто они изначально немы. Но если их воплей не слышат люди, то это не значит, что их не слышат боги, верно?

«Как? Как они умудрились сохранить древние обычаи, в то

время как и Вирнэй, и Мурран уже несколько тысяч лет обретаются в лоне учения о Вечном Равновесии? – вопрошал Ланс. – Как такое может быть, если все они пришлые на этом острове?»

«Калитар!» - было единственным логичным ответом. Эти люди хранили тайны Калитара. И задача же Ланса Лэйгина вытянуть из них эти тайны. Для начала просто заглянуть в таинственные пещеры и убедиться окончательно. А лучше всего - найти материальное подтверждение своей теории. Оно есть, должно быть!

«Эх, нужно что-то существенное – статуэтка, украшение, оружие, которое можно предъявить миру. Пусть даже эта вещь отправится прямиком в Императорский Музей. Пусть! Но об этом узнает весь мир, и тогда сюда можно будет вернуться с экспедицией».

- Угощайся, милая наша куколка, - мурлыкала госпожа Матэи, подсовывая девушке пирожок.

- Ой! На мышку похоже, - беззаботно смеялась та, надкусывая угощение. Вишневый джем начинки окрашивал зубы Верэн в ярко-алый цвет.

- Да, да, на мышку.

- Какая прелесть!

Видимо, пирожки и впрямь вкунейшие были, потому что хадрийка совершенно не замечала, как смотрит на неё госпожа Матэи. Глаза по-охотничьи блестят, губы поджаты, и даже чуть-чуть приплясывает на месте, один в один кошка, караулящая мышь. Жаль, у островитянки хвоста нет, полосатого такого, а то бы кончик его точно мелко подрагивал от нервного напряжения.

- А что вы в тесто кладете? Так пахнет приятно.

«Кошачью мяту», - подумалось археологу.

- Корень ириса, милочка, это он.

У Ланса отчаянно заурчало в животе. Но никто и не подумал его угостить. Госпожа Матэи вообще сделала вид, будто не знакома с мурранцем. Но корзинку с пирожками в другую руку взяла. Чтобы, значит, ничьи загребущие руки не дотянулись до печеных «мышек».

Впрочем, остальные островитяне утратили всякий интерес к незваному гостю. Будто и нет никакого Ланса Лэйгина. Так… ходит тут кто-то… непонятно кто… Ну и пусть ходит, коли не лень.

И самое бы время незаметно улизнуть и прогуляться в поисках места на побережье, где можно спуститься к пещерам, прикинуть, что потребуется из оборудования. Эпитцы на празднике, никто не помешает. Мурранец осторожно оглянулся

вокруг. Пепел уже собрали в урну и поместили в склеп, теперь островитяне отправятся на поминки, и если аккуратно отстать от толпы, а потом шмыгнуть в кусты, то...

- Хочешь прогуляться по некрополю?

Ланс не отказался бы разглядеть эспитское кладбище поподробнее. Резные узоры на стенах склепов вызывали у него живейший интерес. Но его-то никто на прогулку не приглашал. Это Рэджис распетушился весь перед девицей, совершенно забыв про хромоту и моментально излечившись от нервного случая. И ластился, подлец, к юной хадрийке, будто кот-гуляка, только щекой не терся об девичье бедро. С премерзкими целями, не иначе.

Как тут прикажете заниматься Калитаром?

- Эй! Верэн, вас дама Тенар искала!

Ничего умнее Лансу экспромтом не придумалось.

- Ой! Правда? Где она?

Хил Рэджис бросил на археолога ледяной взгляд, как сквозь прицел, метя точно между глаз. Такой не промажет.

- Идем, куколка, найдем нашу суровую Лив. Раз искала, значит, по делу. Верно?

Отчего-то ветеран собирался искать эмиссаршу в тех же кустах бузины, где только что намеривался гулять. Но подозрительным его поступок показался только Лансу.

Он впился в ручонку Верэн, как клещ в собачье ухо. Девчонку надо было спасать, причем срочно.

Потому что эспитцы вились вокруг барышни Раинер, словно синие парусники над чашей с жертвенной кровью. И где, скажите, гарантия, что они не собирались вкусить её крови… и плоти? В прямом смысле слова, да и в переносном тоже. С другой стороны, только слепой не заметил бы повышенного интереса к хадрийке. Её обхаживают, угощают пирожками, делают комплементы, ластятся. Только глухой не услышал бы вкрадчивых интонаций и приторного добродушия.

- Что-то ты разбегался, Лэйгин, - резко окликнула его дама Тенар. Вот уж кто всегда на страже!

Глава 13

Лив, Кат и другие. Эспит

Следить, блюсти и бдить, пока все вокруг празднуют – занятие не из приятных, и уж точно не улучшает настроение. Но куда деваться-то? Назвали Стражницей – сторожи, значит. Перец, вон, тоже не выбирал, оленьей гончей ему родиться или болонкой. Но всё же Лив злилась, как ни увещевала сама себя, как ни страшилась гнева *морских и подземных*, а все равно злилась, и ничего поделать с этим не могла.

Это, признаться, угнетало.

Да и вообще, весь этот круг вышел какой-то бестолковый! Война эта «Большая» (вот уж назвали! Не видели по-настоящему Большой Войны, то есть видели, да не помнят!), прогресс, постоянные перемены… Давно ли из дилижансов в поезда пересели, а тут уж и автомобили, и дирижабли, и самолеты еще! Века не прошло с тех пор, как ходили Вирнэй и Мурран друг на друга строем в штыковую, а поди ж ты! Тут тебе и газы, и бомбы, и мины эти проклятые! Убивать, убивать, убивать снова, по кругу, без конца! И эти, сородичи, сограждане – туда же, будто мало им! Чужой шкурой добывать себе свободу – заманчиво, кто ж спорит. Только не выйдет ничего, так – не выйдет.

- Жалко, да?

Кат-Охотница подкралась незаметно и бесшумно, со спины, ни шорохом, ни запахом себя не выдав. Лив хмыкнула. Кошатница Кат и привычки имела кошачьи, ничего удивительного.

- Даже не думай, - бросила Овчарка через плечо. – Эвит еще не успел по нам соскучиться, считаешь, ему нужна компания?

- Да ладно, - женщина обошла Стражницу и присела на теплый камень, уютно подобрав ноги. – Я умею проигрывать, Лив, и ждать тоже. А ты?

- Оставь, Кат. Не здесь и не сегодня, - отрезала дама Тенар, но на всякий случай покосилась на собеседницу испытующе – вдруг та изменила привычкам и обзавелась чем-нибудь огнестрельным?

- Ладно, - повторила Охотница и пожала плечами. – Но, если что, учти – я пыталась.

- Хреново ты пыталась, - фыркнула Стражница. – В прошлый раз и то веселее было. А так, камнем по затылку… Банально ведь!

- Но ведь раньше срабатывало, - ветеринарша усмехнулась. – Но нет, так нет. Может, Хилу повезет больше. Или, - она

прищурилась и облизнулась самым кончиком языка, - Берту?

- Поглядим, - Лив отвернулась и снова нашла взглядом мурранца. Бледен тот был и нервозен. Еще бы!

- Ты его жалеешь, - Охотница снова прервала мысли Лив своим замечанием. – Жалеешь Чужака! Ты знаешь, я даже в чем-то тебя понимаю. Видный экземпляр! Бывают такие, что, кажется, рука скорее отсохнет, чем поднимется… однако не отсыхала покуда.

- У тебя-то? – Стражница коротко хохотнула. – Рука не понимается? Кого-нибудь другого смеши, Кат.

- Вот и я говорю, что, если действительно надо, рука и поднимется, и опустится. А он – Чужак, пришлый. Беспамятный, безымянный и бессмысленный, как все они. К тому же самец. Лучше б ты девчонку пожалела, а не этого… - и подчеркнула презрение символическим плевком. – Не понимаю!

- А ты хоть разок заведи себе кого-нибудь с… - Лив не договорила, вспыхнув от внезапной злости. – Мужчины, знаешь, не только для того годятся, чтоб твой инструментарий не ржавел!

- Злая ты, - Охотница и не подумала обижаться. – Кстати, ты напомнила! – она покопалась в складках своего одеяния и извлекла небольшую баночку с чем-то, плавающим внутри. – С праздничком, Лив. Это тебе.

- Это… - Овчарка нахмурилась, рассматривая непонятное и плавающее. – Морские и подземные! Вот же дрянь! Это… чьи?

- Перчика, сестрица, Перчика твоего, - хихикнула ветеринарша. – Сувенирчик на память. Такие семенники роскошные были, просто жалость брала удалять! Вот и сберегла для тебя. Это к вопросу о руке, которая все-таки поднимется.

- Да я и не сомневалась, - Лив с зачарованной брезгливостью смотрела на банку, но принимать этот язвительный дар не спешила. – Я предупреждена, Кат.

- Затем и старалась, - Охотница встала и аккуратно поставила подарок на камень. – А Чужака не жалей. Мотыльки всегда летят к лампе, что ж поделать?

- Мотылек? – пробормотала Стражница одними губами, будто пробуя слово на вкус. – Мотылек… Неплохо.

Но Кат уже ушла, а потому не смогла бы это услышать, даже если бы захотела.

Ланс. Эспит.

Более всего мероприятие напоминало сельский пикник в честь дня рождения дочери старосты. Все давно знакомы, многие

друг другу противны, но зато появился отличный предлог выпить и закусить, а также посплетничать и поблудить. Милое, почти домашнее торжество, отличное от других подобных только экзотическим местом проведения. Некрополь – это, пожалуй, даже стильно, в духе моды на легкий налет трагизма.

Кстати, проливчик между Скалой и островом, как оказалось, легко перейти вброд. Поэтому в Бертовых услугах перевозчика никто особо и не нуждался. Лихой контрабандист, знай себе, потягивал из фляги хадрийское вино, занюхивал веточкой цветущего жасмина и… привлекал к себе внимание барышни Раинер. Рыжего наглеца вообще трудно не заметить. Куда ни глянь – везде маячит его туника.

И пламя в черном омуте зрачка, жар, исходящий от тела, полуулыбка, обещающая запретное и желанное…

Ланс, точно конь, ужаленный оводом, затряс головой, отгоняя видение.

«Фантазия разбушевалась?» – спрашивал он себя почти испуганно.

- Тебе плохо, Чужак? Или увидел что-то непотребное? - спросила Лив. – Так вроде бы еще не вечер. Хм… для непотребств рановато.

Она очутилась рядом внезапно. Только–только ходила между склепов, и вот уже тут как тут.

Смутился? Да, это именно то чувство. Так смутился бы любой приличный человек, заглянув в окно чужой спальни.

- И что означает это «ты»? Мы стали немного ближе? Возможно, друзьями? – попытался пошутить Ланс.

Тщетно. Флиртовать у него получалось ничуть не лучше, чем у 12-летнего мальчишки.

- Фу. Прекрати паясничать.

Лив презрительно оттопырила губу, но вовсе не ушла снова прочь от приставалы, а лишь сменила диспозицию рядом с Лансом - взяла его под другую руку.

- Чем я вам всем так насолил, не пойму? То травите, то оскорбляете.

- Никто тебя не оскорбляет, - фыркнула эмиссарша. – Оглядись повнимательнее вокруг…

Археолог последовал совету и осмотрелся. Старая ведьма Тэранс делала вид, что флиртует с доктором Хамнетом, Фрэн играла в карты с госпожой Матэи, и обе отчаянно мухлевали, Кат Нихэль демонстративно гладила кошку, Хил Рэджис умело изображал, будто пьян, а сам спрятал едва пригубленную бутылку в кусты.

Враги, кругом одни враги и недруги! Ну и пусть их! Пусть

играют в свои странные игры. А вот наша крошка Верэн снова в опасности!

Вокруг неё назойливым шмелем вился почтмейстер. И даже гудел, как мохнатый любитель клевера.

- Неужели ты откажешься выпить с новым другом, милая Верэн? Всего один глоточек. Для здоровья очень полезно, да-с.

«Ах ты, коварный письмоносец!»

- Не люблю я вина! - отбивалась девчонка от протянутой рюмочки. – Я не люблю…

«Конечно, она же любит одного только Берта Балгайра», - ухмыльнулся Лэйгин.

- А я не откажусь!

Ланс бросился на подмогу с неожиданной для самого себя и для дамы Тенар резвостью. Цапнул рюмку и выпил одним глотком. Эмиссарша опоздала и только успела по рукам шлепнуть пребольно.

- Да ты еще и пьяница!

- Верэн, по законам Вирнэя пить спиртное вам нельзя, - нарочито строго сказал Ланс. – Вас имперская эмиссарша оштрафует.

- Рыцарь! – удовлетворенно молвил Гаральт.

Он отступил на шаг, разглядывая мурранца, как ценитель – картину в галерее.

– А ты еще говорила, мол, «говнюк и эгоист». Где же твой нюх, Овчарка?

Лэйгин не мог поверить: побитый молью чудак-почтмейстер куда-то исчез, вместо него перед ним стоял жестокосердный господин, чьи глаза видели слишком много всякого по-настоящему страшного. Впрочем, все островитяне столь решительно сбросили маски, что любой нормальный человек испугался бы. Для археолога нет ничего нового в том, что обряды бывают страшными, а боги жестокими. Это нормально - для прошлого, и когда исследователя от кровавых ритуалов отделяют тысячелетия, а рядом все сплошь люди-современники, пусть и не слишком цивилизованные. Современники, а не ожившие ископаемые.

- Хорошее вино? – холодно спросил Гаральт у оцепеневшего Ланса.

- Отличное.

- Погорячилась, согласна, - расстроенно шмыгнула носом Лив. – Пожалуй, «безмозглый дурак» - более точный диагноз. Но не окончательный, предупреждаю.

- Тебе виднее, Овчарка.

- Позвольте, господа и дамы, это вы про меня так лестно?

Однако же ни дама, ни господин не удостоили археолога даже мимолетного взгляда. Зато как горячо они посмотрели друг на друга. Почти до дымящихся дырок.

«О, Великая Мельница! Я ревную? Нет! Нет?»

На Эспите мудрено не запутаться в собственных чувствах. Здесь все с ног на голову поставлено.

- Я ведь не отступлюсь, Писарь, - сдержанно пригрозила Лив.

- И не сомневался никогда. Но и мы на попятную не пойдем, не рассчитывай.

Но Ланса Лэйгина они не видели в упор, будто тот стал прозрачным. И эти двое смотрят сквозь него на просвет, как через бокал тонкого стекла. А что? Аналогия вполне уместна, и даже вино внутри. Которое, кстати, почти сразу ударило в голову, мысли тут же разлетелись. Точно бабочки. Но самое главное - он помнил.

- Где Верэн?

-Да оставь ты её в покое, наконец! Ничего с девчонкой не случится! – вскипела Лив Тенар, дергая Ланса за рукав. – Не вертись!

«Да, да, конечно! Чтобы вы принесли в жертву девственницу? Как бы ни так!»

Богам, древним забытым ныне богам угодна девушка, еще не успевшая познать мужчину. Такая, как Верэн Раинер. Её выделили, одев в специальный наряд, всячески обхаживают, задабривают, угощают. Не нужно заканчивать саломийский университет, чтобы понимать значение этих знаков внимания.

- Какое тебе дело до глупой куколки? Зачем она тебе? – проклятый Гаральт-Писарь будто мысли читал. Хотя, кто их тут знает? Может, и читают. Напоют своим отравленным вином, а потом…

Губы и язык у Ланса совершенно онемели.

- Опя-ть?

- Что опять? – ласково переспросил почтмейстер.

- Снова отравили?

«Враги! Враги! Отравители! Убийцы!»

- Обижаешь, - прошипел… нет, прогудел, как шмель, коварный островитянин. – Просто вино, обычное вино.

«Расскажи кому-нибудь другому!» - мысленно охнул Ланс, когда линия горизонта плавно качнулась из стороны в сторону. Но он не упал. Так, пошатнулся слегка.

Амандин Лэйгин, до того как столь несчастливо выйти замуж, профессионально музицировала. Да и потом, уже отягощенная мужем и сыном, иногда забывала, какой тяжкой ношей обременена, и садилась за инструмент. Однажды ей взбрело в

голову дать Лансу музыкальное образование. Затея, как и все прочие придумки, с треском провалилась. Еще бы вышло по-другому, если у мальчишки не было ни слуха, ни желания. Но в музыкальных темпах Ланс разбирался. Да и Музыка – эта прекрасная кузина Времени, осталась с ним на вечные времена, поселившись в сердце где-то неподалеку от Археологии.

Для Лэйгина после рюмки эспитского «просто вина» темп исполняемой островитянами «*пьесы*» от «очень умеренно» почти сразу перешел к «оживленно».

Бодрость внесла госпожа Танта. Блондинка буквально оторвала Ланса от почтмейстера и увлекла его в кусты сирени. Но, как почти тут же стало понятно, вовсе не для того, чтобы воспользоваться слабостью одинокого мужчины и овладеть его телом.

- Расскажи мне о земле Калитар, Чужак, - сказала блондинка строго.

В другое время – пожалуйста, но не сейчас, когда вокруг творится что-то жуткое, а в голове шумит паровой молот. У Ланса не было сил даже удивиться напору продавщицы.

- Я немного не в форме, сударыня.

Он попытался вывернуться из крепких объятий островитянки. У Танты оказались очень цепкие пальчики.

- Это так интересно, наверное.

- Что именно?

- Быть археологом, конечно. Раскапывать царские гробницы, отыскивать клады, расшифровывать древние карты. Ты, наверное, повидал кучу разных стран?

- Достаточное количество.

- А в Фергине был? На родине Эвита? – допытывалась женщина.

- И не раз, - вяло похвастался Ланс.

Пышная прическа собеседницы заслоняла ему весь обзор. Он отчаянно вертел головой, стараясь не выпустить из виду одновременно и Верэн, и Лив. Занятие, чреватое косоглазием.

Если отстраниться от археологии, то ситуация, один в один повторяющая неудачную студенческую вечеринку, когда ухаживаешь за девушкой, но еще раньше друг попросил присмотреть за сестренкой-младшекурсницей. Всё кончается печально – твоя пассия уходит с другим, а подопечная малолетка умудряется напиться и лишиться невинности.

Ланса не слишком беспокоила девственность Верэн, просто девушка оставалась единственным нормальным человеком в этом «зверинце», последним звеном, связующим археолога с реальностью. А барышня просто нарывалась на неприятности.

- Эвит неразговорчив был. Такой молчун весь из себя. Ты ведь не такой, нет?

Напористая госпожа Танта приготовилась выдавить из мурранца рассказ про дальние страны. Со стороны казалось, будто они танцуют: Ланс делал шаг в сторону, блондинка повторяла его движение. Да еще и за плечи обхватила с неженской силой.

- Потом… не сегодня… я слишком много выпил… язык заплетается… - бормотал он, выжидая подходящий для побега момент.

- Ты себя плохо чувствуешь?

- Ничего, ничего, я потерплю.

- Может, водички дать?

- Нет! – решительно заявил мурранец и без всяких объяснений рванул в ближайшие кусты. И пусть приставучая блондинка думает, что хочет.

Лив, Хил и другие. Эспит.

Следующим «охотником» за шкурой эспитской Овчарки оказался Хил. Скорее всего. Потому что *морские и подземные* одарили «вечного» Воина такой своеобразной внешностью и манерами, что по нему не поймешь, то ли впрямь хочет тебе шею свернуть, то ли просто шутит так. В любом случае, когда отходившая на непродолжительную прогулку в кусты за дальними склепами Лив выбралась обратно на дорожку, Хил оказался у нее за спиной. А такое соседство кого угодно заставит нервничать.

- Хил, ты роли не перепутал ли? – подозрительно осведомилась Лив, обирая колючки с подола. – Вроде ты у нас всегда Воином был. Никак решил Убийцей заделаться, для разнообразия?

- Не-а, - двусмысленно ответил тот и качнулся с носков на пятки и обратно.

Стражницу пробила дрожь, несмотря на то, что денек выдался жаркий. А под рукой, как назло, ни дубинки, ни ножа…

- Руки покажи! – резко приказала она.

Объект вечного соперничества Дины и Лисэт усмехнулся и вытянул вперед ладони. Пустые. Лив отступила на шаг, примериваясь, не отпрыгнуть ли сразу влево и назад, а там через кусты, потом мимо склепа Лунэт к морю…

- Не дрейфь, Стражница. Я не с ними.

- Как же! – оскалилась Овчарка. – Держись-ка чуть поодаль,

хорошо? На всякий случай.

- Подол не обмочи! – хохотнул Воин. – Нет, ну правда же, Лив. Хотел бы убить, убил, ты б и пикнуть не успела. Да и не к чему у старины Палача хлеб отбивать.

- Угу.

В такие моменты Лив всегда жалела, что из множества даров древних богов ей не досталось острого собачьего нюха и чутких ушей, которыми так щедро одарили Перца. Откуда узнаешь, не подкрался ли кто-нибудь сзади, если проклятые сородичи даже по иссушенной траве умудряются ступать бесшумно?

- Не ходила б ты в одиночку, Лив. Сама понимаешь, Охота – дело святое.

- Охота, значит… - Стражница скривилась. – То-то Кат уже камнем примеривалась… А ты, выходит, второй?

- Не-а. Третий. До Кат еще Дина пробовала. Чтоб ты не сбилась со счета, этот разговор считается попыткой.

- Хорошо! – Лив выдохнула и потерла лоб. – Значит, минус три. Кто еще?

- Э! – Хил погрозил ей пальцем. – Не наглей. Правила есть правила.

- Я – не добыча, Хил.

- Это как сказать… - протянул он. – Я, в общем-то, был и не против, но… Душить женщину, которая отошла помочиться на могилу дорогой подруги, это как-то неспортивно, согласись. Но поглядывай через плечо, Лив.

Хил повернулся, собираясь уйти, но она остановила его окриком:

- Погоди! Зачем предупреждал? Я же не отступлюсь!

- Я все вспоминал твои рассуждения о наших грехах, Лив. Ты права, все мы тут злодеи. Ну, а ты сама? Какой порок у тебя, Стражница?

- Я его знаю, - пробормотала Лив. – Хорошо знаю.

- Едва ли, - покачал головой Воин и ушел, не оглядываясь.

Стражница озадаченно нахмурилась. Сперва Кат, теперь вот этот… Поди их пойми! Охотнички! К счастью, правила Охоты писаны давно и обязательны для всех. У каждого из охотников только одна попытка, а добыче не возбраняется нападать первой. Поэтому…

«Поглядывать через плечо? Ох, морские и подземные!»

Зрачки Лив расширились. Дама Тенар и сама неплохо умела охотиться, и реакция у нее была хорошая, поэтому она успела поднять руки и перехватить удавку, которой кто-то невидимый захлестнул ей шею, выскользнув из тени склепа, словно призрак. А больше не успела ничего.

Охотник должен быть один на один с добычей, но ведь Хил уже ушел, а потому это не считалось нарушением правил. Один отвлек, другой подкрался – классика! На Эспите, естественно, в ходу были старые добрые методы.

Ланс и Лив. Эспит

В кустах, куда Лэйгин спрятался от приставучей Танты, происходило что-то странное. Шорох, треск веток и шуршание перемежались сдавленными стонами и хрипами.

«Опоздал!» - всполошился мурранец, уже прекрасно представляя себе, какую картину застанет средь ветвей.

Дать Берту в челюсть, а потом отпинать рыжего поганца в живот, а если получится, то и по почкам – таков был примерный план действий. Но вместо голой задницы контрабандиста Ланс узрел мужскую спину, обтянутую туникой, и дрыгающиеся ноги Лив. Некто навалился на даму Тенар и…

Ланс по-волчьи взвыл, когда понял, что эмиссаршу душат. Женщина сопротивлялась отчаянно, лягаясь, точно скаковая лошадь.

Но роскошный прыжок на спину душителя, достойный по красоте и грации самого короля джунглей – леопарда, не получился. Злодей, едва почуяв опасность, умудрился умчаться, точно олень. Поэтому Ланс приземлился рядом с жертвой. Впрочем, употребить слово «приземлился» было бы недостойной душевного порыва лестью. Мурранец шлепнулся как жаба, пребольно ударившись животом и рассадив в кровь колени и локти.

- Почему? За что он хотел с вами это сделать? Кто он?

Но Лив молчала. Просто свалилась на бок и лежала, точно мертвая. Ланс наклонился ближе, рассчитывая услышать звуки дыхания, и увидел кровь на ладонях женщины

«Ну и островок! Опять я на месте преступления. О, Великая Мельница! Что же делать? – испугался археолог и сразу же вообразил, как этот случай представят вирнэйскому правосудию. - Теперь точно повесят!»

- Лив, вы живы?

Та, к неимоверному облегчению Ланса, хрипло булькнула, потом закашлялась, доказывая делом, что имперские эмиссарши так просто не сдаются.

- Не копошись… - проскрипела Лив. - Бывает. Лицо видел?

- Нет… Я думал, вы знаете… - и добавил поспешно: - Это не я!

- Да знаю! Мужик или баба?

- Мужчина.

Лив недобро нахмурилась:

- Та-ак... Помоги-ка мне встать. Ох, - и глянула на свои ладони. - Надо промыть. Один раз поленилась, попала какая-то дрянь в рану - и всё, конец... Идем отсюда. Держись рядом.

Конечно, Ланс помог встать и подставил плечо. Помочь женщине – святое, причем зачастую неважно, хочет она этого или нет:

- Надо забрать отсюда Верэн.

- Да что ты в нее вцепился-то? Уж кому-кому, а Куколке тут ничего не грозит. В отличие от тебя, - и нахмурилась от плачевного вида своих рук. - И меня, да. Пойдем к Исилу, он где-то рядом был. И не спрашивай пока ни о чем, понял?

- Правильно, вам нужно к доктору, - поддакнул Ланс.

И принялся с удвоенным тщанием высматривать Верэн.

А доктор оказался подозрительно запыхавшимся, слегка помятым и с отчетливыми следами борьбы на тунике. Как будто только что душил кого-то. Душил, душил, но не додушил.

Ланс открыл было рот, чтобы пригвоздить «доброго» лекаря к месту обвинениями в попытке убийства, но осекся под бешеным взглядом Лив и покорно смолчал. Надо ли говорить, что его решение забрать девчонку-хадрийку из этого… этого преступного притона обрело гранитную твердость? Это правильно! Ибо фамильное упрямство Лэйгинов известно было на весь Мурран.

- Верэн! Проклятье! Верэн, идите немедленно сюда!

В голосе Ланса прорезались отцовские нотки, а ладони буквально зачесались от желания взять в них дробовик и выйти на охоту за всякими юбкодралами.

Эмиссарша хищно прищурилась, глядя на доктора, и снова протянула:

- Та-ак... Лечи!- и сунула ему под нос раненые ладони.

Но и про Ланса не забыла:

- Иди, поищи Куколку. Ее, кажется, Берт увел то ли в кусты, то ли к причалу.

Повторять просьбу не пришлось. Лэйгина будто ветром сдуло, так быстро он помчался вытаскивать из кустов дуреху! Ну, рыцарь, что там и говорить!

Лив, Исил и другие. Эспит

Черный саквояж из потертой кожи – непременный атрибут каждого уважающего себя доктора – с эспитским фестивальным костюмом никак не сочетался, а потому Исил-Палач, все

остальное время удачно прикидывавшийся лекарем, мог предложить для исцеления пострадавших ладоней Стражницы только старые добрые методы вроде обработки краев ранок чем-нибудь спиртосодержащим (для дезинфекции) и последующего прикладывания листа подорожника, сорванного с ближайшей могилы (для скорого заживления).

Лив стоически терпела экзекуцию, молчала, однако усмехалась очень недобро.

- Готово, - буркнул доктор-убийца, затянув последний узелок импровизированного бинта. – Дай шею осмотрю. Что там у тебя?

- А ты не знаешь? – скривила губы Стражница. – Сдается мне, Исил, что по основной профессии ты теряешь квалификацию. Нет?

- Попытка не пытка, Лив, - ответил Палач с той особенной обаятельной улыбкой, от которой в свое время даже закоренелые злодеи признаваться начинали еще до того, как им вырвут первый ноготь.

- Тем не менее, это была попытка. И ты ее провалил, Исил. Напомнить правила Охоты? – Лив устроилась поудобней и осторожно пошевелила пальцами. Забинтованные ее ладони не сгибались, отчего Стражница была неуклюжа и сердита. – Подай мне фляжку с тем, ну, чем ты там мне на руки прыскал? Ага, вот с этим! – глотнув спиртного, женщина выдохнула и зажмурилась, смаргивая слезы. – Ох! Ну, что скажешь?

- А что ты ждешь? – Исил пожал плечами. – Остальных я не сдам, если ты об этом. И не моя вина, что нам помешали, моя дорогая. Уверяю, я уже практически закончил, когда в наши дела влез этот… Чужак! И что ему неймется?

- Ха! – Лив хрюкнула от смеха. – Да ведь именно такого вы и искали! Такого, которому неймется. Пользуйтесь теперь своей находкой. Надеюсь, ты не ждешь от меня сочувствия, Исил?

- Вот чего-чего, а сочувствия в тебе никогда не было, Овчарка. Тем удивительней происходящее. Твое вмешательство в наши планы совершенно нелогично. Разве что… - и Палач состроил неодобрительную гримасу: - Возраст у тебя близкий к критическому… нерегулярная половая жизнь… Чужак кажется тебе подходящим партнером для близких отношений?

- Ну и урод же ты, Исил, - помолчав, ответила Лив. – Права Охотница, козлы вы все. Если тебя, как доктора, так уж тревожило мое здоровье и душевное равновесие, надо было предложить свои услуги раньше. До удавки.

Исил развел руками, изображая раскаяние, которого, впрочем, в душе эспитского доктора-Палача не отыскалось бы и под микроскопом.

- Этот день кончается, - добавила Стражница. – Значит, и Охота на сегодня кончается тоже. Передай им, что завтра я не буду такой беспечной.

- Огнестрельное оружие при Охоте запрещено, - напомнил доктор. – И собака, кстати, тоже.

- Ничего, мне и дубинки хватит, - улыбка дамы Тенар расцвела обещаниями. – Помнишь?

И смотрела на него в упор до тех пор, пока у Исила не задергалась щека. О да, он помнил. И – да, дубинку дамы Тенар помнил не только он.

- Да встречи, Исил, - сказала она, заметив, как из-за кустов показался мурранец, волокущий возмущенную Верэн чуть ли не за шкирку. – Третий день будет мой. Напомни им об этом, да и сам не забудь.

Берт и Танет. Эспит

- Скучаешь, Бертик-котик?

Одеяния Танет, Воровки и Наложницы, во все времена оставались очень смелыми, но в эспитском их варианте простора воображению не оставляли вовсе никакого. Берт присвистнул. С одной стороны, обилие женщин утомляет, но с другой… Полуобнаженная красавица, кокетливо упирающая в крутое бедро кувшин сладкого вина – не самое неприятное общество из возможных, верно?

- Уже нет, - мурлыкнул Лазутчик, широким жестом приглашая Танет разделить его уединение. Уединялся Берт на скамеечке возле премилого склепа Салды, любовно украшенного изящными мозаичными орнаментами в традиционном стиле. Та, кому принадлежало это пристанище, всегда рождалась художницей, но радовала мир своим присутствием недолго, ибо по свойственной гениям привычке уходила на новый круг в весьма молодом возрасте.

- Думаешь, Куколка – это Салда?

Танет проявила свою знаменитую сообразительность, мгновенно связав повисший на ветке шиповника белый лоскут, невнятные возмущенные возгласы в отдалении и место свидания.

- По всему выходит, что нет, - развел руками Берт. – Я бы заметил, если б что-то в ней колыхнулось от всего этого.

- Ну, может, девушке было не до могил, - мудро рассудила Наложница. – Она в тебя по уши втрескалась, и колышется в ней сейчас совсем другое, - и подмигнула бесстыжим глазом. – Скажи, обидно? Девка сама на шею вешается, а тронуть не моги!

- Бесстыдница, - ласково укорил Рыжий. – Развратница!

- Муррр! – согласилась Танет и закинула ногу ему на колени. – Полагаю, от утешения ты не откажешься, друг мой?

- Когда это я отказывался? – Берт состроил дурашливую гримаску, но сразу посерьезнел. – Но не на могиле же Салды. Тебе самой потом будет неловко, Танет.

- Ой, можно подумать, она сама поступила бы иначе! – Наложница хихикнула, но ножку убрала. – Видел, что она изобразила на моей? Серьезно, не видел? Пойдем, покажу! Поверишь ли, даже я покраснела, когда внимательно рассмотрела детали! Только учти – это не инструкция в картинках. Некоторые моменты невозможно воспроизвести чисто физически.

Сценки, воспроизведенные в искусной мозаике на склепе Танет, и впрямь оказались весьма будоражащими, а сама Наложница – слегка пьяна, а солнце пригревало, и в сладости вина проскальзывала легкая горчинка, как и вся жизнь эспитцев. Время замкнулось и неспешно потекло по кругу. Как всегда.

- Лорд Тай не разгневается? – спросил Берт, когда они ненадолго прервались.

- Нисколько, - отмахнулась Танет. – Ему сейчас не до меня. О! Кстати! Скажи, ты тоже участвуешь в Охоте?

- Милая, не подлизывайся. Это против правил.

- Да ладно! Думаешь, я помчусь рассказывать Лив обо всем? – Наложница провокационно прогнулась. – И об этом тоже? Я не такая уж дура, Бертик.

- Знаю, - испытав прилив сил, Берт притянул ее поближе и, глянув на мозаику, уточнил: - А это действительно невозможно воспроизвести? Ты уверена?

- Пятую справа? Нет, я проверяла. А вот следующую – вполне. Ну? Ты скажешь?

- Ага… - глотнув вина, он еще раз сверился с картинкой. – Нет, Танет, не скажу. Ты же умница, и Лив тоже неглупа, вот и догадывайтесь вместе. Нет, правую ногу – сюда, и согни колено. А говорила – невозможно!

- Это должен быть ты, - убежденно заявила женщина, переведя дыхание. – Дина, Кат, Хил, Исил. Ты – следующий.

На что Берт только загадочно улыбнулся. На Эспите все может быть, верно? И Танет знала это не хуже остальных. На нее ведь тоже охотились, и не однажды. И убивали, как водится.

Глава 14

Ланс и Верэн. Эспит

Разумеется, хадрийка была недовольна. Мягко говоря. Нет, забрасывать её на плечо и уносить, брыкающуюся и голосящую на весь Эспит, не пришлось. Устраивать скандал в компании пока еще малознакомых людей, которые в скором времени станут твоими соседями – неразумно. Так подсказывал невеликий жизненный опыт и обыкновенный здравый смысл. Верэн беспомощно оглянулась на Берта, с которым они так мило разговаривали, гуляя между могилками. Однако контрабандист не воспротивился перспективе грядущей разлуки до следующего утра.

- Иди, иди, Куколка, - мурлыкнул рыжий. И хотел было игриво шлепнуть девчонку по ягодицам, но вовремя остановился.

- До завтра, рыбка моя пушистая.

Делать нечего, пришлось Верэн топать следом за весьма решительно настроенным Лансом и какой-то непривычно квёлой Лив. Идти и бурчать так, чтобы люди, испортившие девушке весь вечер, ни в коем разе не подумали, будто она еще раз позволит им вмешиваться в свою взрослую, самостоятельную жизнь.

- Я, вообще-то, взрослый и самостоятельный человек. С кем хочу, с тем и гуляю, да! Вы, господин Лэйгин, мне не папаша и не брат, чтобы приглядывать. Ясно вам или нет? Нигде нет покоя от опекунов, хоть на край света беги. Все так и норовят влезть со своими советами, поучениями и остережениями. Опытные нашлись! Ишь ты! Сами не знают, что в жизни к чему, а туда же! Сколько можно, а? Я спрашиваю, сколько это измывательство над свободным человеком продлится? До моей глубокой старости? Если я маленького роста, то мне до сорока годов терпеть помыкания? Прямо как мамаша моя, которую хлебом не корми, а дай выставить дурочкой малолетней. «Верэ-эн, до-мооооой!» - гнусным визгливым голосом передразнила девушка родительницу. – Так и вы, господин Лэйгин. Вы бы еще хворостину выломали!

К счастью, Эспит – остров маленький, и непрошенные опекуны терпели обличительную речь Верэн каких-то четверть часа, не больше.

Лив, конечно, прикрикнула на девчонку, чтобы та помнила о том, как попала на Эспит, то бишь, незаконно, а, следовательно, наказуемо не только общественными работами.

Куколка смолкла, но разобиженно сопеть не прекратила. Так грозно и по-ежиному громко дышала носом, что Перец специально подошел ближе и обнюхал.

Настроение и самочувствие дамы Тенар располагало оную к немедленному приему болеутолительного и отходу ко сну, пока голова окончательно не превратилась в кипящий мигренью котелок.

Она удалилась в спальню, оставив Ланса и Верэн наедине.

- Мне необходимо с вами поговорить, - строго сказал археолог.

По дороге в дом его, как это водится, осенила идея.

Девушка раздраженно прошипела:

- О, Великая Мельница! Что вам еще от меня потребно? Отчитывать не дамся, так и знайте.

И забилась в угол между подоконником и массивным шкафом, демонстративно глядя вдаль. Дескать, говорите, что хотите, а я вас не слушаю, не слушаю, не слушаю.

- Верэн, вы и впрямь достаточно взрослая и, главное, образованная девушка, чтобы понять мои мотивы. Неужели вас ни капли не удивляет происходящее вокруг? Скажите, эти шутовские похороны вас, воспитанную в совершенно других этических нормах, не смущают? Необычные обряды вас не шокируют?

Хадрийка не стала огрызаться. Напротив, она глянула на археолога озадаченно и с любопытством.

- Разные страны – разные обычаи, нет? Мало ли где, как покойников хоронить принято? Я вот читала, что на островах в Южном Океане жмуриков съедают. Врут, должно быть, вам виднее.

- Хорошо, пусть. Ну а твое платье?

- А что не так с моим платьем?

- Оно белое, оно отличается от одежд остальных эспитцев.

- Так я и есть новенькая.

- Верэн, послушайте меня внимательно, очень внимательно. Я подозреваю, что всё происходящее неспроста – и этот фестиваль, и поведение местных жителей, и ваше платье. И… - он специально сделал паузу, чтобы добавить значительности своему заявлению. – И то, что вы – девица, тоже имеет важное значение.

Хадрийкины гладкие щечки покрылись багровым румянцем.

- Это еще какое-такое значение? Не ваше дело, вообще-то!

- А такое, что в культурах, где практикуют разные необычные культы, принято жертвовать богам девственниц. И вас, я убежден, ждет весьма незавидная участь.

- Меня? Сударь, у вас, часом, не мозговая горячка началась?

- Нет, со мной как раз все в порядке, а вот вам грозит участь

стать жертвой здешних демонопоклонников. Вы ведь обратили внимание на этих «морских и подземных»?

Верэн по-кошачьи сощурилась и плечами пожала эдак легкомысленно.

- Обратила. Думала, присказка такая. Все ж таки остров здесь, а не равнина. Море – оно шуток не любит.

- Нет, нет, поверьте мне, как специалисту. Тут всё не просто так. И вам, я уверен, следует остерегаться этих морских и подземных. Увезти отсюда я вас не смогу, спрятать тоже, да и защитить, скорее всего, не получится. Кроме… одного не совсем приятного способа.

- Это ж какого? – осторожно спросила девчонка.

Ланс замялся, но смущение свое героически подавил усилием воли.

- Я…хм… могу помочь вам стать непригодной для обряда.

- Это как? – не поняла Верэн. Но, судя по тому, какими круглыми и дикими стали её глаза, луч понимания в них таки забрезжил.

«Пусть, - решил Ланс. – Это к лучшему. Пусть серьезно обдумает свое положение».

Он снова повторил все жуткие предположения, которые следовали не только из умозаключений и наблюдений, но и имели научное обоснование. Хадрийка безмолвно внимала. Ученые выкладки произвели на неё колоссальное впечатление, не иначе.

- Мммммм…. – Лансу пора было переходить к сути дела. - Я понимаю, что предложение моё в высшей степени неприятное, как для вас, так и для меня. Более того, я бы с радостью избежал этой сомнительной чести. Ничего приятного тут нет для обоих участников… хм… действа. Одним словом, не подумайте обо мне худо, Верэн. Я только из самых добрых, дружеских побуждений. С моей помощью вы можете… перестать быть девицей. Я буду осторожен и останусь нем как рыба на всю жизнь, никто не уз…

В этот момент Ланс Лэйгин получил по голове удар и рухнул как подкошенный. Цветочные горшки, стоявшие на подоконнике дамы Тенар, привезены были когда-то из Хадранса, а, потому отличались тяжестью и чрезвычайной убойной силой. Свойства эти, проверенные поколениями хадрийских дев на назойливых поклонниках, Верэн учла и применила так, как учила мамаша Раинер. «Бей без предупреждения, чтобы охнуть не успел. Потом обязательно по яйцам пни хорошенько, чтобы не сразу очухался, а то бошки-то у мужиков крепкие бывают, и сразу стрекача давай», - говаривала опытная уроженка Хадранса и глаза её горели охотничьи азартом.

Но головы ученых, видимо, не отличаются каменной крепостью. Лэйгин с первого удара свалился без чувств. И пока Верэн, склонившись над поверженным врагом, размышляла, пнуть или не пнуть в наиболее уязвимую часть мужского тела, в комнату ввалилась заспанная и злая дама Тенар.

- Какого хрена здесь происходит? – спросила она.

- Обесчестить хотели! – пискнула Верэн и плотнее вжалась в спасительный угол.

- Кто кого? Ты его? – проскрипела хриплым спросонок голосом Лив. – Неправильная стратегия, Куколка. Мужика надо брать живым и в сознании.

Оскорбленная в лучших чувствах Верэн разрыдалась и раненой ланью улепетнула в свою комнату, оставив Лив бесчувственное тело незадачливого спасителя девиц.

Лив. Эспит

Заснуть не получалось. Даже в обычные дни бывает так, что вроде бы и устала вусмерть, и глаза закрываются сами собой, а стоит лечь – и сон немедленно сбегает, вильнув на прощание хвостом. Но сейчас Лив даже повертеться в постели не могла. Болела шея, помятая Палачом-Исилом, болели ладони, порезанные об его удавку, ныли мышцы и суставы, навязчиво напоминая даме Тенар, что она уже отнюдь не двадцатилетняя резвушка, и бороться с душителями безнаказанно уже не получится. Да, и голова раскалывалась тоже, и не от одних только тяжелых мыслей.

Кто будет следующим? От ответа на этот несложный вопрос зависит не так уж много, но любопытство свойственно даже Стражнице, иначе как бы она чуяла признаки бунта среди… подопечных?

Почему Кат сперва заговорила, а потом продемонстрировала приготовленный камень, понятно. Охотница решила не ссориться ни с теми, ни с другими. Навлекать на себя месть недобитой Лив кошатнице не хочется, но и разрывать отношения с единомышленниками ей не с руки. Особенно с Исилом. Демонстративное мужененавистничество – это, конечно, хорошо, однако у Кат с Палачом имелось много общего. Вот любительница кошек и выкрутилась по-кошачьи. Вызывает если не симпатию, то уважение, ибо не каждый умеет так ловко проходить по колючей проволоке над пропастью, да еще и шутки при этом шутить.

С Хилом тоже все ясно. Воитель за этот круг уже навоевался и

брезгливо предпочел не марать руки, разве что советом помог соратникам. И еще отвлек дичь, усыпив бдительность своим высокомерным трепом. И это запишем, Хил. И припомним при случае.

Дина… Скорее всего, она пыталась отравить Стражницу, а единственным способом такое проделать было - подговорить Куколку. Ни на что иное, кроме отравления и еще детоубийства старшая карга не способна. Силенки уже не те. Вот когда помоложе бывает, тогда… Однако беспощадной решимости ни ей, ни Лисэт не занимать, и когда эти две ведьмы объединяются с общей целью, сам воздух пропитывается ядом. Буквально. Один раз и впрямь наварили какой-то дряни да и подмешали к запасам угля. Троих угробили, помнится. И среди всех попыток намерения Дины вызывали наибольшие опасения. Однако Лив до сих пор жива, что означает – Куколка отказалась становиться марионеткой старой ведьмы. Уже неплохо.

Следовательно, из серьезных противников остались только Лисэт и…

И Берт.

Лив вздохнула и, стиснув зубы, повернулась на другой бок.

Берт. Следующим будет он. Вот уж у кого хватит и сил, и смекалки, чтобы подготовить Овчарке роскошную западню. А у нее достанет глупости попасться. Или уже нет? Тут не угадаешь! Опять же, чувства, будь они неладны. Когда Рыжий обнимает и шепчет сладкие глупости на ухо, поверить в то, что за спиной он прячет нож, уже примериваясь, как бы половчее воткнуть его в твою печень, очень сложно. Практически невозможно. Сколько раз попадалась!

Однако и он попадался тоже. Так что шансы есть, и неплохие. Но только в том случае, если напасть первой. Но если Берт блефует? Если он не участвует в Охоте, подозрения Лив беспочвенны, и она своими руками отправит к *морским и подземным* человека, который… с которым…

Взаимная любовь и взаимное предательство. Смесь, невообразимо сладкая и омерзительная одновременно, но это единственное, что делает будку и цепь Овчарки хоть немного уютней и длинней.

Но на Охоте не шутят. И если нападать, то нападать всерьез. И умирать, кстати, тоже придется по-настоящему, если она ошибется… так или иначе.

Так ничего и не решив, Лив наконец-то задремала. И надо ли напоминать, каким неприятным было ее пробуждение?

Аммиачный раствор, словно рыболовный крюк, через нос вонзился прямо в мозги, и чья-то незримая рука вытащила сознание наружу к свету из темных-темных вод обморока. Ланс охнул, дернулся и даже не сразу понял, что с ним приключилось. Но лицо, залепленное грязью, и с каждой минутой увеличивающаяся в размерах шишка на лбу напомнили Лэйгину о неудачной попытке совершить сомнительный подвиг.

«Рыцарь, рискуя жизнью, спасает деву… от девичества! – ужаснулся он. - Это достойно занесения в анналы истории».

- А где Верэн? – с дрожью в голосе спросил он.

Вдруг цветочный горшок как раз и прервал героическую попытку?

- В своей комнате рыдает от невозможности вас кастрировать садовыми ножницами, - мрачно заявила Лив. – Умывайтесь, приводите себя в порядок.

Она самолично выбрала полотенце старенькое, но чистое, которое щедро пожертвовала на примочку.

- Счастье, что девчонка вам голову не пробила, а то дело кончилось бы столбняком. И мы потеряли бы вас до срока.

Хорошо сказано, многозначительно, с правильным акцентом. Тут и самый незаинтересованный собеседник задал бы нужный вопрос:

- А вы хотели потерять меня в строго определенное время?

Лив немного помолчала, разглядывая мурранца с отрешенным любопытством дрессировщика, чья ученая собака вдруг на самом деле заговорила. Затем Стражница прислушалась к приглушенным дверьми обиженным возгласам Верэн и покачала головой, обронив в пространство:

- А в самом деле, почему бы и нет? Кто им сказал, что это они устанавливают правила? Где записано, что я не могу их изменить?

И, решившись, бросила гостю – или пленнику, что вернее – резкое:

- Идемте. Сейчас я предпочту говорить без лишних ушей.

Говоря откровенно, Ланс не рассчитывал, что разговор примет серьезный оборот так быстро. Обстоятельность, с которой эспитцы загоняли его в угол, предполагала откровенность лишь на смертном одре. А тут, когда эмиссарша вдруг рванула с места в карьер, медлить не следовало.

Пока Лэйгин пропитывал полотенце холодной водой, а потом тщательно его отжимал, Лив взяла фонарь и приставила Перца стеречь Верэн, а затем они пошли в крипту. Конечно, возвращаться на место недавней ночной сцены, как всякому нашкодившему мальчишке, было неприятно, но крипта для

разговора подходила идеально.

«Хватит потворствовать неуклюжим попыткам этих сволочей сбежать! – думала Лив, топая так, словно гвозди пятками вколачивала в ветхие ступеньки. – Кат, Исил, Хил, эти сучки-ведьмы и наверняка Берт! Морские и подземные! Чего ради я должна от них бегать? В конце концов, кто здесь кого сторожит?»

Осветив темную крипту, Лив поставила фонарь в одну из пустых ниш и, уставившись на мурранца, проговорила тоном, которым впору смертный приговор зачитывать:

- Итак, вы прибыли сюда в стремлении найти Калитар, Ланс. Не без нашей помощи, как вы, полагаю, догадались. Ну, поздравляю вас. Вы нашли. И что предполагаете делать теперь?

Археолог таиться не стал:

- Я собираюсь... собирался дождаться, когда закончится ваше…хм… веселье. Или лучше сказать - безумие? А потом, после небольшой разведки и некоторой подготовки, спуститься в пещеры. Таков мой краткий план.

Жестокая усмешка скривила полные губы женщины.

- Это очевидно. А потом? Когда... если вы выйдете живым из наших пещер? - и подмигнула: - Учтите, кстати, что в планы тех, кто вас к нам пригласил, ваше возвращение отнюдь не входит. Вы ведь уже догадались, кто мы такие?

- Сумасшедшие сектанты-каннибалы? - с нескрываемой надеждой спросил Ланс.

Язвительный смешок умер где-то в горле Лив. Проходимцам положено быть настолько наивными? Или мир успел измениться так сильно?

- Увы, гораздо, гораздо хуже, - со вздохом разбивая в прах надежды археолога, ответила она и обвела жестом крипту: - Посмотрите хорошенько. Вы ведь серьезный ученый, как говорят, значит, вам под силу сложить два и два, облечь эти кости воображаемой плотью, припомнить наши обряды и сделать выводы, - Стражница поневоле понизала голос, в свою очередь следя за ним с проблесками жадной надежды: - Ну? Ваши предшественники иногда догадывались. И даже эти фанатики из Ордена Зорких что-то такое подозревали, поэтому их и пришлось искоренить. Не без моей помощи.

Ланс старательно придал своему лицу умное выражение, хотя, разумеется, не понял ничего. Точнее, он категорически не позволил себе додумать свою догадку до логического конца. Это было слишком невероятно. Слишком за гранью реального и достоверного, проверяемого опытным путем и доказуемого.

«Пусть скажет, пусть она сама скажет! Пусть сама!»

Не заметив в остекленевших глазах мурранца особенного

понимания, Лив хмыкнула и разочарованно выпятила губу. Значит, придется не только кормить Лэйгина тайнами с ложечки, но еще и разжевать их предварительно. Иначе не переварит.

- Мы возрождаемся, Ланс. Но, в отличие от вас, мы не только помним прошлые жизни, но и в каждом новом круге продолжаем их проживать. Я всегда была Стражницей, и все эти черепа - мои собственные. Фактически, мы - бессмертны.

Вообще-то, такие заявления должны вызывать хоть какую-то реакцию. Но будущая жертва *морским и подземным* только глаза выпучил. Хорошо, что не закатил, впрочем. Только обмороков сейчас не хватает.

- Хотите что-нибудь спросить? – подсказала Лив, едва удерживаясь, чтобы не подгонять процесс мышления нетерпеливыми жестами: - Или, может быть, водички? Я - не сторонница отравлений, можете есть и пить без опаски.

Да что там крипта с черепами! Некрополь без единого слова рассказал Лансу обо всем здесь происходящем, когда бы мурранцу действительно хотелось слышать. Должно быть, если бы селедколюбивый Джай Фирск перед отправкой в добротный старый склеп с именем «Эвит» восстал на время из мертвых и с собственного погребального костра объяснил бы Лэйгину смысл происходящего, тот бы внял. Наверное.

- Я так понимаю, что вы не шутите. Никто на Эспите не шутит.

Ему так отчаянно хотелось потребовать неопровержимых доказательств, или хотя бы уличить в обмане, но черепа вокруг свидетельствовали об истинности лучше любого криминального отчета.

- Бессмертные заманили меня сюда. Я понял. Но зачем?

Его недоверие повисло в гулкой темноте крипты таким густым облаком, что при желании его можно было черпать ложкой.

- Не верите, ну и ладно, - отмахнулась дама Тенар: - В общем-то, ваше доверие тут никакой роли не играет. По-хорошему, с моей стороны это жест доброй воли, рассказать вам. Мы возрождаемся в разных концах мира, но к двадцати годам нас начинает неудержимо тянуть сюда, на Эспит. К нашим костям. Кто-то приходит раньше, кто-то позже, кто-то... хм... пропускает круг, но рано или поздно мы приплываем сюда и вспоминаем, - она непроизвольно вздрогнула и нахмурилась, осознав, что ее уже несет, и залетному Мотыльку вовсе ни к чему знать о вещах, которые он никогда не поймет. Но остановиться уже не могла: - Всё вспоминаем. Любовь, страх, ненависть, и ненависти выходит больше. Та, кого вы называете Верэн - Куколка. Она одна из нас,

просто пока неизвестно, кто именно. Так что ваша рыцарская попытка была бессмысленна. Девственность Куколки не имеет никакого значения, ей ничего не грозит, потому что жертва - это вы.

И заставила себя улыбнуться, хотя получилось как-то не очень. Прямо сказать, черепа вокруг и то ухмылялись жизнерадостней.

Каждый цивилизованный человек всю жизнь, начиная с пеленок, слышит проповеди «мельников» о вечном колесе перерождений, о равновесии между сущим, о бессмертии души, закаляющейся в горниле жизни. Но все рождаются чистыми листами, на которых письмена судьбы, если и прописаны заранее, то невидимыми чернилами и на неизвестном языке. Все люди живут, как в последний раз, одновременно и веруя в новое возрождение, и сомневаясь в оном. Дивно ли, что Ланс был ошарашен, потрясен и сломлен удивительным признанием дамы Тенар? Представить, что кто-то помнит все предыдущие жизни, все рождения и все смерти? Это... это же недосягаемая мечта, это же великий дар. Или нет? Эспитцы совсем не походили на самых счастливых людей этого мира. Особенно ведьмы Тэранс. И Хил Рэджис. И сама Лив.

- Значит, вот как, - выдавил из себя мурранец. - Нет, я вам верю. Теперь верю. И насколько я понимаю, то предназначаюсь в жертву морским и подземным.

Следующее умозаключение пронзило разум Ланса насквозь. Всё так просто, так банально, что остается только навеки заклеймить себя непроходимым тупицей.

- Принести чужака в жертву истинным богам Калитара. Да, согласен, это изящное решение. Одержимый искатель древней земли получит всё и сразу, - Лэйгин не мог не восхититься ловкостью островитян. Его выманивали планомерно, осторожно, день за днем, чтобы однажды заполучить целиком и полностью.

Теперь смешно вспомнить, как он радовался, когда удалось связаться с некими таинственными персонами, которые за немалую мзду обещали наладить связь с островом. Похоже, именно на денежки Ланса Лэйгина на Эспит проведут телефонную линию. Смешно. До слёз. Просто обхохотаться над этим одержимым умником.

А чтобы не сбился с пути, подослали Оливи Лакрес. Мол, скорее в Дайон, дурачок. Пока письмецо злодеи не отняли. Интересно, уж не сам ли лорд Эспит гнался за незадачливым любовником в ночи?

Впрочем, это уже неважно.

- И как вы... они... короче, как это будет? – грустно спросил

мурранец.

Да, кому угодно станет грустно от осознания собственной ничтожности.

- Жертва морским и подземным, а может быть - нам самим. Я не знаю, почему и за что мы были так награждены или наказаны. И никто не знает. Может статься, что морские и подземные - это мы и есть, а? Ответы там, в лабиринте. В пещерах. Мы не можем туда войти, никто из нас. И уехать отсюда не можем. Сходим с ума, погибаем, и обычно не самой приятной смертью, а потом - очень хорошо это помним. Поэтому среди моих сородичей вызрела мысль о том, что в лабиринт надо запускать кого-то со стороны. Увы, от пленников толку было немного, как и от тех безумцев, что лезли туда за сокровищами. Ну, архивы вы читали, помните. Но человек, шагнувший в лабиринт по собственной воле, так сказать, с открытыми глазами, может все изменить. Во всяком случае, многие на Эспите в это верят. Но не я.

Растревоженное, а оттого буйное воображение подкинуло дровишек в топку Лансовых переживаний. Ему уже чудились горестные вопли пленников, захваченных безжалостными островитянами во время лихих абордажей, несущиеся из-за стен крипты.

Сколько экспериментов провели эспитцы, пока поняли, что важную миссию надо возложить на такого вот добровольца, как Лэйгин? Страшно даже подумать, сколько народу сгинуло в подземельях острова.

- Логика в рассуждениях ваших... сородичей, конечно, прослеживается. Я бы тоже пришел к такому выводу. А вы-то почему не верите?

- Я - Стражница, Ланс, - пожала плечами Лив и уточнила на случай, если собеседнику неведома разница между «защищать» и «охранять»: - Моя задача - стеречь, а не защищать. Но я считаю, что невозможно спастись за счет кого-то другого, даже если весь остров провозгласит его избранным, искупительной жертвой и героем-спасителем. Мы - это скопище бессмертных мерзавцев, убийц, блудниц, отравителей, изменников и воров. Сотни лет прошли, но сколько бы я не смотрела вокруг - это все тот же Эспит. Войдете вы туда или нет - для нас не может ничего измениться. Это было бы... неправильно. Здесь нет невинных узников, а если уж посадили в темницу, надобно сидеть, а не рыть подкопы!

Она резко выдохнула и разжала кулак, которым, оказывается, трясла перед носом у мурранца. Вот что бывает, когда всерьез увлекаешься! Потерять контроль так просто…

- Но мой голос тут не решающий. Я только хочу предупредить

вас, что если вы все-таки выживете, разгласить наши тайны вам не удастся. Неважно, какой будет результат, но я не допущу, чтобы чужаки глумились над нашими могилами и топтали наш прах. Это понятно? Конечно, в худшем случае вам удастся испоганить всего один жизненный круг и без того не слишком счастливых людей, но и этого будет много. Что бы мы не совершили, участи мартышек в зоопарке или забавных дикарей мы не заслуживаем. И я этого не допущу.

«Ах если бы, милая Лив, ах если бы! – вздохнул археолог, знавший о настроениях царивших в Мурране, не понаслышке. – Они ринутся сюда не только и не столько за несметными богатствами Калитара, а за тайнами бессмертия и чудесами, ринутся толпами. И если понадобится, пустят вас всех на фарш для котлеток вечности».

- Именно поэтому вы пытались меня отвадить, да? Я понимаю, – Он вспомнил разные мелкие странности в поведении этой непростой, но искренней женщины, которые оказались никакими не странностями. - Я попробую объяснить. Надеюсь, вы поймете. Я всю жизнь шел сюда, на этот остров. Я всю сознательную жизнь, сколько помню себя, хотел найти Калитар. Я его нашел. В недрах ли он, в каждом из островитян, не важно. Я его нашел, он - мой. И я не отдам его никому, ни мурранцам, ни вирнэйцам. Так что участь мартышек в зоосаде вам не грозит. Скорее, это я сам пополню вашу коллекцию безумцев.

Говорил и уже знал, что так и будет. Если повезет, разумеется.

Лив усмехнулась с понимающим недоверием:

- Сделаю вид, что верю вам. Но на всякий случай... Был Орден Зорких и мы. И где теперь Орден Зорких? Ну, довольно. Вы же все равно полезете туда, не можете не полезть. По крайней мере, теперь вы понимаете, чем рискуете. Дверь там, - и ткнула пальцем в темноту. - И вам не понадобятся фонари, веревки и припасы. Там... все по-другому. Я не могу войти внутрь, но частенько стою на пороге. Впрочем, дело ваше. Если угодно, в подвале полно всякого скарба, потребного для экспедиции.

Она повернулась, чтобы уйти, и уже через плечо бросила небрежно:

- Когда соберетесь, я открою вам дверь.

Ланс ошеломленный, простотой исполнения желания, застыл на месте, и едва успел опомниться, когда дама Тенар уже уходила.

- Постойте, Лив! Подождите же, скажите, что я там должен сделать? В смысле, для вас, для эспитцев, совершить там, внизу?

- Откуда же мне знать? – развела руками Стражница: - Может

быть, узнать, кем мы были раньше, там, в Калитаре. И что мы совершили тогда? Вернетесь - расскажете. Если вернетесь. А теперь извините меня, но я должна отдохнуть. С утра меня придут убивать, а к таким событиям стоит подготовиться получше.

Лив и Берт. Эспит.

Лив сказала – Лив сделала. Во всяком случае, попыталась. Потому что сколько ни готовься, сколько ни настраивайся, а оказаться полностью готовой к тому, что человек, с которым тебя связывает любовь почти столь же долгая, сколь и ненависть, придет тебя убивать… Это невозможно. Тут никакой опыт не помогает, а память о прошлых попытках, удачных или не очень, только мешает. Разум издевается, подсовывая то ли видения, то ли события, так что уже не разобрать, где правда, а где – только мечта о ней.

Сомнения. Вот та приманка, которая раз за разом заманивала Овчарку в капкан. А вдруг теперь, на этом круге, всё получится по-другому? У того же Хила случается разнообразие! И вовсе не всегда ему отрывает руку или ногу, бывают ранения и полегче! И войны не такие страшные. Так может быть, и Берт…

«А у нас с Перцем есть крылышки, на которых мы вспорхнем над Эспитом вместе с первыми лучами солнца!» - издевательски передразнила сама себя Лив.

Но сомнения… По Берту ведь не поймешь, то ли он пришел розой тебя одарить, то ли горло перерезать. А постоянное ожидание предательства хуже самой жуткой казни. Конечно, Рыжий не расплачивается жизнью любовницы без действительно веского повода, но как узнать, какой повод для него достаточно веский?

Поначалу Лив попадалась гораздо чаще. Правда. Ну, подумаешь, разок-другой подставил? Зато любит! И привязан навеки, так что уходя на новый круг, всегда можно сказать себе: «Ничего, зато в следующей жизни…» И они вновь встречаются, юные, еще ничего не вспомнившие и ничего не понимающие, и безжалостное время замыкается в кольцо, а жернова притирают их друг к другу, Берта и Лив, а потом… Наступает момент, когда приходится выбирать. Кто опередит другого на этом круге? Кто успеет столкнуть со скалы, запалить фитиль или выстрелить в спину прежде, чем это сделает другой? Берт или Лив? Лив или Берт?

У Берта получалось чаще. Внезапней. Неожиданность – это

его конек, на то и Лазутчик. Но у Лив – лучше. Надежней. Весь секрет в том, что не нужно тянуть до последнего, а бить следует первой. Даже если подозрения ложны, и Рыжий действительно всего лишь несет цветы и бутылку вина без яда или змеи, припрятанной в корзинке.

- Сторожи, - приказала Лив псу, а сама полезла в потайной шкафчик за оружием. Правила правилами, но, раз такое дело, под рукой надо иметь не только нож, но и пистолет.

Ланс. Эспит

Едва за дамой Тенар закрылась дверь в крипту, как подсвеченные черепа ожили: оделись плотью и кожей, в пустующих глазницах нежными бутонами проросли очи – всех оттенков мёда, а оскаленные зубы спрятались за мягкими лепестками губ. Пугаться не имело смысла, Ланс уже знал, что это лишь игра воображения. Всё дело то ли в эспитских травах, то ли в колдовстве двух безумных ведьм, но яд уже течет в крови мурранца.

«Зачем они вообще это делали? Зачем травили?» - подумалось Лансу.

- Смешной ты. А сам что думаешь? – с очаровательной улыбкой спросила одна из прежних Стражниц. Пожалуй, слишком смуглая для уроженки севера.

- Волю сломить хотели, заморочить видениями и заманить.

Её соседка просто рассмеялась по-девчоночьи звонко.

- А зачем, если ты и так готов был лезть в пещеры?

- Может, у вас тут так принято? Инициация.

- Ты своими заумными словечками бросай кидаться, - строго приказала еще одна Стражница. – Было б кого инициировать… Пфуй!

- Лихо! – восхитился Ланс напору давным-давно мертвых дам. – Теперь вы меня допрашиваете? Вернее сказать, не «вы», а «ты». Тут и без отравы немудрено запутаться, кто есть кто.

- Ай, ученый, неужто ты, заходя в гардеробную, здороваешься с каждым своим костюмом? – усмехнулась смуглянка. – Сегодня одно платье, завтра другое. Сегодня одна жизнь, а завтра…

- Всего лишь платье?

- Разве «мельники» не повторяют то же самое слово в слово без остановки тысячу лет? Тело – временное пристанище вечной души, так?

А ведь и вправду! Такая обыденная, такая повседневная, скучная истина.

- Но уверен ли ты, о Ланс Лэйгин, что каждое новое платье обязательно отличается от предыдущего кроем? – тихо и вкрадчиво спросила Стражница.

Все равно, какая из них. Пламя жизни, озарившее однажды, было одно на всех.

- Ну же? Сложный вопрос? Или ты просто никогда не думал об этом?

Нет, не думал. А зачем? Зачем, если каждый день несет новые впечатления, радости и печали, если деревья вырастают и становятся огромными, а потом сохнут и отправляются на дрова? Если одни вещи дряхлеют, а им на смену приходят новые, более совершенные? Это же очевидно – ведь ничто не стоит на месте: время бежит, мир стремительно меняется от года в год.

- А ты мозгами-то пораскинь, рыцарь науки. Вдруг ты просто не помнишь, что в прошлом воплощении был таким же авантюристом, только, возможно, менее ученым. Точно так же отрекся от учителя, бросил невесту, шатался по миру, чуть не помер от желтой лихорадки или чумы, и однажды очутился на Эспите. Пленником, рабом, а может и просто неосторожным и любопытным дураком. И сгинул в пещере без следа. Чтобы снова родиться…

Шепот Стражниц оплетал Ланса со всех сторон, будто паутиной опутывал. Сотня паучих против одной бабочки, трепыхающейся в липких сетях.

- Так вот откуда узоры!

- Какой ты догадливый, Ланс Лэйгин! - черепа откровенно смеялись. – Бабочки такие странные создания. Помнит ли крылатое существо о том, что еще совсем недавно было гусеницей? Что снится им в живом хитиновом склепе, пока одно превращается в другое? Где заканчивается гусеница и где начинается бабочка? Я не знаю, но я ведь простая стражница, а ты такой большой ученый. Возможно, у тебя получится узнать, почему одни бабочки помнят, а другие – забывают всё и навсегда.

- «Мельники» говорят, что память, пронесенная через рождения, высшая награда, - не слишком уверено возразил археолог.

- Разве мы похожи на счастливцев? Я? Фрэн? Исил?

Если правда то, о чем говорила Лив, а она не лгала, то ничего хорошего в бесконечном кружении вокруг Эспита нет.

- Вы хотите забыть?

- Опять ты за старое, Ланс? Зачем обобщаешь? Все хотят мира? Все хотят войны? Все – это никто. Нет всех, есть – я, Лив Тенар. И я - не хочу. Я не верю в то, что там, под землей находится волшебная отмычка, с помощью который ты всех

выпустишь на волю. Я считаю, что лучше знать, что идешь по кругу, чем не знать и бояться смерти. Но спроси у Фрэн, у Лисэт, она скажет: «Хочу!» Ты с кем, Ланс Лэйгин, с ней – несчастной нищей ведьмой, одурманившей тебе отравой, или со мной – жестокосердной Стражницей, открывшей глаза на происходящее?

Лэйгин задумался. Конечно, он знал, что разговаривает сейчас с самим собой, но разве это что-то меняло? Он остался в крипте обдумать и решить. Так есть ли разница, как это делать, верно? А в компании с говорящими мертвыми головами делать это как-то даже оригинальнее.

Но для верности он закрыл глаза ладонями.

- Видишь ли, Лив Тенар, я очень любопытный человек, - сказал мурранец. - Я никогда не прощу себе, что, оказавшись в такой близости от великой тайны, не попытался узнать истину. Какой же я после этого буду ученый? – сначала его голос звучал неуверенно, почти вопросительно, но с каждым словом тон становился суровей, а уверенность внутри крепла. – Как любит говорить ваш Берт: «Быть у ручья и не напиться?», хотя он совсем про другое. Я тут, а Калитар за дверью. Нет! Пусть это ошибка, но это - моя ошибка.

- Вот так оно всегда и происходит. Никто не в силах удержаться от любопытства, никто, - грустно вздохнула Стражница. – И я, и они. И даже ты.

- Наверное, всё потому, что мы люди и обязательно хотим знать?

- Говори за себя, Ланс Лэйгин. Так… что ты решил?

Он убрал руки от лица, открыл глаза и осмотрелся вокруг. Со всех сторон, из каждой ниши, осиянная теплым светом, живая и настоящая глядела на него Другая.

- Я пойду и узнаю, - сказал Ланс. Счастливый Ланс Лэйгин, если угодно.

Всем давно известно, что граница между мирами, между прошлым и настоящим, пролегает в сумеречный час – рассвета или заката, когда исчезают тени и остается лишь неяркий свет. Лучшее время, чтобы отправиться за ответами.

Так Ланс и сказал даме Тенар. И она не стала возражать. На рассвете Стражница отворила дверь, отступила в сторону, давая пройти, а потом еще долго стояла и глядела в бесконечную тьму…

Лив и Берт

- Хотел пролезть через слуховое окно и задушить меня во

сне?

Пистолет был тяжелым, очень тяжелым, но рука Лив не дрожала. Берт, впрочем, тоже не вздрогнул.

- Или… - продолжила она. – А! Я поняла! Труба. Припоминаю, как ты уже проделал такое однажды. Но угорела бы не только я.

- Девчонка легкая, - Берт улыбнулся, как всегда ничего не отрицая, но и не признаваясь. – Ее несложно вынести даже через окно. Но портить твой дымоход – это слишком изощренно, Лив. Теперь ведь не зима.

- Верно… - медленно проговорила Стражница. – Лето. И Летний фестиваль. Будь любезен, подними руки так, чтобы я их видела.

- Иначе ты меня пристрелишь?

- Я выстрелю, Лазутчик. Тебе под ноги. А с крыши ты упадешь сам.

- Ты тоже становишься изощренней раз от раза, - он послушно поднял руки и неспешно повернулся, глядя куда угодно – на предрассветный горизонт, на жемчужные волны и легкие полупрозрачные облака – только не на нее. – Это ведь я приучил тебя бить первой.

- О да. Я помню.

- Почему, Лив? Ведь это шанс, совсем неплохой шанс для всех нас. Зачем ты защищаешь этого мурранского Мотылька? Это ведь совсем не твоя роль, защищать кого-то. Твое дело – стеречь, не впускать и…

- И не выпускать, - она договорила за него и присела на конек крыши, положив пистолет на колени. – И твой второй вопрос неверен. Правильный вопрос – «почему», а не «зачем».

- Ты позволишь мне тоже присесть? Благодарю. Итак, почему? Мы ведь никогда об этом не говорили.

Лив смотрела на то, как он садится на верхнюю ступеньку лестницы, свесив ноги в легких эспитских сандалиях, как беспечно болтает пятками над краем, рассуждая при этом о совсем не пустяковых вещах. В этом был весь Берт, влекущий и отвратительный одновременно. И где же он припрятал оружие?

- Не говорили и теперь не станем, - проворчала женщина. – Тысяча лет пустого трепа ничего не изменила.

- Не только трепа, Лив, - тонко улыбнулся Берт.

- О да, не только, - она хмыкнула. – Все еще надеешься соскочить за чужой счет, Лазутчик? Как всегда? Ну, а я не надеюсь. Пустая трата времени и сил. И жизней, чужих, как водится. Вот разве что узнать, что же я такое совершила там, в Калитаре, раз меня приковали…

- К Острову?

- К тебе! – взъярилась Овчарка. – К тебе, будь ты проклят! Грязная крыса, лазутчик и вор. И еще убийца.

- Может, ты влюбилась в меня и сама себя обрекла на это, - Берт пожал плечами, не удосужившись даже обернуться. – Так что некого винить. Судьба! – и сплюнул вниз, внимательно проследив полет плевка.

- В задницу судьбу. Если у Мотылька не получится, я пристрелю тебя хотя бы для того, чтобы дожить остаток этого круга спокойно.

- О… А как же наша вечная любовь, Стражница?

- Любовь… - в устах Лив это прозвучало грязным ругательством. – Любовь, как же. Вторая после Келсы. Вечно вторая, вечно другая. Если мне так погано, то что же ты сделал с ней?

- Я не помню, - тихо ответил рыжий контрабандист. – Не помню даже, имя это или название. Только слово, даже не тень… Что проку в одном слове?

Лив потерла лоб и вздохнула:

- Можешь мне поверить, такие вещи чувствуются. Если я – вторая, то где-то должна быть Первая. Так что это определенно имя.

- Тогда… Почему она не возвращается? Как ты думаешь, Лив?

- Может, и возвращалась, да ты не узнал. Сам знаешь, некоторые по несколько кругов подряд пропускают. А может, не суждено, - отрезала женщина, а потом вдруг призналась: - Я бы многое отдала за возможность никогда больше тебя не видеть, Берт, но только не память. Если уж ходить по кругу, то с открытыми глазами. Но ты… Ты ведь можешь уехать и не возвращаться! Это мы все, как сказочная нежить, прикованы к своим гробницам и не в силах их покинуть, а твоя могила – море. Везде, где оно шумит, ты сможешь оставаться живым. Зачем ты все время возвращаешься, Берт?

- Я боюсь, - он вздрогнул. – Веришь ли, я просто боюсь. Вдруг пропущу что-то… кого-то важного. Но ты права. Если не дано освободиться, то хотя бы узнать, за что. Вот почему *морские и подземные* должны получить мурранца. Это шанс…

- Не скули! – Лив оскалилась. – Не жалобь меня! Вот тебе выбор, прямо сейчас, Берт-Лазутчик: либо после Фестиваля ты уедешь и не вернешься, либо я пристрелю тебя, не сходя с места. И остаток дней проживу спокойно, не оглядываясь на каждый шорох. Оно того стоит, я считаю.

- Согласен, - кивнул Берт. – Оно того стоит. Я попытаюсь, Лив. Но взамен…

- Мурранец уже в лабиринте, - усмехнувшись, сообщила она. –

Вошел туда по доброй воле и с открытыми глазами. Сам. И в трезвом уме, что важнее. Я открыла ему дверь и посветила на прощание. Ждите теперь, что он вам принесет.

- Ты ему рассказала. А он – поверил?

- Так или иначе, но там, в темноте, у него будет возможность проверить мои слова, - Стражница поднялась и отряхнула юбку. – Убирайся.

И без особенной опаски повернулась к нему спиной. Нож под лопатку – не самое худшее, что может случиться со Стражницей, видят *морские и подземные*! Гораздо хуже показать врагам… другим, всем прочим… лицо, такое, как было сейчас у Лив дамы Тенар.

Ланс. Эспит

Вот всегда бы так отправляться в неизвестность – с керосиновой лампой и запасом топлива, с веревками, водой и едой. Не исключено, что дама Тенар много лет ждала такого залетного молодца, вроде Ланса, заранее приготовив все, что может ему потребоваться в подземельях. Потому что снаряжение выдала, как хороший армейский интендант, не тратя лишней минуты на поиски.

Обошлись без сентиментальных прощаний и напутственных слов. Но сделав несколько десятков шагов по темной кишке коридора, Ланс обернулся. Нет, он знал, кого увидит, но хотелось еще раз убедиться. Вслед ему смотрела Другая.

«Странно, что понадобилась ведьминская отрава, чтобы я её узнал», - удовлетворенно подумал археолог.

Лэйгин примерно вычислил момент, когда его угостили вытяжкой из местных травок впервые. У лорда Эспита, конечно. Не в спиртном, а в воде, которой запивался виски. Постарался ли Варден Тай самолично или это дело рук его домоправительницы, уже не имеет значения. Все эспитцы поучаствовали в превращении чужака в марионетку. Как там объяснила Лив: «Настроить разум на нужную волну, раздвинуть границы »? Это так мило с их стороны, право же.

Теперь-то границы восприятия у Ланса Лэйгина так широко раздвинуты, что конца и края не найти. Полезут ли изо всех щелей чудовища, материализуются ли фантазии, или же он набредет на огромную кучу сокровищ с черепами вперемешку – ничему не придется удивляться. Возможно всё. Так дама Тенар и сказала.

Ланс не знал, чего ожидать, а посему его больше занимала

мысль о возможной встрече с *морскими и подземными*. Боги, древние боги - это такая штука… Боязно как-то и непривычно для цивилизованного человека, привыкшего, что боги либо выдумка древних, либо идолы слаборазвитых народов.

Что ж, Эспит – остров, испытывающий на прочность не только разум, но и убеждения.

Боги… Боги, это даже очень любопытно, если вдуматься.

И по мере того, как Лэйгин шел по узкому темному проходу, пронизывающему скальную породу, у него не осталось ни сожалений, ни обид на коварных островитян, ни страха. Все эти чувства остались где-то на поверхности, там, где начинался новый день, второй день Летнего фестиваля.

«Жертва оказалась бойкая, опередила охотников на целые сутки», - ухмыльнулся Ланс.

Он ждал, что вот-вот выйдет из туннеля в пещеру, но этого не происходило. Только тьма сгущалась с каждым шагом все сильнее. И тут лампа внезапно погасла, и вечная ночь сомкнулась вокруг завозившегося в попытке снова зажечь свет археолога. Бесполезное занятие, сколько ни щелкай зажигалкой, сколько ни чиркай спичками.

- Нет, я так просто не сдамся! – строго сказал Ланс, запрещая себе бояться. – Я всегда могу повернуть обратно. Туннель-то прямой.

Он попытался опереться о стену, но рука не встретила препятствий, хотя еще минуту назад коридор был не шире шага взрослого мужчины.

- Шутки подземных, да? Эй! Я ведь все равно до вас доберусь, кто бы вы ни были!

Звук затух быстро, будто Лэйгин кричал в огромную пуховую перину.

Археолог для пробы сделал два шага вправо, затем четыре влево, подпрыгнул, пытаясь достать потолка, а потом присел и ощупал пол под ногами.

- Отлично! Просто отлично. Я стою на твердой поверхности, а вокруг пустота. Замечательное место. Можно уже начинать сходить с ума?

А чего убиваться-то? Жертва сама пришла, сама залезла на алтарь, осталось лишь прихлопнуть её какой-нибудь божественной мухобойкой.

Ответа не последовало. Здешние хозяева дали Лансу Лэйгину в полной мере насладиться всеми ужасами, которые совершенно бесплатно даровали ему сбитые с толку органы чувств. Чувствовать себя крошечной плодовой мухой на бесконечной сковородке – удовольствие маленькое.

А потом… Где-то недалеко пела женщина. На языке, казавшемся удивительно знакомым, только забытым. Смутное воспоминание из глубокого детства, из времени, которое люди обычно не помнят, из младенчества. Кто-то поет над твоей колыбелью, но ты еще не знаешь языка, только чувствуешь, как вместе с немудреной мелодией на мягких лапках подкрадывается сладкий-сладкий сон. А может быть, это вовсе не сон, а толстый серый кот, которого потом, спустя несколько лет пытался таскать за хвост. Так расплывчата, так неуловима эта далекая память, и хранится она на самом дне сундука вместе с полуистлевшей первой распашонкой…

Ланс, как завороженный, пошел на этот тихий голос, совершенно позабыв об осторожности.

Глава 15

Ланс. Калитар

Граница между сном и явью тоньше паутинки и крепче танковой брони. Все, кто хоть раз мучился от бессонницы, знают это. Сколько придумано мудреных способов засыпания – от стакана теплого молока до счета кошачьих хвостов, а пока разум сам не перешагнет невидимый порог, ничего не выйдет. Верно же и обратное: никакая сила не вырвет сновидца из когтей ночного кошмара. Не проломить невидимой стены, которая запросто исчезает от комариного укуса или природного зова мочевого пузыря.

Одно плохо – в глубинах сновидений невозможно понять, спишь ты или бодрствуешь. Когда Ланс вдруг увидел поющую девушку, то усомнился, что всё происходит наяву. Она сидела на каменном полу, в длинной тунике, простоволосая, а со всех сторон её окружали глухие стены. Девушку замуровали заживо и обрекли на медленную смерть. Но пока еще она была жива и скрашивала последние часы существования незатейливой песней о глупой рыбке. Храбрая маленькая девочка, похожая… Ланс никак не мог вспомнить, кого же она ему напоминает. Кого-то знакомого, кого-то…

Он позвал узницу, но она не слышала. То ли потому что это и в самом деле был сон, то ли из-за той апатичной отрешенности, которая подчас охватывает приговоренных к смерти. Уже перешагнув через порог бытия, покидая мир живых, лишний раз оглядываться как-то не хочется.

И тогда Ланс Лэйгин пошел дальше, подгоняемый странным желанием успеть, посетившим его внезапно и неумолимо погнавшим вперед.

Вперед, вперед, по широким ступенькам, через дверь, забранную крепкой железной решеткой, в обширное помещение, в котором самый несведущий угадал бы тюрьму. Толстые решетки, массивные замки и даже кандалы - не самое узнаваемое, нет. Место, где у людей отнята свобода - этот единственный дар, положенный каждому от рождения, до тех пор, пока тот своими поступками не докажет обратного, отличается от любого иного человечьего обиталища одним – запахом. Его не спутаешь с другими и не забудешь. Как бы чисто не убирались камеры, сколь бы ни были гуманны законы и беззлобны стражи, но здесь всегда будет витать этот острый, режущий ноздри дух отчаяния. Хоть

залей всё духами, но хрена с два ты спутаешь тюрьму с любой другой обителью печали. Вот и Лансов нос не ошибся. Да, собственно, его и глаза не подвели. Хотя пришлось сморгнуть пару раз, на всякий случай. Гораздо труднее пришлось мозгу, дабы до конца уверовать - женщина в кожаном доспехе поверх туники и огромная серая собака - Лив и Перец. К слову, охотника на оленей признать было проще всего.

Стражница. Калитар

В тюремной караулке пахло именно так, как должно пахнуть по утрам в маленьком помещении, где хранится снаряжение и оружие охраны. Кожа доспехов, мужской пот, поношенные сандалии, оливковое масло, пролитое на пол вино, пожалуй, слегка подкисшее, и залежавшийся кусок лепешки, судя по всему, уже заплесневевший. И песья шерсть, конечно. Просто праздник для чувствительного носа, если сравнивать с ароматами, царившими там, в коридорах и камерах узников, особенно же в пыточной. Собачья подстилка пустовала – Перец был единственным счастливчиком, который мог покинуть храмовую тюрьму до конца празднеств. И вернуться обратно.

- Еще одна бесконечная ночь? – пошутила Лив, затягивая ремешки на кожаном панцире.

- И две монеты в кошельке, когда все закончится и нас выпустят в город, - зевнул стражник, которого она сменила. – Душно как, заметила? Что-то сна ни в одном глазу. Пойду напьюсь – Исил угощает.

- Происшествия?

- А! Ведьмы умудрились покусать друг дружку – всё неймется им. Господин Тай со своими бабами затеяли оргию напоследок, хоть уши затыкай, но это его право. Остальные не бузили особенно, разве что Лазутчик распелся под утро, но сейчас притих. Тебя, что ли, чует?

- Может, и так… - женщина просмотрела ночной отчет, сложила таблички и оттиснула на воске свою печать. – Свободен. Иди отдыхать, я и без тебя всех обойду.

- Спокойной стражи, Лив, - охранник, уже успевший разоблачиться до туники и снять оружие, обернулся и добавил вполголоса: - Да, кстати… Что-то писарь наш мудрит в последнее время, да и серебришко у него завелось. Вчера кувшин красного поставил – с каких только шишей, а? Да разговоры вел мутные. Ты б присмотрела за ним.

- Думаешь, под меня роет? – она прищурилась, пристегивая

ножны с коротким мечом к поясу по-сотницки, справа.

- Ну, тебе виднее, есть ли там, что откапывать, - осторожно ответил стражник. - Будь здорова!

- И ты, - отмахнулась Лив, отдаваясь мыслям о предстоящем обходе. Ничего нового, впрочем. Разве что…

Внезапное рычание Перца заставило женщину вздрогнуть. Пес, неведомо когда проскочивший в караулку, стоял напротив двери, вздыбив шерсть, и глухо ворчал, не отрывая взгляда от густых теней там, за порогом.

Стражница, Ланс и другие. Калитар

Лив прищурилась, вглядываясь. Контрастная пляска световых пятен в чернильной темноте коридора играет с усталыми глазами странные шутки. *Морские и подземные*, что может быть нелепей нового лица в этом царстве живых мертвецов!

- А, это ты! – выдохнула женщина с облегчением, признав свеженького стражника, по виду – полного недотепу. - Опаздываешь! Я уж хотела начинать обход без тебя. Ну, облачайся, и пойдем.

И как это часто бывает во сне, когда все происходящее, сколь бы бредовым оно не являлось, принимается как данность, удивление невесомой тенью мелькнуло где-то в глубинах сознания, и сразу же, не вызывая отторжения, исчезло без следа.

Значит, Лив видит его наяву, и призрачное хождение сквозь стены закончилось пробуждением? Или нет?

Кажется, женщина приняла его за стражника-новичка. Хорошо, пусть так.

- Я? Да… сейчас… а где… э… облачение? – запинаясь, пробормотал Ланс.

Чужая речь густой патокой текла с языка и горчила так, что перехватывало дыхание.

Потом глянул себе под ноги, а там… Коленки голые торчат смешно. И калиги надеты. Всамделишние, кожаные. Любимая обувка солдат – покорителей античных царств, которую любой археолог опознал бы в один миг. А это значило… Тут Лансу слегка подурнело, ибо выходило, что он каким-то немыслимым способом попал в прошлое. Или это все же сон?

- Ну, ты даешь, парень! – Лив расхохоталась, хлопнув себя по бедрам, и погрозила новичку пальцем: - Дело понятное, праздник, но нельзя же прямо с утра глаза заливать! Бери дубинку и таблички. Наверняка опять прошения будут, чтоб их… - и показала на стол, чтоб новобранец с перепугу чего не напутал: -

Сначала в поварню, подгоним Эвита, чтоб не задерживался с кормежкой.

И, свистнув Перцу, потопала по коридору на запах вареных бобов, капусты и жареной рыбы. Дорога знакомая, и, хоть в переходы и не проникает дневной свет, не ошибешься, потому как на этот дух можно идти, не открывая глаз.

Внутри поварни, в пару и чаду возился Эвит – свеженький самоубийца и трехтысячелетний любитель ядреных ароматов в одном лице. Узкая, смуглая физиономия его блестела от жира, на щеках и лбу красовались грязные разводы, но никуда не денешься – тот самый.

- Пошевеливайся, крыса ленивая! – прорычала стражница слегка гундосо, потому что с привычно зажатыми ноздрям иначе не порычишь:

- Ворюга! Тебе волю дай, так ты, если голодом не заморишь моих злодеев, так перетравишь всех! Опять бобы? Снова капуста? У тебя совесть есть, кухарь?

Такого редкого ингредиента в кладовой у Эвита, само собой, отродясь не водилось, так что вопрос Лив был риторическим. Откуда у кухарей, интендантов и прочих кашеваров с зубодралами совесть, скажите на милость? Однако у Овчарки уже сундук ломился от жалоб узников и докладных стражников касательно убойной силы эвитовой кормежки. Да и жрецы намекали, что заключенные храмовой тюрьмы, вообще-то, предназначаются богам, а потому должны представать перед *морскими и подземными* в добром здравии, сытыми и довольными, а не бледными немочами, недужными животом. Эвита, конечно, даже перерождение не исправит, но гаркнуть-то надо для порядка.

Лансу оставалось покрепче зажать нос и осмотреться. Кухни в тюрьмах похожи, должно быть, во все времена. Черный потолок, прокопченные котлы и липкий пол, а уж «ароматнее» только отхожее место, и еще неизвестно, где запахи отвратительнее. От гнилого лука и капусты порой такой дух исходит – человека непривычного свалит наповал. А сладковатая нотка тухлятинки, от которой желудок скручивает судорога, довершает незабываемые впечатления. Но, как показывает практика, узники привыкают к эдакой отнюдь не изысканной кухне очень быстро. Сказано же, вкус воде и пище дает вовсе не соль, а свобода. Где её нет, там без разницы, чем брюхо набивать.

А Эвит, знай себе, ворчал, подтверждая каждым словом мысли Ланса:

- Разлаялась! Что есть в кладовке, то и варю! Чай, не князья! Сожрут и так. Им осталось-то - сегодня день, да ночь... - и уже

миролюбиво добавил: - Госпожа стражница, так ведь подвоза не было нынче! Уж не побрезгуй! А для господ стражников я отдельно селедочки вот нажарил...

И эдак просительно поглядел на Ланса, дескать, замолви словечко перед этой стервью, будь человеком.

- Грузи свои помои, да поживее! – нетерпеливо постучала дубинкой по котлу Лив: - Эй ты, новичок! Помоги ему, а то мы до торжества не управимся.

И пока они выполняли приказ строгой начальницы, Лансу думалось об уникальном жизненном опыте. Обычно ведь как бывает? Сначала ты всегда знакомишься с живым человеком, а потом, если доведется, то хоронишь его. Только с Эвитом всё наоборот. Забавно! И страшно.

- Не трясись, парень. Ты ж не духа увидел! – прошептал кухарь и карим глазом подмигнул.

Как будто не только Лэйгина признал, но вообще прекрасно понимает, что происходит. Тут бы взять любителя селедочных хвостов за глотку и вытрясти всю правду. Но разве Лив-Стражница позволит отвлекаться? Ни в жизнь. И каждый окрик, как удар плетью. Никаких мыслей, только желание вжать голову в плечи.

В чем загадка природы власти? Нет, не той крохотной власти стражницы жертвенной тюрьмы, а истинной, той, которая по праву рождения проистекает прямиком от богов? Что заставляет Лив, женщину, в общем-то, неробкую и к священному трепету не склонную, замедлять шаги и приглушать ругательства при приближении к узилищу низложенного правителя провинции Эспит и повелителя крепости Тенар? Уж не осознание ли того, что даже приговоренный к жертвоприношению высокий господин Тай и в камере остается высоким господином? Пожалуй, что так!

Подсолнух поворачивает головку к солнцу, даже не видя его. Птица летит, ведомая недоступным человеку чутьем. Уроженец земли Калитар от одного рождения до другого знает предназначенное ему место. К чему цветку хотеть стать птицей, женщине – мужчиной, а стражнице – пытаться встать выше лорда? То, что высокий господин Тай проиграл войну с имперским наместником и оказался заключенным в тюрьме собственной столицы, никак не изменило отношения к его особе со стороны тюремной охраны. Господин остается господином. Именно поэтому тень от крыльев священной калитарской бабочки и закрывает сейчас большую часть известного мира. Потому что каждый знает свое место, вот почему.

Лив поправила перевязь, стряхнула с подола туники невидимые крошки, пригладила волосы и погрозила Эвиту

кулаком, чтоб не вздумал снять крышку со своего котла и не оскорбил обоняние высокого господина Тая неуместными запахами. Хвала *морским и подземным*, приговоренному лорду и его женщинам пищу и вино присылали со стола наместника, и жулики вроде Эвита к этому касательства не имели!

Вроде бы все в порядке, да? Вот только этот новичок… Что ж он глаза вытаращил, словно вот-вот в обморок свалится? Впрочем, может, ему просто не доводилось встречать высоких господ?

А лорд Тай, ибо это был он, расположился в узилище, как у себя дома. С коврами, курильницами, широким ложем и теми, кто его на оном греет ночами. Табличка снаружи клетки гласила «Мятежник». Коротко и ясно.

Он стоял голый, и рабыня, в которой без труда узнавалась домоправительница Орва, обтирала его влажной мочалкой, а красотка Оливи сосредоточенно готовила благовония, чтоб умастить своего обожаемого господина. Оливи? Нет, о нет! Танет, и только так. Современное имя? Платье? Туфли с чулками? Чушь какая! Это грациозное создание явилось в этот мир нагим, и с тех пор только золото достойно спрятать от постороннего взгляда её бархатную кожу, только драгоценные камни - оттенить полночную темень шелковых волос.

Пришелец из времен более циничных даже не смутился своих мыслей. Какой к *морским и подземным* пафос, если эта женщина достойна самых возвышенных слов?

Наложница равнодушно скользнула взглядом по лицам вошедших и ничем не выделила Ланса. Но, голову можно давать на отсечение, узнала. И улыбнулась одними губами.

Лив же, не доходя нескольких шагов, смиренно опустилась перед лордом Таем на колени, молвив церемонно:

- Мой господин Тай, дозволишь ли ничтожной стражнице приблизиться к твоей милости?

Да, только так и должно быть. Потому как его род неизмеримо выше, и без дозволения к нему даже палач не подойдет. Опять же ритуал. Хоть и за решеткой, а отступить не моги.

- Дозволяю, - ответствовал эспитский лорд, не поворачивая головы.

Крайне надменно, но он в своем праве.

Лив, не поднимая глаз, отперла дверь камеры и быстро собрала пустые чаши, блюда и кувшины, сделав знак Эвиту, чтоб тот пока занес свежих опилок для отхожего места. К счастью, под тюрьмой проходила труба клоаки, и свойственных этой стороне заключения неудобств узники не испытывали, ни знатные, ни

простолюдины.

- Я пришлю этого юношу с едой и вином для тебя, мой господин Тай, - осипнув от почтения, молвила Лив и робко показала на ложе: - Прикажешь ли сменить циновки?

Как истинный аристократ, лорд Тай с достоинством сносил лишения. Раз заключенным полагается спать на камышовых циновках, он так и будет спать. Ковры и шелка предназначались для пола и женщин, а потому не в счет.

- Да, она может побеспокоиться об этом, - лорд соизволил обратить на стражницу равнодушный взгляд. С высоты его рода и положения, ему что женщина заговори, что лавка или решетка – без разницы. Разве что говорящей лавке господин Тай уделил бы чуть больше внимания. И, возможно, обратился бы как к одушевленному существу, а не вдруг разболтавшемуся предмету обихода. - И пусть она велит давать моим женщинам больше воды.

- Воля моего господина – высший закон, - Лив замерла, склонившись в позе «достоинство покорности», без лишних слов давая понять, что пожелание лорда принято к сведению и будет исполнено непременно, ежели не вмешаются *морские и подземные* самолично.

Высокорожденный узник усмехнулся самым краешком губ и вдруг снизошел до прямого взгляда и милостивого кивка:

- Ты можешь более не обременять меня своим присутствием, женщина.

Суровая стражница просияла, как девчонка, внезапно одаренная цветком от предмета безнадежного обожания и, пятясь, удалилась. От волнения она даже ключом в скважину замка не сразу попала и дыхание смогла перевести только после того, как отошла от двери застенка господина Тая на десяток шагов.

Нет для тюремной стражи испытания суровей, чем высокий лорд в заключении!

Как такой знатный господин попал в тюрьму, догадаться несложно. В Калитаре или спустя тысячелетия после его исчезновения, по эту ли сторону экватора или по другую, люди везде и всегда одинаковы. Они алчут богатства и власти. И чем выше поднимается смертный, тем жарче разгорается его жажда. На вершине удерживаются единицы, остальные падают и разбиваются. Но и на самом глубоком дне властители остаются таковыми. Если, конечно же, они подлинные хозяева, а не самозванцы.

Вопрос в другом, что это за тюрьма такая? Неужели… Додумать Лансу не дал Эвит:

- Мда, не повезло господину Таю. Вот ведь судьба! Не открой

лазутчик ворота крепости Тенар, не господина Тая ждали бы завтра морские и подземные! А теперь и сам лазутчик у нас же ж, рядышком сидит...

«Ждут морские и подземные? О! Вот оно что!». Разгадка оказалась проста.

Лив коротко и зло рявкнула:

- Заткнись, червь. Не тебе обсуждать судьбы высоких господ. И даже не мне.

И потопала вперед по коридору.

- Лазутчик? - насторожился мурранец, весь при том излучая любопытство.

Сплетник-Эвит сразу же воспользовался случаем.

- Дык, Рыжий Берт - известный проныра. Это он пустил войска наместника в крепость Тенар. Такой скользкий тип, доложу тебе, парень, а, гляди ты, на бабе попался!

Ланс решил поддержать разговор:

- Бабы, да. Это слабое место. Особенно, красивые.

- И ведь не кого-нибудь, а поющую жрицу соблазнил! По-хорошему, надо было и его вместе с девицей замуровать, однако ж нашлась у Берта даже и тут нежная ручка...

У Стражницы слух был, как у летучей мыши, а рык так и вовсе львиный.

- Я молчу, госпожа Лив! Молчу я! – взвизгнул болтливый кухарь.

Первая жизнь островитян. Так вот она какая! Грубая, суровая, сложная и одновременно простая, словно рыбацкая лодка. Знай себе греби веслами, пока она скользит по неспокойному морю древних времен. Дно еще не успело обрасти толстым слоем ракушек-условностей, да и управлять незамысловатым парусом несложно. А если настигнет буря, то жизнь эта оборвется быстро, без всяких затей. Если не считать случаев, когда смерть твоя угодна богам. Чем дольше Ланс провел в стенах тюрьмы, тем крепче становилась его уверенность, что здесь не простое узилище, а жертвенные застенки. Имя заключенного намеренно перечеркнуто мазком крови, а обвинение, напротив, подчеркнуто. Множество признаков, надо лишь вглядеться: и окна выходят только во внутренний двор, и одежда охранников вся расшита оберегами. Очень скоро догадки мурранского археолога подтвердились самым простым способом: об это сказали сами узники.

В следующей камере тоже сидели втроем: две женщины и мужчина с кое-как забинтованной ногой. Скованные вместе.

"Так это же ведьмы и Хил!" – едва не крикнул Ланс, но вовремя прикусил язык. Одной на вид было лет тридцать, второй

– шестнадцать, обе с головы до ног покрыты накожными рисунками, но всё же это они – Дина и Лисэт, мать и дочь, вечные соперницы за сердце воина. И на табличке начертано «Кровосмесители».

«Все правильно, - мысленно согласился с приговором Лэйгин. – Если Хил сошелся с Диной, то обладание падчерицей-Лисэт такое же преступление, как разврат с родной дочерью. Древние законы были суровы!»

- Радуйтесь, любезные мои! Время завтрака! – объявила Лив, отпирая камеру.

Дерзкая Лисэт, в упор глядя на Ланса, рявкнула:

- А, и ты тут!

И едва удержалась на ногах, когда гневливая Дина дернула её за цепь:

- Не цепляйся, дура. Есть дела и поважней, чем всем мужикам вокруг строить глазки, - и обратилась к Лив уже смиренно. - Стражница, ты бы за стены нос высунула, а? Буря будет, сильная буря. Страшная буря! Я чую.

Насчет бури Лансу ничего известно не было, но пол под ногами иногда подрагивал. Где-то в недрах ворочались в предвкушении жертв *морские и подземные*? Или смещались континентальные плиты?

- Верю, - серьезно кивнула Стражница. – Только, когда та буря разразится, тебе до нее уже дела не будет, Дина. Мое дело маленькое, сама знаешь. Хил! Я пришлю Исила сменить повязку. Что-нибудь еще вам потребно?

Тот мрачно посмотрел сначала на одну ведьму, потом на вторую, и процедил сквозь зубы: - Скорее сдохнуть.

Лисэт недолго скулила от боли в расшибленной ноге, едва та отвлеклась, ловко пнула Дину в отместку.

- Это из-за тебя всё! Ты - ревнивая сволочь.

- А ты - ревнивая дура, - парировала старшая ведьма.

Хилу можно было только сочувствовать: сидеть на цепи между влюбленными женщинами, как сразу на двух кострах гореть. То один бок поджарится, то - другой. Даже Лив сопереживала несчастному в меру сил.

- Прости, воин, то не в моей власти. Дотерпи уж до завтра. Уверена, морские и подземные тебе это зачтут… А пока могу вина прислать. Эвит, шевелись!

«Значит, все они приговорены к смерти во славу богов. Ирония судьбы, ничего не скажешь», - подумал Ланс.

В это время фундамент здания ощутимо дрогнул, и с потолка просыпалась струйка песка. Лив посмотрела на нее и нахмурилась. Перец тихонько заскулил.

- Буря, говоришь... – протянула стражница и заторопила Эвита: - Давай-давай, у нас еще много осталось! И ты, новенький, не стой как столб придорожный, помоги ему!

Список злодеяний Дины и дочери ее Лисэт занимал целый свиток, однако ложных предсказаний там не значилось. И если старшая ведьма не только чуяла беду, но всерьез на этот счет беспокоилась, к предупреждению следовало прислушаться. Накануне казни по пустякам обычно не волнуются. Впрочем, буря там или землетрясение грядет – совершенно неважно, а важно другое: чтобы все заключенные получили свою порцию эвитовой бобово-капустной похлебки в положенный срок. Да рухнет мир, но восторжествует порядок.

- Эй, вина-то пусть принесут! – все-таки крикнул вслед Хил.

Стражница махнула рукой, дескать, поняла, распоряжусь, и чуть ли не пинками погнала свою команду дальше по коридору, не забыв пометить в табличках уже посещенную камеру. На очереди был… И тут Лив запнулась и в досаде хлопнула себя по лбу:

- Эх! Чуть не забыла! Надо же в пыточную заглянуть сначала!

То есть вернуться почти к самой кухарне, а потом еще и на пару десятков ступенек вниз спуститься. А что поделать? Не побледневшему же новичку доверять такое важное дело?

Какой цивилизованный человек не содрогнется от одного только слова «пыточная»? С одной стороны, Большая война снова доказала, что человеческая жестокость сохраняется в неизменном виде со времен каменного топора, а с другой – число тех, кто в обморок валится от мысли о зарезанной в суп курице только растет. Парадокс, как ни верти. Древние, конечно, были большими искусниками по части причинения боли, тут не поспоришь. Но, скажите на милость, чем колесование принципиально хуже, в смысле попрания основ гуманизма, окопов, доверху заполненных трупами? Чем дыба уродливее пулемета?

А пытка в Калитаре была делом строго регламентированным и рутинным, требующим высокого профессионализма. И перерыв на обед полагался не только палачам, но и пытуемому.

Сполоснув руки в тазу, Исил обрадованно потер ладони в предвкушении:

- О! Капустка! Молодец, Эвит! - и повернувшись к Кат, натирающей до блеска инструменты, добавил. - И нечего кривиться, женщина. Я имел много возможностей убедиться, что бобы и капуста - наиболее полезная пища в наших условиях!

На физиономии Кат было написано крайнее отвращение, которое она питала в равной степени и к бобам, и к капусте, и к

Эвиту. Под ногами у женщины вертелась трехцветная ласковая кошечка, а когда Кат присела на лавку, тут же прыгнула на колени, подставив белую шейку, мол, чеши.

В углу пыточной Ланс приметил две мисочки: одну - с молоком, а другую – с чем-то окровавленным. Мурранцу стало немного не по себе.

А Исил неодобрительно покосился на громко мурлычущую тварюшку:

- Не забудь вымыть руки после животного! Еще не хватало заразить нашего подопечного кошачьей паршой!

- Коль завтра всё для него закончится, так не без разницы ли, кошачья у него парша, аль человечья? – подивился Эвит.

- Не положено – раз, морским и подземным не по вкусу наше пренебрежение – это два, - строго молвил тюремный палач.

И аккуратно отвязал пытуемого от дыбы.

- Писец, подсоби!

Лив заинтересованно заглянула в допросные записи:

- Ну что? Так и не вспомнил всех жертв?

Вопрос, в общем-то, принципиальным не был. Убийце, прозванному Мясником, что десять умерщвленных, освежеванных и съеденных, что сто десять – уже без разницы. Умирать ему все равно придется лишь единожды. Однако ж закон требовал по возможности дознаться от злодея истины, а как добиться такого без пытки?

Исил печально вздохнул и поскреб гладко выбритый подбородок.

- Еще даже и до середины списка не добрались... А время-то не ждет! Слышишь, голубчик мой Бру? Перекусим и продолжим. Надобно поторопиться!

Бру? Мясник Бру? Вот этот кусок скулящего окровавленного мяса через много веков превратился в довольного жизнью, вальяжного и нагловатого типа? Невозможно поверить!

- Ох, Исил, Исил! – покачала головой стражница: - Ты мне его к вечеру приведи в порядок. Дознание дознанием, а последнюю ночь заключенным положено в покое проводить и в довольстве. Там уж завтра морские и подземные разберутся, что к чему.

Палач согласно кивнул и принялся заботливо кормить подопечного:

- Кушай, дружок. Бобы, они, знаешь ли, весьма полезны как для скорейшего насыщения, так и для поддержания сил... И вообще, растительная пища умеряет кровожадность.

Будь у Исила еще дней этак двадцать для проведения чистого эксперимента, возможно, бобовая диета и сказалась бы на нраве Мясника. Хотя… Сумасшедший людоед – это одна статья, а вот

людоед, деловито приторговывавший останками жертв – совсем другая. Бру, может, и рад был бы прикинуться безумцем и тем избежать пытки, однако под волшебными руками Исила долго притворяться не получилось. Пара часов – и разум становится ясен и тверд, как алмаз. Вот только память подводит. Хотя Мясник же не заботливый пастух, который по именам знает всех овечек в своем стаде. Бру резал, разделывал и вкушал людей, не спрашивая даже, были ли они гражданами счастливой земли Калитар или же заезжими варварами, а то и вовсе чьим-то двуногим имуществом.

Ланс только глаза таращил и поражался человеческой живучести. Ведь Бру этот едва дышит, руки-ноги его не слушаются, суставы растянуты, и жить ему осталось меньше суток, а жрет так, словно собрался до глубокой старости дотянуть. Исил же едва успевал подносить ложку ко рту Мясника и вовремя отдергивать, когда тот жадно смыкал челюсти.

- Тебя послушать, так, грызи он морковку, не польстился бы на человечинку? – съязвила Кат.

- Ну, будет вам, будет! – призвала распалившихся палачей к порядку Лив: - Писец, зайдешь, когда я закончу обход. И свитки свои прихвати.

Писец Гар, возрожденный ныне почтмейстером, ответил злобным взглядом, но покорно кивнул. Тут Лив хозяйкой была, ничего не попишешь. Сказала: «Топайте дальше, у меня дело еще есть», значит – делай и не рассуждай.

И дальше раздавать обед заключенным они с Эвитом пошли вдвоем. И, конечно же, Ланс встретил и узнал во всех калитарских злодеях нынешних эспитцев. Впрочем, они тоже признали мурранского гостя. Хотя до возникновения республики Мурран оставалось еще три тысячи лет. Забавно, да?

Кто-то отворачивался, увидев перед собой перекошенную физиономию Ланса, кто-то радовался, не скрывая злорадства или же, напротив, облегчения. Невесло было только самому Лэйгину. Выходило, что он научился языку Калитара, чтобы читать о преступлениях эспитцев – странных и жутких, жестоких и корыстных. Некоторые из которых цивилизованному человеку даже представить себе сложно. Госпожа Матэи, скажем, выстроила коммерцию на умерщвлении ненужных родителям младенчиков, ублюдков внебрачных или же просто лишних ртов в семье. Кого подушкой придушить, кого застудить, а кому, особо живучему, алебастра в молоко подмешать. Дама, разумеется, полагала себя невиновной и оболганной неблагодарными клиентами.

- Я, по крайней мере, старалась без мучений обойтись. Это ж

не в лес волкам и бродячим собакам на съедение относить, верно?

- Ты, стервь, не юли, ты убыток казне причиняла, - фыркнул Эвит. – Скажешь, нет?

- Не каждый желает участи государственного раба для кровинушки своей, - огрызнулась преступница, но больше с речами в свою защиту выступать не стала.

Ланс Лэйгин, хоть ученых степеней не имел, но университет окончил, а потому совершенно не удивился причудам калитарского закона. Как и во всех прочих античных царствах, в Калитаре младенец-подкидыш, если не было доказано, что он рожден от свободных родителей, становился рабом. Практично и прибыльно. Зачем же разбрасываться имуществом? Поэтому промысел детоубийцы толковался, как весьма тяжкое преступление против государства, наравне с фальшивомонетничеством.

Впрочем, среди эспитцев сыскался и мошенник, промышлявший подделкой монет.

И всех их ждала казнь-жертвоприношение во славу *морских и подземных* – вечных и подлинных хозяев недр и пучин, не имеющих по традиции ни облика, ни пола. Умиротворить чудовищ могла только человеческая кровь и то лишь в дни Летнего Фестиваля, когда *морские и подземные* склонны внимать мольбам смертных.

И странное дело, Ланса грядущее действо ничуть не смутило и не ужаснуло жестокостью подробностей. Будто с каждой следующей минутой пребывания в темнице блестящий выпускник Саломийского университета отступал в тень, давая место калитарскому стражнику-новичку, чье образование заключалось лишь в знании грамоты.

Раздвоение личности, как известно, явление неприятное и определяется медицинской наукой как серьезное душевное расстройство. Но никакого раздвоения Ланс не чувствовал вовсе. Скорее это напоминало участие в хорошо выученной когда-то и не единожды сыгранной пьесе. Позабытые слова сами всплывали в памяти. Чудеса!

Вот бы еще увидеть не только калитарскую тюрьму, но и город, который за её стенами. Бесценным даром перемещения во времени и пространстве следовало воспользоваться, невзирая ни на что. Понятно же, что никто не поверит, если рассказать, но так хочется пройтись по древним улицам, зайти в храмы и просто заглянуть в глаза живых калитарцев.

- А можно я в город схожу? – весьма осторожно спросил Ланс, словно заранее подозревал, насколько неуместен вопрос.

- У тебя в одно ухо влетело, а в другое вылетело, парень? Забыл, что мы заперты снаружи. И до окончания праздника никто отсюда не выйдет, - раздраженно напомнил Эвит, а потом вдруг вспомнил, с кем говорит, и сменил гнев на милость: - У мертвых принято лежать в своих могилках смирнехонько и живых не беспокоить. Бабочки до срока из куколок носа не кажут. Так-то вот.

И верно! Мертвые не встают из своих могил, но душа рождается вновь, переждав положенный срок во тьме безвременья. Эвит же, дорвавшись до свободных ушей, болтал и болтал без умолку, открывая гостю из будущего маленькие тайны давным-давно сгинувшего мироустройства.

Они покончили с кормежкой и присели отдохнуть на лестнице. Заодно и свежим воздухом подышать, пока от вонищи глаза не вытекли.

- Позавчера еще обряд провели – объявили наших подопечных мертвецами. Вымарали имена, заменили на прозванья.

- Но мы-то ведь не считаемся покойниками?

- Что с того? Мы – могильщики, мы по эту сторону границы, хоть сами живы. Исил-Палач всю жизнь так живет и - ничего. Привык, кажись.

- А потом что будет?

- Как обычно. Ночью отдохнут, и как солнце взойдет, так Исил займется нашими постояльцами. Каждому своя «награда» по вине и закону. Чтоб, стал быть, искупили содеянное и отправились на новый круг с чистыми душами. Кому ж охота в новую жизнь тащить старые злодейства?

Ланс слушал завороженно, боясь пошевелиться и спугнуть внезапную догадку.

«Так может быть… Нет! Рано делать выводы», - сказал он себе.

А может, просто хотелось подольше оставаться пытливым исследователем, первооткрывателем. И когда бы стражница Лив позволила, то Ланс с огромным удовольствием облазил бы тюрьму сверху донизу, собирая малейшие доказательства существования Калитара. А эти штандарты с бабочками? О! Лэйгин успел придумать пять разных планов похищения одного из них. Лучшего свидетельства не найдешь. Он так загорелся идеей прихватить несколько сувенирчиков из прошлого, что уже приглядывал себе подходящий по размеру. И не видел ничего странного в том, что предыдущие жертвы островитян пропадали или сходили с ума. Если они оказывались в столь далеком прошлом, то обязательно воспринимали калитарскую тюрьму, как бред.

- Всякое бывало, - вздохнул неожиданно Эвит. – Но таких, как ты, еще ни разу не попадалось, парень.

- Вы читаете мысли?

- Делать мне больше нечего. Просто знаю.

Селедколюб вдруг подтолкнул Ланса локтем и лукаво подмигнул.

- Хочешь, покажу, что тут к чему? Покажу арену и остальное?

- Хочу! – охнул археолог, но вовремя вспомнил: - А Лив не хватится?

Отчего-то губы Эвита вдруг покривила глумливая ухмылка:

- Не хватится покамест. Не дрейфь. Тебе ж интересно?

- Ещё как!

- Так пойдем. Ходи за мной и не шуми. Тут местечко еще то, сам понимать должен, капище где ни попадя не ставят. Морские и подземные, почитай, под твоими ногами шевелются. Чуешь?

Пол и вправду подрагивал, иногда резко, но большей частью плавно приподнимаясь и оседая, словно кто-то исполинский плавал в глубине, а по земной тверди расходились волны. Кто-то свирепый, ненасытный, алчный до крови и беспощадный. Кто-то древний как этот мир, и такой же суровый к мелким смертным букашкам, ползающим по поверхности и тщащимся назвать свои нелепые трепыхания жизнью.

- Очень даже понимаю, - сочувственно молвил Эвит. – Сидишь тут, как мышь под горшком, и ждешь непонятно чего. Я ж говорю – мы в могиле.

Снаружи и в самом деле что-то происходило: гремел далекий гром и яростно гудел ветер.

- Нехорошая примета – землетрясение во время Летнего Фестиваля. Не к добру, - буркнул кухарь. – Вишь, туча какая?

Они стояли перед подъемной решеткой, закрывающей сейчас проход на небольшое пространство арены. Отсюда был виден краешек черной клубящейся тучи, которая медленно наползала на город.

- Ветер пока отгоняет в сторону, - заметил Ланс.

- А ну как направление переменится? Завалит нас, как пить дать. Или, чего доброго, зальет арену, тогда злодеюг наших топить придется. Исил будет недоволен. Да и Кат шибко осерчает. Не любит она своих зверей жертвенных топить. Жалеет всегда.

Сбоку от ворот мурранец увидел внушительных размеров колесо, с помощью которого решетка и поднималась. Ланс присмотрелся к ней повнимательнее.

- А в какую сторону крутить? Вправо или влево?

Эвит, не сдерживаясь, расхохотался в голос.

- Сразу видно, что ты раньше времени зашел. Уже б знал, что

делать и куда крутить.

- Не понял…

- Ну, стал быть, оно тебе и не нужно понимать.

Верэн и Лив. Эспит

Над Эспитом сияло яркое солнце, но не радовало оно Верэн Раинер, совсем не радовало. Виной тому ночные кошмары, которые довели несчастную хадрийку до изнеможения. Сон дан человеку для отдыха – душевного и физического, но разве тут отдохнешь, когда всю ночь терзает удушье и слезы сами собой текут из глаз. А вспомнить, что снилось, нет никакой возможности. Но может, оно и к лучшему? Мало ли какие там, во сне, ужасы приключились.

Одним словом, проснулась Верэн с тяжелой головой и в мрачном настроении. Не порадовало её и отсутствие приставучего археолога ничуточки.

- А где господин Лэйгин? – спросила она у недружелюбной Лив, которая обихаживала козу.

- Пошел погулять.

- А когда вернется?

- Тебе-то до него какое дело? Он сюда приехал по делу, вот пусть и занимается, чем собирался.

Ответ Верэн не понравился, но она промолчала. Чрезмерно любопытных нигде не любят, ни на Эспите, ни в приснопамятном Озанне. Зато любят хозяйственных. Она деловито повязала фартук прямо поверх сорочки.

- Так мне пирог испечь или как?

- Да пеки свой пирог, раз я уже продуктов купила, - буркнула дама Тенар.

И пока Верэн растирала муку, сахар и масло, думалось ей о странном. Например о том, какая причуда заставила её сорваться с места и отправиться не в Дайон и даже не в столицу, а на крошечный остров, населенный не самыми добродетельными людьми. Ведь никаких побудительных причин, кроме ничем не обоснованного желания, не было. Разве не подозрительно? Очень и очень. Прямо мурашки по спине при мысли о непознанных силах, которые превыше человеческой воли.

- Ты дрожишь? Замерзла? Дать кофту?

Заботы в голосе эмиссарши имелась крошечная щепотка, но и её хватило, чтобы Верэн расчувствовалась и призналась:

- Страшновато у вас тут. Не знаешь от кого и чего ждать. В лицо тебе улыбаются, а за спиной словно нож держат.

Лив сложила руки на груди и покачала головой, не иначе как дивясь проницательности деревенской девушки. Лежавший до этого момента на пороге Перец сначала навострил уши, затем поднял голову, а потом и вовсе уселся на собственный хвост.

- Это ты точно заметила. На Эспите собрались не самые хорошие люди. Но, поверь, и не самые плохие. Но ты можешь их не бояться, тебе сейчас ничего дурного не сделают. Самое большее – под юбку залезет кое-кто, но только если сама сильно захочешь.

- Сейчас? А потом?

И видимо, было в барышне что-то располагающее к откровенности, потому что дама Тенар присела на стул и поведала хадрийке о вещах немыслимых. О неизбежном прозрении относительно прошлых жизней, которое случается со всеми, кто, как Верэн, рвется на Эспит. Иногда с другого конца света, как самоубийца Эвит, приехавший аж из Фергины, до которой на самом быстром пароходе плыть почти месяц.

- И когда же я вспомню? – дрожащим шепотом полюбопытствовала Верэн.

- На третий день Фестиваля.

- Завтра, что ли?

- Не обязательно. Если не в этот раз, то через год на очередном Летнем Фестивале.

Глаза у девчонки стали огромные и круглые, как у перепуганного мышонка. В своё время у Лив такие же были, надо думать.

- А ногти грызть тебе уже не по возрасту, прекращай! – рыкнула строгая эмиссарша.

- И кто же я? – пролепетала девушка.

- Без понятия. Может, Салда, а может, и Лунэт. По срокам очень подходит.

- Кто они… то есть, я… они такие?

Лив замялась на пару минут, словно решая, как бы поаккуратнее преподнести новость, но так ничего и не придумав, сказала напрямик:

- Стервы обе редкостные. - И увидев, что Верэн совершенно пала духом от такой новости, поспешила утешить. – Вообще-то, Салда очень талантливая художница. Гениальная в чем-то. Этого у неё не отнимешь. И нравом мягче Лунэт, добрее.

- А вторая?

- Лунэт прямодушная, камня за душой держать не станет, но злая.

- Злее, чем даже Фрэн… то есть, Лисэт?

- В три раза. Они с младшей Тэранс – заклятые подруги. Не

хихикай так по-дурацки. Они в самом деле дружат. Всегда.

И тут выяснилось, что до момента, когда Верэн вспомнит и превратится в одну из эспитских вечных жительниц, местные не будут её узнавать. Зато потом сразу поймут, кто перед ними. Такая вот мистика.

Девушка специально сходила и посмотрела на себя в зеркало. Те же темные глаза, личико сердечком, невинный взгляд, задорная улыбка – никаких признаков изменений.

«Злая подружка злой ведьмы? Не может быть. Тогда – художница? Не знаю».

- Только не реви, ради морских и подземных. Судьбы ничем не хуже остальных. Так что, сделай милость, не действуй мне на нервы! Очень прошу, – приказала Лив.

То ли угадала, то ли почуяла, что Верэн вот-вот разрыдается от страха и предчувствий.

- Я понимаю, ты сейчас за локти себя кусаешь. Мол, зачем я на этот остров приехала, сидела бы дома.

- Я не хотела оставаться на ферме.

- Не думаю, что хоть где-нибудь тебя бы приняли так же, как на Эспите. Подумай хорошенько.

Верэн не вчера родилась и иллюзий по поводу добросердечия людского не питала. Без рекомендаций честной работы ей не светило, деньги кончились бы через неделю, а оставаться без гроша в кармане даже в Дайоне чревато.

- Но Салда ведь не очень плохая?

И было в несчастном девчоночьем голосишке столько надежды, что сердце Лив-Стражницы дрогнуло.

- Тебе понравится искусство. Салда всегда говорила, что бывает очень счастлива, когда рисует. При случае, полюбуйся на её картины в гостиной у лорда Эспита.

Утешила по-своему.

Сногсшибательная новость, тем не менее, не выбила у Верэн почву из-под ног. Салда или Лунэт еще неизвестно, а пирог допечь надо. Хотя яблоки из ведьминого сада и в руки-то брать боязно.

Все женщины знают: когда возишься с готовкой, то самые сумбурные мысли постепенно упорядочиваются, а растревоженные чувства притупляются. Отчего так происходит? Наверное, из-за монотонности и непрерывности процесса. Так что к моменту, когда знаменитый хадрийский пирог подрумянился, а посуда была перемыта, Верэн успела смириться с будущим превращением.

Маленький домик с садом, постоянная работа, община, готовая принять тебя без всяких предварительных условий, - это

непреодолимый соблазн для здравого смысла.

И словно окончательно соглашаясь на будущее преображение, Верэн безропотно надела белое платье Куколки.

Лив, увидев подопечную подобающе облаченной и с пирогом, укутанным в полотенце, одобрительно хмыкнула, а Перец отвлекся от выкусывания блохи у корня хвоста и радостно гавкнул.

Хил и Верэн. Эспит

Весть о том, что Ланс Лэйгин сам отправился в подземелье, а значит, все ухищрения Фрэн и Мерерид в отношении мурранца оказались пустой тратой времени, Хила позабавила. Ну, и порадовала, конечно. Теперь от островитян уже ничего не зависит, «правые» добились своего, и не придется воевать с Лив – целых несколько поводов отметить окончание маленькой войны. И пока Фрэн шепталась с Исилом, а Мерерид за обе щеки уплетала хадрийский пирог, Рэджис удалился в заросли жимолости с бутылкой крепленого и копченой сардинкой.

После суеты последних дней так хотелось побыть в одиночестве. Без давящей на психику нервозности Фрэн и вдали от ехидства Мерерид. Имеет мужчина право просто помолчать и послушать тишину?

Хил расположился на ковре из разросшегося спорыша, сделал первый глоток и вдохнул пахнущий морем воздух. *Морские и подземные*, как же хорошо! Бутылка быстро нагрелась на солнце, но теплое вино лишь сильнее убаюкивало ветерана. Спать тоже хорошо. Спать и не видеть ничего, ни прошлого, ни будущего, забываясь и забывая всё и всех. А уж какое блаженство выныривать из уютных глубин-перин и еще несколько минут не помнить самого себя, никакими словами не передать.

- Ой! Прости…

Куколка, должно быть, отбежала в кустики по нужде, а на обратном пути наткнулась на разомлевшего, а потому добродушного Рэджиса.

- Хочешь вина, малышка?

Не то чтобы ему хотелось поболтать, вовсе нет. Но Хил считал, что обязан внести свой вклад в общее дело.

- Вообще-то я не пью, - замялась девушка.

Смущали её голые мужские коленки, тощие ноги бывшего солдата, покрытые синеватыми шрамами.

- Ну, тогда попробуй рыбки. Сам ловил, сам коптил. Уважь ветерана.

- Мой отец тоже воевал, - ни с того ни с сего брякнула Верэн.

- Не исключено, что мы с ним друг в дружку стреляли. Надо выпить за то, что не попали, - улыбнулся Хил и протянул бутылку. – За такое – не грех.

Куколка осторожно отхлебнула, не желая спорить. И уселась чуть в стороне. Такая смешная.

- Я еще не стала похожа на Салду или Лунэт? – спросила, не скрывая терзающего всё её существо любопытства. Даже заёрзала на месте от нетерпения.

- Значит, дама Тенар просветила?

Девчонка утвердительно вздохнула.

- Нет. Пока я тебя не узнаю, Куколка, - хмыкнул ветеран.

Затем перевернулся на живот и окинул Верэн снисходительным взглядом:

- Небось, аж нёбо чешется, так хочется узнать, кем быть доведется, да? Сам таким был. Оно как представишь, что вот-вот тебе откроется благодать. Прямо, как «мельники талдычат». Мозги через уши ветром уносит.

- А потом?

- Потом…

Хил зажмурился. Как же объяснить то, что можно только самому пережить?

- Память возвращается постепенно, исподволь, в снах, во всяких мелочах. То одно, то другое вдруг припомнится, потянет к одним людям, оттолкнет от других. И всё, что накопилось за многие жизни, плохое и хорошее, всколыхнется, снова оживет. Вот ты руку обжигала когда-нибудь? Как она заживает? Очень медленно, незаметно, тонкой пленочкой затягивает, поднывает к дождю, но с каждым днем боль утихает.

- Прямо-таки всё-всё вспомню? – изумилась девушка.

- Нет, - досадливо отмахнулся Хил. Он искал подходящий пример.

- О! Вот чем ты занималась в этот самый день, только четыре года назад?

Верэн напряглась, пытаясь воскресить в памяти первые июньские дни своего шестнадцатилетия.

- Жарко было, кажется…

- И не старайся, не получится. Если это был обычный день, то он забылся безвозвратно. Но есть множество моментов, которые ты помнишь в мельчайших деталях. Так во всех жизнях, у всех людей, и у нас, эспитцев, тоже.

Никогда раньше Хил не делал этого, не объяснял несведущему… Впрочем, однажды довелось. Больше ста лет назад накануне штурма Корентина, когда стало понятно, что их полк

бросят на прорыв, он рассказал Дамиану – своему другу закадычному. Зачем? Наверное, чтобы подбодрить и внушить надежду. Мол, правду говорят «мельники», сущую правду глаголят мудрые болтуны: есть оно, перерождение души. Ничего не закончится, а напротив, сызнова начнется. Твоя бессмертная душа обязательно возродится в теле младенца, а значит, и смерти бояться не нужно. И ведь доказал прирожденному скептику – привел примеры из истории, подробности всякие. Дамиан поверил, во всяком случае, спал потом до рассвета мирно, как дитя.

Они оба тогда погибли при штурме – Дамиана картечью на куски разорвало на глазах у Хила Рэджиса, а потом и его шею нашел офицерский палаш.

- Потом, Куколка, тебе вдруг захочется рисовать. Получаться, конечно, начнет не всё и не сразу, но в итоге от твоих картин глаз невозможно будет отвести.

Ветеран задумчиво разгрыз травинку.

- Жаль, Эвит ушел. Обычно она его больше остальных наших любила. Ничего-ничего, наш Исил еще бодрячком держится, - молвил он, вгоняя целомудренную Верэн в краску. – Не верю я в то, что Эвит из-за Салды удавился. В прошлый раз они почти счастливы были.

До преображения называть человека эспитским именем не к добру и не принято. Ничего ж еще не известно.

- Почему почти? – прошептала девушка.

- Таланту развитие потребно, а какое на нашей скале развитие? А сбежишь на материк – быстро спятишь. Но есть еще чахотка и прочие лазейки.

- Ох!

- Но это только если твой приятель Ланс ничего не изменит, а я очень надеюсь, что именно у него всё и получится.

- Тогда я не стану ни Салдой, ни Лунэт?

- Эх, - Хил сделал несколько больших глотков, почти опустошив бутылку. – В этой жизни уже ничего не изменится, я полагаю, но в следующей – возможно.

Перспектива ждать так долго не показалась Верэн привлекательной. Как у всякого юного существа, помыслы и планы хадрийки не простирались далее собственного тридцатилетия.

- А Лунэт? Какая она была… будет… ?

- Честно? Она мне никогда не нравилась. Вечно подбивала Лисэт на всякие нехорошие вещи в отношении Дины. Потом подружка в тюрьму, а эта обязательно выкрутится. Не люблю я её. Одни неприятности от Лунэт.

Верэн осторожно отодвинулась в сторонку, так недружелюбно и холодно поглядел на неё Хил. Глаза у него серые, прозрачные, волосы светлые, и весь он какой-то ледяной, словно последний снежный сугроб с теневой стороны стены.

- А если я… она… Лунэт изменится? Люди же меняются.

- Мы пытались, Куколка. Много раз. Не получалось, - отрывисто сказал ветеран. – Это как болезнь, надо знать первопричину, чтобы вылечиться. Выяснить, что же случилось в самой первой жизни. И тогда…

- Ага! – догадалась хадрийка. - Ланс... то есть господин Лэйгин это выяснит. Он же ученый!

Девушка повеселела и протянула руку за бутылкой, собираясь выпить за внезапно обретенную надежду.

- Хотелось бы, Куколка, очень хотелось бы. Будем верить. Я, например, очень хочу.

Они по очереди пригубили дешевого и крепкого вина.

Стражница. Калитар

Если высокий господин Тай даже в темнице оставался воплощенной в благородной крови Властью, то рыжий, как закатный пламень на волнах Сонного моря, лазутчик Берт, по причине исключительной изворотливости прикованный не только за ногу, но и за шею, являл собою ходячее… хотя теперь уже, конечно, полусидячее Искушение. Темно-серые, как зимние штормовые тучи, глаза по-охотничьи зорко следили за каждым движением стражницы, твердые, подобно чеканному узору на бронзовой вазе, губы раздвигала приветственная улыбка, а игра мышц на полуобнаженном теле атлета, когда он чуть приподнялся навстречу вошедшей… Ах-х! Словно обухом жреческого топора по затылку! Лив пошатнулась, будто жертвенная корова перед алтарем, и разве что не замычала.

И, словно всего этого было мало, он еще и заговорил. А может, запел? С Бертом разве поймешь!

- Ли-ив, - протянул узник, и от этого долгого и сладкого «Ли-ив» в животе у стражницы заныло и затрепетало: - Жизнь моя. Здравствуй. Там, снаружи, похоже – чудесный летний день?

- Твой последний день, Лазутчик, - напомнила Лив намеренно грубо, чтобы стряхнуть чары. Вроде бы помогло… по крайней мере с дыханием справиться удалось!

- Не верится, что ты это допустишь, моя Лив, - узник обнажил белоснежные зубы в ухмылке. – Ни мне, ни, уверен, всем остальным. Они там уже сделали ставки? – он мотнул головой в

сторону двери: - Как ты меня спасешь? Принесешь одежду охранника или укажешь тайный подземный ход, м-м-м?

- О, Берт, Берт! – она тоже показала зубы в невеселой усмешке: - Способен ли ты хоть на что-то без помощи женщин? Тебе нужно проникнуть в крепость – ты соблазняешь жрицу, нужно выбраться из тюрьмы – обольщаешь стражницу… Что бы ты делал, если б твоим тюремщиком был старый жирный толстяк, не склонный к мужеложству?

- Никто не ведает пределов своих возможностей, так что говорить о желаниях? – Берт пожал плечами, зазвенев своей цепью. – Особенно когда желание жить так велико. А оно велико, поверь.

Женщина помотала головой, отступив на шаг.

Остатки веселости сползли с лица Лазутчика, как утренний туман с утеса.

- Оно безмерно, моя Лив. Жить. Дышать. Любить! – и, видимо, чтобы столь жаркое признание было понято верно, уточнил: - Любить тебя, моя стражница. Вечно.

- Благодарю, но вот это уже лишнее.

- Не зарекайся, - Берт подмигнул. – И не спеши отказывать себе в такой малости. Тем паче, ты уже сделала один шаг. Я здесь и всё еще дышу.

- О да! – Стражница отшатнулась и побледнела, яростно раздувая ноздри. – Ты здесь, ты жив и все еще дышишь, хотя должен бы уже сдохнуть! Замурованным вместе с падшей жрицей. Неужто тебе ничуть не жаль Келсу?

- Прости… кого? – он недоуменно нахмурился. – Кого я должен жалеть, сидя здесь?

- Келса. Ее так звали, ту девушку. Поющая жрица. Келса.

- Келса-а… - протянул Берт. – Красивое имя. Я не спрашивал, как ее зовут. Благодарю, теперь я запомню.

- Лжешь! Забудешь, как и прежде. Ты всегда забываешь, Лазутчик, - скривила губы Лив и осторожно присела на циновку у самого входа, упершись спиной в решетку так, чтобы в случае нужды быстро вскочить. – Скажи мне, отчего ты сделал это с ней? Почему не пришел ко мне?

- К тебе? – Лазутчик рассмеялся. – К тебе, моя Лив? И ты – ты, стражница! – открыла бы мне ворота крепости?

И вдруг Лив словно бы накрыло с головой мутной волной прилива, потащило, закружило и затянуло в воронку темноты, прямо туда, к *морским и подземным*. И пока она задыхалась и барахталась, перед зажмуренными в ужасе глазами пролетели бесчисленными песчинками все те «Да!», которые срывались с ее губ прежде. Или так только казалось? Как отличить провиденье от

бреда и как удержать слово, бьющее дротиком в подреберье?

- Нет.

Услышала и сама себя испугалась, а когда открыла глаза, взмокшая и растерянная, словно и впрямь окунулась в темный пруд неведомого, то ужаснулась еще больше растерянности в глазах Берта. Удивление билось в его зрачках и плясало отблесками факела на коже.

- Что?

Так он сказал это, будто до сего мига был совершенно уверен, что она должна, обязана ответить «Да». Будто она уже так отвечала.

- Нет, не открыла бы! – стражница с изумлением обнаружила, как легко ей удалось воскликнуть это, и вообще как легко, как невесомо стало ее тело, словно это на ней, а не на Берте, только что звенели цепи, и вдруг они исчезли в одночасье. – Я – стражница, а ты – лазутчик, изменник и предатель, и здесь тебе самое место. С чего вдруг я должна тебе помогать?

Однако лазутчик, которого так просто сбить с толку и заставить хлопать глазами – это, прямо скажем, никудышный лазутчик. Берт совладал с изумлением быстро.

- Мы с тобой повязаны, милая. Келса досталась богам, а я – тебе. Ну, и как? Нравлюсь я тебе таким, на цепи?

- Ничуть, - подумав, признала Лив. – Но мало ли что мне не нравится? Выпустить тебя и навлечь на себя кару морских и подземных? Но чем ты лучше всех прочих? Если уж рисковать, так ради кого-то действительно достойного, - она встала и, уже стоя в дверях, добавила: - Я еще зайду, Берт. Не скучай.

Нет худшего порока для стражника, чем сомнения. Вороватость поймут, пьянство и леность простят, а глупость вкупе с тупостью – это и не пороки вовсе, а напротив, достоинства. Но вот сомнения… Мало ли тех, кто начал с невинных размышлений о природе законов и справедливости, а кончил в канаве с клеймом «Неблагонадежный» или по другую сторону решетки с табличкой «Мятежник»? Ну, если по чести, то мало. Своя шкура дороже. Однако…

Шкура Берта, которую он так щедро предложил в обмен на свободу вместе с прочими частями тела и органами, а так же вечной любовью – она, в общем-то, тоже уже почти своя. Была. Еще вчера – да что там! – еще утром сомнений у Лив не было вовсе никаких. Стоило ли подделывать бумаги и спасать лазутчика от заслуженной кары – медленной смерти в наглухо замурованной камере, скованным вместе со жрицей, которую он погубил – чтобы теперь идти на попятную? Правильно, не стоило. Но перечить закону и красть у *морских и подземных* жертву – это

значит навсегда связать себя с ним. В этом круге и в последующих. С предателем. С лазутчиком. С… Ну давай, Лив, скажи это! С подлецом, ибо как иначе зовется мужчина, который смеет продолжать дышать после того, как обманутая и использованная им девушка казнена так страшно?

Но… своими руками завтра отпереть камеру и отвести его, звенящего цепями, на арену, затем смотреть, как Исил делает свое дело, потом – убедиться, что приговоренный и вправду мертв, проследить, чтобы труп оттащили к остальным, надиктовать Гару отчет, подписать его и запечатать, а после всего – напиться в компании палача и Кат. А потом блевать на пол в пыточной. И что же будет после? Упасть на собственный меч, когда поймешь, что до завершения этого круга никогда, никогда больше не увидишь, не прикоснешься, не поцелуешь?

Маршируя по коридору, Лив страдала, сомневалась и не смотрела по сторонам, а потому чуть не споткнулась о парочку – новичка и Эвита – пристроившихся на порожке распить кувшин кислого вина и съесть по лепешке с видом на склон горы и кусок пронзительно-синего неба над нею. От неожиданности выругавшись, стражница мимоходом пнула Эвита, чтоб не расслаблялся, и протопала дальше. Время разобраться с Гаром. А то слишком обнаглел, крючок писарский!

Ланс. Калитар

Отсюда, со ступенек лестницы в высоко расположенное окошко можно было рассмотреть склон горы и немного неба. Небо постепенно хмурилось тучами, а гора недовольно ворчала и вздрагивала, точно лошадь, которой досаждают оводы.

Вино – редкостная кислятина – лилось в глотку, как вода. С другой стороны, пить обычную воду здесь было не принято. Но утолять жажду как-то же надо, верно? Вот и хлебали Эвит с Лансом на пару из кувшина, запивая лепешки с зеленью. А разговор вертелся вокруг Калитара. Лэйгина интересовало всё, начиная от государственного устройства, заканчивая всякими бытовыми мелочами. Раз уж нет никакой возможности выйти за стены темницы, то допросить живого калитарца сами *морские и подземные* велели.

- Странный ты тип, Новичок, - молвил задумчиво кухарь, когда у собеседника от вопросов язык заболел. – Другой бы искал возможности вернуться домой, вырваться, а ты присосался, как пиявка. Не отдерешь тебя, пока не насытишь любопытство.

Но объяснить простому тюремному кашевару, что кроме стен,

решеток и пыточных причиндалов существует еще целый огромный мир, от которого через несколько тысяч лет останется несколько статуэток, горсть черепков и глиняная табличка со строчкой из песни, не так-то уж и просто. Ланс, между тем, отдал бы всё на свете, чтобы оказаться сейчас в городе.

- А может быть, есть какая-то потайная лазейка? – допытывался он.

- Нет, мил друг, исключено. Внутри можно почти всё, с Исилом, скажем, договориться и бабами попользоваться. За небольшую мзду.

Похоже, добрый кухарь решил, что кому-то неймется от вынужденного воздержания, но разочаровывать его Ланс не спешил.

- А с Лив? Наружу? Тоже за мзду?

- Против воли морских и подземных идти? – сощурился Эвит и невольно почесал ушибленное стражницей место. – Забудь, дружок. Да и к чему такая срочность? Чуешь, как трясет? Вот! Не самое лучшее время для свиданий. Денек потерпишь и - вперед. Никто не остановит.

Но что-то подсказывало Лансу, что послезавтра у них, у всех не будет. Наверное, тот удивительный факт, что он прямо сейчас разговаривает с коренным калитарцем, который одновременно умер и был похоронен через три тысячи лет. Странное чувство, не внушающее уверенности в будущем чувство.

- Ты ведь раб, Эвит? – осторожно спросил Лэйгин.

- Государственный, - с некоторым оттенком гордости уточнил кухарь. – Кто ж из свободнорожденных на такую работенку согласится? Я таких не знаю. Да и какая разница для будущего, для того, что с нами будет? Все оказались вровень.

- Но как же так получается… - голос мурранца упал до шепота. – Вы одновременно и там и тут?

- Лично я, дружок, сейчас целиком тут, - усмехнулся Эвит.

И, видимо в доказательство, сделал большой глоток из кувшина и громко отрыгнул. Мол, не сомневайся, залетный гость.

- А Лив, Исил, лорд Тай и остальные? Они ведь живы.

- Угу. Точно. И тут, и там. Но там я не помню ни этой тюрьмы, ни Калитара, а здесь я знаю, что проживу еще много жизней и в самый…эээ… крайний раз повешусь во внутреннем дворике эмиссариата. Кстати, достойно меня похоронили-то? По обряду?

Пришлось Лэйгину вкратце пересказать впечатления от похорон, хотя селедколюбивому самоубийце хотелось бы побольше мелких подробностей. И его любопытство, в общем-то, можно понять и объяснить.

- Зря они на Салду напраслину возводят, - искренне сокрушался Эвит. – Она всегда была такая ласковая девочка. И любила меня таким, как есть, со всеми привычками. Стал бы я вешаться из-за прошлой ссоры? Ну, поругались-подрались, ну, пырнула меня ножиком, так ведь от страсти же. И, к слову, не до смерти зарезала.

- Тогда почему?

Понятно же, что смерть для эпитцев вовсе не шаг в неизвестность, а лишь новая ступенька, но для того, чтобы затянуть на своей шее петлю, требуется определенная степень отчаяния, не так ли?

И тогда государственный раб, кухарь из тюремной поварни, хозяин магазинчика на крошечном островке в одном лице сбросил все маски и впервые заглянул Лансу глаза в глаза по-настоящему. В этих черных, как маслины, очах под тяжелыми веками в обрамлении девически изогнутых ресниц мурранец отразился, как в обсидиановых зеркалах. И то, что он увидел, Лансу совсем не понравилось.

- Я, в отличие от Лисэт, Дины, Кат и других, не хочу стать таким как все остальные, дружок, - отчеканил Эвит. – Не хочу брести по жизни вслепую и бояться смерти. Знакомая дорога может, конечно, наскучить, но зато с пути не собьешься. А раз за разом валиться в одни и те же ямы – не хочу.

- Да с чего ты взял, что мы точно так же ходим по кругу? – возмутился Лэйгин.

- А почему бы и нет? Докажи, что это не так, - азартно бросил кухарь. – Ага! Не можешь. Потому что не знаешь. А я знаю. Как думаешь, что лучше - знать или нет? Я предпочитаю первое. Потому и соскочил с этого круга. И правильно сделал, судя по тебе, красавчик. Шибко ты ушлый и ученый. «Правые» на тебя не зря ставку сделали. Но я, запомни, был против. Так что…

Эвит жестом изобразил повешение и даже смешно вывалил язык.

- Фьють! И я снова здесь, чтобы уйти на новый круг, таким, как и прежде.

Археолог даже слегка обиделся.

- А вдруг у меня получится?

- А ты в какую сторону колесо будешь крутить? – лукаво ухмыляясь, спросил калитарец, решив по какой-то тайной причине перевести разговор на другую тему.

- Что крутить?

-А! Так тебе не сказали? Вот ведь! Поворотное колесо, открывающее проход к арене, конечно. Ха-ха! – восторгу Эвита не было предела: он хлопал себя ладонями по ляжкам, запрокидывал

голову и дрыгал ногами. - Тебе ничего не сказали ни «левые», ни «правые». Хитрюга Лив всех обошла! Все «жертвы», кто дотягивал до утра, обязательно пытались его крутить в разные стороны.

- А зачем? – изумился Ланс, но тут же всё понял и осекся.

Это же так символично – вращение огромного колеса изменяет ход будущего. Во всех сказках есть подобная штуковина. «Направо пойдешь – жену найдешь, налево пойдешь – коня потеряешь». Архетип, так сказать.

Эвит, знай себе, хихикал. То ли над фокусом Лив, загнавшей жертву в подземелье прежде положенного срока, то ли над традиционным пари, заключаемым жестокими островитянами – в какую сторону повернут в этот раз колесо.

- Мы так и поделились на «правых» и «левых». Так веселее коротать вечность.

- Это мне государственный раб говорит? – сыронизировал мурранец, слегка обиженный на то, что стал еще и объектом пари.

- Это тебе, дружок, говорит бессмертный, повидавший разные времена и знающий цену настоящему веселью, – кухарь покровительственно похлопал Ланса по плечу и сообщил доверительно. – И я всегда был за «левых». Так что когда до дела дойдет, поверни колесо в левую сторону. Тебе ничего не стоит, а мне будет приятно.

Отчего же не сделать одолжение хорошему человеку? Запросто!

- Э! Да тебе же пора обнести узников вином, - встрепенулся Эвит. – Заодно и сам не забудь приложиться. Хорошее вино нынче для смертников приготовлено. И не надо на меня так смотреть. Я греховодник знатный, но разбавлять хмельное для божественных жертв у меня рука не поднимется.

Стражница. Калитар

- Вынюхиваешь, сволочь?

Стражница не первый год имела дело с людьми, подобными тюремному писарю, да и его самого знала уже давно. А потому нарочно задержалась, притаившись в темном углу рядом с караулкой, чтоб дать Гару время нашкодить. Мышь не может устоять перед искушением и лезет в мышеловку, несмотря на опыт предыдущих товарок, а ушлый писарь, в одиночестве оставленный рядом с ведомостями, свитками и денежным ящиком, не мог в него не сунуться. И так увлекся, что не только про Лив забыл, но даже и про Перца. И зря.

- Крыса ты паршивая, Гар, - ласково молвила Лив, похлопав бдительного Перца по могучей холке. Пёс вильнул хвостом и убрал передние лапы с груди лежащего писаря. – Наглая крыса. А что делают с крысами, когда они слишком наглеют, а?

- Стражница…

- Вот именно. Стражница. Пока ты приворовывал по мелочи, я отворачивалась. Всем нам хочется жить, верно? Но ты вздумал доносы на меня писать, писец. Забыл свое место, червь? Так я напомню. Оно здесь, - подкованная сандалия стражницы прицельно врезалась в живот писаря. Без злобы, но и без жалости. – В дерьме.

Сорвав с него тубу со свитками, Лив отвернулась и вытряхнула содержимое на стол, а потом брезгливо поворошила дубинкой. Каждый из этих кусочков папируса насквозь пропитался кровью, потом, страхом и предательством. По-другому во владениях Исила не пахло.

- Где донос? – на первый взгляд не обнаружив искомого, спросила стражница.

В ответ Гар только тихонько заскулил.

- Я же все равно узнаю, червь, - напомнила женщина равнодушно. – Исил с радостью возьмется за тебя. Так что – где он?

- Ты не можешь, - буркнул писарь, отдышавшись и отплевавшись. – Не посмеешь отправить меня в пыточную.

- Да ладно! – Лив усмехнулась. – Кто же мне запретит? Государственный раб доносит на свободную; стража обязана разобраться, нет? Соблюсти закон. А закон здесь – это я, - она присела рядом на лавку и задумчиво попинала его концом дубинки: - Кстати, показания рабов считаются правдивыми, только если проверены пыткой. Ну? Идем к Исилу?

- Его… нет, - просипел Гар. – Уже нет. Я… отослал письмо перед тем, как запечатали ворота.

- Крыса, доносчик, да еще и трус, - вздохнув, резюмировала Лив. – Ты всегда был червем, Гар, и всегда будешь. Что написал-то?

- Всё… Ой! О тебе, и о лазутчике, и о господине Тае тоже… И…

- Но зачем? Ты не перестанешь быть рабом *тут* – и мелкой трусливой тварью *там*. Ты ведь это хотел изменить?

- По крайней мере, я пытался.

- Ну, может, оно и к лучшему, - пожала плечами стражница и, встав, подтолкнула его дубинкой. – Давай, поднимайся. За тобой порядочно грешков, Гар, но доносительство из них самый мерзостный. Значит, пора и тебе на собственной шкуре испытать,

как оно, по ту сторону решетки. Ну, вперед.

- Что? – забывшись, он даже взвизгнул, на миг превратившись из калитарского раба Гара в эспитского почтмейстера Гаральта. Но только на миг. – Но ведь число жертв утверждено и священно!

- А это будет не жертва, а мой дар морским и подземным. Личный. Полагаю, они не станут его отвергать, - буркнула Лив и добавила язвительно: - Может, я тоже решила что-нибудь изменить? И вы, «правые», меня убедили… Ты счастлив?

Но в лице угрюмо зыркающего исподлобья и дергающего щекой писца особенного счастья почему-то не читалось. Странно, но кого здесь удивишь странностями?

Заперев Гара в свободной камере, Лив на обратном пути захватила корзину с едой и вином для господина Тая и лично понесла ее благороднорожденному узнику. Стражнице нужно было поговорить, а больше здесь откровенничать, в общем-то, не с кем. Не залетному же новичку-мотыльку изливать душу, верно? А Перец уже устал выслушивать излияния, да и помочь ничем не мог, даже советом.

- Мой господин Тай, - дождавшись, пока мятежный лорд утолит голод и воздаст должное вину, нерешительно начала Лив: - Не желаешь ли совершить моление богам, а если желаешь, то не дозволишь ли ничтожной стражнице сопроводить тебя к святилищу?

Лорд удостоил ее косого взгляда и небрежно толкнул в сторону женщин блюдо с остатками обеда, дескать, ешьте.

- Желаю, - коротко молвил господин Тай. – Сопроводи.

Лив заулыбалась и почтительно поднесла ему наручные кандалы, соединенные цепью. Не серебряной – еще одно унижение! – а всего лишь медной, зато начищенной так, что сияла не хуже золотой.

- Прости за эту дерзость, мой господин, - прошептала стражница, осторожно защелкивая браслеты и задвигая штырьки.

- Пустое, - хмыкнул лорд. – Ты можешь следовать за мной, стражница.

И вышел, словно из тронного зала, а Лив поспешила следом.

За ее спиной торопливо зачавкали женщины. Орва и Танет, пользуясь отсутствием господина, ели быстро и не слишком аккуратно. Впрочем, там, на блюде, оставалось еще столько, что и Хилу с ведьмами хватит.

- Итак? – совершив все положенные обряды, господин Тай повернулся к стражнице, почтительно ожидавшей поодаль. – У тебя есть вопросы, женщина. Можешь говорить.

- Я… отчаянно нуждаюсь в твоем совете, мой господин, - призналась Лив, холодея от собственной дерзости. – Ибо меня

одолевают сомнения.

- А! – лорд оттаял и в одночасье превратился из ходячего изваяния во вполне живого обаятельного человека средних лет, может быть, не такого блестящего после проведенных в тюрьме месяцев, но вполне симпатичного. Именно такому господину Таю круг за кругом и доверяли свои судьбы обитатели крепости Тенар и всей провинции Эспит, именно его сейчас оплакивали. Все, и Лив тоже. – Сомнения – это не так уж плохо, Лив. Особенно здесь, - он повел скованными руками вокруг себя, - где ничто не меняется.

- Кое-что изменилось, - возразила стражница. – Этот новичок не похож на прежних. Во всяком случае, он до сих пор не спятил.

- Это твоя заслуга, моя дорогая, - усмехнулся господин Тай. – Точнее, той Лив, которая грезит сейчас на другой стороне. Если что-то изменилось там, может быть, и здесь пришло время перемен?

- Мои сомнения говорят твоим голосом, мой господин, - вздохнула женщина. – Но как мы можем знать?..

- Мы знаем, что наш Калитар погибнет, но нам неведомо, когда и как, - лорд стал загибать пальцы, перечисляя. – Мы знаем, что после каждого круга перерождений мы оказываемся здесь, возвращаясь в наше единственное настоящее и прошлое. Здесь наше время замыкается в кольцо и будущее сливается с прошлым. Но, просыпаясь там, на той стороне, мы не можем вспомнить ни этот день, ни эту жизнь. Нам нужен был свидетель – он у нас есть. Что еще тебе надобно, Лив?

- Гар написал на меня донос, - пожаловалась стражница.

- Паршивый пес укусил хозяйскую руку. Отдай его богам, - пожал плечами узник.

- Но это перемена! – воскликнула Лив. – Это против правил!

- А разве мы уже не мертвы? – вопросом ответил лорд и усмехнулся. – В царстве теней и правила становятся тенями, не так ли? Мы цепляемся за правила даже здесь, так, словно делаем вид, будто до сих пор живы. Но мы мертвы, Лив.

Женщина только горестно шмыгнула носом и отмахнулась. Тогда он продолжил:

- Здесь и сейчас сила и возможность что-то изменить есть только у тебя, стражница. Если тебе нужен был знак от богов, считай, что ты его получила. И действуй.

- Правда?

- Истинная.

Такой высокородный господин, как лорд Тай, конечно, был еще и жрецом, так что кому толковать знамения, как не ему? Лив оставалось только верить.

- Можешь сопроводить меня обратно в узилище, стражница, - молвил лорд после недолгого молчания. Лицо его каменело. Господин Тай вновь становился бронзовой статуей Несломленного Мятежника, с достоинством принимающего судьбу. А под ногами у стражницы и узника снова вздрогнула земля.

- Полагаю, это тоже следует расценивать как знамение, - ожив на мгновение, отстраненно заметил господин Тай и изящным жестом указал за очередную трещину, прошедшую по потолку. Лив проследила за его рукой и сглотнула, чтоб избавиться от комка во вдруг пересохшем горле.

Новый толчок, вроде бы несильный, - и трещина заветвилась уже по стене, словно причудливый растительный орнамент на расписной амфоре.

- Прости, мой господин, но я должна тебя покинуть! – почти выкрикнула стражница в нарушении всяческого этикета и едва удержалась, чтоб не подпихнуть в спину неторопливого аристократа, который величественно вплывал в свою камеру, будто груженая мрамором галера. Уф! Удалось!

Лив быстро пошла, почти побежала по коридору. Пусть даже со двора храмовой тюрьмы многого не увидишь, но можно попробовать вылезти на крышу… или хотя бы на небо взглянуть. Неспроста ведь так трясет? Или все же ничего страшного?

Ланс. Калитар

Вино, предназначенное жертвам, Ланс не стал бы пить, даже если бы им лично занялся палач… доктор Хамнет… Исил-Палач. Густое и темно-красное, оно успело нагреться и теперь лилось в простые деревянные чаши, как свежая венозная кровь, узники пили его жадно, и струйки, текущие по подбородку, навеивали Лансу неприятные ассоциации. Мертвецы по законам людей, уготованные для праздничного пиршества безымянных и безликих божеств, пили кровь виноградной лозы – что если так родились суеверия про покойников, восставших из могил и питающихся соками живых? С каждым глотком осунувшиеся щеки наливались здоровым румянцем, пустые глаза начинали светиться живым огнем, а на губах расцветали блаженные улыбки. И хотя Исил-Палач уверял, что ничего такого в вино не подмешивал, но проверять на себе Ланс не решился. Зато сполна воспользовался неожиданной откровенностью узников. Конечно же, его интересовала повседневная калитарская жизнь, такая, какая она без прикрас. Та информация, за которую бы отдал

половину жизни любой историк, лилась из уст живых свидетелей просто под влиянием хмеля и радостного самоотречения. Все эти мужчины и женщины – закоренелые грешники, уже не принадлежали ни одному из миров. Так почему бы не поведать любопытному археологу о своей погубленной жизни? Почему не рассказать о том, о чем никто и никогда больше не узнает – о доме, родне, первой любви, первом преступлении? Еще больше, чем смотреть на горящий огонь и текущую воду, люди любят говорить о себе. Были бы внимательные уши рядом.

А потом Ланс оказался в одной клетке с Бертом.

- Вот теперь ты знаешь, Лэйгин. Только не забудь потом рассказать мне. Когда вернешься.

Мурранец вздрогнул всем телом. В очередной раз.

- Я никак не могу привыкнуть… понять, как всё это работает. Вы здесь, в прошлом, всё знаете про будущее, но не ведаете, что ждет вас завтра. Но и они там – это тоже вы. Как так может быть? Я не понимаю.

- Успокойся, Чужак. Никто, кроме морских и подземных, не понимает. Считай происходящее сном, если тебе так легче.

- Но это ведь не сон.

- Точно. Это явь, - ухмыльнулся Берт издевательски. – Дай еще глоточек.

- А как же правила? Тебе, как и всем, положена только одна чашка.

- А мне за двоих надо пить, за себя и за… Келсу. Её ведь замуровали заживо. Вряд ли бедняжку поили вином, хотя Исил добрая душа, мог и подмешать один из своих веселых порошочков. Чтобы малышка ушла не в ужасе, а дорогами радостных снов и видений.

Берт рассуждал столь здраво и спокойно, что даже самый пристрастный слушатель вряд ли уловил бы нотку раскаяния в его голосе.

Излишками милосердия Ланс Лэйгин тоже не страдал.

- Она умирает прямо сейчас.

- Я ничем не могу помочь, - пройдоха демонстративно покачал головой. – Ошейник шибко давит.

- Другие узники говорят, ты мог разделить её страдания, но предпочел отречься.

- Я слишком люблю жизнь, чтобы отказываться от еще одного дня. Никогда ведь не знаешь, что он тебе принесет, не так ли, Ланс Лэйгин?

- Хочешь показаться хуже, чем ты есть?

- Я уже три тысячи лет, как мертв, а мертвые, дружочек, сраму не имут, - жестко напомнил Берт-Лазутчик. – Не знаю,

возможно, мы все сильно провинились перед морскими и подземными или были самыми большими грешниками Калитара. Посему, каким бы мерзавцем я себя не выказал, хуже уже никому не будет. Даже Келсе.

Быть замурованным заживо… А если быть честным перед собой, то много ли смельчаков встали бы рядом с Келсой?

- А теперь позови Лив, будь добр, - потребовал Берт. – Скажи, у меня для неё есть несколько слов. Очень важных.

Но не судилось Лансу исполнить просьбу Лазутчика. Стены задрожали, затряслись, как руки у запойного пьяницы, а потом и вовсе приключился с тюрьмой припадок падучей. И как оказалось, «божественная болезнь» началась у всего Калитара.

Стражница, Ланс и все остальные. Калитар

А со двора, как и всегда, была видна лишь часть горы да кусок неба. Гора дымилась. Хотя над косой, словно бы неровно срезанной тупым ножом вершиной дымок вился частенько, иногда густой, но обычно легкий, почти незаметный, так что ничего необычного в этом, в общем-то, не было… Разве что птицы. Они улетали прочь, и от пронзительных криков у Лив сразу же зазвенело в ушах. Может, потому она и не расслышала ничего снизу, из города. Конечно, оттуда вообще мудрено что-то услышать, кроме набата, однако и набат молчал.

Перец, вынырнувший из коридоров вслед за хозяйкой, вдруг сел, запрокинул морду к небу и завыл, чего за ним прежде не водилось. И в собачий жалобный плач тихонько вплелся еще один звук, сперва еле слышный. То ли шорох, то ли шелест, а может, и гудение – или все-таки плеск? Лив затрясла головой, пытаясь понять, где же источник этого непотребства, но как внимательно она ни прислушивалась, все равно пропустила момент, когда шепот окреп, взлетел и обрушился вниз ревом. Тесаные плиты дворика под ногами стражницы вздыбились и расступились, выпуская оттуда, из владений *морских и подземных*, струю дурного дыма. Лив упала, успев выставить перед собой руки, но все равно ободрала колени. Взметнувшейся пылью стражнице запорошило глаза, и она распласталась на земле, ослепшая и оглохшая, и только кожей щеки почувствовала, как рядом грузно упало что-то тяжелое.

Гора вдруг содрогнулась и взбрыкнула, совсем как ужаленная гадюкой лошадь. Ланс к этому моменту успел выскочить во внутренний дворик, чтобы своими глазами увидеть, как южный склон вулкана просто исчез в грохоте и пламени. Сначала из

пролома вылетело огромное черное облако, а затем выплеснулся целый фонтан лавы. И её широкий жадный язык потек в сторону города. Туда, куда ветер унес смертоносное облако пепла. Солнечный свет померк, будто злодейка-ночь вдруг выпрыгнула из подворотни и вонзила нож в спину светлому дню. И не нужно быть пророком, чтобы понять – рассвета не наступит. Для Калитара, по крайней мере.

«Последний день!» - догадался Ланс. И ему стало вдруг легко-легко. Так, словно бы его уже подхватил ветер и унес в ревущее море.

Никто не знает своего последнего дня. Пока не закроются глаза, пока не оборвется дыхание и не остановится сердце, человек не знает о том, что это был последний час. Наверное, это правильно.

Пыль от потрескавшейся и посыпавшейся штукатурки заставила расчихаться не только Лэйгина, но и Лив. Как же было не помочь ей подняться на ноги? Перец рыкнул, конечно, но простил двуногому самцу грубейшее нарушение субординации.

- Весь Калитар гибнет, - сказал Ланс. – Это его последний день.

Лив коротко глянула на него и отвернулась, борясь с нестерпимым, прямо-таки всепоглощающим желанием придушить всезнайку вот прямо сейчас. Калитар гибнет, говоришь? Последний день, говоришь? Хрена с два он последний. Он повторится снова и снова, опять и опять, и как ни дергайся, как ни рвись, колесо все равно будет крутиться.

- И все-то ты знаешь, Лэйгин, - с тоскливым отвращением пробормотала она и огляделась, чтобы увидеть и в который раз узнать всю эту панораму Последнего Дня. - Вот, значит, как это было... Опять. Боги, опять! И стоило тебе лезть в лабиринт? Ради вот этого?

Гора снова сплюнула дымом и пеплом, земля мелко задрожала, будто весь остров затрясся в лихорадке. Качнулась и рухнула еще одна колонна.

Ничего нового. Это в первый раз наблюдать конец света жутко, а на втором десятке становится скучно. И тоскливо. Потому что все повторяется, как сотни раз пропетая песня, слова которой не только вызубрены наизусть, но словно выгравированы изнутри черепа. Вариаций нет. И нет сомнений в том, какая колонна упадет следующей. Вон та, третья справа. Она всегда падает.

Все повторяется, а боги – боги отвернулись. Кажется, Лив сказала это вслух. Впрочем, какая теперь разница?

Ах, *морские и подземные*, он и сам это знал! Да, да, да! Все

повторяется, но…

- Но можно же что-то сделать? Хоть что-то? – отчаянно взвыл археолог. - Ну... ну выпусти всех! Пускай в этот раз мы умрем все вместе.

С неба уже начинал сыпаться пепел. Потихоньку так, совсем по чуть-чуть. Почти как меленький весенний дождичек. Там капелька, тут капелька. И стало вдруг так тихо-тихо. Даже земля перестала трястись, лишь из недр слышался глухой гул.

Мельтешащий и суетящийся чужак немного раздражал стражницу, но она все-таки попыталась объяснить новичку, что здесь и сейчас трепыхаться уже бессмысленно. Пусть хоть попробует умереть с достоинством. Уже недолго осталось, на самом-то деле. Немного боли – и полет сквозь темноту на новый круг. Всего лишь чуть-чуть потерпеть, а потом станет хорошо. Это как сходить к зубодралу. Нужно просто себя заставить.

- Ничего не сделать. Никого не спасти. Я могу только умереть вместе с ними. Как обычно, - и, обойдя застывшего на ее пути Лэйгина, поковыляла обратно в тюрьму. Можно еще успеть раздать узникам вина, прежде чем они все задохнутся. Под хмельком будет если не легче, так хоть быстрее.

Мурранец глазам своим не поверил. Она сдается? Снова сдается? Пришлось догнать упрямую женщину, схватить за плечи, развернуть к себе лицом и как следует встряхнуть.

- Лив! Мы ведь живы. Там, на острове Эспит, мы живы прямо сейчас. Там сейчас праздник, Летний Фестиваль. И даже Перец по-прежнему с тобой. Ничего не закончилось. Еще есть время для всего.

- Для чего? – подозрительно спросила стражница.

Неужели она не понимала? Ланс растерялся, вгляделся в глаза Лив и увидел в них такую обреченность, такую тоску, что выпалил на одном дыхании, то, чего никогда бы прежде не осмелился сказать:

- Для любви, например.

И сделал то, что давно хотел сделать. Поцеловал Лив в сухие, припорошенные пылью губы. А потом вдруг спросил:

- Спорим, в прошлый раз ничего такого не было?

Всю романтику мгновения разрушил Перец, цапнув Ланса за ногу. Пребольно, к слову.

- Странный ты все-таки тип, Лэйгин, - помолчав, отметила стражница и повела плечами, стряхивая его руки. А потом взглянула испытующе и слегка насмешливо: - Не боишься застрять с нами? Отрастить крылышки? - и потрепыхала кистями рук, изображая порхание: - Бессмертие, конечно, хорошая штука, но вечность – это очень долго, а жернова тяжелые, поверь.

- Когда ты, проходя мимо, одариваешь улыбкой меня, подобной последнему лучу солнца, я становлюсь сильнее в два раза.

Оно само вырвалось, правда! Такие маленькие, хрупкие, нежные, такие простые слова на мертвом языке. Слова о любви, пережившие века, оказавшиеся сильнее смерти. Эти слова, с которых всё началось, и теперь – всё закончится.

Сказал, и будто написал их на листочке, сложил его в «голубя» и запустил в темное небо, в пронзительную тишину. Чтобы он пролетел через пространство и время, приземлившись в кабинете саломийского профессора. Там, где смотрит в окно и улыбается Другая Лив. Письмо для Ланса Лэйгина. Лично в руки.

Лив уже приоткрыла рот, чтобы ответить чем-нибудь горестным и мудрым, дескать, и любовь поэты придумали, чтоб денег не платить, и не найдешь чувства глупее, чем бессмысленная надежда, но… Вместо этого губы женщины раздвинула какая-то совершенно неуместная бесшабашная улыбка. В конце концов, что им всем теперь терять? Жизнь, что ли?

- А-а, ладно! Попробуем! – и встряхнулась, превращаясь из тоскующей смертницы в живую и вполне деятельную Стражницу Эспита: - Бери ключ, - она сняла один из ключей со связки: - Выпусти Берта. Вдвоем вам хватит сил, чтобы разбить кладку - она же еще свежая. И вытащить Келсу. А я пока займусь остальными. Ну? Вперед!

Может, он и прав, думала Лив, вбегая в тюрьму. Может, все это неспроста. Может, боги вовсе не отвернулись и как раз сейчас на нас смотрят. Но есть только один способ проверить.

- Выходите! – кричала Лив, отпирая камеры и чуть ли не пинками выгоняя смертников в коридор. – Выходите! Быстрей!

- Думаешь, стоит? – заколебался Исил, выглянув из пыточной. – Задохнуться не так мучительно. Мы тут просто заснем, а там… Там и поджариться можно.

Но Кат, заразившись лихорадочным энтузиазмом, сильно пихнула его в спину, освобождая проход.

- Дай пройти! Попытка не пытка – это разве не твои слова, зануда?

Кто мог, тот выбегал на арену, а кто не мог, тот ковылял или полз. Но хотели все. Не нашлось никого, кто бы отказался. Последний день Калитара в этот раз выдался… необычным.

- Это против правил, - заметил господин Тай, с достоинством покидая камеру.

- К воронам правила! – отрезала Лив. – Не до них сейчас.

- Я всегда считал, что из стражников получаются самые

лучшие мятежники, - одобрительно кивнул лорд и стряхнул известку со своей туники. – Нужно только дать им время дозреть, как хорошему вину. Ну, веди нас, Лив.

Берт не поверил ни ушам, ни глазам, когда Ланс открыл замок от ошейника и сообщил, чем им предстоит заняться. Вечный пройдоха осторожно потрогал грязную, зато свободную шею, и в его бедовой голове тут же зародился план побега.

- Даже не надейся, - ухмыльнулся Лэйгин. – Калитар гибнет и мы вместе с ним. Я бы на твоем месте задумал то же самое. Более подходящего момента не найти, но…

Не хотелось портить человеку маленькое удовольствие, однако долбить стену все же лучше вдвоем.

- Но?

- Тебе не уйти от смерти, никому из нас. А если мы поторопимся, то Келса хотя бы умрет по-другому.

Было видно, что участь несчастной жрицы Лазутчика не особо волновала, но и оставаться в клетке ему совсем не хотелось.

- А может быть, я попробую…

Ланс и дослушивать не стал. Что там про черных кобелей, которых не отмыть добела, говорится? Калитарец как был бесчестным негодяем, таким и остался спустя тысячелетия. Как такое может быть, а?

- Делай что хочешь, - бросил он через плечо. – Можешь бежать. А я займусь Келсой.

Но в одиночку мурранцу ковырять стену не пришлось. Очень скоро Берт вернулся с еще одним заступом.

- Компания, собравшаяся на арене, мне не слишком рада. Да и Келсе они тоже спасибо не скажут. Это же из-за неё мятеж был подавлен.

И ведь ни капли раскаяния в голосе. Что за бессовестная скотина?

- Из-за тебя, - уточнил Ланс.

- Я свою работу делал, между прочим.

- Скоро тебя отблагодарят за труды, - не удержался от насмешки археолог. – Поднажми-ка еще немного. Во-о-от так!

Кладка поддалась, и они оба радостно воскликнули. Кто бы мог подумать, что ожидание неминуемой гибели так замечательно скрашивает совместная работа?

«Надо будет запомнить этот метод борьбы со смертным ужасом», - решил Лэйгин.

- Келса?

Но девушка уже умерла, задохнулась совсем недавно. Еще теплая была, когда Ланс вытащил из ниши её маленькое скрюченное тельце. А может быть, просто не захотела оставаться

в мире, где торжествует предательство? Такое несчастное выражение застыло на её детском чистом лице. Смерть вытерла живые краски, как комедиант снимает остатки грима после представления.

- Верэн?

Облик отчаянной девицы проступал с каждым мигом все отчетливее, не перепутаешь при всем желании.

- Вот, значит, кого ты привез на Эспит в этот раз, Берт. Свою вечную жертву. Бедняжка Верэн.

- У каждого своя судьба. - Пожал плечами Берт.

И снова тяжело с ним поспорить. С судьбой человек, носивший нынче фамилию Балгайр, был не просто на «ты». Он приходился ей если не сыном, то пасынком.

Мертвая жрица весила легче перышка, но Ланс все равно не отдал бы её в руки Берта. Хватит!

- Оставь её в покое, - зло буркнул он и отправился на арену.

Прошел мимо злополучного поворотного колеса, даже не поглядев на него. Не видать эспитцам победы в циничнейшем из пари, нет, не видать как своих ушей.

Тем временем Лив собрала всех обитателей тюрьмы на арене, на той самой, где завтра их ждала бы неминуемая гибель. Вот только на этот раз Смерть решила явиться раньше намеченного срока. Не иначе торопилась куда-то в другое, более важное место.

- Скажи нам что-нибудь мудрое, господин Тай, - попросила Лив, глядя на вулкан. В дымном плаще, в огненной короне, разгневанная гора была невыносимо прекрасна.

Лорд пожал плечами и сказал. Так сказал, что покраснела не только Лив, но и Кат, у которой Исил, пользуясь моментом, шарил под туникой.

- Издержки конца света, - ухмыльнулся мятежник. – Но ни слова лжи, так и знай. Ноги у тебя действительно красивые. А теперь давайте возьмемся за руки. Будет легче.

Ладонь у Эвита оказалась влажной и скользкой – видать, не оттер до конца жир после помывки котла. Маленькая мяконькая лапка госпожи Матэи мелко подрагивала. Лив стиснула их, вложивших руки в ее ладони, правую и левую, стиснула покрепче, чтоб не выскользнули. Чтоб не потеряться. Свои среди своих. Лорд Тай как всегда был прав. Так действительно легче.

Вершина рдела, словно маяк в ночи, накрывшей Калитар. А они, затерянные души, стояли на арене под взором богов и смотрели на этот огонь, не отрываясь, пока земля не расступилась и не взяла их, пока огненная река не выжгла дотла, пока гигантская волна, пришедшая с моря, не погасила ярость и не отхлынула, и пока пепел не засыпал то, что осталось.

В темноте, полной почти неразличимых шепотков, шорохов и отголосков то ли плача, то ли смеха, Лив, бесплотная и невесомая, привычно распахнула черно-синие крылья и полетела. Из ночи Калитара в утро Эспита

Глава 16

Ланс. Эспит

Когда долго-долго куда-то идешь, не сворачивая и не отступая, то обязательно приходишь к цели. Единственное «но» состоит в том, что в начале пути цель видится совершенно по-другому, чем в его конце. Расстояние же не имеет никакого значения, не говоря уж про время. Несколько дней назад, глядя из мурранского города Дайон, Ланс видел всего лишь очередное приключение.

Хорошо, не будем упрощать! Пускай не рядовая и не самая обычная охота за древностями. Но одно Ланс Лэйгин знал точно - его ждет долгожданное паломничество к манящей тайне. Калитар представлялся всего лишь грудой артефактов, спрятанных в пещерах Эспита. Разумеется, туда будет трудно добраться, непременно придется рисковать жизнью и здоровьем, а так же потребуется улаживать всякие бюрократические вопросы с вирнэйской короной. Но какая к морским и подземным разница, в чьем Национальном музее появится Калитарский зал? Зато весь мир узнает имя первооткрывателя!

Но Калитар обманул Ланса Лэйгина. Он прибежал сам. Шумно обнюхал, лизнул щеку и громко залаял на весь пляж.

Мурранец открыл глаза и увидел над собой не только высокое рассветное небо, но и мохнатую морду Перца.

- Эй, приятель… - прошептал археолог.

Пес грозно гавкнул. Мол, я тебе не приятель, я тебе охранник. И чтобы сомнений никаких не было, наступил лапой на грудь.

- Вот он! Нашли!

- Ого, куда его вынесло!

- Молодец, Перчик! Хорошая собака.

Это добрые эспитцы торопились на помощь мурранскому гостю, который так неудачно отправился гулять по острову, оступился да и свалился в море. И только чудом жив остался. Или какую там еще историю сочинит потом Гаральт в свой ежегодный альманах?

Во всех по-настоящему древних преданиях и легендах герою полагается или красиво умереть в финале, или же, как вариант, не менее зрелищно вознестись к богам. А все почему? Потому что герой, как ни крути, подвигами своими меняет мир и судьбы его обитателей. А теперь спросите себя и ответьте, только честно, по настоящему честно, положив руку на сердце и возведя очи горе –

кто из нас любит перемены? Вот то-то и оно. И ежели герой вовремя не помрет или же не сгинет каким-нибудь более изощренным образом, то он рискует полной мерой вкусить благодарности облагодетельствованных. Судьба его геройская такая.

Для всех обитателей Эспита, для всех калитарцев, видевших свой последний день, самым приятным зрелищем стало бы, конечно, бездыханное тело Лэйгина, остывающее на песочке. Да и для него самого, кстати. Легче бы отделался. Однако Лив, вопреки всему, была не слишком разочарована, обнаружив, что мурранец шевелится и моргает. Даже обрадовалась. И, что совсем уж странно, почти не удивилась этой своей радости.

- А вот и наш герой! – воскликнула она и подмигнула Лансу: - Ну что, герой? Жив? Счастлив?

Верный пес, уловив в голове хозяйки доброжелательность, отошел в сторонку, дав Лансу встать и ощупать себя на предмет ранений. Болело всё тело - от макушки до пяток. Ночное путешествие по каменному лабиринту кому угодно аукнется.

- Счастлив, потому что жив. А что, по мне уже успели соскучиться?

«Э-э, да ты еще ничего не понял, друг ты наш бесценный!» - чуть не ахнула дама Тенар вслух, однако вовремя прикусила язык. К чему расстраивать человека раньше времени?

- Ага, соскучились, - хмыкнула она. - Ну, давай порадуемся. Пока, - и негромко добавила, оглянувшись на подбирающихся поближе сограждан: - Я так и знала, что это всем нам только добавит проблем. Представляешь, сколько народу теперь захочет придушить Исила? А уж Кат с ее щипцами... Зато теперь понятно, почему Палач всегда зубы рвет с такой сладкой медлительностью! – стражницу аж передернуло от воспоминаний. Сообразив, что слишком увлеклась, она подытожила многозначительно: - В общем, нас ждут веселые деньки.

Но все-таки, вопреки мрачным прогнозам, Лив и выглядела, и чувствовала себя вполне довольной, даже как-то ожившей, что ли. Впрочем, и подоспевшие эспитцы… то есть калитарцы… нет, все-таки уже эспитцы! - тоже лучились бодростью. Доброты и благодарности в их лицах не читалось, однако это уже нюансы, верно?

Поначалу Ланс даже обрадовался.

- Вот видишь! Что-то же изменилось! – воскликнул он, но очень скоро подошли другие «осчастливленные» им островитяне и принялись выражать свои дружеские чувства весьма болезненными похлопываниями по спине. Так и норовили задушить в дружеских объятиях. И кабы не дама Тенар рядом, то

утопили не только в показной радости, но и в морских волнах. Чтобы потом сказать, мол, так и было.

И не оказалось среди них ни доктора Хамнета, ни Берта Балгайра, ни тем более лорда Тая. Зато Элисон Хил вертелся тут как тут. В старой армейской куртке поверх майки и с ополовиненной флажкой в руке.

- Эй, Лансик, ты мне скажи сразу – колесо в какую сторону крутил?

Ветерану не трепелось узнать, кто же в этот раз, в последний раз выиграл пари.

Конечно, Фрэн возмущенно пнула его в голень, а Мерерид прошипела змеюкой:

- Как тебе не стыдно, солдафон?

Но Воину стыдно не было никогда, тем паче в нетрезвом виде.

- А я хочу знать! И точка!

- Отвечай, давай! Я двадцатку поставила на то, что влево повернешь! – сердито прокричала Кат.

Ланс, чуя, что вливание его в общину пройдет не так уж и безболезненно, лишь руками развел:

- Не до того было как-то.

Разочарованию островитян не было предела. Хил и Гаральт сразу же начали спорить, кто же сорвал куш в этом спорном случае.

- Тогда забираем денежки обратно, - засуетилась Фрэн. - Верно же? Раз так.

Ведьме совершенно не улыбалось потерять ставку из-за оплошности чужака.

- А где… - хотел спросить Ланс, но дама Тенар его перебила.

- А Рыжий-то уплыл. С утренним приливом снялся и ноги унес. Когда мы все проснулись, его и след простыл, и "Келсу" не видно на горизонте...

«Значит, вот оно как!» - подумалось мурранцу без толики удивления. Он бы тоже сбежал подальше от Эспита и его обитателей. За века перерождений Берт, как и все остальные, мало изменился, а значит, претензий к Рыжему поднакопилось изрядно.

- Кстати, о Келсе, - это подала голос Танет. - Ты лица ее не запомнил, Лэйгин? Сможешь узнать?

Она сидела на камушке, нога на ногу, и роняла каждое слово, точно жемчужинку в бокал. Искусительница по призванию, сам Соблазн во плоти. Только вот не действует на Лэйгина её обаяние почему-то.

- У меня не очень хорошая память на лица, Оливи

Никогда не поздно показать зубы, верно? Все равно по сравнению с эспитцами Ланс чувствовал себя невиннейшим из младенцем. А с другой стороны… Они ведь ничуть не хуже остальных людей.

- Я тебе не Оливи, чужак, - огрызнулась девушка. - А маленькой дряни тут лучше не показываться. И Рыжему тоже. Так им и передай при встрече, - заявила она, спорхнув с камушка.

- Как скажешь, Наложница.

Ухмылка у Ланса получилась злой и очень искренней.

- Не горячись, я еще успею запомнить, как тут к кому правильнее обращаться. Со временем, конечно.

Но Танет уже ушла. Лорду докладывать будет, не иначе.

- Она права, - серьезно заметила Лив, украдкой показав за спиной островитянам кулак. - Берту и девушке здесь теперь не место.

Что верно, то верно. Рыжему пройдохе можно припомнить многое, однако мелкие обиды, накопившиеся за прошедшие века, не идут ни в какое сравнение с древними подвигами Лазутчика. Лорд Варден, то бишь высокий господин Тай, обязан будет отомстить Берту за предательство трехтысячелетней давности, иначе какой он после этого высокий господин? Народ не поймет! Калитарские аристократы милосердием к врагам никогда не отличались.

Лив чуть не застонала и за голову не схватилась, представив себе, что теперь начнется на Эспите. Вспомнившие первую жизнь и первую смерть островитяне получили возможность свести самые старые счеты. Те, которые посвежее, давно уже оплачены, а эти, давние… Этот костер может разгореться в любой момент, стоит только подбросить дровишек. И, устрашенная перспективами, дама Тенар воззвала к благоразумию добрых эспитцев, пока они не превратились в кровожадных древних калитарцев:

- Постараемся обойтись без мести, сограждане. Мы же постараемся, да?

Но задумчивые взгляды сограждан уверенности не вселяли. А тут еще и мурранец подлил масла, привлекая к себе ненужное внимание.

- К слову, где бы вы, как представитель имперских властей, порекомендовали пожить первое время, дорогая дама Тенар? – мурлыкнул доверительно Лэйгин.

Он уже выискал в толпе Верэн, неуверенно топтавшуюся чуть поодаль. Белое платье Куколки говорило о том, что девушка так до сих пор и не вспомнила о себе прежней. И это только к лучшему. Келсе здесь никто не обрадуется.

- Свободных коттеджей у нас хватает, вообще-то. Подберем что-нибудь, - пожала плечами Лив и уточнила осторожно: - А ты намерен остаться с нами?

Для человека, который вот прямо сейчас стремительно наживал себе врагов, Лэйгин был поразительно беспечен. Любой другой уже прикидывал бы, как половчее унести ноги с проклятого острова, пока ему тут не устроили персональный Последний День, а этот планы строит! Хотя… Стражница задумчиво нахмурилась. *Морские и подземные*! В этом действительно что-то такое было. Что-то привлекательное, да.

Лив позволила ему галантно взять себя под руку. Отличный знак. Ланс придал собственной помятой физиономии лирическое выражение: задумчиво вздохнул, закусил губу. Именно так, по его мнению, обязан был выглядеть романтичный герой, обретя наконец тихую гавань.

«Это Эспит-то – тихая гавань? Скорее уж скорпионье гнездо», - напомнил он себе.

Ни бранящиеся из-за проигранного пари островитяне, ни те взгляды, которыми они при этом друг дружку одаривали, не сподвигали думать, что внезапное прозрение о первой жизни кого-то коренным образом изменило. Благодарить Ланса Лэйгина тоже никто не торопился. Не за что. Он принес островитянам новые заботы и проблемы, усложнил и без того непростые отношения. И все же, именно здесь, на этом маленьком островке имелось всё то, что требовалось ему для… жизни.

- А почему нет? Это же Калитар, - и улыбнулся своим мыслям. - Осмотрюсь, заберусь в пещеры уже в здравом рассудке и твердой памяти, попробую систематизировать материал. Мне ведь все равно никто, кроме эспитцев, не поверит. А жить, как прежде, но где-то вдали, после того как своими глазами... ну, хорошо, не глазами, а разумом видел Последний День Калитара, уже не получится, - честно признался мурранец.

Промолчал он лишь о том, что в отсутствии Рыжего Берта у него появится шанс подружиться с Лив. А возможно, и не просто подружиться. Со временем.

- Попробуй писать романы, - посоветовала Лив, определившись, наконец, со своим отношением к будущему соседу. В целом отношение было положительным. В конце концов, привлекательными молодыми мужчинами на островке с населением в полсотни человек никто разбрасываться не будет. Даже сограждане, когда остынут и осознают перемены, оценят. Особенно зимой.

- Литераторов у нас еще не случалось, да и в моде они нынче, - стражница немного развила свою мысль, уже набрасывая в уме

аргументы для островитян, первым из которых был призыв к практичности. Эксцентричный авантюрист, поселившийся на загадочном острове в башне… нет, лучше все-таки не в башне, тесновато в башне-то будет… а, скажем, на старом маяке, и обретший покой и вдохновение под крики чаек и шум моря среди рукописей… Это ж какая приманка для туристов! А романтика какая!

- Может, и приживешься, - заключила она, - Поживем - увидим.

- Роман написать? А что, это выход.

Фрэн и Мерерид. Эспит

Заключительный день Летнего Фестиваля прошел ни шатко, ни валко и, что весьма печально, без прежнего куража и азарта. Приятного удовлетворения от удачной охоты, когда отчаявшаяся жертва сама отправляется в пещеры, не получил в этот раз никто. Скорее всего, Охоты больше не будет никогда. Они получили вожделенный ответ, оказавшийся омерзительно простым.

«Сами виноваты», - сказали *морские и подземные*, явив эспитцам видение их калитарской жизни.

Не наказаны, не прокляты, не осуждены на вечные страдания жестокими судьями, а всего лишь нагрешили и не расплатились пред *морскими и подземными* по счетам.

- А Берт, стало быть, сбежал. Очень вовремя, - прошипела Кат Нихэль и сделала пальцами узнаваемый жест, будто отрезала нечто висящее.

Лисэт, вдоволь налюбовавшись на печальное и злое личико Танет, выпила по рюмочке с госпожой Матэи. Вот уж кого порадовали божественные откровения. Не зря на Эспите нет детей, ох не зря! Котики ей как-то ближе, а кровожадность натуры замечательно утоляется статуэтками.

- Как думаешь, Ведьма, стоит ли мне сделать новую коллекцию? С мышатками?

- Сделай, - согласилась та. - Мышаток будет еще жальче.

- Тогда надо будет продавать их на 3 орика дороже, - оживилась госпожа Матэи.

- Мне процент за идею – не забудь.

Бегство Рыжего подтолкнуло Лисэт к решительному поступку. Если контрабандисту можно, если он не боится, то и ведьме стоит попробовать.

«Пусть, для начала, это будет Дайон, - размышляла она. – Со швейной машинкой и лицензией – не пропаду». Оставалось

только поговорить с Диной…

«Да сколько же можно? Хватит уже!» - тут же поправила себя Лисэт и отправилась на поиски матери.

А Дина же, как на зло, словно сквозь землю провалилась. Ни возле Хила, ни поблизости от лорда Тая старшую ведьму не видели. Все только руками развели.

- А может, наша мамочка того… - хихикнул нервно Гар.

- Чего того?

- По примеру Эвита… это самое…

Намек получился прозрачнее некуда, и на какое-то мгновение Лисэт забеспокоилась. Но вовремя опомнилась. Дина слишком любила свою телесную оболочку: боялась самой ничтожной боли, самого безобидного вмешательства. Дюжину раз помирала от гнойного воспаления в зубном корне, не рискуя обратиться к зубодеру. Нет, Дина вешаться точно не станет.

- Было бы отлично, но не с моим счастьем, - буркнула младшая Тэранс.

Но мать всё же сумела удивить дочку. Она не только опередила Лисэт, но и проявила ещё большую решимость изменить жизнь.

Подойдя к порогу коттеджа, молодая женщина остолбенела. Её вещи – два кожаных саквояжа, чемодан, вешалка с платьями, несколько вазонов с цветами и… швейная машинка дожидались хозяйку на улице. Дверь же была закрыта изнутри на засов.

- Дина, ты меня выгоняешь из дому? – громко спросила Лисэт, подозревая мать в очередной хитроумной интриге.

- Да. Убирайся вон, - ответствовала та.

- Вот так просто? Вдруг? После стольких лет…

- Рабства, ты хочешь сказать, потаскуха? – прорычала в замочную скважина Дина. – Исчезни с моих глаз, дай мне просто пожить.

- Как здорово ты придумала! Надо же! Испоганить мне очередную юность, попить столько крови, и теперь, когда расплата не за горами, решила улизнуть? Не выйдет!

Младшая ведьма кричала во весь голос, надрывая связки, и бессильная ярость её уже закипала в крови, когда вдруг все существо Лисэт пронзила острая мысль: «Что ж ты делаешь, сумасшедшая? Что ты творишь? Ты хочешь пожертвовать свободой ради мести? В который раз? В шестисотый?»

Её прошиб ледяной пот, и вдруг подозрительно ослабели ноги в коленках. Должно быть, именно так чувствуют себя приговоренные к смертной казни, которых милуют прямо на эшафоте.

Лисэт прижалась щекой к двери, погладила выкрашенную

дешевой краской поверхность почти с нежностью.

- Дина, я клянусь не мстить тебе в этой жизни, только пообещай мне, что до самой смерти мы больше не скажем друг другу ни единого слова.

За створкой тяжело вздохнули.

- Обещаю. Уходи.

Элисон Хил Рэджис. Эспит

Как только усталое солнце опустилось в алые воды, он отплыл на лодке так, чтобы с берега не могли докричаться, бросил якорь и лег на дно. Ничего особенного он не задумал, правда. Просто долгий-предолгий жизненный опыт подсказывал ветерану, что в доме ему выспаться не дадут. Слишком давно он знал своих женщин – Дину и Лисэт.

- Хи-и-л! – донеслось с берега примерно через полчаса.

Это Дина. Она всегда первой прибегала жаловаться, и плакалась обстоятельно и долго. Было бы наоборот странно, если бы после событий с Лэйгином старшая ведьма удержалась от привычной сцены, от жалоб на Лисэт. Конечно же, это она, мерзавка, во всем виновата. Потому что больше всех «правых» ратовала за кандидатуру мурранца.

Элисону Хилу Рэджису ничего нового *морские и подземные* прошлой ночью не открыли. Он примерно так себе и представлял. Цепи, которыми сковали всех троих в калитарской темнице, стали теперь видимыми, вот и всей разницы.

Хил лежал, укрывшись старой шинелью, смотрел на звезды и думал о том, что никогда по-настоящему, так истово, как Лисэт, не верил в это так называемое избавление или освобождение. И оказался прав.

Обычный житейский опыт, а его у Хила Рэджиса имелось в избытке, подсказывал, что пока люди такие, какие они есть, будут вестись войны, и мужчины будут уходить на верную погибель. Воину всегда найдется занятие.

Но знать все равно лучше, чем терзаться догадками и подозрениями. Теперь он знал.

Касательно же других женщин…

Дело не в непосильных узах и отсутствии разнообразия, вовсе нет. Случались моменты, когда и с Лисэт, и с Диной он бывал счастлив. Другой вопрос: хватало ли его любви и заботы на двоих. Ох, вряд ли.

Волны плавно покачивали лодку, как материнская рука люльку, баюкали бережно, словно море помнило о контузии и

приступах головокружения. И сон упал на ветерана одинокой звездой, расчертив небо серебристой черточкой.

А когда Хил проснулся, то увидел маленькую фигурку на берегу.

Лисэт. Он не кричала и не звала, просто терпеливо дожидалась его возвращения, как делала всегда. Терпеливая Лисэт. Рэджис до предела напряг зрение. Ну, точно, у её ног стоял саквояж. Значит, Дина сдержала слово.

Он взялся за весла и погреб дальше в море. Даром, что ли, заранее взял с собой удочки? То-то же!

А эти женщины… его любимые женщины получили свой шанс начать новую жизнь, хотя бы попытаться, и кто он такой, чтобы снова вмешиваться?

Гаральт Нашвит. Эспит

Уверенность, что Лив непременно припомнит старые грешки с доносами, крепла в почтаре с каждой минутой. Стоило только наткнуться взглядом на эмиссаршу, как в памяти воскресала сцена в калитарской темнице. Нет, Лив злопамятнее Лисэт и Лунэт вместе взятых. А еще она сразу поймет, что доносы для Гаральта второе любимое занятие после составления альманахов и ведения хроник. И не ошибется ничуть. А уж отомстить Лив умеет виртуозно. Отправит на каторгу, глазом не успеешь моргнуть.

- На твоем месте я бы точно сбежала, - подлила масла в огонь госпожа Матэи.

- А ты собираешься дать деру? Давай вместе! – обрадовался почтарь.

Но калитарская злодейка его идею не поддержала, молча похлопала по плечу и эдак злодейски подмигнула.

Исила Хамнета бояться и вовсе не стоило, он давным-давно переквалифицировался во врача и, к слову, неплохого. А вот Дину следовало остерегаться. И Лисэт. И еще дюжины островитян, чьи неприятности проистекали из отточенного веками практики эпистолярного искусства Гаральта. Эспитцы всепрощением не страдали ни в малейшей степени, а потому доносчику стало совсем неуютно. Решение последовать примеру покойного Эвита возникло в нем спонтанно, но крепло с каждой минутой, проведенной наедине с совестью.

А с другой стороны, если все равно придется возрождаться, и возможно без воскрешения памяти, то почему бы не схорониться в смерти, как в темном чулане, подумалось Гару.

Веревка нашлась быстро, мыло – тоже, оставалось только влезть на табурет. Если рассчитать длину веревки и сделать правильный узел, то всё случится быстро. Боль, яркая вспышка и потом вечная тьма. Приходилось уже быть повешенным и даже не раз, и приятных воспоминаний эти случаи не оставили. Как и моменты, когда Исил зубы рвал. Еще неизвестно, что паршивее.

Стоя под яблоней уже с петлей на шее, почтарь решил на прощание осмотреться вокруг. Все же впереди его ждал не самый радостный миг.

Хозяйский глаз подмечал всё: давно пора отремонтировать крыльцо и подлатать пол на веранде, покрасить наличники, а еще обязательно плитку на дорожке поменять - потрескалась сильно.

Потом внимание привлек велосипед. Так и есть – цепь порвалась!

- Вот ведь!.. – спохватился Гар и, аккуратно сняв петлю, слез на землю и поспешил устранить дефект.

Затем взобрался обратно, снова постоял, прощаясь с уютным коттеджем и садом. И заметил, что гадские кошки Кат Нихэль устроили себе сортир под шикарным кустом сортовых пионов.

«Непорядок! – возмутился он. – Люди придут на похороны, а тут кошки нагадили».

Допустить такое безобразие Гаральт не мог ни при каких обстоятельствах.

В конце концов, прыгать с табурета и обратно, каждый раз проверяя удавку, пришлось раз десять. И почтарь притомился.

Жизнь на Эспите, в окружении соседей, чей нрав и возможности давным-давно ведомы, в хорошем доме с устроенным бытом не так уж и плоха. Вдруг в следующей повезет меньше?

Словом, передумал Гаральт Нашвит вешаться. Но когда распутывал веревку, покачнулся, упал и пребольно подвернул лодыжку. Вот незадача-то!

Исил и Кат. Эспит

- Исил! Эй, Исил! – Кат от души побарабанила сначала в дверь, а потом, отбив кулак, постучала в стекло веранды. – Ты там живой?

Притихший среди благоуханных зарослей коттедж Палача молчал, словно вымерший. А может, так и было? Может, кто-то из бывших калитарских узников уже заглянул к доктору Хамнету, чтоб побеседовать о старых добрых временах?

Кат настороженно огляделась. Никого. Эспитцы попрятались

по своим норам, настороженные и чуткие, и сейчас, небось, лихорадочно припоминали, кто кому в Последний День ногу отдавил перед тем, как провалиться в трещину или зажариться… Ветеринарша поежилась, словно ее вдруг сквозняком прихватило. Исил недаром заперся и шторы опустил. Только защитят ли Палача, обнаружившего вдруг, что все его бывшие подопечные обрели не только память, но и свободу, опущенные шторы и дверь, кажущаяся такой хлипкой по сравнению с воротами калитарской тюрьмы?

«О себе бы лучше побеспокоилась, дура», - выругала сама себя госпожа Нихэль. Островитянам есть, что припомнить, и жестокосердной Охотнице. Убить, может, и не убьют, а вот дом подпалить – это запросто.

- Исил! – скорее от страха, чем от злости Кат стукнула в дверь так, что чуть не проломила филенку: - Да открой же! Не отсидишься!

- Тише ты! – прошипел голос доктора непонятно откуда, но точно не из-за двери. – Разоралась!

Госпожа Нихэль недоуменно покрутила головой в поисках соседа. Голос шел снизу, из сокрытого за клумбой с лилиями входа в подвал.

- Или сюда, только быстро! – Палач гостеприимно приоткрыл люк ровно настолько, чтоб пальцем женщину поманить. – И цветы не вытопчи!

По непостижимой прежде причине Исила частенько прямо-таки тянуло в подвал, подальше от общества и света, поближе к тишине подземелий. Ну, теперь-то понятно, в чем дело. Память калитарского Палача, даже неосознанная, но все равно властная.

Впрочем, подвал докторского коттеджа ни в какое сравнение с пыточной в древней тюрьме не шел. Чистый, сухой и достаточно просторный, чтобы без помех предаваться экспериментам в самогоноварении и тут же хранить готовый продукт. Кат огляделась, одобрительно подметив, что мышами не пахнет, хотя, казалось бы, тут им самое раздолье. Эликсиры свои доктор Хамнет создавал из множества ингредиентов, некоторые из которых показались бы дилетанту неожиданными и несъедобными, однако зерно и сахар – это основа основ.

- Угощайся, - пробурчал Исил, кивнув на початую бутыль. Был он нетрезв, небрит и несколько помят, напрочь утратив весь лоск первого эспитского сердееда. Ветеринарша понимающе поморщилась. Не до лоска теперь, тут до следующего утра дожить бы.

- Ты зачем в подвал забился, как мышь под метлу? – осведомилась Кат, сперва подозрительно понюхав, а лишь затем

осторожно пригубив угощение. – Думаешь, тут не найдут, если захотят? – и добавила многозначительно: - Я же нашла.

- А-а, к морским и подземным всё! – вдруг взорвался доктор и смахнул со стола бутылку, по счастью, уже пустую. – Я просто делал свою работу и неплохо делал, кстати. Заботился об них, сучьих детях. Веришь ли, сердцем прикипел к каждому!

- Особенно к каждой, - съязвила Кат, припомнив, что мало какая узница избежала объятий Исила. В большинстве случаев женщины уступали ему добровольно, однако у палача имелись методы убеждения, и кто теперь разберет, где был расчет, а где насилие?

- В своем праве был, - хмуро парировал он.

- Ага, вот и расскажи теперь им про права, вместо того, чтоб в погребе отсиживаться.

Исил скорчил злобную гримасу, передразнивая гостью.

- То-то ты сама ко мне в погреб полезла. А зачем, кстати?

- А зачем ты мне подол решил задрать в Последний День, а? – ветеринарша наставила на него обвиняющий перст и насупила брови.

Исил зажмурился и потряс головой. Потом открыл глаза, посмотрел на суровую госпожу Нихэль и выдавил искреннее:

- Не понял.

- Все ты понял, кобелина.

- Надо было раньше, что ли? – опасливо улыбаясь, попытался отшутиться доктор.

Но Кат Нихэль нынче утром склонности к шуткам не испытывала. И оставлять Исилу пути для отступления, кстати, тоже не собиралась:

- Нет, ну конечно же, надо было дождаться, пока на головы посыплются раскаленные камни, солнце погаснет и земля треснет! – едко поддела она великого островного соблазнителя. – А потом еще и бросить начатое на полдороге!

- Так ведь конец света был, - до Палача дошла суть обвинений, но облегчения он не испытал. Ибо госпожа Нихэль в гневе была страшна, а сейчас ветеринарша определенно пребывала в гневе.

- Вечно у вас, у мужиков, какие-то отговорки дурацкие! – презрительно отмела Кат возражения. – Конец света, чтоб ты знал, не аргумент, - и, деловито оглядевшись, ухватила опешившего доктора за локоть и потащила в угол, на низенький топчан. – Это тебе не пленниц на дыбе растягивать и не девок валить на кушетку.

И если наказание должно быть соразмерно преступлению, то бывший калитарский палач определенно получил свое. Хотя в

таких делах разве поймешь, где преступление, где наказание, а где и вовсе награда? Даже *морским и подземным* бывает сложно разобраться, куда уж людям…

Господин Тай и его женщины. Эспит

В жизни калитарских владык, равно как и эспитских лордов, есть множество обязанностей, но и привилегий хватает. И одна из существенных – калитарскому владыке не нужно бегать за новостями вдоль линии прибоя. Новости приходят сами.

Танет ворвалась вместе с ветром, полная гнева и известий, стремительная и хлесткая, словно удар шелковой плети-девятихвостки, и замерла на пороге. Лорду Таю не нужно было смотреть на нее, он и так знал, что глаза Наложницы блещут молниями, а горло женщины перехватывает спазм от волнения и ненависти, так что говорить она не может.

- Спокойней, Танет, - молвил лорд, не поворачивая головы. – Не отвлекайся, Орва.

Маленькие сильные ладони Орвы, замершие было, вновь принялись разминать плечи повелителя. Даже конец света – не повод прерывать массаж, тем паче, что всё уже случилось.

- Ну, и что наш герой? – осведомился он, дождавшись, пока шумное дыхание Танет выровняется.

- Жив. Бодр, нагл и, похоже, искренне собой гордится, - отчеканила Наложница. – Как балованный кот: нагадил на ковер и рад.

- Он оскорбил тебя, - отметил лорд, переворачиваясь на спину. – Довольно, Орва, благодарю. Подай теперь халат.

- Позволь мне, господин, - Танет помогла ему одеться и, дождавшись благосклонного кивка, продолжила: - Дело не в оскорблении. Этот беспамятный мотылек-однодневка о настоящих оскорблениях не знает вовсе ничего, да и откуда бы ему знать… Это пустое. Но если из-за него всё изменится, если мы станем такими же безмозглыми и слепыми, как он сам, если… - женщина осеклась и подавилась собственным вздохом. – Я выбрала быть с тобой, мой господин, и умереть с тобой. Тогда, и сейчас, и всегда! И не мурранцу в это лезть! Если теперь всё было напрасно… Клянусь, я сама его убью.

Лорд улыбнулся и погладил ее по волосам, успокаивая.

- Если ты этого хочешь, Танет, он не увидит следующего утра. Ты хочешь?

Она колебалась с минуту, прежде чем ответить:

- Нет. Пока не хочу.

- Ну, а ты, Орва? У тебя прежде выбора не было, но теперь ты больше не моя рабыня. И мы не в Калитаре.

- Если бы морским и подземным было угодно, чтобы я была свободной, то я бы родилась не рабыней, - беспокойно повела плечами Орва. – Я была бы другой, такой, как она, - женщина кивнула на Танет, - или как Лив. Но я прежняя, мой господин, я остаюсь все той же Орвой. Не отсылай меня.

- Не отошлю, милая, не бойся. Вот видишь, Танет, нет причин для тревоги. Или ты чувствуешь в себе перемены?

- Я… - Наложница нахмурилась и потрясла головой, словно хотела вытряхнуть из нее беспокойство: - Ты хочешь, чтобы я сомневалась! Нет, никаких перемен. Я всё та же.

- Никому не под силу изменить тебя, если ты этого не хочешь, - кивнул лорд, протягивая руки к обеим своим женщинам и обнимая их разом. – Вы – прежние, вы обе. Ты, Орва, могла бы донести на меня и получить свободу, но не стала. И ты, Танет, сама пришла, чтобы разделить заключение и казнь с мятежником. Даже боги не могут этого отменить.

- Я сделала бы это снова, - прошептала Танет. – Тот последний день в Калитаре… Это был самый прекрасный день.

- Ну так поблагодари мурранца хотя бы за то, что теперь ты это помнишь. Он – всего лишь человек, не делай его слишком значимым. Его свидетельство помогло нам вспомнить первую жизнь и только.

- Но… - подала голос Орва. – Но если теперь он расскажет о нас? И все эти люди снова появятся здесь, чтобы мешать нам, и глазеть на нас, и смеяться над нами, будто мы шуты… Может быть, лучше все-таки его убить, пока он не заговорил?

- Вот-вот, - согласилась Наложница. – И я о том. Мы всегда были осторожны, а теперь…

- Не придется, - прервала этот тревожный ропот Лив, довольно бесцеремонно вторгаясь в обитель лорда Тая. – Ланс будет молчать, а если и заговорит, то так, что ему никто не поверит.

- Ты уверена? – требовательно насела на нее Танет.

- Ты ручаешься? – подхватила Орва.

А господин Тай только бровь выгнул и улыбнулся загадочно. Он-то знал.

- Если я в чем и уверена, то только в том, что Ланс – жадина, - отрезала Стражница. – Он не станет делиться своим Калитаром ни с кем, и дело тут не в деньгах или славе. Нет нужды от него избавляться. Он сделал свое дело и теперь хочет остаться с нами.

- Но он… человек, - возразила Наложница.

- А мы тогда кто? – усмехнулась Лив. – Морские и

подземные?

- А я бы не стал исключать такую возможность, - негромко заметил лорд. – Орва, милая, скажи им то, что недавно говорила мне.

- Я подумала… - нерешительно начала рабыня и осеклась, но, подбодренная кивком господина Тая, продолжила: - Когда Калитар… погиб, должны были погибнуть и наши боги. Но мы… мы ведь были последними и, к тому же, мы были жертвами, посвященными морским и подземным. Что, если они вошли в нас, и наполнили нас… Если кувшин разбит, вино можно разлить и по чашам.

- Хм… - Танет в сомнении прикусила губу. – Ну, хорошо. А как же тогда Келса? Она тоже была с нами в тюрьме, значит, она тоже – чаша? Но мурранец выпустил ее там… тогда…

- Тот, кто мешает правосудию, становится преступником сам, - пожала плечами Лив. – Как знать, вдруг он занял ее место? – и, видя их недоверие, настойчиво продолжала: - Я вот что вспомнила… У меня ведь прежде не было стражника-новичка. Нас всегда было двое, я и пёс. А тут вдруг Ланс… Он был с нами и он умер с нами в наш Последний День. И еще эти стихи… Откуда бы ему знать песню, которой даже нам было не вспомнить?

- Поживем – увидим, - подытожил лорд. – Согласитесь, пока еще рано о чем-то судить. Кстати, у нас есть способ проверить. В следующем году или чуть позже должна вернуться Салда. Или Лунэт. Тогда и узнаем все наверняка. А Лэйгин… Что он намерен делать теперь, Лив?

- О! Я отвела его на старый маяк – после небольшого ремонта там вполне можно жить. И он собирается написать книгу. О Калитаре и о нас.

- Что я говорила? – усмехнулась Танет. – Книга!

- Ну, это будет не научный труд, - Лив улыбнулась. – Просто роман, которому все равно никто не поверит. А нам… Калитару и нам разве не нужен Летописец?

Эпилог

Ланс и Верэн. Год спустя.

Провожать Верэн на пирс пришел только Ланс. Со всеми остальными эспитцами барышня Раинер попрощалась еще накануне. Лорд Тай оказал любезность и разрешил устроить пикник на личном пляже. Никаких особых изысков не затевали, накануне Летнего фестиваля островитяне были по-особенному прижимисты, но танцы под граммофонные пластинки удались на

славу.

Но Ланс все же не упустил случая поговорить с Верэн наедине. За год они как-то незаметно для самих себя крепко подружились. Девушка тянулась к знаниям, а для ученого она представляла собой интереснейший материал для исследований. Как-никак, только Лэйгин и знал, чья душа воплотилась в тело миниатюрной хадрийской девчонки. О том ведал еще Берт Балгайр, но контрабандист бесследно сгинул и не подавал о себе вестей. Оно к лучшему: и Лив спокойнее, и Лансу веселее, и у Верэн перед глазами не маячил вечный соблазн в лице Лазутчика. Девушка исправно трудилась под началом имперской эмиссарши, учила вирнэйский, и прочитала за этот год больше книг, чем за всю свою жизнь. Она вполне вписалась в размеренную жизнь Эспита, но надевать белое платье Куколки на предстоящем Летнем фестивале отказалась наотрез. Как и оставаться на острове.

Как-то в феврале, когда они сидели у Лив, пили чай с яблочным пирогом и собрались перекинуться в картишки, Верэн вдруг заявила:

- Я не хочу вспоминать, кем была. Никогда. Вообще.

Лив ни словечка не сказала, только бровь приподняла, а вслед за хозяйкой навострил ухо дремлющий у печки Перец.

- Я тут думала-думала и всё поняла. Ну, вот что меня потом ждет на Эспите? Вспомню я, что было, как жила и как умирала, а потом-то что? Сидеть безвылазно на острове, ни детей не иметь, ни дома, ни мужа. Сидеть и пережевывать прежнюю жвачку прошлых жизней? А эта жизнь – побоку? Я так не хочу.

И по всему было видно, барышня настроена куда как решительно. А посему отговаривать её никто не стал.

- С другой стороны, девчонка знает, что такое стремиться к большему, - молвила задумчиво Лив, когда они остались одни. – Для крестьянки из благословенного Хадранса, храни его морские и подземные, это не абы какой прогресс.

Контрабандного вина с родины барышни Раинер не хватало всем.

И вот теперь Верэн поджидала пароход, чтобы уехать навсегда.

- Я обязательно буду писать, - пообещала девушка, трогательно прижимая кулачки к груди.

- Непременно, особенно если твой красавчик раздумает жениться, - усмехнулся Ланс. – Лорд Тай может и до её величества дойти, ты так ему и скажи.

- Ренард не такой! – возмутилась было хадрийка, но вовремя вспомнила, что господин археолог большой любитель подшутить.

– Да ну вас! Мы же по-настоящему друг друга любим.

- Даже не сомневаюсь. Совет вам и любовь.

Первого помощника «Корентайн» можно понять. Вот так, из чистого любопытства, сходишь на берег на крошечном островке и ничего особенного от скучных эспитцев не ждешь, а тут прямо в эмиссариате такое чудо за пишущей машинкой сидит: глазастое, улыбчивое, солнечное, невинное и шустрое. И куда Ренарду Нилу деваться было? Только влюбиться и только взаимно.

Шутки Ланс Лэйгин шутил, потому как первый помощник слово свое в первом же порту сдержит, как только успеет добежать до ближайшего магистрата. И, само собой, никто никому писем писать не будет. До писем ли молодым и счастливым? Не смешите, ради морских и подземных, господа.

С борта «Корентайн» спустили лодку, и гребцы бойко заработали на веслах, торопясь доставить на берег одних пассажиров и забрать невесту первого помощника.

- Открыточку черкни, чтобы мы знали – у тебя все хорошо, договорились?

Но Верэн уже затрепетала вся, схватила саквояжик и в один миг думать забыла о Эспите, выглядывая издали своего суженого.

К слову, Лансу тоже не долго думалось о странной судьбе Верэн Раинер. Ибо из причалившей к этому времени лодки на пирс вышли две женщины. Одна – белокурая и высокая, тоненькая как тростиночка барышня с этюдником, а другая – Фрэн Тэранс, и тоже не с пустыми руками. Она лукаво подмигнула, когда тяжелую швейную машинку в фанерном чехле подхватил Ланс.

- Вы вернулись? Надолго?

- Думаю, что навсегда, - сказала ведьма. – Дайон – хорошо, но на Эспите все свои. - И чтобы не возникло лишних вопросов, сразу разъяснила диспозицию: - Одна буду жить.

Вдали от Мерерид младшая Тэранс расцвела, но так и не смогла прижиться в чужом городе. Впрочем, её маменька в отсутствии дочери тоже сбросила десяток лет долой. Разлука пошла обеим женщинам только на пользу.

- А это кто? – тихонько спросил Ланс, кивнув на белокурую попутчицу.

- Художница, - хмыкнула Фрэн. – Начинающая. В поисках вдохновения. И смысла жизни.

- Позвольте приветствовать вас на острове Эспит, - поприветствовал новенькую Ланс, приподняв легкую шляпу и представившись. – Я – археолог.

- Анэйс Мирейл, - прошептала девушка. – Я так рада!

- Взаимно. Позвольте, я помогу вас с багажом?

Но художница, казалось, не слышала ни слова. Она

восторженно глазела вокруг широко распахнутыми синими глазами.

- Как тут красиво! О! У вас тут даже автомобили есть?

Ланс оглянулся и увидел «*айр эмэри*». Лорд Тай пожаловал, как всегда, не один. За рулем сидела Танет и курила сигарету.

Фрэн охотно сделала реверанс лорду и небрежно кивнула Наложнице. А пока те здоровались с новоприбывшей, решительно отобрала у Ланса машинку и зашагала в сторону, противоположную от своего прежнего дома.

- Вечером жду вас в гости, Лэйгин. С дамой Тенар и рукописью, - строго напомнил Варден Тай.

- Так вы еще и писатель! – восхитилась Салда… То есть, пока еще Анэйс.

- Начинающий, - поскромничал Ланс.

Сюзерен острова тем временем легонько тронул своего прекрасного шофера за плечо, приказывая возвращаться в поместье. А когда они отъехали на достаточное расстояние, молвил сыто:

- Видишь, Танет, мы были правы. Салда вернулась, а значит…

- Вернулась, но пока не вспомнила. Рановато для выводов, мой господин. А если она так и не вспомнит, что это будет значить тогда?

- Только то, что у всех нас теперь есть выбор, - улыбнулся господин Тай и откинулся на спинку сиденья, закрыв глаза и подставив лицо солнцу.

А вечер выдался просто изумительный. Солнце за день нагрело каменный пол на террасе, хоть босыми ногами ходи, цветы благоухали, привлекая бражников, а ветер, долетавший с моря, едва заметно шевелил занавеси. Орва расстаралась и на десерт сделала профитроли с апельсиновым желе и сливками, которые просто таяли во рту.

Наконец смолкли разговоры, и лорд Варден плеснул себе вирнэйского в тяжелый стакан, любуясь всеми оттенками соломенного благородного напитка.

- Итак, Лэйгин, вы уже готовы познакомить нас с вашим творчеством? Мы полны внимания.

Когда высокий господин просит, то никто не в силах отказать. Перец и его мохнатые родичи устроились на лежанках поудобнее и как по команде уставились на Ланса в ожидании. Не говоря уж о даме Тенар, докторе Хамнете и Кат Нихэль. Танет, чтобы поберечь горло чтеца, притушила сигару и тщательно разогнала ладошками дым. Орва взяла рукоделие и пристроилась в сторонке. У кого-кого, а у неё слух отличный.

Смущенный Ланс откашлялся, но с нескрываемым торжеством открыл толстую папку с рукописью. На прощание Верэн перепечатала роман начисто, хоть прямо сейчас засылай его издателю.

- Кхм… Ну, слушайте. «*Публичные лекции профессора Аделарда пользовались огромным успехом, особенно у молоденьких студенток…*»

Конец

Санкт-Петербург - Харьков

2011-2012г

Обращение магазина «Литмаркет»

Уважаемые читатели! Если Вы скачали эту книгу в одной из нелицензионных библиотек, пожалуйста приобретите ее в магазине «Литмаркет» - этим вы отблагодарите автора и поспособствуете созданию новых хороших книг.

[image]

Для всех, кто разместит книгу в нелицензионной библиотеке: Пожалуйста, не убирайте этот текст и ссылки на магазин.

Приложение

Рецепты острова Эспит

1. Хадрийский яблочный пирог

Начинка: 1 кг твердых кисло-сладких яблок порезать, удалить сердцевину, сбрызнуть лимонным соком, посыпать сахарным песком и тушить на сливочном масле около 15 минут.

Тесто: взять 180 гр муки,1 ст.л сахарного песка, щепотку соли, 90 гр размягченного сливочного масла.

Все перетереть руками, что бы получилась крошка. Добавить 1-2 кусочка льда и пару столовых ложек холодной воды, замесить крутое тесто.

Приготовление: форму смазать маргарином, переложить туда тесто, тщательно распределить его по дну формы, по краям сделать бортик. Выложить слой приготовленных яблок, присыпать корицей.

Выпекать в разогретой до 160-170 С духовке около 40 минут.

Вынуть, побросать на яблочную начинку кусочки сливочного масла, присыпать сахарным песком и снова поставить в духовку на 5 минут при t 200 С.

2. Ножка ягнёнка по-эспитски

Ножку ягнёнка натереть солью и розмарином, обмазать сливочным маслом, нашпиговать чесноком и запекать до готовности при температуре 200°С. Блюдо подают тёплым.

3. Вирнейские блины из смеси гречневой и пшеничной муки

200г просеянной пшеничной муки 3 ст.ложки гречневой муки 2 ст. ложки раст. масла (или 50г сливочного) 2 яйца 75 г сливочного масла 1 стакан молока 1 стакан воды Смешать муку и соль в широкой миске, сделать в центре углубление, налить сначала молоко, потом воду в центр, постоянно помешивая. Когда размешается, вбить яйца по одному, каждый раз размешивая до однородности. Оставить на час (минимум!). Чем дольше постоит, тем более вязким будет тесто. Можно использовать только белки, тогда их надо 4. Жарить блины на разогретой сковороде, переворачивая. Испеченные блины следует накрыть, чтобы пар их размягчил.

Начинка может быть любой: сыр, ветчина, яйца, грибы (лисички, белые), сёмга или форель, морепродукты. А также блины могут быть с камамбером, ливаро, яблоками в карамели, политыми горящим кальвадосом.

4. Профитроли лорда Тая с апельсиновым желе и сливками

мука – 200 г
соль – 1-2 щепотки
масло сливочное - 100 г
яйца – 6 шт
апельсины – 1 шт.
сливки жирностью не менее 30% – 200 г
сахар – 3 ст.л.
желатин в гранулах – 1 ч. л.

Приготовление:

1. Муку просеять на бумагу. В глубокой сковороде довести до кипения 250 мл воды, затем добавить сливочное масло и соль, убавить огонь до минимума. Взять бумагу с мукой так, чтобы получился желобок, и, непрерывно размешивая венчиком, всыпать в сковороду муку. Вымешивать, не снимая с огня, до получения однородной массы.

2. Снять сковороду с огня. Через 2 мин. вбить в тесто 2 яйца, перемешать. Переложить тесто в миску, добавить оставшиеся яйца. Взбивать тесто деревянной ложкой, пока не получится блестящая однородная масса.

3. Разогреть духовку до 200˚С. Противень смазать небольшим количеством сливочного масла и присыпать мукой.

4. Получившееся тесто переложить в кулинарный мешок. Выкладывать тесто из мешка на противень кружками размером с грецкий орех. Поставить в духовку и выпекать 10 мин. Увеличить температуру до 220˚С и готовить еще 10-15 мин.

5. Вынуть противень с профитролями из духовки. Готовые булочки проколоть с одной стороны, чтобы выпустить пар. Переложить на решетку и дать остыть. Небольшим острым ножом или ножницами сделать надрез сверху каждой булочки. Он должен быть такого размера, чтобы внутрь можно было с помощью чайной ложки положить начинку.

6. Желатин замочить в 50 мл теплой кипяченой воды. Апельсин очистить от кожуры, пленок и косточек. С помощью пестика размять в пюре апельсиновую мякоть и 2 ст. л. сахара. Добавить желатин, перемешать до полного растворения гранул. На дно каждой булочки положить немного апельсинового желе. Сливки взбить с сахаром, выложить их сверху желе. Через небольшое сито присыпать профитроли сахарной пудрой.

Приятного аппетита, дорогие читатели!

notes

Примечания

1

Бон – денежная единица республики Мурран

2

Галль – мурранская мелкая монета (100 галль – 1 бон)

3

Цитата из книги М. Хайдеггера «Преодоление метафизики»

4

Орик – мелкая монета Империи Вирнэй (100 ориков – 1 эви)

5

Мола – культовове сооружение

6

Эви – имперская денежная единица

7

Цмин - бессмертник

8

Верес - можжевельник

9

Сельдяной король – или рыба-ремень, полуглубоководная рыба, длиной до 5,5 метров. Промысловой ценности не представляет